

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

М. М. ТРАПШ

Т Р У Д Ы

•

В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ V

Сухум – 2025

УДК 902/904
ББК 63.4(5Абх)я43
Т 65

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных
исследований им. Д.И. Гулиа АНА

Редакционная коллегия:

А. Е. Ашуба, И. И. Цвинариа, А. Ю. Скаков,
Г. А. Сангулиа, В. А. Ньюшков, Р. У. Мамац-ипа

Научный редактор:
Джопуа А. И.

М. М. ТРАПШ

Т Р У Д Ы. В пяти томах. Том V. Сборник статей и отчетов /

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, АНА.

Сухум: Дом печати, 2025. – 360 с.

Г/р 978-5-111-34-06025

М. М. ТРАПШ

СБОРНИК СТАТЕЙ и ОТЧЕТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

М. М. Трапш — выдающийся абхазский археолог, чей вклад в изучение исторического и культурного наследия Абхазии невозможно переоценить. Его исследования охватывают широкий спектр от палеолита до средневековых памятников. Под руководством М. М. Трапша были проведены многочисленные раскопки разных регионов Абхазии, которые привели к значительным открытиям в области археологической науки.

На сегодняшний день составление сборника трудов ученого является важным для сохранения исторического наследия. М.М. Трапш оставил после себя множество работ, которые являются фундаментальными в отечественной археологической науке. Пятый том трудов включает работы, посвященные истории и археологии Абхазии. В него вошли многочисленные статьи, доклады, написанные в соавторстве с известными учеными, так и отдельно, помещенные на страницах не только абхазской, но и зарубежной печати. Работы написаны на абхазском и на русском языках. Отдельно публикуется автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Впервые публикуются отчёты, которые были найдены с большим трудом. Этот том является не только данью уважения к научному наследию М. М. Трапш, но и важным ресурсом для новых поколений ученых, стремящихся продолжить дело изучения и понимания нашего прошлого.

К сожалению, мы не смогли восстановить таблицы и рисунки из-за плохого качества изображений в публикациях.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, тех, кому дорога и кто интересуется археологией, историей Абхазии и всего Кавказа.

А.И. Джопуа

1. АФОН ИААРЦШЫЗ АРХЕОЛОГИАТЭ ЦХЫМЦАКЭА РЗЫ

Абжъаратэи ашэышықэсқэа раан Ацсны агафэафы, уажэтэи Афон (Гьсырзха) иахьатцанакуа атыңан икан Анакоциа захьзыз ақалақы азхыхьчарта абааи. Анакоциатэи ахыхьчарта абаа ацэынхақэа иахьа- уажэраанзагы ишыақэханы икоуп, амшын афынтэи 250-300 метр ифахаракны, Ивертэи ашыха хэа изышытоу афны.

Анакоциатэи абаа, Ацсны мацараз адагы, Кавказ Амшын еиқэа афыкэ зеггы азы даараза акрызцазкуаз хыхьчагатэ ргыламтаны, баагэара гэгэаны икан. Хара хэра калаанза VII-тэи ашэышы қэсаан ари абаа ыкан Амрашэаратэи Ацсынрафэи иқэынхоз абазгаа рахтынра иацентрны, уи иагэгэартаз пункт дуны; ашытахь, VIII-тэи ашэышықэса антэамтазы ари абаа акэша-мыкэша икалеит еидтаз ацсуа ахра, хтнықалақьс иара Анакоциа зауз.

Анакоциатэи абаа территорияла акыр амеханакуеит, уи иатцанакуеит 70.000 метр цшыркца инареиханы адгыл. Абаа ахата катцоуп ахыхьчагатэ линия (абаагэара) хадақэа фаба атаны. Арыгэгэарта актэи алиния – ацитадель катцоуп ашыха ақэцаафэи ф-башниак хықэыргыланы. Ацитадель иатцанакуаз атың шмачызгы (уи аура назоит 83 метр, атбаара 37 метр), акырза изықэгэыгуаз рыгэгэартаны икан. Уи атзқэа рфыгхара метрак атқысгы еихауп, насггы иара агэара зегь неимазакны ахаракра 4-5 метр ифазо иахьа уажэраанзагы иаанханы икоуп. Ацитадель атзқэа катцоуп акыри, ацслымзи, ахахэ-ссеи еилартэаны, цыара-цыара ақырмыт жэпақэагы алоуп. Атзқэа злакатцоу акыыр еилартэах уафэи имбац ала игэгэоуп.

Абаа иахагылоу амрагыларатэи амрашэаратэи абашниакэа ацитадель атзыварақэа ирымадазам, ус анакэха арт абашниакэа аныкартаз ашытахь акэхап. Гьшь-ганк зтаны иргылаз абашниа – уи иаха ихаракны, ирыгэгэаны ауп ишыкатцоу. Абашниа афнутцкатэи атзқэа рфны атыккарақэа шыақэханы икоуп, хыхьтэи аетаж атакатэи атуан иатцартцоз ахэыблқэа рыхқэа рықэцартақэа роуп

урт. Ахэыблқэа рықэцарта атыккарақэа рыриадқэа рхыцхьазарала уафэи идьруеит афенцыркэеи ахысыртақэеи аханы абашниа цшь-еитажкны ишыкатцаз.

Абаа афнутцка икан азтатэарта цецьки, абсидк змаз уахэамаки. Атець ахыкэз ауахэама аварафэцтэка акэын, уи абаа ацитадель аныкартауаз иацкартаз акы ауп. Атець акыр инартцауланы, ацакэа иагэылахаланы икатцоуп, акыыр тыршаны. Ари атець иахьагы зейцшыкам азыржэтэ амоуп, уи зыхьны итцхэраа уа ифеиуазар калап.

Ахыхьчарта афбатэи алиния, ацитадель илацэхыкны иласкыган икатцоу атзқэа хца амоуп; аладатэи, амрашэаратэи, амрагыларатэи.

Арт атзқэа зеггы иаарылукаартэ реиха ирыгэгэаны икатцоу аладатэи аганахь икоу атзы ауп; уи иамоуп абашниакэа быжьба, Гьсырзха азхыкэ афкьарста инаркны ашыха-наара ифықэтаны, ишиашоу акэымкэа инартэи-аартэиуа инашьтуп Мысра азхыкэ афкьарстафэи абаа ахьаантэо акэындыхэ афынза.

Абаа аталарта гэашэқэас иамаз ахыкэз алада-мраташэарахьтэи акэындыхэ афэи абашниа игылаз афны акэын. Ари абашниа Анакоциатэи збаа афэи зегь реиха идуз башниан, уи гэгэала егыахьчон абаа аталарта агэашэқэа. Абаа агэашэқэа рышка ила-газ ажэйтэтэи амфа-па абаагэара акэындыхэ афэи игылаз абашниа инатжьны акэын ишгаз, армарахь иаахартэиины. Ақэылаф абаа агэашэқэа рахь днеиуазар, анаара фкьарста дафымскэа дыз-неиуамызт; анаара ибзианы уафэи ибартан ахьчафцаа ахьтатэаз абашниа афынтэи, насггы уантэи ага ааха гэгэа итара алшо икан. Абаа агэашэқэа рфацхьа икатцан, абашниа даахыкэшаны ақэылаф анеира иеазикыр дахьнанагашаз шыакьастара тшэа хэычык. Иаххэап, ага агэашэ иганы дкаларгы, уи дышиашаз абаа афнутцка дызталомызт, иара днанагон хадара змаз абашниа ашытахь иказ штэ хэычык афны, уака ибашниа афнытэи ақэылаф азалп ижэтцаны ааха гэгэаза итара алнаршон. Аладатэи атзыварақэа рганахьтэала ишиашо абаа аталара залшомызт, избан акэзар иаха иахьшэартэз ари аганафэи иаман абашниакэа быжьба, урт уафэи дзыкэгэыгшаз хыхьчага гэгэартаны икан.

Ишаабо еипш, анакоциатэи арыгэгэарта афбатэи алиния (абаагэара) асистема даараза иазхэыцны икатцан, ашыха наара ата-

гылазашыағы иатхкээз зеггы хасаб рзуны. Ари ахыхчартатэ баа-гэара асистема каттахейт уанзатэи ахыхчартатэ баакэа рыргы-лараан апышэакэа ироуз абзоурала, урт рхархэарала.

Машэыршакэ акэзам, 737–738 шыкэскэа рзы Мерван-ибн-Мухаммед ихадарала, зхыпхызара рацээз ацымцэа рыр Анакоциа ргарацы ианакэлазтэи аибашыра аан ратцархара шыкалаз. Акыртуа тоурыхѳы Цыуаншыер ишихэо ала, ускан Мерван инапағы иааигейт Кавказ зеггы, Дербент инаркны Ацснынза, еимитцэейт акыр акалакыкэеи абаакэеи; еилапиххаит Лазика ахтны-калакы Цихи-Годжу, Кылашэыртэи абаагэара, Ацснйтэи акалакы Цхуми (Акэа). Урт ркны даанымфаскэа, Мерван ир иманы Анакоциа дажэлейт, аха ари ажэыларағы ацымцэа рыр аттахейт, урт ркомандир Мервангы даргы уаха фаахэыра рмоуа Ацсны икэтцны ицейт.

Ишдыру еипш, VII-тэи ашэышыкэса аѳбатэи азбжа аани VIII-тэи ашэышыкэса актэи азбжа аани ацымцэа рхэынтқарра зымчхара гэгээз хэынтқарраны икан; ускантэи аамтазы ацымтэ хэынтқарра иамаз ар цыапхан-хкыс иказ зеггырыла еибытан. Ацымцэа Дамаск икартоз ацыртэ бцар адунеи зеггы ағы еицырдыруан. Аха Анакоциа иамаз астратегиятэ тагылазашыа бзиеи, ахыхчагатэ баагэара гэгэеи рыбзоурала иара ахычаѳцэа алшара роуит фырхатцаралатэѳа ацымцэа рыр ааха гэгэа рытаны ратцарахарағы.

Қырттэылатэи ССР анаукакэа Ракадемия, абызшэеи, алитерату-рей, атоурыхи Ацснйтэи ринститут наукала цшыхэрақак мѳац-нагейт 1957 шыкэсазы, абаакэа рыхычаразы Ацснйтэи АССР акуль-тура аминистрра ағтэи акэшала Ивертэи ашыхағы ажэытэзатэи аргыларакэа ррыцкыара ианалага. Ара археологиятэ цшыхэра мѳацысуан абаа аладатэи аган иахыаду акны икоу ахзкэа рғы, чыдалагы 3-тэи, 4-тэи, 5-тэи абашниакэа рғы, убаскан уа егыарпшын ауахэама хэычы ацэынха-мынхақэа.

Абызшэеи, алитературей, атоурыхи Ацснйтэи ринститут 1958 шыкэсазы еифнакаит археологиятэ экспедиция, уи аекспедиция 1957 шыкэсазы ара напыркыз аус цхыака инаццаны аитцыхра аеазнажит. Археологиятэ экспедиция ағацхыа икэгылан ахыхчартэ абаа аладатэи ахзы еилкааны агэатарей, ашыха наара иад-катцалоу абаагэара инартцуланы цшыхэра азуны аилкаарей руснагзатэ. Чыдала аекспедиция аусура азкын Анакопиатэи абаағы ишыақэханы икоу абакатэ цэынхақэа аарпшны итцаны, урт аамтас

изцазкуеи, ртоурыхтэ казшыақэеи, дара зызкызи, насгы ари абаа Ацснйтэи егырт абаакэа иаарылукаартэ излакоуи, тыпс иамоуи рышыақэыргылара.

Анакопиатэи археологиятэ экспедиция, Ацснйтэи анаукатэ институт еифнакааз, 1957–1958 шыкэскэа рзы иалнаршейт ахыхчартэ абаа 3-тэи, 4-тэи, 5-тэи, 6-тэи, 7-тэи абашниакэа црыцкыааны игэатаны, уахэамаки, акыыр блыртаки, кыырсиан цасла уа ижыз 11-ѳык ауаа рызкэа тыпкэеи рыбаѳкэеи раарпшра.

Абаа аладатэи ахыхчартэ ахызкэа рғы икоу абашниакэа тыжааны ргэатарала еилкаахейт урт иаахыргыежыны, пшыба-пшыба кэындыхэ рытаны иара атзы ахата иналыркыны ишыкатцаз, акэылаѳ дааир афлангахытэ уи иеихсра маншэалахартэ еипш. Урт абашниакэа шамаха зеггы 3-4 стаж еихагылан, кыцла ихыбны. Абсидк зманы абаа аѳнутка иаарпшыз ауахэама хэычы аныкатцаз XI-тэи ашэышыкэсазы ауп. Убас археологиятэ экспедиция аусура аан 1958 шыкэсазы ара ирбаз акыырблыга апечака агыеж форма амоуп, аварағы амца татцартэ аткара атаны. Ари хара иахнарбойт Анакопиатэи абаа аѳбатэи алиния аныкартоз аамтазы рхы иадырхэоз акыыр, накынтэи иаамгакэа, ара атыцан ишырбылуаз.

Анакопиатэи абағы археологиятэ экспедиция иаанарпшыз археологиятэ материалкэа рғы ирацэоуп анышэапшы иалхны икатцаз ачыс матэакэа рцэынхақэа – рыпчыхақэа. Убас арака иаарпшын анхамѳағы ускан рхы иадырхэоз акыр аматэахэкэа, абцаркэа, ацара-фырпкэа ухэа егыртгы. Анакопиатэи ахыхчартэ аѳбатэи алинияғы хыпхызара рацэала ирбаз ачыс матэа апчыхақэа шахатра руейт, абаағы иказ ауаа рынхамѳатэ бзазарағы рыѳнытэ бзазарағы анышэапшы лых акырза атцанакуа ишыказ.

Анхамѳағы рхы иадырхэоз амыругакэа ма еихатэ-лыхын, мамзаргы хахэтэ-лыхын. Аихатэ-лыхкэа ирейуоуп акыга, ацакыа, амыркатыл, ацкэа змаз амагана. Ахахэтэ-лыхкэа хэа иказ ирейуан азлагара алу, адардха, амакыацсыс. Арака анышэ итцыхыз адардхақэа шахатра руейт абаағы иказ ахэса реихараѳык усс рнапы злакыз ахахареи ацареи шракэыз. Археологиятэ усурақэа раан ара анышэ итцхны иаарпшыз ацара-фырпкэа 15 екземплиар ыкоуп. Урт рахытэ 13 цара-фырп бѳтэакоуп, ѳба разынтэакоуп. Аразынтэ цара-фырпкэа руак ада, егырт ацара-фырпкэа зеггы Византиантэи иаагоуп. Абѳатэ цара-фырпкэа хызы рынзам, урт XI-тэи ашэышыкэса

иатцанакуеит; ганкахы ирнуп Иисус Христос исакха, агырахытэи рганкэа рфы еитаганы иакхэозар бырзен бызшэала абас афыра рнуп: «Христос – акхэинткарцэа дырхэинткаруп». Афбатэи абашниафы анышэ итырхыз авизантиатэ разын цара-фырп бырзен бызшэала византиатэи аимператор Константин Мономах (1042-1054 шш.) ихыз ануп. Аахытц-Кавказ атерриторияфы ари афыза ацара-фырп уажэраанза имаапшыцыт.

Ацшыбатэи абашниафы анышэ итхыз аразынтэ цара-фырп, хыхы ишаххэаз еипш, атыцантэиуп, уи азганк афы анцэа-ран лсахыа ануп, егырахытэи аганафы иануп кыртуа нбанла абас афыра: «Христэ! Урзылпха ацсуаа р-Гьаргы, акырткэа рхэинткарэи, насгы акесароси». Ари ацара-фырп XI-тэи ашэшыкэса 90-тэи ашыкэска раантэн цара-фырпуп.

1957-1958 шыкэскаа рзы Афон араион афы Анакотиатэи абаакны имцапгаз археологиатэ усуракэа рылтшэакэа рыла иакхэар калоит. Ивертэи ашыха аладатэи акалтафы ауаа ыкэнага-лазар калап хара хера калаанза ахпатэи азкышыкэсазы хэа. Арака ауаа ыкэынхауан ашытахытэи археологиатэ эпохакэа рангы. Аратэи абакакэа ишахдырбо ала, хара хера калаанза IV-II-тэи ашэшыкэскаа раан Анакотиа акны инхоз атыцантэи ауааи ажэйтэзатэи Бырзентэыла акыр ацентркэеи ахэхэхэтратэ-экономикатэ еимадара рыман. Ари ас шакэу агэра хзыргауа акыр археологиатэ материалкэа ыкоуп.

Анакотиатэи ахыхьчартэ абаа афбатэи алиниафы иаарпшу акыр археологиатэ бакакэа ара атыцан инхоз ауаа рнапы иканатцакэаз ракэны икоуп. Урт ацанакуеит хара хера VII-XII-тэи ашэшыкэскаа раамта.

Атыцан инхоз ауаа рнапылакатамтакэа иреиуоу анхамфатэи абазаратэи хархэагакэа рцэынхакэеи, анышэапшытэ-лых матэахэ-кэа рыцэыхакэеи рфрагменткэа ишахырбо ала иакхэар калоит, Анакотиатэи абаа ахыхьчартэ аабатэи алиниа (абаагэара) атыцан инхоз ауаа рнапала икатцан хэа.

VII-XII-тэи ашэшыкэскаа раамта аан Ивертэи ашыхафы игылан акыр анхартатэ хыбракэа, урт реихарак амфых матэахэ иалхзар каларын, ускан иказ ахыбракэа ркэырчахакаа иреиуоуп ара иаарпшу акыцкэа, акырымткэа, ахахэцэкаа, акыреилартэа ухэа убас егыртгы.

Афон иатцанакуаны икоу Анакотиатэи абаа абашниакэа реилкаареи рцареи рыбзоурала иакхэар алшоит, анакотиатэи ахыхьчартэ афбатэи алиниа ргылан хара хера VII-тэи ашэшыкэса аамтазы хэа. Анакотиатэи абааи иара акэша-мыкэшатэи ахыпи, иааипмыркыазакэа аринахысгы планеиуаршэала наукала реилкаареи рцареи рус амцапгалара, хэарада, иалнаршоит абжыратэ-шэышыкэсакэа раантэи Ацсны атоурых азы аматериал фыцкэа раиура. Ари аус хшыфзышэтра артэроуп анаука аусзуфцэа-археологцэа.

Ажурнал «Алашара».
Акэа. 1959 ш., №6. ад. 66-69

2. ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ИНВЕНТАРЕМ СКИФСКОГО ТИПА В СЕЛЕ КУЛАНУРХВА

I

В июле 1948 года мною была произведена археологическая разведка в поселке Абгаюара селения Куланурхва Гудаутского района Абхазской АССР и обнаружено там древнее грунтовое погребение с богатым инвентарем колхидской бронзы.¹

В инвентарь находки входят: пять колхидских («кобанских») топоров типа «б» и «г» по классификации П. С. Уваровой (из них один – с фигурой собаки на обухе, другой – на полой разрезной бронзовой рукояти); три браслета (один фигурный, остальные два широкие, цилиндрической формы); 18 пронизей конической формы (с кнопкообразной головкой – 16, с заостренным кончиком – 2); схематическое изображение летящей птицы с подвесками наподобие рыб; цепочки; поясная пряжка; бусы (сердоликовые – 140 штук, стеклянные – 50, пастовые – 12) и другие предметы.

История обнаружения этого нового интересного памятника заслуживает быть отмеченной. Имея еще раньше сведения об археологических находках в указанном поселке, я прежде всего приступил к тщательному осмотру и изучению данной местности. В результате осмотра на одном месте была обнаружена наполовину выступавшая из земли пластинка 3-сантиметровой длины из тонкой листовой бронзы, с черной блестящей патиной по поверхности.

На этом месте с юго-востока на северо-запад мною была заложена траншея размером 1х3 м. При первом же ударе киркой

¹ Краткие сведения об этой находке и о результатах исследования в посёлке Абгаюара мною опубликованы в газ. «Советская Абхазия» от 31 декабря 1948 года в статье «Археологические раскопки в сел. Куланурхва» и в сообщении, помещенном в Трудах Абхазского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР. Т. XXIII, Сухуми, 1950. С. 183.

под растительным слоем были обнаружены еще несколько бронзовых пластинок, аналогичных предыдущей.

На расстоянии одного метра к северо-западу от этих пластинок, на глубине 20 см, в слое темновато-серой глины, была замечена большая берцовая кость человеческой ноги.

Обнаружив кость, я наметил площадь размером 1х2 метра и начал снимать землю тонкими слоями, благодаря чему был вскрыт весь человеческий костяк без малейшего нарушения первоначального положения погребенного и положенного с ним инвентаря. Скелет лежал на дне могильной ямы, на спине, в вытянутом положении, с ориентацией головы на юго-запад, к морю.

Об этой находке были мною информированы директор Института истории им. акад. И. А. Джавахишвили действительный член Академии наук Грузинской ССР проф. Н. А. Бердзенишвили и мой руководитель тогда по аспирантской учебе проф. Г. К. Ниорадзе.

Осенью 1948 года я был командирован для производства археологических раскопок в указанное селение Куланурхва.

Селение Куланурхва находится к северо-востоку от города Гудаута и расположено между двумя реками: с запада река Гудоу, с востока река Дахуарта. Этимология названия Куланурхва, отражающего родовой характер древнего поселения на данной территории, объясняется как «холм или возвышенность рода Кулан» (отдельные представители этого рода жили в данном селе до начала XX века). Слово это состоит из следующих составных частей: родовое имя (ყულან), показатель множественности (რ) и холм или возвышенность (ბუა).

В центральной части Куланурхва, в 5 км от гор. Гудаута, на нескольких холмах и в низинах расположен посёлок Абгаюара.

Около северной окраины этого поселка имеется довольно высокая возвышенность с тремя хорошо выраженными склонами: на юго-восток, юго-запад и северо-запад. Северо-западный склон круто обрывается в глубокий овраг Джинджика, заросший кустарниками (чинар, дуб и др.). Юго-западный и юго-восточный склоны постепенно понижаются в направлении к посёлку Абгаюара, причем через последний склон проходит грунтовая дорога, ведущая в селение Дурипш. С вершины этой возвышенности, носящей местное название «Аджра», что в переводе с абхазского

означает «Дубовая роща», открывается широкая панорама на Черное море и вид на город Гудаута.

Поверхность Аджра была ранее покрыта густым дубовым лесом, который был вырублен в начале XX столетия для использования этой местности под посевы. Вырубка леса на крутых склонах повлекла за собой эрозию почвы, в результате чего поверхностными водами почвенный покров был в значительной степени смыт. Этим следует объяснить то, что при обработке пахотной земли на юго-восточном склоне возвышенности Аджра крестьяне часто находили под растительным слоем разные металлические предметы. Они думали, что эти предметы из драгоценного металла, собирали их и прятали. Когда же впоследствии выяснилось, что эти вещи бронзовые, крестьяне перестали их собирать и если находили, то просто выбрасывали под заборы, в кустарники, на дорогу и т. д. Лишь некоторая часть из этих предметов была собрана мною у колхозников во время раскопок.

Таким образом, на этом участке продолжительное время постоянно разрушались и уничтожались драгоценнейшие исторические памятники древности.

Руководствуясь личными наблюдениями и указаниями колхозников, я решил выбрать для исследования северо-западную часть юго-восточного склона в районе первоначальной находки, где редко обрабатывалась земля под посевы ввиду плохого качества почвы.

Раскопки были начаты 23 сентября 1948 года. Они велись закладками траншей. Траншеи разбивались на квадраты, стороны которых равнялись одному метру. Глубина траншей доводилась до полного исчезновения культурных остатков.

Почва на возвышенности Аджра и ее склонах – твердая и сухая. Она представляет собой темновато-серую глину, содержащую известняковые камни и конгломераты. Подпочва состоит из обычной для этой местности желтоватой глины.

Произведенные раскопки дали большой дополнительный материал. Было вскрыто еще четыре грунтовых погребения: три человеческих и одно конское. Из них два погребения – 2 и 3 – также содержали инвентарь колхидской бронзы: браслеты, цепочки с очкообразными привесками, скульптурные фигуры животных,

фибулы, бусы, крестообразная подвеска и многие другие вещи.

Остальные погребения – четвертое (конское) и пятое – содержали инвентарь скифского типа (напр., наконечники стрел, удила, псалии).

Раскопанный материал в сел. Куланурхва важен не только для датировки колхидской («кобанской») культуры, но еще более как показатель связей Кавказа со Скифией.

В данной статье мы рассмотрим погребения со скифским инвентарем – четвертое и пятое, к описанию которых и переходим.

Погребение 4-е, конское. При рытье очередной траншеи на глубине 15 см от поверхности земли показалось стремяновидное ушко бронзовых удил. По этому следу был вскрыт череп лошади, а затем и весь костяк, располагавшийся посередине грунтовой дороги. Остов коня, находившийся на глубине 20 см от поверхности земли, лежал на дне ямы, на правом боку, головою на юго-запад, к морю. Площадь погребальной ямы – 2X2 метра. Череп и шейные позвонки в основном были хорошей сохранности. Ноги, за исключением нескольких обломков, отсутствовали. Ребра плохой сохранности (большая часть сгнила).

При остова коня найдены следующие вещи: 1) в зубах бронзовые удила со стремяновидными ушками (№ 51); 2) с обеих сторон челюсти у петель удил находились железные псалии (два экземпляра, №№ 52, 53) с тремя петлями или отверстиями и слегка изогнутым верхним концом (одна из псалий плохой сохранности, половина ее изъедена ржавчиной и превратилась в мельчайшие фрагменты); 3) ниже шейных позвонков и по остову коня в разрозненном виде лежало несколько обломков глиняных сосудов (№ 54).

Следует отметить, что это погребение и площадь вокруг него были тщательно раскопаны, но никаких следов человеческого костяка не было обнаружено.

Погребение 5-е, мужское. В семи метрах к северу от четвертого погребения, на глубине 15 см, были обнаружены обломки глиняных сосудов. К западу от этих черепков, на расстоянии 30 см, были замечены бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа, сложенные в кучу у нижней части берцовой кости левой человеческой ноги. Затем была намечена площадь 1x2 ме-

тра, которая была раскопана тонкими слоями, и был вскрыт весь человеческий костяк. Могильная яма 1х2 метра глубиной 20 см. расположена посередине грунтовой дороги. Костяк лежал на дне ямы, на спине, в вытянутом положении, с ориентацией головы на юго-запад, к морю. Череп был раздавлен. Грудная клетка, за исключением нескольких фрагментов от спинных позвонков и ребер, сгнила. Кости обеих рук, лежавшие в вытянутом положении вдоль тела, оказались разломанными. Мелкие кости рук (запястья и фаланги пальцев) не обнаружены. Правая нога у погребенного отсутствовала, а левая, находясь в вытянутом положении, была разломана и местами сильно фрагментирована. Пятки, плюсневые кости и фаланги ног не обнаружены.

При костяке найден целый ряд вещей. В 7 см левее черепа лежали вплотную друг к другу лезвием к черепу два железных топора типа секиры-молотка (№ 55, 56). На подбородке лежал орнаментированный фрагмент серебряной фигуры какого-то животного в виде стержня (№ 57). Этот обломок не целиком состоит из серебра, а имеет сердцевину из металлического сплава сероватого цвета.

Правее черепа в 15 см лежал один обломок венчика от глиняного сосуда с конически углубленным ямочным орнаментом (№ 58). У правой локтевой кости руки лежали четыре черепка от глиняного сосуда (№ 59). Из них два черепка украшены резным орнаментом в виде ломаных линий. У талии слева, вдоль тела, лежал узкий железный кинжал с заостренным концом (№ 60). Здесь же, правее рукояти кинжала, обнаружен железный нож, воткнутый острием в землю (№ 61), и два фрагмента от какого-то железного предмета неизвестного назначения (№ 62). У нижней части левой бедренной кости ноги, с правой стороны, находился бронзовый наконечник стрелы скифского типа (№ 63), прикасавшийся своим острием к кости. Выше и правее верхней части малой берцовой кости левой ноги лежал второй железный нож (№ 64) лезвием к костяку. Левее этой же малой берцовой кости обнаружена втульчатая железная вещь с узким заостренным плоским концом, по-видимому, наконечник стрелы (№ 65).

Чуть ниже этого предмета находилась верхняя утонченная часть оленьего рога с грубо обрезанными концами (№ 66). У нижней части левой ноги, как было указано выше, лежали наконечники

стрел скифского типа (№ 67–84), причем некоторые наконечники были воткнуты острием в землю.

Дав описание погребений 4 и 5, мы перейдем к рассмотрению предметов, найденных в них.

II

Инвентарь четвертого погребения состоит из удила, псалий и фрагментированной керамики.

а) *Бронзовые удила* (один экземпляр) длиной 17 см, двух-составные, со стремяновидными концевыми ушка. Изделие это покрыто ярко-зеленой патиной.

б) *Железные псалии* (два экземпляра) с тремя петлями или отверстиями. Одна из этих псалий, длиной 16,7 см, имеет слегка изогнутый верхний конец (обломан), другая – в фрагментах.

Удила и псалии интересующего нас типа не были до сих пор еще предметом специального рассмотрения. Более того, они в большинстве случаев даже не отражены в старых отчетах. Вопросы об удилах и псалиях почти не касаются и такие сводные работы, как «Скифские древности» А. Лаппо-Данилевского, «Скифия и Босфор» М. И. Ростовцева, даже «Курганы скифов пахарей» А. А. Спицина.

В раннескифское время, соответствующее рубежу VIII–VII вв. до нашей эры, встречаются бронзовые удила кобанского типа с двумя отверстиями на концах в виде восьмерки. Их находят вместе с бронзовыми псалиями с тремя отверстиями, с железными двухлопастными наконечниками стрел. На рубеже VII–VI вв. и в VI в. появляются бронзовые стремяновидные удила, находимые обычно с типичным скифским инвентарем: бронзовыми и костяными псалиями с тремя отверстиями, бронзовыми ромбическими стрелами, а также железными и бронзовыми двухлопастными и костяными наконечниками стрел и т. д. В VI веке бронзовые и железные удила стремяновидной и обычной формы сопровождаются костяными и железными псалиями с тремя отверстиями.¹

Разбираемый тип узды попадает впервые как на территории Абхазии, так и на территории всего Закавказья. Он характерен для раннескифских курганов Кубани и Приднепровья VI века до

¹ Либеров П. Д. Скифские курганы Киевщины. Кр. сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XXX, 1949. С. 100.

нашей эры.¹ Так, например, близ ст. Костромской (б. Кубанская область) при раскопке Н. И. Веселовским было обнаружено несколько бронзовых удил, аналогичных с куланурхвскими. Вместе с этими удилами здесь были найдены бронзовые наконечники стрел скифского типа, железные удила с согнутыми в кольцо петлями и железный наконечник копья.²

В Государственном Эрмитаже имеется несколько железных псалий такого же типа, найденных раскопками Н. И. Веселовского в 1910 году в Ульском кургане № 1 (б. Кубанская область).

В 1903 году в Келермесском кургане № 1 (раскопки Шульца) были обнаружены бронзовые удила со стремяновидными ушками, хранящиеся также в Гос. Эрмитаже.

Изделия рассматриваемой формы известны и из ряда курганов близ ст. Смела Киевской области. Так, в 1885 году (раскопками А. А. Бобринского³) в кургане № 38 при покойнике, находившемся в вытянутом положении, найдены бронзовые удила и костяные псалии, имитирующие бронзовые псалии с тремя отверстиями.

Вместе с этими предметами А. А. Бобринским обнаружены: бронзовое круглое зеркало с ручкой, заканчивающейся бараньей головкой, железные удила с согнутыми в кольцо петлями, бусы янтарные, сердоликовые, стеклянные и свыше 150 бронзовых наконечников стрел скифского типа, трехгранных и двуперых, с сохранившимися в некоторых втулках следами древков стрел.

Раскопками того же автора там же, в кургане № 8, были обнаружены железные псалии⁴) с тремя отверстиями вместе с железными удилами обычного типа, с загнутыми в кольцо петлями.

Интересующая нас форма узды также представлена в бывшем Роменском уезде (Украинская ССР) в следующих пунктах:

1) сел. Аксютинцы: курган № 468 (раскопки Н. Е. Бранденбурга) – костяные псалии вместе с железным топором типа секиры-

¹ Грязнов М. П. Памятники Маймирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. Кр. сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XVIII, 1947. С. 10.

² ОАК за 1887. С. 11–14.

³ Бобринский А. А. Курганы и еду чайные археологические находки близ Смелы. Том. I, СПб, 1887. С. 100–101.

⁴ Там же. С. 16 – 18.

молотка, находящиеся в Гос. Эрмитаже; курган № 3 (раскопки С. А. Мазараки) – железные удила и псалии вместе с железным топором типа секиры-молотка, хранящиеся в Гос. историческом музее в Москве; курган № 6 (раскопки С. А. Мазараки) – железные псалии и вместе с ними втульчатые бронзовые наконечники стрел овальной формы скифского типа, хранящиеся в ГИМ'е; курган № 1 (раскопки Д. Я. Самоквасова) – псалии (железные и костяные) и бронзовые наконечники стрел скифского типа, находящиеся в ГИМ'е;

2) сел. Волковцы: курган № 12 (раскопки С. А. Мазараки) – костяные псалии вместе с железным топором типа секиры- молотка, находящиеся в ГИМ'е; курган № 8 – бронзовые удила (без одного звена), хранящиеся в ГИМ'е; курган № 7 – железная псалия с обломанной нижней частью, хранящаяся также в ГИМ'е;

3) сел. Герасимовка, курган № 1 (раскопки Д. Я. Самоквасова) – железные удила и псалии, находящиеся в ГИМ'е.

Таким образом, из приведенных археологических и хронологических данных об удилах и псалиях видно, что рассмотренный нами тип узды (из сел. Куланурхва), характерный для ранне-скифских курганов Приднепровья и Кубани, относится к VI веку до нашей эры.

в) *Фрагментированная керамика.* Она состоит из плохо отмученной темновато-серой глины со значительной примесью песка. Обжиг ее средний; по-видимому, он производился на открытых кострах и очагах. Среди обломков находится ручка (от сосуда), украшенная врезными, косо расположенными параллельными линиями.

III

Инвентарь пятого погребения состоит из топоров, наконечников стрел, ножей, кинжала, скульптурной фигуры (обломанная), рогового изделия и фрагментированной керамики.

а) Два железных боевых топора типа секиры- молотка.

Первый топор удлинённой, слегка изогнутой формы, с плоской обушной площадкой длиной 21,3 см при ширине лопасти 5,5 см. Насадочное отверстие–2,5х4,1 см.

Молоточная часть с восемью выделяющимися узкими гранями длиной 6,5 см.

Второй топор такой же, как и предыдущий, только более легкий. Размеры топора: длина – 21,5 см, ширина лопасти – 4,5 см, насадочное отверстие – 2,7 х 3,9 см.

Данные предметы по своим некоторым характерным чертам (овальное насадочное отверстие, общий профиль) напоминают бронзовые топоры колхидского («кобанского») типа.

Привлекает внимание хорошая сохранность этих топоров, указывающая на качественность металла, тщательность проковки и, возможно, на особенности химического состава железа.

Близкие аналогии к этим топорам по Грузии известны в следующих пунктах.

В 1945 году раскопками Горийского историко-этнографического музея в селении Двани, Карельского района, в грунтовом погребении 11-ом найден железный топор-молоток.¹ Инвентарь этого погребения состоит из следующих предметов: два бронзовых наконечника стрел раннескифского типа – один двуперый и один трехгранный, глиняные сосуды и другие предметы. В этой же могиле за спиной покойника был погребен конь с железными удилами в зубах. Удила эти с согнутыми в кольцо петлями являются характерными для скифских курганов Киевской области VI–V вв. до нашей эры.²

Железный топор рассматриваемого типа значительно более легкий по сравнению с куланурхвскими и дванским топором, найден в Самтаврском могильнике. Топорик этот хранится в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

На Северном Кавказе подобный топор, длиной 20 см, известен из аула Пседахе (б. Терская область) в погребении 11-ом (раскопки В. И. Долбежева 1898 г.).³ Вместе с этим топором в могиле находилось пластинчатое бронзовое кольцо со спиральными завитками на концах.

Аналогичные кольца вместе с бронзовыми зеркалами, характерные для времени около VI века до нашей эры, были найдены в ряде пунктов на Северном Кавказе (Моздокский могильник и др.).⁴

¹ Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника. Советская археология, XI, 1949. С. 229.

² Либеров П. Д. Указ. Соч. С. 100.

³ ОАК за 1898. С. 161.

⁴ Иесен А. А. и Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник, 1940. С. 45.

Железные топоры типа секиры-молотка найдены также в скифских курганах на территории Посулья Украинской ССР. В 1886 году в сел. Аксютинцы, б. Роменского уезда, в кургане К: 5 (раскопки С. А. Мазараки) был обнаружен один железный топор-молоток, хранящийся в Гос. историческом музее в Москве. Другой подобный топор найден в сел. Волковцы, б. Роменского уезда, в кургане № 12 (С. А. Мазараки), хранится в ГИМ'е в Москве.

В. А. Ильинская, которая занимается изучением памятников скифского времени Посулья, относит топоры интересующего нас типа к VI и началу V века до нашей эры.¹

Приведенные данные о железных топорах указанного типа свидетельствуют о том, что в раннескифское время подобные топоры использовались на широкой территории.

б) *Наконечники стрел скифского типа.* Их насчитывается девятнадцать штук (четырнадцать бронзовых и пять железных). Среди них имеются следующие разновидности:

1) Пять бронзовых втульчатых двуперых наконечников стрел ромбической формы (у одного шип целый, остальные с обломанными шипами) и один железный, имитирующий двуперые бронзовые наконечники ромбической формы.

Первый: длина – 4,4 см, ширина – 13 мм, диаметр втулки – 6 мм.

Второй: длина с шипом – 4,7 см, ширина – 13 мм, диаметр втулки – 5 мм.

Третий: длина – 3,4 см, ширина – 12 мм, диаметр втулки – 5 мм. Основание втулки частично разрушено. В средней части имеется отверстие, являющееся результатом литейного недочета. Поверхность данной вещи (одна сторона пера) покрыта сплошной железной ржавчиной.

Четвертый: длина – 3,6 см, ширина – 10 мм, диаметр втулки – 5 мм. Основание втулки и лезвия наконечника частично разрушены.

Пятый: длина – 4,3 см, ширина – 13 мм, диаметр втулки – 6 мм. Поверхность наконечника местами покрыта железной ржавчиной.

Шестой наконечник – железный: длина – 4,5 см, ширина – 13 мм, диаметр втулки – 7 мм. Втулка обломана в средней части.

¹ Ильинская В. А. Памятники скифского времени Посулья (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.) Институт археологии АН Укр. ССР, Киев, 1949. С. 6 – 9.

2) Один бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы овальной формы с шипом на втулке и четыре железных, имитирующих двуперые бронзовые наконечники овальной формы.

3) Первый: длина – 4,7 см, ширина – 11 мм, диаметр втулки – 6 мм. У основания уширения этого наконечника имеется отверстие, которое является дефектом литья. Второй: длина – 4,1 см, ширина – 13 мм. Третий: длина – 4,3 см, ширина – 14 мм. Четвертый: длина – 5,3 см, ширина – 14 мм. Пятый: длина – 4,7 см, наибольшая ширина – 12 мм. Этот наконечник с открытой втулкой. Последние четыре наконечника стрел – железные, у которых во втулках сохранились утонченные концы древков стрел.

4) Семь бронзовых втульчатых трехгранных наконечников стрел (одна с шипом).

Первый: длина – 3,5 см, ширина – 12 мм, диаметр втулки – 5 мм.

Второй: длина – 3 см, ширина – около 10 мм, диаметр втулки – 5 мм. На этом наконечнике частично разрушены два лезвия.

Третий: длина – 2,8 см, ширина – 11 мм, диаметр втулки – 5 мм. Поверхность одной из граней наконечника покрыта толстым слоем железной ржавчины.

Четвертый: длина – 3,3 см, ширина – 10 мм, диаметр втулки – 5 мм.

Пятый: длина – 3,5 см, ширина – 11 мм, диаметр втулки – 5 мм.

Шестой: длина – 3,9 см, при наибольшей ширине – 7 мм. Основание втулки разрушено.

Седьмой: длина с шипом – 3,7 см, ширина – 10 мм, диаметр втулки – 5 мм. Втулка частично покрыта железной ржавчиной.

5) Один бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой, имеющий форму современной винтовочной пули с четырехгранным острием. Длина – 2,7 см, диаметр втулки – 5 мм. На скрытой втулке имеется сквозное отверстие.

Все вышеописанные бронзовые наконечники стрел четырех разновидностей покрыты по поверхности зеленой патиной.

Наконечники стрел, аналогичные первым трем нашим группам, обнаружены археологическими работами на северном участке Самтаврского могильника (раскопки А. Н. Каландадзе в 1938–1948 гг.) в следующих грунтовых погребениях.

В погребении 20-ом (1938 г.) трехгранный бронзовый наконечник стрелы был обнаружен вместе с костяным и с плоской

бронзовой стрелой, передающей форму каменной закавказского типа.

В могиле 27-й (1939 г.) при человеческом костяке находилось 20 бронзовых наконечников стрел. Из них девятнадцать двуперых овальной формы, с шипами на втулке, и один трехгранный без шипа. Вместе с этими наконечниками найдены характерные железные предметы – короткий меч с рукояткой, топор с клиновидным обухом, нож с изогнутой спинкой, бронзовая цепочка и др.

В погребении 71-ом (1939 г.) найден втульчатый наконечник стрелы ромбовидной формы, без шипа. Остальной инвентарь этого погребения состоял из железных предметов (наконечник копья с открытой втулкой, ножи и др. вещи).

В могиле 106-й (1939 г.) – пять наконечников стрел. Из них четыре бронзовые и один костяной. Среди этих наконечников имеется два ромбической и один овальной формы (все три с шипами на втулке). Остальные два наконечника трехгранные (один бронзовый, другой костяной). К этому погребению принадлежат также бронзовый браслет с обрезанными концами из круглого прута, украшенный снаружи слегка врезанными поперечными линиями; бронзовый пинцет; бронзовый набалдашник копья; бусы (сердоликовые с пятью гранями, янтарные, пастовые, две раковины кауры); обломок плоской кости, украшенный рельефными кружочками, и другие предметы.¹

В том же Самтаврском могильнике в грунтовом погребении 592 Ф. Байерном был найден бронзовый наконечник стрелы ромбической формы со втулкой.²

Наконечники стрел рассматриваемых разновидностей известны и из других местностей Грузии. Так, например, в 1924 году у селения Цицнаури (Мцхетский район) проф. Г. С. Читая раскопано грунтовое погребение всадника с конем.³ Покойник лежал в скорченном положении на правом боку. Рядом был погребен его конь с железными удилами во рту. При покойнике найдены четыре

¹ Инвентарь указанных погребений (20, 27, 71, 106) находится в Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

² Вырубов В. Предметы древности в хранилище «Общества любителей Кавказской археологии», Тифлис, 1877.

³ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, 1, 1941. С. 41–48.

втульчатых наконечника стрел – один железный, один трехгранный костяной и два трехгранных бронзовых, аналогичные с нашими трехгранными наконечниками.

В Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа за № 157 – 1913 хранится бронзовый наконечник стрелы ромбической формы, происходящий из селения Мохиси Горийского района.

Наконечники стрел аналогичные с куланурхскими известны и в других пунктах Закавказья. Погребения скифского времени обнаружены раскопками в Мингечауре (Азербайджанская ССР). К ним относятся групповые погребения в ямах со скелетами в вытянутом положении, при которых было найдено большое количество наконечников стрел скифского типа, имеющих аналогию с некоторыми нашими. Формы их разнообразны (ромбовидные и др.). Кроме бронзовых наконечников, в этих погребениях найдены также костяные. С. М. Казиев – исследователь мингечаурских грунтовых погребений с инвентарем скифского типа – датирует их VII – V вв. до нашей эры.¹

В могильнике у селения Мусиери, в долине реки Дебед-Чая Ж. де Морганом в погребении 242-ом (каменный ящик) у костей ног скелета было обнаружено восемь бронзовых наконечников стрел, среди которых имеются наконечники раннескифского типа (начало VI века до н. э.), ромбической формы, с боковыми шинами на втулке².

При раскопках западного здания крепости Кармирблур около гор. Еревана было найдено большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа конца VII века и начала VI века до нашей эры, среди которых имеются двуперые ромбовидной формы, без шипа, и трехгранные наконечники³ аналогичные с куланурхскими.

Большой интерес представляет сравнение наших трехгранных наконечников стрел с одной замечательной находкой, состо-

¹ Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, I, АН Азерб. ССР, Баку. 1949. С. 20 – 21.

² Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье. Труды отдела истор. культ. и искусства Востока. Т. III, Гос. Эрмитаж, Л., 1940. С. 83.

³ Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту, Ереван, 1944. С. 187 – 188.

ящей из нескольких сотен подобных стрел, обнаруженных в позднехеттском городе Каркамыше, в слое, относящемся ко времени разрушения этого города Навуходоносором в 604 году до нашей эры.¹ Это сравнение дает нам возможность правильно подойти к датировке куланурхских наконечников стрел.

Для датировки наших наконечников важное значение имеют также некоторые находки, известные из скифских курганов среднего Приднепровья. Так, в 1895 году в бывшей Полтавской губернии близ селения Глиница (ныне Звеньковский район Харьковской области) крестьянами был раскопан один курган, где были найдены: 123 бронзовых наконечника стрел, круглое бронзовое зеркало с бронзовой ручкой посередине, бронзовое с выступами кольцо, сердоликовая бусина и два куса румян. Доследовавший этот курган А. А. Бобринский обнаружил еще три бронзовых наконечника стрел и кусочки румян вместе с остатками человеческих костей.²

Среди наконечников стрел, обнаруженных в этом кургане, преобладающими являются двуперые с овальной или ромбической головкой, с шипом на втулке и без него,³ которые Б. З. Рабинович относит ко времени не позднее конца VI века до нашей эры. Из других предметов, найденных в этом кургане вместе с наконечниками стрел, уточняет указанную дату бронзовое зеркало. Подобное зеркало, относящееся ко времени не позднее первой половины VI века до нашей эры, имеется среди вещей, обнаруженных в Келермесском кургане № 2 (раскопки Н. И. Веселовского 1904 г.). Широкое распространение этого типа зеркала в юго-восточной Европе, по мнению Б. З. Рабинович, относится к VI веку до нашей эры⁴.

Железные наконечники стрел из Куланурхвы, как было уже отмечено выше при их описании, имитируют двуперые бронзовые овальной и ромбической формы.

¹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, I, 1941. С. 43.

² Рабинович Б. З. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. Советская археология, I, 1936. С. 81 – 82

³ Там же С. 81 – 82.

⁴ Рабинович Б. З. Указ. Соч. С. 84, 88 – 90.

Один из них, имеющий ромбическую форму, аналогичен с железным наконечником¹ из погребального комплекса у Шукур Лимана на Таманском полуострове. В состав этого комплекса, кроме интересующего нас железного наконечника, входят трехгранные и двуперые бронзовые наконечники стрел и другие вещи.

Весь Таманский комплекс, датированный Е.О. Прушевской по Родосской вазе, относится к рубежу VII–VI века до нашей эры.²

В качестве аналогии к рассматриваемому железному наконечнику ромбической формы, имитирующему наиболее ранние втульчатые бронзовые наконечники стрел скифского типа, можно привести одну данную находку.

Так, в 1908 году в кургане у Некрасовской станицы на Кубани, раскопанном Н. И. Веселовским, в погребении 3-ем при вытянутом человеческом костяке было найдено девять наконечников стрел, среди которых имеются наконечники с ромбовидными головками и длинными втулками.³

Что касается четвертого вида – наконечник, имеющий форму современной винтовочной пули, то в качестве аналогии к нему можно указать на один бронзовый наконечник⁴ (случайная находка), происходящий из северных районов Грозненской области. Этот наконечник, в отличие от нашего, без четырехгранного острия и не имеет сквозного отверстия на скрытой втулке.

в) Два железных ножа различной формы.

Первый со слегка изогнутой спинкой и обломанным концом. На рукоятке этого ножа, являющейся продолжением спинки, сохранились фрагменты костяных планок, прикрепленных двумя железными стерженьками. Длина ножа вместе с ручкой 10 см. Наибольшая ширина – 10 мм. Толщина спинки – 4 мм.

Второй нож с толстой прямой спинкой, суживающийся клиновидно к острию. Без рукоятки. Размеры: длина – 8,5 см, наибольшая ширина – 1,7 см, толщина спинки – 6 мм.

¹ Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. Изв. Арх. Ком. Вып. 64, 1917. С. 57.

² Там же. С. 58.

³ Иессен А. А. и Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник. 1940. С. 31.

⁴ Крупнов, Е. И. Археологические раскопки в Грозненской области в 1946 г. Кр. сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XX, 1949.

г) Узкий железный кинжал с заостренным концом. Рукоятка кинжала плоская, снабженная по всему краю ободком для прикрепления деревянных планок. У широкого основания кинжала и на рукояти имеются по два стержня. Кинжал, со средним сильно выделяющимся острым ребром, в разрезе дает форму ромба. Изделие это имело деревянные ножны, о чем говорят следы дерева, сохранившиеся на клинке. Длина кинжала с рукоятью – 38 см, ширина у основания – 3,5 см, наибольшая толщина – 7 мм.

В Закавказье железные кинжалы, имеющие полную аналогию с куланурхвским, известны в числе нескольких экземпляров. Так, в 1903 году в сел. Мурзик Азербайджанской ССР, в погребении первом (раскопки Розендорфа) найдены два кинжала, совершенно тождественные с нашим, хранящиеся в Гос. историческом музее в Москве за № 2 и №3. В комплексе с интересующими нас предметами были два железных наконечника копья, бронзовые кинжалы пламевидного контура, бронзовые цепочки и другие вещи.

Подобный кинжал вместе с бронзовыми наконечниками стрел раннескифского типа был обнаружен экспедицией Государственного Эрмитажа и Академии наук Армянской ССР под общим руководством Б. Б. Пиотровского в 1948 году в крепости Кармирблуре¹.

Встречаются бронзовые кинжалы, тождественные с рассматриваемым типом железного кинжала. На территории Кавказа их известно шесть.

А. А. Иессен, который рассматривает эти кинжалы в своей работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», указывает, что подобное бронзовое оружие распространено широко по всей Передней Азии и относится примерно к 1500–800 годам до нашей эры.²

На основании изложенных выше данных о железных кинжалах интересующего нас типа можно полагать, что применение

¹ Рисунок этого кинжала был мне любезно показан Б. Б. Пиотровским в Ленинграде в 1949 году.

² Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе ГАИМК. Вып. 120, М.-Л., 1935. С. 162–163.

такого рода оружия в Закавказье, по всей вероятности, относится к раннескифскому времени.

д) Фрагмент серебряной фигуры какого-то животного. Этот обломок не целиком состоит из серебра, а имеет сердцевину из металлического сплава сероватого цвета. Изображение – в виде стержня, утолщенный конец которого имеет форму головы неопределенного животного с обломанной мордой. На морде имеется два рельефно выраженных глаза с надглазными кружками, расположенные симметрично. Вся поверхность данного предмета покрыта гравированным орнаментом, состоящим из ломанных линий. Фигура, как было указано выше, обломана, поэтому, какой вид животного передан мастером, сказать трудно.

е) Верхний утонченный конец оленьего рога, длиной 7,5 см, с грубо обрезанными концами.

По своему назначению этот предмет, имеющий 6 мм диаметр отверстия у основания, являлся, вероятно, ручкой ножа.

ж) Фрагменты керамики. Из собранных в погребении обломков (от различных сосудов) нет, к сожалению, возможности восстановить ни один сосуд. Среди этой фрагментированной керамики, аналогичной по составу и обжигу с керамикой 4-го погребения, имеется три обломка с двумя определенными видами орнаментации.

К первому виду относится геометрический орнамент, состоящий из ломаных врезных линий. С таким украшением имеется два черепка от различных сосудов, причем на одном из них ломаные линии заключены между двумя параллельными бороздками.

Ко второму виду принадлежит орнамент ямочный с коническим углублением. Подобная орнаментация среди собранных обломков глиняной посуды имеется на одном черепке от венчика сосуда.

Таков инвентарь двух рассмотренных «скифских» погребений из сел. Куланурхва.

Скифская проблема в целом и в частности на территории Закавказья привлекает большое внимание советской археологической и исторической науки.

На Всесоюзном археологическом совещании 1945 г. в Москве указывалось, что «проблема проникновения скифов на Кавказ и

их вторжение в Переднюю Азию требует дальнейшей археологической разработки»¹.

Работа в этом направлении была начата А. А. Миллером, который проследил на археологическом материале связи Скифии с Кавказом.

Дальнейшее исследование данного вопроса принадлежит Б. Б. Пиотровскому, который произвел раскопку курганов и грунтовых могил раннескифского времени близ станции Моздок на Северном Кавказе. На материалах моздокского могильника он установил взаимосвязь древнего населения этих районов со скифами Кубанских и Приднепровских районов, а также с горным Кавказом и Закавказьем.

Б. Б. Пиотровский в ряде своих работ исследовал вопрос о проникновении скифов в Закавказье и Переднюю Азию.²

«Скифские» погребения, раскопанные нами в селении Куланурхва Гудаутского района, дают весьма ценный дополнительный материал для дальнейшего изучения истории скифов советской археологической наукой.

Изучение археологического материала, в частности, сравнительный анализ инвентаря из двух рассмотренных куланурхвских могил и ряд соображений, приведенных выше, позволяют отнести эти погребения к раннескифскому времени, т. е., приблизительно к VII–VI вв. до нашей эры.

Главными основаниями для этой датировки являются:

Во-первых, псалии с тремя петлями и слегка изогнутым верхним концом и удила стремяновидной формы из сел. Куланурхва имеют полное сходство с подобным типом узды (начало VI века до нашей эры), характерным для раннескифских курганов Кубани и Приднепровья (ст. Смела, Келермес и т. д.).

Во-вторых, некоторые куланурхвские наконечники стрел (трехгранные) аналогичны с хорошо датированными наконечниками, обнаруженными в большом количестве в позднехеттском

¹ Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию, Москва 1945. С. 54.

² Пиотровский Б.Б. Скифы и Закавказье. Тр. отдела истор. культ. и искусства Востока. Т. III. Гос. Эрмитаж. Л, 1940. С. 71–92; он же. История и культура Урарту, Ереван, 1944. С. 295, 325.

городе Каркамыше, в слое, относящемся ко времени разрушения этого города Навуходоносором в 604 году до н. э.

В-третьих, железный наконечник стрелы ромбической формы из сел. Куланурхва тождественен с железным наконечником из могильного комплекса у Шукур-Лимана на Таманском полуострове (рубеж VII–VI вв. до н. э.).

Таким образом, совокупность приведенных соображений дает основание считать, что рассмотренные нами погребения относятся к концу VII и началу VI вв. до нашей эры.

Разработанный выше археологический материал, впервые обнаруженный в крае, конкретно указывает, что в интересующее нас время существовали широкие связи скифов Кубани и Приднепровья с колхидскими племенами, в частности, с древним населением побережья современной Абхазии.

О тесных культурных общениях исторической Скифии с древней Колхидой свидетельствуют также и новые археологические памятники, обнаруженные в 1951 году во время земляных работ по строительству лесопарка в гор. Сухуми на Сухумской горе, где было найдено значительное количество железных боевых топоров типа секиры-молотка. Вместе с ними здесь найдены и другие железные предметы: кинжалы (среди них один скифского типа), наконечники копий, ножи и чернолаковые сосуды.¹ Последними датируется данный материал приблизительно V – IV вв. до н. э.

Железные топоры типа найденных на Сухумской горе известны в отчетливо выраженной форме в орнаментах и рисунках некоторых археологических памятников, обнаруженных при раскопках некрополя в Херсонесе² и в скифском кургане близ Воронежца.³ На этих памятниках изображены скифские воины, держащие в руках топоры, тождественные с сухумскими.

¹ Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы (Рукопись).

² Граков Б. Н. Скифский Геракл. Кр. сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XXXIV, 1950. С. 14–15, рис 3.

³ Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд. МАР. Вып. 34, П., 1914. С. 79.

Таким образом, фактические данные, полученные из сел. Куланурхва Гудаутского района и Сухумской горы (г. Сухуми), ставят перед ними проблему о проникновении скифов на территорию нынешней Абхазии. Дальнейшая работа над этой проблемой должна опираться на более широкий материал, который нужно выявить археологическими работами и в других пунктах Абхазии.

Труды Абхазского института языка, литературы и истории. XXIV. Сухуми. 1951. С.325-343

3. БИРЦХСКИЙ МОГИЛЬНИК

1. Археологической экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР в 1952 г. на горе Гуад-иху, в сел. Бирцха Сухумского района, был обнаружен могильник эпохи развитого железного века, в котором вскрыто 50 погребений. На территории того же могильника в нескольких местах обнаружены также культурные остатки эпохи конца неолита или же начала энеолита.

2. Произведенными раскопками могильника устанавливается, что в устройстве могил и обряде захоронения покойников на горе Гуад-иху нет полного однообразия. Могила подразделяется на округлые, колодезного типа углубления без всякой обкладки и на продолговатые ямы. При этом захоронение покойников в первых совершалось через полную кремацию, а в последних – через частичное сожжение или обугливание человеческих костей.

3. Раскопанный археологический материал могильника состоит из оружия, украшений и керамики. Изучение этого материала, как например, топоров типа секиры-молота, чернолаковых сосудов амфор и других предметов дает возможность датировать Бирцхский могильник приблизительно V–VI вв. до нашей эры.

4. По обнаруженным материалам на горе Гуад-иху, а также в Сухумской крепости на горе Сталина (г. Сухуми) и другим данным устанавливается, что древний город Диоскурия был расположен в районе современного города Сухуми.

5. По памятникам материальной культуры (Сухуми, Ешери, Бамбори, Дабла Гоми и др.) хорошо известны древнейшие торгово-экономические связи Колхиды с восточной частью Средиземноморья, в частности, с древним населением островов Эгейского моря, Балканского полуострова, западной части Малой Азии.

6. Находки большого количества железных изделий – топоров, наконечников копий, кинжалов, ножей в Бирцхском могильнике, а также подобных же изделий в значительном количестве и на горе Сталина (г. Сухуми), дают возможность ставить вопрос о наличии в Абхазии приблизительно в середине I тысячелетия до н. э. крупных железоплавильных мастерских.

7. Внутри древнего общества, оставившего Бирцхский могильник, в V–VI вв. до н. э. наблюдается ярко выраженное уже классовое расслоение. Об этом отчетливо говорят вскрытые там погребения, распадающиеся на богатые и бедные.

Научная сессия АБИЯЛИ (итоги научно-исследовательских работ 1952 г.). Тезисы докладов. Сухуми, 1953

4. ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ИНВЕНТАРЕМ КОЛХИДСКОГО ТИПА В СЕЛ. КУЛАНУРХВА

I

Рассматриваемые здесь материалы являются результатом проведенного автором настоящей статьи в 1948 году археологического исследования в поселке Абгаюара селения Куланурхва Гудаутского района Абхазской АССР.

Селение Куланурхва находится к северо-востоку от города Гудаута и расположено между двумя реками: с запада река Гудоу, с востока река Дахаурта.

В центральной части сел. Куланурхва, в шести километрах от гор. Гудаута, расположен поселок Абгаюара. Около северной окраины его имеется возвышенность, носящая название «Аджра», что в переводе с абхазского означает «Дубовая роща».

Поверхность Аджра была ранее покрыта густым дубовым лесом, который вырублен в начале XX столетия для использования этой местности под посевы. Вырубка леса на крутых склонах повлекла за собой эрозию почвы, в результате чего поверхностными водами почвенный покров был в значительной степени смыт. Этим объясняется то, что при обработке пахотной земли на юго-восточном склоне Аджра крестьяне часто находили под растительным слоем различные древние вещи.

Руководствуясь личными наблюдениями и указаниями колхозников, автором был исследован юго-восточный склон Аджра.

В результате произведенных раскопок было вскрыто четыре человеческих погребения и одно конское. В трех из них содержался инвентарь колхидской бронзы. Остальные два погребения, из них одно конское, содержавшие инвентарь скифского типа, опубликованы нами в 1951 году.¹

¹ Трапш М. М. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва. Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Т. XXIX, Сухуми, 1951. С. 325–344.

В настоящей работе мы рассмотрим погребения с инвентарем колхидской бронзы.

Погребение 1-е, мужское. При рытье траншеи на глубине 20 см была замечена большая берцовая кость человека. Осторожно вскрыли весь человеческий костяк без малейшего нарушения первоначального положения захороненного и положенного с ним инвентаря. Глубина могилы с северо-западной стороны – 30 см, с юго-восточной – 20 см. Таким образом, костяк с юго-восточной стороны был ближе к поверхности земли. Ширина могилы 80 см, длина два метра. Дно могильной ямы состояло из порошкообразной извести. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, с ориентацией головы на юго-запад, к морю, с немного повернутым к востоку лицом. Длина костяка от теменной части черепа до сохранившихся конечностей ног около 170 см. Череп был раздавлен тяжестью земли. Руки вытянуты вдоль тела. Мелких костей рук (запястья и фаланги пальцев) за исключением нескольких не было обнаружено. Ноги у погребенного находились также в вытянутом положении. Пятки, плюсневые кости, фаланги пальцев ног и остальные части скелета – грудная клетка, позвонки, лопатки, тазовые кости – оказались в основном сгнившими. При костяке найдено большое количество различных предметов. Вокруг черепа лежали пастовые бусы и фрагменты бронзовых цепочек из тонкой проволоки (№ 2). Один из них достигал длины 40 см. Все фрагменты, по-видимому, от одной длинной цепочки, которая вместе с пастовыми бусами служила украшением головного убора.

Правее черепа на 20 см, повернутые лезвием к костяку, лежали два бронзовых колхидских топора (№№ 3, 4). Один из них был украшен скульптурной фигуркой животного на обухе, другой – гравированным орнаментом с обеих сторон лопасти и шейки. Топор со скульптурной фигуркой животного вначале имел деревянную рукоять. Об этом говорят фрагменты бронзовой спирали с кольцами овальной формы из трехгранного узкого прута (№ 5), тянувшейся прямо от насадочного отверстия топора параллельно костяку. В нижнем конце этих спиральных колец находилась втульчатая бронзовая оправа (для нижнего конца несохранившейся деревянной рукоятки), обмотанная бронзовой спиралью из трехгранного прута (№ 6). Однотипная втульчатая бронзовая оправа (№ 7)

лежала у овального отверстия топора с другой стороны, предназначенная также для верхнего конца рукояти.

Между этими топорами и черепом найдены фрагментированные пластинки от сосуда из тонкой листовой бронзы (№ 8) и бронзовые кольца из трехгранного прута, сохранившиеся в разломанном виде (№ 9).

Около правой руки лезвием к костяку лежал третий орнаментированный бронзовый колхидский топор на полой разрезной бронзовой рукояти (№ 10). Рукоятка сломана выше середины, по-видимому, под тяжестью проезжавших арб (дорожная колея проходила как раз по сломанному месту рукояти). Поперек нижнего конца рукояти вставлен железный стерженек.

В средней части правой локтевой кости находились фрагменты бронзовых цепочек из тонкой проволоки, аналогичные с найденными фрагментами цепочек вокруг черепа. У левого плеча на расстоянии 6 см лежали два обломка от глиняного сосуда с врезным орнаментом (№ 11).

Под подбородком располагались собранные другообразно обломки какого-то металлического сплава сероватого цвета (№ 12). На основании расположения этих обломков можно предполагать, что они составляли один цельный предмет, служивший, по всей вероятности, шейным украшением.

Кроме того, на шее и главным образом в области груди лежало большое количество бус: сердоликовые, с желтовато-белой расцветкой поверхности (№ 13), стеклянные (№ 14) и фрагменты янтарных бусин (№ 15), среди которых имеется одна целая бусина.

На левой стороне грудной клетки находились бронзовые конические пронизи в количестве 18 штук (№ 16). Из них 16 с кнопкообразной головкой и два с заостренной вершиной.

У нижнего сустава левой плечевой кости лежали два бронзовых колхидских топора (№№ 17, 18), обращенные лезвиями к костяку.

На правой руке были надеты два бронзовых браслета различных типов. Оба раздавлены. Один из браслетов фигурный, с расширенными концами (№ 19), другой широкий, цилиндрической формы (№ 20). Около кисти правой руки находились сломанные ребра какой-то птицы или мелкого зверька (№ 21).

На левой руке был надет бронзовый широкий браслет цилиндрической формы, также раздавленный (№ 22).

На 30 см правее бедренной кости обнаружена бронзовая поясная пряжка, украшенная головкой фантастического животного (№ 23). Эта пряжка была, возможно, сдвинута с места первоначального положения при корчевке леса или при вспашке земли.

Чуть ниже верхнего сустава правой берцовой кости лежала бронзовая фигурка летящей птицы с подвесками наподобие рыб (№ 24). Около левой берцовой кости находилось несколько обломков костей животного (№ 25) и черепки от глиняного сосуда без орнамента.

Заканчивая описание первого погребения, нужно отметить одну его особенность, заключающуюся в том, что здесь отсутствует кинжал, который вообще характерен для мужских погребений с инвентарем колхидской бронзы. Кинжал отсутствует также и в Аагстинском погребении (селение Мугудзырхва Гудаутского района Абхазской АССР). Этот факт дает возможность предполагать, что данная могила и Аагстинское погребение являются жреческими.

Погребение 2-е, женское. Рядом с первым погребением на площади 2х2 метра, на глубине 18 см, встречались в беспорядке обломки костей человека (осколки черепа, фаланги пальцев рук и т. д.) вместе с бронзовыми предметами. На этой площади найдены следующие вещи:

1. Обломок бронзового браслета цилиндрической формы, типа браслета из первого погребения (№ 26).

2. Фрагменты тонких бронзовых пластинок, по-видимому, от сосуда (№ 27).

3. Куски металлического сплава сероватого цвета (№ 28), аналогичные с найденными в первом погребении.

4. Бронзовый гребень с семью зубцами (№ 29).

5. Бронзовые бусы биконической формы, слегка сплюснутые (№ 30), в количестве ста штук.

6. Два бронзовых браслета различных типов. Один из них с рубчатой поверхностью (№ 31), другой с восемью наружными выступами (№ 32). Оба браслета лежали в горизонтальном положении, причем просветы их совпадали. Около них была обнаружена одна фаланга от пальца человеческой руки.

7. Пять глиняных черепков от трех различных сосудов. Один черепок украшен врезным елочным орнаментом (№33). Черепки эти по составу, обжигу, технике изготовления аналогичны керамике первого погребения.

8. Бронзовая поясная пряжка, украшенная скульптурной головкой какого-то животного (№ 34), типа пряжки из первого погребения. Около нее найдены бронзовые пластинки от пояса.

9. Изящно выполненная скульптурная фигурка фантастического животного в лежачем положении, с петлей для подвешивания (№ 35).

10. Маленькая бронзовая пластинка треугольной формы (№ 36) с блестящей черной патиной по поверхности. Вершина угла этой пластинки имеет отверстие миллиметрового диаметра. Края украшены точечным наколом. Пластинка, несомненно, входила в состав бронзовых бус и, возможно, применялась в качестве амулета.

Следует заметить, что тождество вещей первого и второго погребений (браслеты цилиндрической формы, пряжки, куски металлического сплава и керамика) свидетельствует о синхронности этих двух погребений.

Погребение 3-е, женское. В 4-х метрах от первого погребения, на глубине 18 см, была обнаружена правая локтевая кость человеческой руки, вслед за которой был постепенно вскрыт весь костяк. Глубина могилы с северо-западной стороны 30 см, с юго-восточной – 18 см. Это объясняется тем, что и здесь, как в вышеописанном первом погребении, благодаря склону, костяк с юго-восточной стороны ямы был ближе к поверхности земли. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, голову на юго-запад, к морю. Череп был раздавлен. Руки находились в вытянутом положении вдоль тела. Кости запястья и фаланги пальцев обнаружены только на правой руке и то не полностью. Кости ног у погребенной совершенно отсутствовали. По всей вероятности, они были извлечены из могилы при корчевке леса или же при вспашке земли. Степень сохранности остальных костей скелета (грудная клетка, позвонки, лопатки, тазовые кости) довольно плохая.

При костяке найдено значительное число вещей. У висков с обеих сторон лежали в горизонтальном положении две серебряные серьги (№№ 37, 38) из круглого отшлифованного прута.

Вокруг шеи находились мелкие бронзовые бусы (№ 39) в виде колечек, сделанных из узеньких пластин со сходящимися вплотную концами. Все они оказались лежащими точно отверстием к отверстию. Это говорит о том, что нить, на которой они были нанизаны, долго сохранялась.

На левой стороне грудной клетки, около верхней части плечевой кости, обнаружена бронзовая булава (№ 40) с H-образной головкой, обращенная острием к суставу руки. К головке булавки прикреплена длинная бронзовая цепочка с очкообразными привесками на концах (№ 41). На той же стороне грудной клетки в средней части лежала бронзовая пластинчатая фибула дугообразной формы без иглы (сломана), с бронзовой цепочкой (№ 42).

У левого края грудной кости находилась железная фибула дугообразной формы миниатюрного размера с бронзовой цепочкой (№ 43). Цепочка эта, тождественная с фрагментами аналогичных изделий из первого погребения, свидетельствует, возможно, об одновременности этих погребений.

На грудной кости обнаружено сломанное железное колечко (№ 44).

На правой стороне грудной клетки лежала пластинчатая бронзовая фибула дугообразной формы с иглой и бронзовой цепочкой (№ 45).

В пяти сантиметрах левее правой локтевой кости находился крестообразный бронзовый предмет с кнопкообразными головками и круглым отверстием посередине (№ 46).

Под ним лежала маленькая бронзовая скульптурная фигурка свиньи или кабана, на которой сверху в средней части туловища поставлено схематическое изображение какой-то птицы (№ 47). Эта фигурка имеет отверстие, совпадающее по диаметру с отверстием крестообразного предмета, причем оба предмета оказались положенными точно отверстием к отверстию. Это обстоятельство указывает на то, что они были надеты на несохранившийся деревянный стержень. Следует также заметить, что одинаковый диаметр отверстий на этих предметах свидетельствует об изготовлении их в одной литейной мастерской. С этими вещами связана и бронзовая спираль (№ 48), которая находилась около шляпки вертикального стерженька крестообразного предмета.

На левой руке был надет браслет из круглого бронзового прута (№ 49). Ниже браслета лежали 11 обломанных черепков (№ 50) от нескольких сосудов. Черепки эти без орнамента. По составу, обжигу и технике изготовления они аналогичны с найденными в предыдущих погребениях.

Все вышеописанные погребения обнаружены в слое темновато-серой глины.

Изложив обстоятельства и условия находок, переходим к рассмотрению погребального инвентаря.

II

При рассмотрении вещевого инвентаря куланурхвинских погребений остановимся, прежде всего, на керамическом материале. Во-первых, глиняная посуда представлена здесь мало и то в обломках. Это, возможно, указывает на то, что посуда разбивалась намеренно при совершении погребального обряда. Во-вторых, она в составе могильных комплексов характеризует местное производство. Все эти обломки, состоящие из темновато-серой и красной глины с большой примесью песка, имеют средний обжиг.

По собранным фрагментам можно судить, что здесь представлен один тип сосуда. Это – горшки, о размерах которых говорить не приходится, потому что из собранных обломков, к сожалению, нет никакой возможности восстановить ни одного сосуда.

Среди рассматриваемой фрагментированной керамики имеются два обломка, украшенных врезным орнаментом. Один черепок найден в первом погребении, другой – во втором погребении.

Раскопанная керамика в сел. Куланурхва по составу, обжигу и способу изготовления имеет сходство с керамикой Аагстинского погребения, с инвентарем колхидской бронзы.¹ В Аагстинском погребении, как и в куланурхвинских, керамика представлена скудно и то во фрагментах.

Глиняная посуда, аналогичная куланурхвинской, найдена также в погребении с бронзовыми топорами колхидского типа и другими предметами в 1951 г. на Сухумской горе.²

¹ Лукин Л. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитаж. Т. 1. Л., 1941. С. 34–35.

² Инвентарь этого погребения находится в Гос. музее Абхазии им. Д. И Гулиа.

***

В раскопанном материале куланурхвинских погребений имеется значительное количество металлических вещей. Они группируются следующим образом:

Бронзовые колхидские топоры в количестве пяти, относящиеся, по классификации П. С. Уваровой,¹ к типам «б» и «г», а по О. Джапаридзе² – к типам I и II, найдены в первом погребении.

Первый топор типа «б» – легкий, со скульптурной фигуркой животного на обухе. Поверхность топора без орнамента, местами покрыта зеленой и черной патиной. Лезвие специальной отточке не подвергалось. На боковых полях овального отверстия топора имеется по три ребра, разделенные между собою двумя желобками. Длина топора без фигуры 16 см; наибольшая ширина лопасти 5,2 см; предельная толщина топора 1,5 см, что ставит это изделие в разряд очень легких топоров.

На молоточной части топора находится пластинка овальной формы, литая совместно с обухом, длиной в 3 см и шириной в средней части 1,6 см. На этой пластинке параллельно отверстию топора поставлена кругло-моделированная фигурка животного, высотой 4,5 см и длиной 6,3 см. Обращает на себя внимание тщательное исполнение всех частей тела животного. Стоящее с опущенным вниз хвостом, с открытой пастью и с немного вперед направленными стоячими ушами, животное является изображением лающей сторожевой собаки.

Как было отмечено выше, при описании первого погребения с рассматриваемым куланурхвинским топором связан ряд бронзовых изделий, украшавших его несохранившуюся деревянную рукоять.

Перейдем к их рассмотрению.

Полая оправа для верхнего конца рукояти длиной 1,7 см. имеет в разрезе форму овала. Диаметр сечения у верхнего конца 2,2х4 см, у нижнего – 1,9х4 см. Максимальная толщина стенок оправы 3 мм.

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII, М., 1900. С. 15–16, табл. IV, 3 и 4.

² Джапаридзе О. Колхский топор. Вестник Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, XV1 В. Тбилиси. 1950. С. 41. рис. 1.

Вторая оправа тоже полая, для нижнего конца рукояти длиной 1,7 см. имеет в разрезе форму предыдущей. Диаметр сечения у верхнего конца 1,5х2,3 см, у нижнего – 1,6х2,6 см. Предельная толщина стенок оправы 1,5 см. Эта вещь, обмотанная трехгранной бронзовой спиралью семимиллиметровой ширины, имеет на нижнем конце петлю для подвешивания топора.

Обе оправы имеют сквозные отверстия у нижнего конца для прикрепления их гвоздем к рукоятке топора.

Наконец, в состав этих украшений входят фрагменты трехгранной спирали четырехмиллиметровой ширины. От нее сохранилось двенадцать целых колец овальной формы. Спираль служила накладкой к деревянной ручке топора.

Подобные бронзовые изделия, предназначенные для украшения деревянной ручки топора, являются единственной находкой в собраниях колхидской бронзы.

Отметим, что среди значительного количества топоров колхидского типа, найденных на территории Грузии и в центральной части Северного Кавказа, имеется только несколько штук, украшенных фигурками животных на обушных площадках. Таковы, например, гудаутский топор на металлической рукояти со скульптурными изображениями лошадей на обухе (собрание А. Л. Лукина, Гос. Эрмитаж) и топор с фигуркой животного на обухе, фотоснимок которого имеется в работе Ф. Ганчара «К проблеме «кавказского» звериного стиля, 1936 г.

Но топора со скульптурным изображением собаки среди колхидских топоров до сих пор обнаружено не было. Однако фигурка эта, украшающая разбираемый куланурхвинский топор, не может считаться случайностью, т. е. ее выполнение и само строение эмблемы не чужды художественным традициям колхидской бронзы. Достаточно указать на имеющиеся две колоколовидные конические бляшки из Аагстинского погребения¹ с петлей внутри и фигуркой собаки на вершине. Фигурки этих собак с раскрытой пастью и со стоячими ушами соответствуют собаке на рассматриваемом топоре.

Заслуживает особого внимания вопрос об идеологической значимости рассматриваемого изделия. Совершенно несомнен-

¹ Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. V, 1 и 5.

но, что данный топор не боевого назначения. Об этом говорят в первую очередь следующие особенности: неотточенность лезвия, легкий вес и сама фигурка, украшающая топор. Для понимания смысла изображения собаки в сочетании с топором можно привести некоторые данные из области абхазской этнографии. Так, среди божеств абхазов главное место по общепризнанности и широте функций принадлежало семиликому или семидольному Айтар. По данным, собранным в Абжуйской Абхазии (в сел. Адзюбжа) Н. С. Джанашиа,¹ долевыми божествами, образующими своим сочетанием Айтар, являются следующие: Джабран – бог коз и овец, Жвабран – бог коров, Алышкинтр – бог собак, Амза – бог и покровитель мужчин, Амра – божество женщин, Анапа-нага – бог урожая и Ачышашана – бог лошадей.

При ежегодном изготовлении жертвенных хлебов для домашнего моления богу Айтар отдельным хлебцам придавалась форма луны, солнца, лошади, а также и собаки. В соответствии с приведенными этнографическими данными рассматриваемая фигурка на топоре является, по всей вероятности, изображением Алышкинтра, т. е. божества собак – одного из семидольных божеств Айтар – «великого бога обновителя природы, размножения и особенно скотоводства».² Исходя из сказанного, можно прийти к выводу, что разбираемый топор с украшающей его фигуркой собаки имел культовое назначение, и владелец его, по всей вероятности, играл видную роль в роде или племени.

Второй топор также типа «б» – изящной работы и хорошей сохранности. Общие размеры: длина 17,3 см, предельная ширина лопасти 6,3 см, наибольшая толщина под овальным отверстием 2,5 см. На боковых полях овального отверстия имеются продольные тупые ребра в количестве пяти штук с каждой стороны. Топор с одной стороны покрыт блестящей черной патиной, а вся остальная поверхность – местами зеленой, а местами черной патиной. Факт наличия черной блестящей патины на данном изделии говорит об очень тонкой проковке и шлифовке поверхности этого топора после его отливки.

¹ Джанашиа Н. С. Религиозные верования абхазов. Христианский Восток. Т. IV. Вып. 1. II, 1915.

² Там же С. 77–85.

Лезвие отточено и местами имеет выщербины, говорящие об употреблении данного топора.

Топор имеет тщательно выполненный гравированный орнамент, состоящий из сетчатых, елочных, треугольных и крючковых украшений

Первые два вида орнаментации (за исключением одной елочной дорожки) нанесены на двух полях узкой и расширенной части шейки топора. Третий вид, заполненный точечным наколом, располагается на лопасти топора с обеих сторон параллельными рядами. На одной стороне лопасти эти ряды расположены зонально и между ними проходит елочная дорожка. Здесь же, на 1,5 см выше лезвия топора, нанесен четвертый вид, т. е. крючковой орнамент, который, как и треугольники, заполнен точечным наколом.

Третий топор также типа «б» – изящной работы и хорошей сохранности. Поверхность его покрыта зеленым и синим налетом. Размеры топора: длина 18,2 см, ширина лопасти 6,8 см, наибольшая толщина у насадочного отверстия 3,1 см. На боковых полях овального отверстия имеется по четыре ребра. Топор покрыт богатым и разнообразным гравированным орнаментом. Ребра украшены косой штриховкой; на передних гранях топора от молоточной до расширенной части лопасти нанесен орнамент в виде углов, расположенных лентообразными полосками, заполненными, в свою очередь, косой штриховкой; боковые поля лопасти до обойменной части шейки топора орнаментированы кружковым узором, который нанесен трубчатым штампом и чередуется с елочными украшениями.

Четвертый топор типа «г» – на бронзовой рукояти, покрыт вместе с рукоятью зеленой патиной. Общие размеры топора определяются следующими данными: длина 18,5 см, наибольшая ширина лопасти 6,2 см, максимальная толщина у насадочного отверстия 3,3 см.

Лезвие топора отточено, но без следов работы. Изделие имеет три вида орнамента. Первый состоит из лентообразных полосок, нанесенных с обеих сторон топора (у начала уширения лопасти и в узкой средней части шейки топора). Некоторые из этих полосок заполнены косой штриховкой. Второй – сетчатый, нанесен в средней и расширенной части шейки топора в двух полях. Третий

орнамент в виде треугольников, приближающихся к равнобедренному, нанесенных в начале уширения лопасти топора с обеих сторон. Треугольники заполнены также точечным наколом, как и треугольники и крючки на предыдущем втором тополе.

Рукоять четвертого топора, имеющая в сечении форму овала, полая и разрезная. Длина ее 40,5 см, толщина стенок 2 мм. В поллой рукояти, заполненной землей, не обнаружено никаких следов дерева. Внутренние диаметры сечения рукояти: в изломе 1,7х2,5 см; у верхнего конца, на 2,3 см выходящего за топор, 2,2х4,1 см; у нижнего конца 2х3,8 см. Все эти данные – узкий внутренний диаметр поллой рукояти, отсутствие следов деревянной ручки, двухмиллиметровая толщина стенок рукояти – дают основание утверждать, что данный топор не употреблялся в качестве боевого оружия, а являлся предметом культового назначения.

В этой связи можно привести следующие сведения. На одном сиро-хеттском цилиндре-печати, опубликованном Г. Контено, имеется изображение жрецов в высоких конических головных уборах, которые держат в руках топоры колхидского типа с топоричами.¹ В данном случае топоры с топоричами, возможно, являются атрибутом жреческого достоинства.

В Абхазии известны два топора типа рассматриваемого с аналогичной формой сечения рукояти, но, в отличие от куланурхвинского, их рукояти не полые.²

Пятый топор типа «г» – изящной работы и хорошей сохранности. Поверхность его покрыта местами зеленым и синим налетом, а местами – блестящей черной патиной. Лезвие отточено и имеет несколько выщербин, свидетельствующих о его использовании. Общие размеры топора определяются следующими данными: длина 17,5 см, ширина лопасти 6,4 см, предельная толщина у насадочного отверстия 3,4 см.

Рассматриваемые типы куланурхвинских топоров имеют широкое распространение в Абхазии. Однако большая часть их при-

¹ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1, Тбилиси, 1940. Рис. 26.

² Лукин А. Л. Указ. соч.; Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры и Абхазии. Известия научно-исследовательского института кавказоведения. Вып. 3. Тифлис, 1935. Рис. XV4, 3.

надлежит к отдельным случайным находкам, к сожалению, не известным, с какими предметами они связаны. Ввиду того, что эти случайно найденные отдельные предметы не имеют решающего значения для интерпретации наших памятников, мы укажем лишь на комплексный материал, обнаруженный в Абхазии в следующих пунктах.

В 1930 году в селении Эшера Сухумского района крестьяне случайно обнаружили три погребения в крупных глиняных сосудах, украшенных грубым рубчатым узором в виде треугольников. Сосуды были установлены на плоских известняковых плитах. Кроме человеческих костей, в них найдены разнообразные бронзовые предметы: широкий браслет цилиндрической формы, кинжалы, наконечники копий, ножные кольца, пряжка поясная с головкой животного и сердоликовые бусы. В числе этих вещей находился и интересующий нас, изящно сделанный бронзовый топор типа «г» с металлической рукояткой. М. М. Иващенко относит урновые погребения Эшерского могильника к VI–V вв. до нашей эры.¹

В том же Эшерском могильнике в 1934 году абхазская археологическая экспедиция вскрыла еще одно погребение в крупном глиняном сосуде, где также содержались различные металлические предметы (бронзовый кинжал, бронзовые и железные наконечники копий, оловянная гривна и другие вещи), среди которых оказался и бронзовый топор типа «г».² Топор имеет богатый гравированный орнамент, состоящий из изображений: собаковидного существа, рыбы, сетчато-заштрихованных лент, кружкового узора и елочных украшений. Из указанных видов орнамента елочные и сетчатые украшения повторяются на некоторых куланурхвинских топорах.

Бронзовые топоры типа «г» известны также и из Аагстинского погребения в селении Мугудзырхва Гудаутского района. Это погребение, обнаруженное случайно в 1929 году при рытье

¹ Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Известия научно-исследов. института кавказоведения. Вып. 3. Тифлис, 1935. С. 3. Рис. XV1, 3.

² Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. Тбилиси, 1949. Табл. XX, 6.

канавы на участке крестьянина Д. Хварцкия, было исследовано А.Л. Лукиным.

В могиле обнаружено три топора типа «г».¹ Из них один, как отмечает А. Л. Лукин,² по отделке имеет своеобразную особенность, до сих пор не наблюдавшуюся в местных находках. Эта особенность заключается в том, что обушно-обойменная половина топора покрыта пятью широкими продольными желобками, отделенными друг от друга продольными ребрами, как на топорах типа «б».

В 1951 г. археологической разведкой, произведенной мною на Сухумской горе, было обнаружено грунтовое погребение с инвентарем колхидской бронзы (костяк совершенно истлевший).³ Осторожной расчисткой могильной ямы удалось установить, что покойник лежал на спине в вытянутом положении, с ориентацией головы на юг, к морю. В погребении найдены три топора типа «б», орнаментированный браслет из слегка граненого прута и глиняные сосуды. Браслет напоминает бронзовые браслеты с овально расплюснутыми концами, встречающиеся в могильных комплексах VI века и второй половины первого тысячелетия до нашей эры. Но сухумское погребение, несомненно, относится к более раннему времени.

Таковы те комплексные находки, которые обнаружены в Абхазии.

Топоры рассмотренных типов, связанные с целыми комплексами, обнаружены в Самтавро Мцхетской археологической экспедицией под общим руководством академиков И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа в следующих грунтовых могилах.

В 1940 году в погребении 208-м при человеческом костяке (в скорченном положении) был найден бронзовый топор типа «г» более грубой работы. Вместе с ним находились два бронзовых меча, один с тупым концом, другой с заостренным, пояс из широкой листовой бронзы, бронзовые фигурки оленя, бронзовый пинцет, глазированная глиняная чаша, а также плоские наконечники стрел. Последние встречаются в грунтовых погребениях в Самтавро вместе с наконечниками стрел раннескифского типа (погр. 20-е и др.).

¹ Лукин А. Л. Указ. Соч., табл. III, 1–3.

² Там же. С. 34. Табл. III, 2.

³ Инвентарь этого погребения находится в Гос. музее Абхазии им. Д.И. Гулиа.

В 1946 году в погребении 260-ом при скорченно положенном покойнике был обнаружен топор типа «б», тоже грубой работы. Остальной инвентарь этой могилы состоял из бронзовых браслетов, бус (сердоликовых, пастовых, янтарных) и других вещей.¹

Грунтовые могилы Самтаврского некрополя по своему возрасту разновременны. А. Н. Каландадзе относит их к XIII–V вв. до нашей эры.²

И, наконец, расскажем еще об одном топоре, связанном с погребальным комплексом. В 1939 году в могильнике у селения Бешташени в Триалети в грунтовом погребении 11-ом был найден боевой топор³ типа «г», вместе с которым обнаружены: поясная пряжка кобанской формы с головкой барана, бронзовый кинжал с ажурной головкой (специфический для Ганджа-Карабахского и Севанского производственных районов конца бронзовой эпохи⁴ и пр. Причем инвентарь этого погребения (топор, кинжалы) был подвергнут намеренной порче и разбросан по дну могилы. Погребальный инвентарь Бешташенского могильника относится к эпохе поздней бронзы и первого появления железа.⁵

Из многочисленных кладов, обнаруженных в Западной Грузии, значительный интерес представляют клады из Лечхуми⁶ и Квишари,⁷ хранящиеся в Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Лечхумский клад состоит из сосуда, сделанного из бронзового листа, с двумя ручками, украшенными звериными головками.

¹ Инвентарь указанных погребений (208, 260) хранится в Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

² Каландадзе Л. Н. Периодизация памятников Самтавро. Доклад на научной сессии ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья, – см. Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XXI.V, 1949. С. 4–5.

³ Куфтин В. А. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1, Тбилиси, 1941. Рис. 69.

⁴ Там же. С. 68. Рис. 70, 71 и 72, а.

⁵ Там же. С. 65–68.

⁶ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. «Вестник Гос. музея Грузии», XIII – В, Тбилиси, 1944. С. 27–35. Табл. XII–XIV.

⁷ Ниорадзе Г. К. Археологические раскопки в сел. Квишари. «Советская археология». Т. XI, 1949 С. 185–194.

В сосуде, наряду с различными бронзовыми предметами (кружки со звериными ручками, браслеты, ножные кольца и др.), находилось семь тончайше полированных топоров типа «г» и два более грубых и крупных топора типа «б», имеющих аналогию с куланурхвинскими.

Топоры рассматриваемого типа представлены также в квишарском кладе.¹ Среди различных памятников этого клада, обстоятельно изученного проф. Г. К. Ниорадзе, находится и одна бронзовая ручка (от сосуда) со звериной головкой, тождественная с ручками лечхумских бронзовых сосудов.²

Для правильного решения вопроса датировки наших топоров важное значение имеют сосуды типа лечхумского клада. Они известны из ряда хорошо датированных могильных комплексов Кавказа. Так, в 1914 г. Раскопками Б. Ф. Петрова в могильнике у сел. Малаклю (подножие горы Арарата) в комплексе с урартскими столбчатыми печатями были обнаружены: бронзовая ручка, тождественная ручкам лечхумских сосудов, и железные наконечники стрел.³ Эта ручка по печатям урартского типа периода правления царя Русы II, сына Аргишти, железным стрелам и другим предметам, датируется вместе с кладом из Лечхуми VII в. до н. э.⁴

Бронзовые сосуды (фрагменты), аналогичные лечхумским, найдены также в одном из Келермесских курганов Кубани (качало VI в. до н. э.) и в могильнике у сел. Заюково Кабардинской АССР.⁵

Вне Кавказа подобные сосуды в количестве двух известны и из скифского кургана у сел. Жаботин Киевской области.⁶

Б. Б. Пиотровский в ряде своих работ подробно перечисляет обнаруженные на Кавказе сосуды интересующего нас типа. В настоящее время их уже насчитывается много, и все они не выходят за пределы VII –VI вв. до н. э.

¹ Там же. С. 186–187. Рис. 2 и 3.

² Там же. С. 191.

³ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий...». С. 11, 14.

⁴ Там же. С. 27, 53 и 68.

⁵ Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье. Труды отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитаж. Т. III. Л., 1944. С. 89–90.

⁶ Там же. С. 89.

Таким образом, вся приведенная выше аргументация, помимо других данных, не позволяет вывести возраст наших топоров вглубь за пределы VII в. до н. э.

Бронзовые браслеты, найденные в куланурхвинских могилах, принадлежат к шести различным типам. К первому относятся три широких пластинчатых браслета цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, найденные в первом и во втором погребениях (сохранились фрагментально). Их можно рассматривать не только как украшение, но и как оборонительное оружие, служившее для защиты рук от удара боевого короткочеренкового топора.

В 1951 г. археологическими раскопками Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР в сел. Куланурхва было обнаружено еще несколько подобных браслетов.¹

Изделие исследуемой формы в одном экземпляре имеется среди бронзовых предметов Эшерского могильника.²

Браслеты интересующего нас типа до сих пор неизвестны на остальной территории распространения колхидской бронзы и в других пунктах Кавказа. Это обстоятельство указывает на то, что рассматриваемые браслеты являются характерными для абхазских погребений с инвентарем колхидского типа.

Следует отметить, что Б. А. Куфтин, основываясь вообще на чисто случайных совпадениях отдельных предметов, дает неправильное освещение разбираемому типу браслетов. Так, сравнивая вышеуказанный браслет цилиндрической формы из сел. Эшера с «манжетными» браслетами негров Бенина (Западная Африка), он делает вывод, что сходство браслетов из сел. Эшера и Бенина является результатом реально-исторических связей древнего населения Колхиды и негров Африки.³

Такое соображение нельзя считать обоснованным, так как оно вытекает не из целого ряда фактических данных, а из одного, чисто случайного факта совпадения браслетов указанного типа.

¹ Трапш М. М. Археологические находки в сел. Куланурхва. См. газ. «Советская Абхазия» от 22 февраля 1952 г.

² Иващенко М. М. Указ. Соч. Рис. XVII, 2.

³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1, Тбилиси, 1949. С. 161–162.

Ко второму типу относится фигурный браслет, найденный в первом погребении. Он состоит из центральной двухлопастной широкой пластинки, от средней части которой в противоположные стороны отходят по два желобчатых ребра. Ребра эти, сходясь между собой, образуют расширенные концы. Центральная пластинка браслета с ребрами напоминает грудную клетку человека. Изделие это разломано, но легко восстановимо. Размеры браслета: диаметр поперечника у верхнего конца 6,3 см, у нижнего конца – 5 см. Аналогия к данному типу браслета нам неизвестна в собраниях колхидской бронзы.

К третьему типу относится браслет бронзовый, массивный, с глубокими наружными надрезами, найденный во втором погребении. Концы браслета у наружного разреза заканчиваются маленькими выступами, сходящимися своими концами. Толщина браслета в разрезе 8 мм. Внутренний диаметр 6,5 см.

Браслеты этого типа на Кавказе обнаружены в следующих пунктах: в селении Кинчха Цулукидзевского района (Западная Грузия) – случайная находка, хранящаяся в Кутаисском музее; в бывшем Ново-Баязетском уезде (Армянская ССР) – в коллекции Е. И. Лалаяна, хранящейся в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа за № 64; в селении Доланлар, в Нагорно-Карабахской автономной области (браслеты из Доланлара, в отличие от куланурхвинского, замкнутые и на наружной поверхности, кроме надразов, имеют по одной или по несколько шишечек);¹ в древнем поселении долины Ганджа-Чая (Азербайджанская ССР) – из раскопок Я. И. Гуммеля (этот браслет имеет полное сходство с куланурхвинским);² в Калакепте – из находок в каменных ящиках №№ 14 и 38, раскопанных А. А. Ивановским (в ящике № 38 вместе с браслетом найдены сердоликовые бусы разных форм – шаровидные, цилиндрические, ромбовидные и другие вещи);³ в Кобанском

¹ Минкевич-Мустафаева Н. В. Об археологических находках на сел. Доланлар, «Материальная культура Азербайджана», АН Азербайджанской ССР. Т. 1, Баку, 1949. Табл. III, 1, 4.

² Гуммель Я. И. Археологические очерки (сборник статей). Баку, 1940. С. 100 фиг. 4.

³ Ивановский А. А. По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VI, 1900. Табл. II, 2, 4.

могильнике (Северная Осетия) – из собрания А. С. Уварова. Этот браслет с широким просветом.¹

Сравнительный археологический материал показывает, что рассмотренный тип браслета встречается по всему Кавказу, но больше всего пока их найдено в Восточном Закавказье.

К четвертому типу относится браслет, замкнутый с восемью наружными выступами, принадлежащий ко второму погребению. Внутренний диаметр – 6,3 см, толщина прута – 6 мм. Совершенно подобный браслет имеется в вышеуказанной коллекции № 64 Е. И. Лалаяна из б. Новобаязетского уезда, хранящийся в Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

К пятому относится браслет, состоящий из круглого прута с широко разведенными, овально расплюснутыми концами, найденный в третьем погребении. Внутренние диаметры браслета 5,6х6,1 см, толщина прута 6 мм, ширина просвета на концах браслета 2,1 см.

К шестому типу относится браслет пластинчатый с суженными и свернутыми в спираль концами (№ 85), характерный как для центральной части Северного Кавказа, так и для территории древней Колхиды, найденный в Куланурхвинском могильнике еще раньше при вспашке земли. Внутренний диаметр его приблизительно 4,4х4,7 см. Ширина пластины в средней части 3,9 см, толщина 2 мм, а на гранях 3 мм. Сильно суживаясь с обеих концов, пластинка переходит в спиральные завитки с поперечником 1,6х1,8 см. Ширина просвета между концами 11 мм. На боковых гранях имеются линейные насечки. Завитки браслета четырехгранные, толщиной 5 мм. Слегка выделяющиеся ребра браслета делят пластинку по длине на два равных продольных желобка. Внутренняя поверхность браслета гладкая, предотвращающая врезание краев в тело при ношении.

Совершенно подобный браслет найден случайно в 1938 году в районе Бамборской поляны около гор. Гудаута.²

Аналогичный браслет в одном комплексе с топорами колхидского типа известен и из лечхумского клада.³

¹ Уварова П. С. Указ. Соч.

² Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. XVI, 1.

³ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий». Табл. XIV, 1.

Браслеты интересующего нас типа в количестве двух, приобретенных вместе с другими бронзовыми предметами в 1906 г. археологической комиссией в Майкопе, хранятся в Эрмитаже.¹

Общеизвестной аналогией к рассматриваемым изделиям являются также экземпляры из Кобанского могильника.²

Следует отметить, что на Северном Кавказе, в могильнике у селения Заюково на реке Баксане в одном погребении было найдено два браслета, аналогичные нашему, и подвески в виде двойной спирали, характерные для поздних могил Кобанского могильника (VII–VI вв. до нашей эры).³

Скульптурные фигурки животных из Куланурхва насчитываются в количестве трех экземпляров.

В погребении 2-ом найдена скульптурная фигурка фантастического животного с открытой пастью и высунутым языком. Животное изображено в лежащем положении на левом боку с поворотом головы вправо. Одна сторона фигурки плоская, другая – кругло-моделированная. Все детали ее сделаны тщательно. В средней части туловища имеется петля для подвешивания. Передние ноги лежат вплотную рядом, под прямым углом обращенные вправо, а на них покоится опущенная голова. Задняя правая нога, согнутая под углом, упирается в переднюю правую ногу. Голова вместе с шеей и мордой толстые. Уши короткие и стоячие. Хвост длиной 7,3 см дает три изгиба. Длина фигурки без хвоста 4,5 см. Данное изделие покрыто гравированным орнаментом.

В нижней части туловища, у основания хвоста, тонкой иглой изображен неправильной формы маленький круг, от которого отходят косые штрихи, ограниченные окружностью. Посередине туловища нанесены три пояса: два из них украшены треугольниками, которые в свою очередь заполнены косой штриховкой; третий пояс с елочной дорожкой. Хвост, задняя нога шея (нижняя часть) покрыты также елочным орнаментом. Верхняя часть туло-

¹ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки п конце медно-бронзового века. Материалы и исследования по археологии СССР. Выш. 23, 1951. С. 83.

² Уварова П. С. Указ. Соч. Табл. XXX, 4 и 5.

³ Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье. Труды Отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитаж. Т. ПТ, Л., 1940. С. 89–90.

вища украшена треугольным орнаментом. На правой ноге парой врезных линий, расположенных вокруг выпуклого места бедра, хорошо выражены мышцы. Вокруг носа сделаны насечки. Поверхность фигурки местами покрыта блестящей темновато-серой патиной, а местами – зеленовато-синим и тёмно-синим налетом.

Приведенное краткое описание показывает, что эта вещь является весьма интересным памятником древнего искусства. Рассматриваемая фигурка по своим некоторым характерным деталям (открытая пасть, голова с толстой мордой, длинный хвост, ноги и т. д.) имеет близкое сходство с образом фантастического хищника, очень часто встречающегося в отчетливо выраженной форме в орнаментах и рисунках на вещевых памятниках колхидской бронзы (топоры, пряжки и др.).

Мы полагаем, что данная фигурка имела не чисто декоративное, а тотемическое значение.

В этой связи напомним, что в религиозной жизни абхазов и их фольклоре отдельные представители животного мира часто играют значительную роль. Например, в образе самого выдающегося героя абхазских нартских сказаний Сасрыквы мы замечаем некоторые черты, по-видимому, тотемического характера. Так, в день его смерти беспрерывно стекались к нему многочисленные животные. Далее, некоторые абхазские фамилии также носят на себе несомненные следы тотемического происхождения, например, Бганба, т. е. Волков и др.¹

В погребении 3-ем обнаружено изображение кабана или свиньи маленького размера. На спине животного имеется дугообразный выступ с круглым отверстием посередине, на который сверху, поперек фигурки, насажено миниатюрное схематическое изображение какой-то птицы. Сзади фигурки, вместо хвоста, находится короткий утолщенный стержень с кнопкообразной шляпкой. Передние ноги слиты вместе и имеют вид вытянутого вниз треугольника. Морда животного, со слегка приподнятым вверх носиком, немного опущена. На морде маленькими ямками, расположенными симметрично, обозначены два глаза. Выше глаз помещаются заостренные уши, направленные прямо вверх. Общие

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях. Труды АБНИИ АН Груз. ССР. Т. XXIII, 1949, С. 117.

размеры фигурки – длина 2,6 см, высота со схематическим изображением птицы 2 см. Вещь хорошей сохранности. Разбираемый экземпляр по моделировке передней ноги, морды и ушам имеет близкое сходство с фигуркой кабана или свиньи, но без птички, происходящей из Кобани.¹

Не лишне отметить, что известный сказочный мотив о спрятанной душе встречается в абхазском фольклоре в интересном сочетании с кабаном, птицей и шкатулкой. Так, могучий герой нартских сказаний Хважарпыс в поисках души своего соперника отправляется в далекое ущелье, убивает там дикого кабана с колокольчиком на шее, из живота его вынимает красивую шкатулочку и в ней находит пеструю птичку. Когда Хважарпыс убил птичку, тотчас же умер и похититель его невесты – прекрасной Гунды.² Приведенный древний сказочный мотив из абхазского фольклора, по всей вероятности, связан с рассматриваемой фигуркой кабана.

В погребении 1-ом находилось схематическое изображение летящей птицы и к ней прикреплены на колечках три подвески наподобие рыб. Кольца сделаны из круглой проволоки толщиной в 3 мм. Среди них имеются разомкнутые кольца овальной и замкнутые восьмеркообразной формы. Птица имеет шесть петель. Одна находится на спине между крыльями на высоком круглом стержне. Остальные пять расположены под фигуркой крестообразно. В них вдеты указанные кольца с подвесками. Исходя из количества петель, разбираемое изображение вначале имело пять подвесок, но в погребении оказалось только три. Общие размеры описываемой птицы: длина 4,7 см, размах крыльев 3,5 см, наибольшая толщина фигурки 6 мм. Размеры подвесок: длина их от 7,5 до 7,7 см, предельная толщина 6 мм.

Вопрос о том, какая птица передана художником на нашем изделии, трудно разрешить. Вообще птица в религиозных верованиях древних племен тесно связана с небесным божеством. Это можно видеть повсеместно как на памятниках культа эпохи бронзы, так и в сказаниях и легендах народов Кавказа, сохранивших пережиточно древние представления.

¹ Уварова П. С. Указ. Соч. Табл. XI, 5.

² Инал-Ипа Ш. Д. Указ. Соч., 102.

Для объяснения смысла данного изображения немаловажную роль могут сыграть фольклорные материалы, в которых значительное место занимают образы различных птиц. Так, в известной абхазской легенде об Абрскиле – двойнике Амирани – герое сказаний других районов Грузии, фигурирует одна интересная птица. Каждый раз, когда Абрскил старается вырвать столб, к которому в глубине мрачной пещеры прикован он цепями, прилетает эта птичка и садится на столб. Чтобы прогнать ее, могучий узник заматывался огромным молотом, но зловещая птица успевает улететь, а молот попадает в столб, который снова вгоняется глубоко в землю. И так без конца.¹

В абхазском нартском эпосе мы наблюдаем близкую связь главного эпического героя Сасрыквы с целым рядом представителей животного мира, в частности, с орлом, с вороном, сипом, горлицей и голубем, причем последний выступает в одном случае как спаситель названного героя.²

Приведенные данные показывают, что птицы в религиозных верованиях абхазов занимают видное место. Поэтому вполне возможно, что рассматриваемая схематическая фигурка летящей птицы с подвесками наподобие рыб имела культовое назначение.

Конусовидные бронзовые пронизи (высотой от 1,2 до 2,4 см и в диаметре от 1,9 до 2,4 см у основания) с крепкой дугообразной петлей (для прикрепления их) внутри найдены в первом погребении в количестве 18 штук, из них 16 с кнопкообразной головкой и два с заостренной вершиной. Последние украшены глубоким врезным геометрическим орнаментом, состоящим из окружности у основания и трех бороздок, делящихся на три части и сходящихся у вершины.

Совершенно такие же конические пронизи, только по размеру значительно большие, чем куланурхвинские, найдены и в других местах Абхазии (поселок Аагста, селение Мугудзырхва, Гудаутского района и селение Эшера, Сухумского района) в погребениях колхидской бронзы, то с кнопкообразными головками,³

¹ Джанашиа Н. Абрскил (Амирани) (на груз. яз.). «Акакис Кребули», № 5, 1898 г.

² Инал-Ипа III. Д. Указ. Соч. С. 96.

³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1919; Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. IV, 6.

то фигурные в виде парных звериных головок¹ или даже целых животных².

Аналогичные пронизи, более крупные чем наши, известны также из могильника у сел. Малаклю на северо-западном склоне горы Арарат. Здесь при раскопках, произведенных Б. Ф. Петровым в 1914 году, в погребении 10-ом в комплексе с интересующими нас предметами были найдены: урартская столбчатая печать, бусы (стеклянные, агатовые, бронзовые), а также бронзовая ручка от сосуда, украшенная звериными головками, и другие предметы.³

Описанные нами пронизи по месту нахождения и по своим маленьким размерам являются, несомненно, принадлежностями костюма, т. е. украшениями.

Фибулы с бронзовой цепочкой представлены только в 3-ем погребении в количестве трех штук. Из них две бронзовые, одна железная. Бронзовые фибулы однотипны, без орнамента, с пластинчатой крутой дужкой (высотой 2,1 см). На одной из этих фибул сохранилась игла длиной в 3,3 см.

В коллекции А. Л. Лукина имеется пластинчатая бронзовая орнаментированная фибула типа рассматриваемых, найденная в 1927 году в селении Абгархук Гудаутского района.⁴

Аналогии по форме дуги вне Абхазии известны также по Северному Кавказу, происходящие из Кумбульта и Кобани.⁵

Железная фибула миниатюрная, из круглого прута диаметром в 2 мм, с плавно опускающейся дужкой. Общие размеры: высота дуги 10 мм, поперечник 16 мм. Фибулы, подобные по форме дуги, были встречены также на Северном Кавказе в ряде пунктов: в Чми, Рутха (собрание П. С. Уваровой).⁶

Бронзовые цепочки из Куланурхвы сделаны из круглой и желобчатой кантованной проволоки.

В первом погребении обнаружена цепочка длиной в 40 см, с 8-миллиметровыми овальными звеньями (звенья смыкаются на

¹ Иващенко М. М. Указ. Соч. Рис. XVII, 3.

² Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. IV.

³ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий». С. 14. Рис. 27.

⁴ Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. XV, 7.

⁵ Уварова П. С. Указ. Соч. Табл. LXXXVIII, 8. Табл. LXIV, 17.

⁶ Там же. Табл. V, 15. Табл. CIV, 11.

середине длинной стороны), сделанными из круглой проволоки диаметром в 1 мм.

Подобные цепочки известны из казбегского клада (коллекция № 2), хранящегося в Государственном музее Грузии им. академика С. Н. Джанашиа, и из Кобанского могильника.¹

Третьему погребению принадлежит также цепочка, у которой овальные звенья, в отличие от вышеописанной, сделаны из желобчатой пластинки 2 мм ширины. Эта цепочка длиной в 80 см, с очкообразными привесками.

Аналогичные привески обычно встречаются в сочетании с бронзовыми цепочками. В Грузии они известны в ряде пунктов. В 1940 году в Брильском могильнике, у селения Геби (Верхняя Рача), в грунтовом погребении 31 нижнего яруса (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили) была найдена очкообразная привеска,² тождественная куланурхвинской.

При раскопках Ф. Байерна в Самтаврском могильнике в погребении 600-ом обнаружена была такая же привеска³ вместе с дугообразной фибулой из тонкой бронзовой проволоки, наконечником копья и другими вещами.

Аналогичные привески известны и в Триалети, обнаруженные в каменном ящике № 2 в могильнике Маралин Дереси.⁴ Подобные привески хорошо известны и на Северном Кавказе, в частности, в Кобани,⁵ в Чми⁶ и в Нестеровском могильнике.⁷ Причем в последнем, кроме двух привесок, были найдены двуперые (ромбической и овальной формы) и трехгранные бронзовые наконечники стрел скифского типа, тождественные с куланурхвинскими стрелами.

Таким образом, интересующие нас очкообразные привески в сочетании с бронзовыми цепочками имеют широкое распространение в Грузии и в центральной части Северного Кавказа.

¹ Там же. Табл. XXXIV, 9.

² Фотоснимок этой привески был мне любезно показан Г. Ф. Гобеджишвили в 1949 году в Тбилиси.

³ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. С. 70. Рис. 74, б.

⁴ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. С. 70. Табл. XXIV.

⁵ Уварова П. С. Указ. Соч. Табл. XXXIV, 5, 6.

⁶ Там же. Табл. VIII, 8.

⁷ Крупнов Е. И. Северокавказская археологическая экспедиция. Кр. сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XVII, 1949. Рис. 44, 24, 26.

Серьги серебряные в виде колец из круглого отшлифованного прута с утонченными, слегка заходящими друг за друга концами, обнаружены в третьем погребении в количестве двух. Размеры: наибольшая толщина 4 мм, внутренний диаметр 1,5 см.

Серебряные серьги, тождественные с куланурхвинскими, найдены в 1938 году в Нестеровском могильнике, в погребении 5-ом при скорченном женском костяке у черепа. В этой могиле, кроме того, были обнаружены также пять стеклянных зеленоватых бус круглой формы и одно глиняное пряслице. Погребальный инвентарь Нестеровского могильника Е. И. Крупнов датирует VI – V вв. до нашей эры.¹

Пряжки поясные бронзовые, украшенные звериной головкой с острыми, поднятыми вверх ушами на длинной крючковидной шее от узкого лентовидного бронзового пояса (шириной от 3,5 до 4,3 см), который вставлялся в продольный расщеп этой пряжки и прочно заклепывался в ней. Пряжки эти обнаружены по одной в погребениях первом и втором.

Подобные пряжки представлены в Эшерском могильнике² и в Аагстинском погребении.³

Рассматриваемого типа пряжки неизвестны в других районах Кавказа и представляют собой своеобразную местную особенность в инвентаре абхазских погребений.

Гребень бронзовый, литой, с семью зубцами найден во втором погребении. Вещь эта сверху имеет выступ с круглым отверстием, украшенный двумя схематически изображенными топориками миниатюрного размера. Размеры гребня: ширина 3,5 см, высота с выступом 5 см.

Изделие такого же типа, но с иным украшением сверху, известно из Триалети. Так, например, в погребении 4-ом в каменных ящиках в могильнике Моралин Дереси раскопками Б. А. Куфтина обнаружен бронзовый гребешок с пятью зубцами и полумесяцем, выступающим сверху. Вместе с этим предметом найдены бронзо-

¹ Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды Гос. исторического музея. Вып. И, М., 1941. С. 179 – 180. Табл. V, 13, 14.

² Иващенко М. М. Указ. Соч.. С. 61 – 62. Рис. XVII, а.

³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I, Тбилиси, 1949. Табл. XI, 2.

вая мотыжка типа западногрузинского, сердоликовые бусы, браслеты бронзовые с заходящими концами.¹

Бронзовая спиральная завитая трубка, имеющая восемь колец, сделанная из пластинки 5 мм ширины, найдена в третьем погребении. Размеры: диаметр кольца 6 мм, длина трубки 4 см. Тожественные изделия обнаружены в Нестеровском могильнике (раскопки Е. И. Крупнова)² и в Чми.³

Спиральная завитая трубка, большего размера по сравнению с нашей, известна также из Кобанского могильника.⁴

Бронзовая крестообразная подвеска найдена в третьем погребении. Эта вещь с круглым отверстием посередине, состоящая из 4 стерженьков, длиной в 7 мм, расположенных под прямым углом. Стерженьки оканчиваются коническими шляпками.

Подобные подвески широко встречаются на территории распространения колхидско-кобанской бронзы (Западная Грузия и центральная часть Северного Кавказа).

За пределами указанной территории единственная в своем роде крестообразная бронзовая подвеска,⁵ тождественная с нашей, была обнаружена в 1911 году в Ольвии, в погребении 66-м. Вместе с подвеской в этом погребении находились: наконечники стрел скифского типа, меч, амфора, костяная пронизь и другие предметы.

Данное погребение по наконечникам стрел, форме меча датируется V веком до нашей эры.⁶

Железное кольцо разломанное, но легко восстанавливаемое, найдено в третьей могиле. Общие размеры: толщина круглого тела 4 мм, внутренний диаметр 2,2 см.

Бронзовая булава, найденная в третьем погребении, длиной 9,5 см, с н-образной головкой, помещенной своей переклади-

ной на ромбовидно-расширенной верхней части иглы. Под перекладиной круглое отверстие. Свободные концы продольных стерженьков головки имеют вид конических утолщенных шляпок. Длина параллельных стерженьков и перекладины между ними 10–13 мм. Диаметр шляпок 4 – 5 мм. Аналогичная булава из того же селения Куланурхва имеется в коллекции А. Л. Лукина¹. Подобные изделия с н-образной головкой из других местностей Кавказа нам неизвестны.

Фрагменты сосуда из тонкой листовой бронзы вместе с обломанными кольцами из трехгранного прута обнаружены в первом погребении. Установить форму сосуда не удалось ввиду его сильной фрагментированности. Относительно колец можно полагать, судя по месту нахождения их вокруг обломков бронзовых пластин, что они вначале были надеты на сосуд с целью украшения и придания прочности его стенкам.

***

В куланурхвинских погребениях бусы составляют наиболее многочисленную часть инвентаря. Наряду с прекрасно обработанными сердоликовыми, здесь обнаружены в большом количестве бусы из бронзы, из стекла, а также пастовые. В очень небольшом числе имеются бусы из янтаря.

Рассмотрим кратко следующие отдельные группы их:

Сердоликовые бусы шаровидной формы с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом, в количестве 140 штук, размером от 5 до 31 мм в диаметре, найдены в первом погребении. Все они хорошо отполированы, с желтовато-белой расцветкой поверхности и синими прожилками на некоторых. Расцветка на бусах, возможно, вызвана химическими процессами в самой почве.

Среди бус имеются пять штук с надпилем у входного отверстия. Сердоликовые бусы с надпилем хорошо известны по всему Причерноморью от Ольвии до Керчи и Анапы и встречаются в Приднепровье, по Дону, Кубани, Риону, обычно сопровождаемая разнообразными стеклянными (цветными, золочеными и пр. буса-

¹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. С. 51. Рис. 50, 4.

² Крупнов Е. И. Северокавказская археологическая экспедиция. Кр. сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XVII, 1947. Рис. 44, 19.

³ Уварова П. С. Указ. Соч. Табл. XII, 2.

⁴ Там же. Табл. XXXIV, 10.

⁵ Капошина С. И. Погребения скифского типа в Ольвии. «Советская археология». Т. XIII, 1950. С. 212. Рис. 7.

⁶ Там же. С. 212.

¹ Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. XV, 1.

ми эллинистического времени III–I вв. до нашей эры.¹⁾ Однако наши бусы с надпилотом у входного отверстия не могут быть отнесены к этому периоду, так как они по тонкости полировки и форме отверстия тождественны с каменными бусами (сардеровые, сердоликовые и др.), встречающимися в комплексах более раннего времени.

В Эшерском могильнике в погребении с инвентарем колхидской бронзы найдены сердоликовые бусы (около ста штук),²⁾ среди которых отсутствуют бусы с надпилотом. Самые крупные из них достигают до 2 см в диаметре. При сравнении их с нашими следует обратить внимание на сходство в величине бус, тщательности отточки, тонкости полировки и форме самого отверстия.

Совершенно подобные бусы, вместе с золотыми украшениями, в Западной Грузии происходят из сел. Парцханаканеви и Носири. Они датируются эпохой не позднее первой половины первого тысячелетия до нашей эры.³⁾

Вне Западной Грузии тождественные бусы, в количестве восьми штук, размером от 12 до 30 мм в диаметре, найдены в казбегском кладе, хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве за № 1792. Ими подтверждается дата для бус Парцханаканеви и Носири.

Интересные находки, имеющие аналогию с куланурхвинскими, были сделаны в 1940–1941 годах в крепости Кармир-блуре, где в одной из центральных комнат Западного здания найдены в большом количестве сердоликовые бусы разных размеров (крупные, средние, малые) вместе с тремя столбчатыми печатями урартского типа.⁴⁾

Раскопанная часть цитадели на Кармир-блуре датируется серединой VII века до н. э.⁵⁾

Стеклянные бусы шаровидной формы, найденные в первом погребении, по цвету и по диаметру отверстия можно разделить на две группы.

¹⁾ Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. Кратк. сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XVIII, 1947. С. 30.

²⁾ Иващенко М. М. Указ. Соч. С. 63. Рис. XVII, 5.

³⁾ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. С. 133 – 135. Рис. 131.

⁴⁾ Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 167.

⁵⁾ Пиотровский В. Б. Археология Закавказья. Л. 1949. С. 109.

К первой группе относятся бусы из стекла золотистого цвета с диаметром отверстия около 6 мм. Бусы эти, в количестве тридцати восьми штук, размером от 8 до 13 мм в диаметре, утратили первоначальную поверхность в результате коррозии.

Ко второй группе принадлежат бусы из мутного, чуть зеленоватого стекла (восемь штук), по-видимому, иного состава, с диаметром отверстия около 4 мм. Размеры этих бус 11 – 13 мм в диаметре.

В эпоху поздней бронзы на территории Грузии стеклянные бусы редко встречаются в погребальном инвентаре колхидского типа. В коллекции А. Л. Лукина имеется четыре стеклянных бусины на проволочках в качестве «серьги», принадлежащие к двум комплексным находкам, обнаруженным разновременно около г. Гудаута. Бусы эти аналогичны с нашей второй группой.

Заслуживает внимания рассмотрение этих комплексных находок, с которыми связаны указанные четыре бусины из коллекции А. Л. Лукина.

В 1910 году во время корчевки около берега моря, в западной части Бамборской поляны, крестьянами было обнаружено большое количество бронзовых предметов (фигурные привески животных, летящая птица, фигурка «винопийца»¹⁾, колокольчики, фигурка женщины с ребенком на руках, браслет из круглого прута с удлинненно-овальными концами и др.). Позднее на том же месте А. Л. Лукиным обнаружены две стеклянные бусины и одна трехгранная пластинчатая золотая накладка.¹⁾

Вторая находка была сделана в 1915 году близ гор. Гудаута. Здесь вместе с двумя стеклянными бусинами найдены три бронзовых браслета из простых лентовидных пластинок, украшенные елочным орнаментом, обломок бронзовой фибулы дугообразной формы и незначительные остатки человеческого костяка. В сквозном отверстии каждой бусины имелись частью рассыпавшиеся кольцевидные крючки из тонкой бронзовой проволоки. Автор находки А. Л. Лукин, учитывая положение бусин в момент находки, полагает, что они служили в качестве сережек.²⁾

Бамборская находка в целом замечательна тем, что она в хронологическом отношении примыкает к казбегскому кладу.

¹⁾ Лукин А. Л. Указ. Соч. С. 62 – 66.

²⁾ Там же. С. 75.

Об этом говорит наличие в том и другом кругломоделированных скульптурных изображений.

Бусы, тождественные с нашей второй группой, обнаружены в Самтаврском могильнике. Здесь в 1939 году в грунтовом погребении 7-ом¹ (раскопки А. Н. Каландадзе) при скорченно положенном покойнике были найдены четыре экземпляра стеклянных бусин вместе с двумя пастовыми и одной привеской из черного камня.

Наряду с ними в этой же могиле обнаружены также три бронзовых браслета из круглого прута. Один с открытыми обрубленными концами, по наружной стороне которого имеются надрезы, чередующиеся с гладкой поверхностью. Остальные браслеты с заходящими друг за друга утонченными концами.

Бусы из чуть зеленоватого стекла, шаровидной формы, размером 12 – 15 мм в диаметре, относящиеся к более раннему времени, происходят также из могильника у селения Малакля (погребение 10-е).²

Янтарные бусы в Куланурхве представлены фрагментами, за исключением одной целой бусины, имеющей форму усеченной четырехгранной пирамиды высотой в 2,5 см. Основание пирамиды – неправильный четырехугольник с наибольшей стороной, равной 1,4 см, а вершина – правильный треугольник с наибольшей стороной, равной 1 см. Эта бусина вместе с остальными фрагментами янтарных бусин найдена в первом погребении.

Янтарь впервые появляется в эпоху Кобанского могильника, а в раннескифское время является широко распространенным.

В Самтаврском могильнике в погребении 106-ом³ (раскопки А. Н. Каландадзе и М. М. Иващенко, 1939 г.) среди найденных янтарных бус обнаружена одна бусина, аналогичная по форме и диаметру отверстия с куланурхвинской. В инвентарь этой могилы, кроме янтарных бус, входят сердоликовые бусы – круглые и многогранные, а также двуперые и трехгранные бронзовые наконечники стрел скифского типа.

¹ Инвентарь погребения хранится в Гос. музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

² Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий...». С. 49. Табл. VI, 1 – 4.

³ Инвентарь погребения хранится в Гос. музее Грузии им. акад. С. И. Джанашиа.

Бусы ластовые, биконической формы, в количестве восьми штук из сероватой пасты и четырех из желтой пасты, хрупкие, окрашивающие пальцы, найдены в первом погребении. Их в погребении было много, но при прикосновении к ним они рассыпались в порошок. Бусы эти имеют размер от 7 до 9 мм в диаметре.

Бронзовые бусы, обнаруженные в куланурхвинских погребениях, принадлежат к двум типам.

В погребении 2-ом найдено сто штук бус биконической формы, слегка сплюснутые. Бусы эти, размером 7 мм в диаметре, сделаны из трехгранного 5-мм ширины прута, со смыкающимися вплотную концами. Большинство из них покрыто черной блестящей патиной.

Ко второму типу принадлежит более двухсот штук бус в виде колечек, сделанных из узеньких пластинок со сходящими вплотную друг к другу концами. Эти бусы, достигающие по своему размеру 3 мм в диаметре, покрытые зеленой патиной, были собраны в третьем погребении.

Бусы первого типа близки по своей форме к крупным бронзовым бусам биконической формы, обнаруженным в Аагстинском погребении¹ и Эшерском могильнике² в Абхазии.

Таков инвентарь рассмотренных куланурхвинских погребений.

III

В итоге произведенных исследований в сел. Куланурхва возможно наметить следующие выводы.

1. Все указанные выше соображения, в частности, сравнительный анализ инвентаря позволяют отнести обнаруженные в сел. Куланурхва погребения к VII – VI вв. до н. э.

Основными аргументами для этой датировки являются:

Во-первых, бронзовые топоры колхидского типа из сел. Куланурхва по своим формам, деталям и качеству имеют полную аналогию с топорами лечхумского клада, возраст которого определяется временем VII века до н. э.³

¹ Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. V, 1.

² Иващенко М. М. Указ. Соч. Рис. XVII, 5.

³ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий...». С. 27, 68.

О правильности датировки клада из Лечхуми говорят замечательные материалы из могильника близ сел. Малаклю, где в комплексе с урартскими столбчатыми печатями были обнаружены: бронзовая ручка, в точности соответствующая ручкам лечхумских сосудов, и железные наконечники стрел.¹

Комплекс столбчатых печатей урартского типа из Малаклю имеет близкое сходство с печатями, найденными раскопками Б. Б. Пиотровского в Кармир-блурской крепости,² исследованная часть которой датируется серединой VII в. до н. э.³ Что касается железных наконечников стрел, то и они также близко напоминают железные стрелы из хеттского города Кархемыша, эпохи его падения в VII веке до нашей эры.⁴

Во-вторых, сердоликовые бусы из первого куланурхвинского погребения, которые по тщательности отточки, тонкости полировки, размеру и форме самого отверстия тождественны с эшерскими, носирскими и кармир-блурскими бусами, относящимися к эпохе не позднее первой половины первого тысячелетия до нашей эры.⁵ Причем, нужно учесть, что среди куланурхвинских сердоликовых бус имеется пять штук с надпилом у входного отверстия. Это обстоятельство также не позволяет вывести возраст первого погребения вглубь за пределы VII в. до нашей эры.

В-третьих, куланурхвинский пластинчатый браслет с концевыми завитками, характерный как для центральной части Северного Кавказа, так и для территории древней Колхиды, имеет полное сходство с двумя подобного же типа браслетами, обнаруженными в могильнике у сел. Заюково Кабардинской АССР. Эти браслеты, встречающиеся в поздних погребениях Кобанского могильника, относятся к VII – VI вв. до нашей эры.⁶

В-четвертых, куланурхвинские серебряные серьги в виде колец, слегка заходящих друг за друга утонченными концами (погр. 3), име-

ют аналогию с двумя такими же серьгами, обнаруженными в 1938 году в Нестеровском могильнике, в погребении 5-ом. Погребальный инвентарь Нестеровского могильника датируется VI – V вв. до нашей эры.¹

В-пятых, факт принадлежности вскрытых могил в селе Куланурхва к интересующему нас времени подкрепляется также и ранее опубликованными мною «скифскими» погребениями,² обнаруженными вместе с рассмотренными погребениями в одном культурном слое в том же Куланурхвинском могильнике в 1948 году.

Е. И. Крупнов в своей работе «К вопросу о хронологии кобанской культуры», опираясь на анализ значительного количества комплексов металлических изделий типа Кобанского могильника (большие булавки, пластинчатые браслеты с завитками на концах и другие вещи), среди которых отчетливо выделяется группа памятников, хорошо датируемых находимыми вместе с ними предметами скифской культуры, относит основную массу колхидско-кобанского типа бронзы к VII – VI вв. до нашей эры.³

Таким образом, все приведенные фактические данные позволяют отнести первое и второе погребения Куланурхвинского могильника ко времени не ранее VII века до нашей эры, а третье погребение – к началу VI века до нашей эры.

2. Основная культура древнего населения Куланурхвы, при наличии в ней своей местной особенности (широкие браслеты цилиндрической формы, поясные пряжки со звериной головкой и др.), известной по памятникам бронзы, найденным на территории Абхазии, соответствует в основном культуре, наблюдаемой по всей территории исторической Колхиды и в большинстве районов Центрального Кавказа. Раскопанный материал в Куланурхве (бронзовые топоры, цепочки с очкообразными привесками, фибулы, крестообразный предмет и другие вещи) указывает конкретно

¹ Там же. С. 11, 14.

² Там же. С. 56 – 59.

³ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья, Л. 1949. С. 109.

⁴ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий...». С. 53.

⁵ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. С. 133.

⁶ Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье. Труды Отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитаж. Т. III, Л. 1940. С. 89 – 90.

¹ Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. Гос. истор. музея. Вып. II, М., 1941. С. 179 – 180.

² Трапш М. М. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва. Труды Абхаз. института яз., литер. и истор. XXIV. Сухуми, 1951.

³ Крупнов Е. И. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Ученые записки Кабардинского научно-иссл. Института. Т. I. Нальчик, 1946. С. 158.

на тесные связи и на одинаковую ступень культуры древних племен на территории распространения колхидской бронзы.

3. Куланурхвинские, изящно орнаментированные топоры и ряд других уникальных вещей из необычайно богатого комплекса первого погребения свидетельствуют о том, что обладатель их был видным представителем родовой знати. Причем отсутствие в этом могильном инвентаре кинжала и наконечников копий дают возможность полагать, что данное погребение является жреческим.

4. Захоронение покойников в простом грунте в вытянутом положении на спине с инвентарем колхидского типа в Абхазии впервые обнаружено в сел. Куланурхва. Этот факт, а также погребения в глиняных сосудах с изделиями колхидской бронзы из сел. Эшера (Сухумского района)¹ и Приморского (Гудаутского района)² указывают на наличие в Абхазии в эпоху Куланурхвинского могильника двух типов погребального обряда: через простую игумацию покойников в вытянутом положении на спине и погребения в глиняных урнах.

Дальнейшие археологические исследования в сел. Куланурхва, несомненно, прольют яркий свет в изучении исторического прошлого древней Колхиды.

**Труды абхазского института языка литературы
и истории им. Д. И. Гулиа. XXV.
Сухуми. 1954. С. 174-212**

¹ Иващенко М. М. Указ. Соч.. С. 58.

² Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. Известия Абхазского народного общества. Вып. IV, Сухуми, 1926. С. 107.

5. НОВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА В АБХАЗИИ

В феврале 1951 г, в сел. Колхида Гагрского р-на Абхазской АССР, в 300 м **северо-востоку от здания средней школы, случайно был найден железный кинжал** в бронзовых ножнах.¹

В сентябре того же года при осмотре места находки на склоне, который сильно размывается дождевыми водами, нами было обнаружено несколько фрагментов железных наконечников копий, обломки сосудов и остатки костей человека.

Кинжал обломан в двух местах. Общая длина его 31 см, длина клинка 22,5 см, рукоятки 8,5 см. На рукоятке с обеих сторон имеется по два узких продольных паза, по-видимому, для прикрепления планок, на вершине ее (в средней части) – продольный выступ (на половину обломан), служивший для надевания наверх. Рукоятка заканчивается перекрестием в виде крыльев бабочки.

Концы перекрестия, общая ширина которого равна 5,1 см, выступают из-под рукоятки на 1,5 см, а по отношению к клинку – примерно на 1 см.

Клинок со срединным сильно выделяющимся с обеих сторон ребром; прямые лезвия, суживаясь к острию, придают оружию треугольную форму, характерную для кинжалов так называемого скифского типа.

Бронзовые ножны, благодаря высокому мастерству и художественности оформления, представляют большой научный интерес. Аналогичные изделия пока остаются неизвестными и в районах распространения колхидско-кобанской бронзы и на территории всего Кавказа.

¹ Приношу благодарность директору методического кабинета Министерства культуры Абхазской АССР тов. А. Капш, передавшему мне эту находку.

Разломанные, как и кинжал, в двух местах ножны, длиной 28 см, имеют треугольную форму и заканчиваются овальным расширением, окантованным валиком. Валики с лицевой и тыльной сторон сделаны в форме петель, а с боков напоминают продолговатые листки.

Ножны богато и разнообразно орнаментированы. Широкое основание их украшено рельефным изображением, напоминающим раскрытые крылья бабочки, как и на самом кинжале. Концы перекрестия (наибольшая ширина его 6,5 см, наименьшая 5 см) выступают по бокам треугольных линий ножен до 6 мм. Верхний край перекрестия окантован рельефным витым шнуром; средняя часть, выдаваясь, заканчивается рельефным изображением очкообразной привески. По ширине средней части расположены в один ряд семь треугольных углублений, по-видимому, заполненных ранее какой-нибудь цветной массой. Треугольники – равнобедренные, обращенные вершинами вниз. По оси ножен расположена рельефная полоска с поперечными насечками, имеющая ромбовидную головку, которая упирается вершиной в вырез нижней части перекрестия ножен. На этой головке маленькими ямочками, расположенными симметрично, обозначены два глаза. Рельефная полоска, постепенно суживающаяся к концу и завершенная ромбовидной головкой с глазками на ней, напоминает змею.

К правому боку ножен прикреплена пластинка шириной в 2 см и длиной 10 см; вдоль нее посередине расположены четыре одинаковые, соприкасающиеся друг с другом, рельефно выделенные спирали, обрамленные с двух сторон продольным рельефным кантом, похожим на витой шнур.

Боковые края ножен, загнутые в тыльную сторону на 0,5 см, образуют почти по всей длине просвет в форме равнобедренного треугольника, высотой 24 см и с основанием в 4,5 см. Загнутые края в трех местах переходят в узкие, сходящиеся на середине пластинчатые полосы различной ширины, из которых самая верхняя обломана. Эти края и поперечные полосы служили, несомненно, для закрепления в просвете деревянной вставки.

Ножны покрыты зеленой патиной. В результате окисления поверхности некоторая часть орнамента частично разрушена.

Изучение орнамента на ножнах – треугольные углубления, изображение змеи спирали и др. – даст возможность отнести их к образцам колхидской бронзы. Такой вывод подкрепляется тем, что все указанные виды орнаментации встречаются в орнаментах и рисунках на топорах, кинжалах, поясных пряжках и на других изделиях колхидско-кобанской бронзы¹.

Изображенные на ножнах спирали и змея, по всей вероятности, имели религиозное, символическое значение.

На топорах колхидского (кобанского) типа часто встречаются подобные изображения, причем иногда находим фигуру человека, вооруженного луком и стрелой, который борется с семью змеями. Интерес этого изображения заключается в том, что оно связывается с народными сказаниями «о змееборцах», сохранившимися повсеместно в народных верованиях и литературе.² У осетин, например, сохранилось «Сказание о змее-чудовище гуймоне, рожденном от оленя».³ Можно полагать, что спирали, украшающие ножны, являются символическими изображениями свернувшихся змей, но это не значит, что всегда спиральный орнамент можно принимать за символические изображения змея. Спирали применялись, конечно, и в качестве простого декоративного украшения.

Вопрос о датировке этой археологической находки в Абхазии может быть разрешен на основании типологического анализа. Тип оружия, к которому можно отнести найденный железный кинжал, в скифское время имел широкое распространение. В Грузии раскопками в 1944 г. Горийского музея у с. Двани Карельского р-на, в погребении № 2, встречен железный кинжал⁴, аналогичный описанному нами. В этом же погребении обнаружены: железный топор-молоток, бронзовые трехгранные наконечники стрел раннескифского типа. Последним погребение датируется концом VII или началом VI в. до н. э.

¹ Г. К. Ниорадзе Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, 1949. С. 187. Рис. 3; П. С. Уварова. Могильники Серного Кавказа. МАК, VIII. М. 1960. Табл. IV. 4, V; VIII, 2 XI; XIV, 6; XIX, 4.

² П. С. Уварова Указ. Соч. С. 22.

³ Там же.

⁴ С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА. XI, 1949. С. 225.

Железные кинжалы такого же типа обнаружены при археологических работах в Самтаврском могильнике около г. Мцхета.

В 1939 г. там в грунтовом погребении № 27 найден железный кинжал,¹ вполне сходный с нашим. Вместе с ним в погребении находился небольшой серповидный железный нож, железный топор с клиновидным обухом и двадцать бронзовых наконечников стрел скифского типа, часть которых имела боковой шип. Подобные железные кинжалы, к сожалению, еще не опубликованные, обнаружены и в других грунтовых погребениях Самтаврского могильника (раскопки А. Н. Каландадзе).

Железный кинжал, сходный с найденным в сел. Колхида, обнаружен и в Сухуми в 1951 г. в связи с земляными работами на Сухумской горе. Вместе с этим предметом здесь встречен длинный четырехгранный железный наконечник копья, железный топор типа секиры-молотка и другие вещи², датируемые приблизительно V–III вв. до н. э.

За пределами Грузии оружие рассматриваемого типа хорошо известно из скифских погребений юга России. В. Гинтерс в работе о скифских и сарматских мечях в южной России³ датирует кинжалы интересующего нас типа (короткие мечи из Мельгуновского клада, Келермеса и Елизаветовской станицы в устье Дона) VI в. до н. в.

Особое внимание обращает на себя замечательный железный кинжал, обнаруженный в окрестностях гор. Вольска (близ Саратова), имеющий близкое сходство с гагрским.⁴

Приведенные данные свидетельствуют, что еще в VI в. до н. э. кинжалы рассматриваемого типа, как колющее оружие ближнего боя, применялись на большой территории.

В интересующее нас время скифы Северного Кавказа значительную часть железа получали из Закавказья. Нередкие находки в Грузии железных кинжалов так называемого скифского типа

¹ Пиотровский Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 308.

² Находки хранятся в Гос. музее Абхазии им. Д.И. Гулиа.

³ W.- G. inter», Das Sr. hwaH der Skylhm und Sormatcn in Sudrussland. VorResehfchtbche Foischungen. Bd, 2, ч. 1, Belfio, 1928.

⁴ Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами КСИИМК. Вып. XXXIV, 1950. С. 123. Рис. 39.

дают основание ставить вопрос о местном производстве таких кинжалов. Вопрос же, на какой территории их начали изготавливать впервые, в Скифии или в Закавказье, нельзя считать пока решенным.

Находка в Абхазии железного кинжала в колхидских бронзовых ножнах – факт большой научной ценности. Она может служить ярким доказательством связей Кавказа со Скифией и имеет определенное значение для уточнения датировки памятников колхидско-кобанской бронзы позднейшего времени. Анализ абхазской находки дополняет выводы, обоснованные богатыми материалами Куланурхвинского могильника (Абхазская АССР)¹, где в одном культурном слое были обнаружены колхидские и «скифские» погребения с однотипным обрядом захоронения.

Находка в сел. Колхида и материалы Куланурхвинского могильника подкрепляют положение, высказанное Е. И. Крупновым,² о том, что основную массу колхидско-кобанского типа памятников Грузии и центральной части Северного Кавказа можно синхронизировать со скифским временем, т. е. VII–IV вв. до н. э.

**Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
института истории материальной культуры. 53.
Москва, 1954. С.139-142**

¹ Трапш М. М. Куланурхвинский древний могильник (автореферат к кандидатской диссертации). Сухуми, 1951. С. 4–5 и 14.

² Крупнов Е. И. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Уч. Зап. Кабардинского н.-н. ин-та, т. I. Нальчик. 1946. С. 158.

6. КРАТКИЙ ОТЧЕТ О РЕЗУЛЬТАТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУХУМИ В 1952 году

Территория Сухуми и его окрестности представляют исключительный интерес для изучения самых различных эпох, начиная от палеолита и кончая памятниками средневекового времени. Однако нужно отметить, что ее изучение в историко-археологическом отношении до сего времени не проводилось планомерно и систематически. А между тем эта территория заслуживает, как известно, самого тщательного археологического исследования. Достаточно сказать, что на территории Сухуми, по-нашему мнению, была расположена древнейшая Диоскурия.

Впервые археологические раскопки в Сухуми, в западной части нынешнего сквера Руставели, были произведены В. И. Сизовым¹ в 1886 г. В результате этих раскопок он собрал здесь богатый керамический материал: фрагменты простой глиняной посуды, обломки амфорных, чернолаковых и краснолаковых сосудов, свидетельствовавшие о существовании здесь античного поселения в III–I вв. до н. э. Кроме того, здесь В. И. Сизовым была найдена бронзовая монета города Амизоса и следы погребения у берега моря.

На территории того же сквера в 1925 г. археологические раскопки произвел А. С. Башкиров², который обнаружил много черепков изящной, прекрасного обжига, краснолаковой посуды, указывавшей на наличие здесь древнего поселения в I–III вв. н. э. Он исследовал также Сухумскую крепость, где им было установлено наличие трех разновременных культурных слоев, охватывавших период начиная со II в. н. э. и кончая позднейшим средневековым временем.

¹ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. МАК. Вып. II, М. 1889. Рис. 14–16.

² Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. Изв. Абхаз. науч. общ. Вып. IV, Сухум, 1926. С. 4–18.

Культурные остатки древнего поселения были открыты также в 1940 г. при проведении водопровода перед гостиницей «Рица». Здесь Л. Н. Соловьевым и И. А. Адзинба были собраны: пирамидальные грузила, амфориски, большое количество фрагментов посуды амфорного типа, изящно сделанной посуды, покрытой черным, а в отдельных случаях и бурым лаком, и один фрагмент чернолакового сосуда типа так называемой мегарской чаши. Возраст этих памятников определяется временем III–II вв. до н. э.

О глубоком и богатом историческом прошлом Сухуми, помимо приведенных выше некоторых фактических данных, красноречиво говорят крупные археологические находки, обнаруженные на Сухумской горе в 1951 г. при производстве земляных работ по строительству городского лесопарка и частично раскопками Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР. Наиболее ранние предметы, найденные на Сухумской горе, – клад бронзовых предметов (топоры колхидского типа, долота, слитки) и инвентарь одного погребения (бронзовые колхидские топоры и др.) – относятся к эпохе поздней бронзы.

Наряду с ранними культурными остатками, здесь обнаружены также многочисленные археологические памятники (из разрушенных могил), датируемые второй половиной I тысячелетия до н. э. К ним относится значительное количество железного боевого оружия: мечи с поперечной перекладиной на вершине рукояти, кинжалы с сердцевидными перекрестиями, топоры-секиры, наконечники копий, дротики, бронзовые и серебряные украшения (браслеты, фибулы), простая глиняная посуда, в том числе амфорные и чернолаковые сосуды. Большой археологический материал, выявленный на Сухумской горе, обратив лишний раз наше внимание на научную важность рассматриваемой местности в историко-археологическом отношении, указал на необходимость приступить к планомерному и систематическому исследованию данной территории и её окрестностей.

В марте 1952 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР был исследован небольшой участок, прилежавший к развалинам южной стены Сухумской крепости. Стратиграфическими наблюдениями выявлены здесь четыре культурных наслоения. Под растительным

почвенным слоем залегал культурный слой мощностью в 3,25 м, являвшийся насыпным грунтом. В этом слое были найдены водопроводные трубы, плоские черепицы, обломки от различных глиняных сосудов (кувшины, горшки) и другие предметы, относящиеся к позднему средневековому времени.

Второй культурный горизонт, толщиной в один метр, залегающий под первым, образовался путем наслоения разных отходов строительного и иного мусора. В этом слое встречались: обломки стеклянных браслетов; черепки, покрытые темно-зеленой, светло-желтой и коричневой глазурью; гончарные трубы; кирпичи и черепица; фрагменты от простой посуды из красной и серовато-черной глины и другие вещи, которые могут быть отнесены к XI–XIII вв. Ниже этого слоя шла старая растительная почва (толщиной 20 см), лишенная культурных остатков, что, возможно, свидетельствует о перерыве в жизни человеческого поселения на этом участке.

Третий культурный горизонт, толщиной от 80 см до 1 м, темновато-серого цвета, с примесью песка, гальки и гравия. В этом слое найдены: кабаньи клыки, пряслицы, черепки от посуды из серовато-черной глины, фрагменты краснолаковой посуды, обломки привозных амфорных сосудов с острова Коса (I–III вв. н. э.), светильники, бронзовая поясная пряжка с язычком, украшенным головкой животного, бронзовая арбалетовидная фибула, ряд римских медных монет I–III вв. н. э. и т. д.

В четвертом культурном слое, толщиной в 40 см, имеющем черноватый цвет, с примесью песка и гравия, обнаружены фрагменты простой глиняной посуды с различными видами ornamentации, в том числе ручки, донышки, горлышки привозных амфор из Синопа, островов Хиоса и Фасоса и черепки аттических чернолаковых сосудов, а также обгорелые кости животных, древесные угольки и т. д. Этот слой по найденным в нем обломкам амфорных и чернолаковых сосудов может быть датирован V–III вв. до н. э.

Таковы результаты исследований, произведенных в Сухумской крепости.

Для собирания более широкого фактического археологического материала в мае и июле 1952 года Абхазским институтом были произведены археологические разведки и раскопки на

горе Гуад-иху,¹ находящейся севернее Сухумской горы, на границе между гор. Сухуми и сел. Бырцха. Данное место было выбрано для исследования в результате производившихся в апреле 1952 г. в окрестностях г. Сухуми археологических наблюдений. Во время этих наблюдений внимание было обращено на значительное количество черепков от посуды, встречающихся на склонах названной горы. При дальнейшем тщательном осмотре здесь было обнаружено одно пирамидальное керамическое грузило и обломок чернолакового сосуда. В районе обнаружения последних двух предметов были заложены в нескольких местах контрольные разведывательные шурфы. В результате чего здесь, в 4 метрах от места первоначального нахождения чернолакового обломка, обнаружилось человеческое погребение с богатым могильным инвентарем, состоявшим из железных предметов (топор-секира, меч, наконечники копий, дротики) и керамических сосудов, в том числе чернолаковых.

Этот столь хороший результат, полученный нашими апрельскими наблюдениями, дал основание приступить к археологическому исследованию горы Гуад-иху, продолжавшемуся с 12 мая по 11 июля 1952 г. Исследование было начато на северном склоне названной горы, на месте первоначальных находок. Оно велось сначала разведывательными траншеями, которыми была намечена площадь для исследования размером в 50 кв. м. На этой площади было вскрыто еще четыре простых грунтовых погребения, относящихся приблизительно к IV в. до н. э.

Дальнейшие работы, произведенные на северном склоне горы Гуад-иху, не дали более положительных результатов.

Следующим объектом исследования был избран южный склон горы Гуад-иху. На этом склоне, после ряда тщательных поисков, удалось обнаружить некрополь. Разведывательными траншеями была установлена юго-восточная граница некрополя, откуда и было начато исследование могильного поля. Раскопанная

¹ Название горы Гуад-иху в переводе с абхазского означает «возвышенность Гуда» («Гуад» – имя человека, «иху» – его возвышенность или холм). С вершины этой горы открывается широкая панорама на дальние горы и ущелья, снизу лежит всхолмленная равнина, где расположились с. Бырцха. С. Лбжаква и др.

площадь составляет 345 кв. м. Эта площадь, вскрытая четырьмя раскопами, исследовалась по штыкам до обнаружения могильных пятен или до материка. При этом в земле встречались черепки различных сосудов (доньшки, стенки, венчики и др.), сделанных на гончарном круге. Кроме того, на этой площади местами встречались каменные орудия: полированные топоры, мотыги, грузила и обломки от грубых лепных глиняных сосудов с простыми орнаментами и др., относящиеся к концу эпохи неолита. Эти памятники свидетельствуют о том, что освоение данной местности началось в очень ранний период.

Произведенными раскопками на вскрытой площади было обнаружено сорок пять простых грунтовых могил, которые по найденным в них предметам датируются приблизительно V–III вв. до н. э. Все раскопанные могилы на горе Гуад-иху в 1952 г., насчитывающиеся в количестве 50-ти, по своему устройству и обряду захоронения покойников подразделяются на два типа. К первому типу относятся могильные ямы в виде округлых колодезных углублений без всякой обкладки с полной кремацией покойников. Ко второму типу принадлежат могильные ямы удлиненной формы с частичным сожжением покойников до обугливания человеческих костей.

Покойники, хоронившиеся по первому типу, подвергались полной кремации вместе с инвентарем вне могил, затем их пепел вместе с остатками инвентаря, древесными угольками и золой складывался в погребальные ямы. Что касается второго типа захоронения, то он совершался непосредственно в могильных ямах, которые были ориентированы с востока на запад.

Опишем теперь для примера ряд могил, в соответствии с двумя указанными типами захоронения.

Могила 1-я – второго типа погребения. Длина могилы 2 м, ширина – 80 см, глубина 50 см. От костяка сохранилась совершенно истлевшая обугленная левая рука, лежавшая в вытянутом положении вдоль северной стенки погребальной ямы. На дне могилы обнаружено значительное количество вещей, располагавшихся в определенном порядке. В западном углу ямы находился со вздутым корпусом глиняный кувшин с ручкой; около него лежал железный топор-секира. Возле истлевшей левой руки лежал железный меч и два железных ножа. В восточном углу ямы находились пять

железных наконечников копий, два железных дротика и два чернолаковых сосуда – кувшинчик и фрагменты сосуда типа котилы.

Могила 9-я – первого типа погребения. Диаметр ямы – 60 см, глубина – 54 см. В могиле находился чернолаковый сосуд, раздавленный землей, корпус которого украшен каннелированным орнаментом. Он, по-видимому, принадлежит к разновидностям канфорной посуды. Вместе с ним находились обломки от двух глиняных сосудов и изящно сделанная бронзовая фибула кобанской формы со вздутой на середине дужкой, украшенной зонально расположенными шишечками. Фибула с иглой, отлитой вместе с дугой, одним витком у начала дуги.

Могила 18-я – второго типа погребения. Размеры погребальной ямы: длина – 2 м, ширина – 80 см, глубина – 70 см. В западном углу могилы лежал железный топор-молоток; около него находились обломки от двух простых глиняных сосудов – кувшинчиков. Ниже этих предметов собрано значительное количество бус из черной стекловидной пасты. Бусы эти круглой и боченкообразной формы. В средней части могилы были обнаружены совершенно истлевшие руки человеческого костяка, находившиеся в вытянутом положении. На каждой руке были надеты по три орнаментированных проволочных бронзовых браслета. Рядом с кистью правой руки лежали в куче восемь бронзовых перстней, с замечательными резными на их щитках изображениями людей, сфинкса, грифона, лошади и орла. К востоку от левой руки на 40 см находились два чернолаковых сосуда (один из них типа котилы, другой скифос), раздавленных землей. В восточном углу могилы обнаружены пять железных наконечников копий; четыре из них были сложены в кучу, а пятый был воткнут острием в землю.

Могила 19-я – обнаруженная на расстоянии 70 см к западу от предыдущей, второго типа погребения. Размеры могильной ямы: длина около двух метров, ширина – 80 см, глубина – 70 см. В западном углу погребальной ямы находился раздавленный землей чернолаковый сосуд типа котилы; рядом с ним лежал железный топор-секира. В средней части северной стенки могилы находился железный кинжал с поперечной перекалиной на вершине рукояти; рядом с кинжалом лежало железное копье. Около кинжала находился также железный нож, который острием был воткнут

в землю. Ниже кинжала к востоку обнаружены три орнаментированных проволочных бронзовых браслета; два из них находились у северной стенки ямы, а третий находился на расстоянии 50 см от первых двух у южной стенки могилы. Просветы этих браслетов были заполнены истлевшими фрагментами костей рук. В восточном углу могилы лежали в куче четыре железных наконечника копья и один железный дротик. К северу от них находился раздавленный землей большой амфорный сосуд из красной глины.

Могила 20-я – первого типа погребения. Диаметр округлой ямы – 60 см, глубина – 50 см. В яме найдены следующие предметы: обломок бронзовой булавки со скульптурными головками баранов, фрагменты орнаментированной бронзовой фибулы с пластинчатой дужкой, обломки бронзового колокольчика с цепочкой и черепок от простого глиняного сосуда.

Нужно отметить, что из раскопанных двух типов погребений в некрополе на горе Гуад-иху под гор. Сухуми преобладающим является первый тип погребения, т. е. могильные ямы округлой формы с полной кремацией покойников. При этом оба типа погребений – с полной кремацией покойников и погребальные ямы удлиненной формы с частичным сожжением покойников до обугливания человеческих костей – на исследованном участке могильного поля располагались отдельно по группам, насчитывавшим от 2-х до 6-ти могил каждая. Этот факт, а также установление различных форм могильных ям и обрядов захоронения покойников указывают, по нашему мнению, на неоднородность этнического состава древнего населения, занимавшего территорию современного Сухуми во второй половине первого тысячелетия до нашей эры.

Раскопанный в некрополе археологический материал является данным историческим источником для изучения истории древнего населения Сухуми в социальном, экономическом и культурном отношениях. Изучение инвентаря могил показывает, что часть погребений не содержала никаких вещей, а если же они и имелись, то состояли обычно из одного или двух-трех каких-либо простых предметов (сосуды и пр.). Другая же часть погребений содержала значительное количество вещей, в состав которых входят различные художественные изделия, сделанные с большим техническим мастерством.

Эти факты свидетельствуют о том, что население Сухуми V–III вв. до нашей эры по своему хозяйственному положению и социальному составу не являлось однородным, что в нем уже чувствовалась классовая дифференциация.

Выявленный инвентарь в погребениях состоит из различных групп памятников. К первой из них принадлежат бронзовые орудия, так наз. «сечки». Они имеют одинаковую форму – вид плоского стержня с округлым лезвием. Орудия подобного рода встречаются только в Колхиде. И в пределах самой Колхиды они распространены только на определенной территории, начиная от Сухуми до современного турецкого Лазистана¹. Такие изделия в древней Колхиде применялись, по-видимому, для резания кожи, так как развитое скотоводческое хозяйство на этой территории могло способствовать появлению подобных специфических орудий для обработки кожи.

Вторая группа находок некрополя состоит из железного боевого оружия, в состав которого входят: топоры-молотки, секиры, мечи с поперечными перекладинами на вершине рукояти, кинжалы с сердцевидными перекрестиями, наконечники копий, дротики, которые имеют аналогию с подобного рода памятниками, обнаруженными на Сухумской горе в 1951 г. Следует отметить, что в добытых материалах в некрополе на горе Гуад-иху и Сухумской горе совершенно отсутствует бронзовое оружие. Этот факт может говорить об окончательном переходе на территории современной Абхазии примерно в VI–V вв. до н. э. от бронзового оружия к железному.

Следующая группа памятников некрополя состоит из разнообразных бронзовых, серебряных, стеклянных и фаянсовых украшений. Среди этих изделий преобладающими являются бронзовые предметы: перстни, браслеты, фибулы, булавки, бусы. Из них особый интерес представляют литые перстни, являющиеся высокохудожественными ювелирными изделиями. На щитках их имеются различные врезные изображения, сделанные с тончайшим техническим мастерством. Таковы, например, изображения человеческих фигур, сфинксов, грифонов и пр., которые по своему сти-

¹ Хоштария Н. В. Об одном бронзовом орудии из Колхиды. КСИИМК АН СССР. Вып. XXXVI. С. 177–178; Трубникова И. В. К вопросу о назначении «кобанских сечек». КСИИМК АН СССР. Вып. XVIII, 1947. С. 49–50.

лю и технике исполнения принадлежат к античному художественному искусству. Значение этих перстней заключается в том, что они, помимо остального раскопанного материала, служат важным источником для суждения о социально-экономическом положении древнего населения Сухуми, которому, несомненно, принадлежало открытое кладбище на горе Гуад-иху.

Археологической и исторической наукой, как известно, установлено, что еще в древнем мире перстни с врезными изображениями служили преимущественно печатями. Их применяли в древности не только для скрепления как частных, так и официальных документов, но и для охраны и закрепления имущества за его собственником.¹ Поэтому есть все основания сказать, что большинство из наших перстней выполняли функцию печатей, и владельцы их, безусловно, принадлежали к богатой торгово-аристократической части древнего населения Сухуми. Обращают на себя внимание также провололочные и пластинчатые браслеты, которые украшены винтообразными нарезками, елочными, кружковыми, линейными и другими видами орнамента. Причем два из браслетов с изящными драконовыми головками тождественны с браслетами из сел. Даблагоми, Самтредского района и Казбегского клада Грузинской ССР.² Из других видов украшений прекрасно исполненными являются также орнаментированные бронзовые и серебряные фибулы, булавки с бараньими головками и пр.

Рассмотренные выше бронзовые и другие вещи свидетельствуют о высоком уровне развития культуры и искусства местного древнего населения Сухуми второй половины первого тысячелетия до нашей эры.

В раскопанном материале в некрополе на горе Гуад-иху представлена также глиняная посуда, которая принадлежит к трем различным группам. Первая группа сосудов состоит преимущественно из кувшинов и горшков, которые орнаментированы гребенчатыми, волнообразными, ломаными, сетчатыми и другими видами украшений. Вторую группу керамики составляют обломки красноглиняных и красновато-серых амфор (IV–III вв. до н. э.), при-

¹ Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья. Вестник древней Истории, 1, 1937. С. 251.

² Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды. Т. II, Тбилиси, 1950.

везенных из Синопа. Фрагменты этих амфор состоят из донышек, ручек, стенок. Третья группа посуды состоит из фрагментированной аттической чернолаковой посуды – котилы и канфорные кубки. Фрагменты подобной посуды были обнаружены на Сухумской горе в 1951 году. Последняя группа посуды, т. е. чернолаковая, является одной из опор для правильной датировки вскрытых погребений на горе Гуад-иху. Известно, что чернолаковая посуда, вообще, связана с античными поселениями. На Северном Причерноморье значительная концентрация ее прослеживается только в античных городах, как например, в Понтикопее, Ольвии, Херсонесе и др. Аналогичное явление, хотя не в такой степени, как в античных городах Северного Причерноморья, но все же имеет место и в Сухуми, где на различных пунктах этого города обнаружено значительное количество чернолаковой посуды. Данное обстоятельство и другие наши данные говорят о том, что во второй половине первого тысячелетия до нашей эры в районе современного Сухуми существовало городского характера античное поселение, именовавшееся Диоскурией.

В итоге произведенных исследований в Сухуми в 1952 году возможно наметить предварительно следующие выводы:

1. Изучение раскопанного могильного инвентаря на горе Гуад-иху, в частности, сравнительный анализ предметов, как например, топоры типа секиры-молотка, чернолаковые сосуды, обломки амфорной посуды и др., позволяют датировать данный материал V–III вв. до н. э.

Хронологически к этому материалу примыкают и предметы, найденные в четвертом культурном слое Сухумской крепости.

Следующие группы Сухумских находок обнимают I–IV, XI–XIII и XVI–XVIII вв. н. э.

К периоду I–IV вв. относятся обнаруженные в 3-см культурном слое Сухумской крепости римские медные монеты, светильники, бронзовая арбалетовидная фибула, бронзовая поясная пряжка с язычком, украшенным головкой животного, фрагменты краснолаковой и амфорной посуды и т. д.

К XI–XIII вв. может быть отнесен второй культурный слой Сухумской крепости, который характеризуется, главным образом, глазурованной посудой различной окраски и украшениями.

XVI–XVIII вв. датируется первый культурный слой Сухумской крепости, характеризующийся обломками керамических вещей: кувшинов, горшков, плоских черепиц, водопроводных труб и прочее.

2. Факт установления двух одновременных типов погребения в некрополе на горе Гуад-иху указывает, по-нашему мнению, на неоднородность этнического состава древнего населения, занимавшего территорию современного Сухуми во второй половине первого тысячелетия до н. э. Этот аргумент, правда, недостаточен для обоснования выставленного нами тезиса, но утверждать обратное нет оснований.

3. Это общество по своему хозяйственному уровню и социальному положению не являлось однородным: в нем чувствовалось классовое расслоение. Об этом говорят вскрытые в некрополе погребения, которые по количеству и качеству выявленного в них могильного инвентаря подразделяются четко на относительно богатые и бедные погребения, и могилы без погребального инвентаря.

Ряд предметов, как например, бронзовые перстни-печати, обнаруженные в погребениях №№ 12, 13, 16 и 18, связаны, несомненно, с частной собственностью и классовой дифференциацией. Эти предметы могли применяться для охраны и закрепления имущества за его собственником, и владельцы их, безусловно, принадлежали к богатой торгово-аристократической части древнего населения Сухуми.

4. На добытом в 1952 году археологическом материале прослеживаются торгово-экономические связи древнего населения Сухуми с народами восточной части Средиземноморья. На это указывают, например, аттическая чернолаковая посуда (килики, канфоры, котилы), обломки амфорной посуды из Синопа, Фасоса, Хиоса, Коса и римские медные монеты.

Определенная часть данного материала, например, кинжалы с сердцевидными перекрестиями, мечи с поперечными перекладинами на вершине рукояти, топоры-секиры и другие вещи конкретно указывают также на культурно-исторические связи древнего населения Сухуми с народами Северного Кавказа, степной полосы юга России и Северного Причерноморья.

5. Выявленный археологический материал в Сухуми в 1951 – 1952 годах позволяет предполагать, что во второй половине первого тысячелетия до н. э. древний город Диоскурия находился в районе современного Сухуми. Данная мысль подкрепляется: во-первых, наличием в этом материале большого количества античной чернолаковой посуды, обнаруженной в различных пунктах Сухуми – в Сухумской крепости, перед гостиницей «Рица», в сквере Руставели, на Сухумской горе, на горе Гуад-иху, в военном городке, в районе замка Баграта и т. д.; во-вторых, обнаруженными в некрополе на горе Гуад-иху раскопками 1952 г. бронзовыми перстнями-печатами с различными на их щитках врезными изображениями, относящимися по своему стилю и технике исполнения к античному художественному искусству; в-третьих, античным мраморным надгробием с рельефом (конец V–IV вв. до н. э.),¹ найденным в августе 1953 года на дне моря в Сухуми.

В пользу такого соображения, помимо археологического материала, могут говорить также и письменные сообщения некоторых древних авторов. В частности, по данным Страбона² и Арриана,³ местонахождение древней Диоскурии с большой точностью совпадает с районом современного Сухуми.

Дальнейшее археологическое исследование Сухуми в более широком масштабе даст, несомненно, новые интересные данные о богатом историческом прошлом этого города.

Труды Абхазского института языка литературы и истории им. Д. И. Гулиа. XXVI. Сухуми, 1955. С.219-232

¹ Трапш М. М. Мраморный барельеф из Сухуми. Вестник древней истории, 1, 1954.

² Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Вып. 1. СИБ. 1893. С. 135.

³ Там же. С. 233.

7. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СУХУМИ В 1951–1953 гг.

Территория Сухуми и его окрестности представляют большой интерес для изучения самых различных эпох, начиная от палеолита и кончая памятниками средневековья. Эта территория заслуживает самого тщательного археологического исследования. Достаточно сказать, что на территории Сухуми, по нашему мнению, была расположена древняя Диоскурия. Однако нужно отметить, что историко-археологическое изучение этого района до 1950 г. систематически не проводилось.

Впервые археологические раскопки в Сухуми в западной части нынешнего сквера Руставели были произведены В. И. Сизовым в 1888 г. В результате этих раскопок он собрал здесь богатый керамический материал: обломки простой глиняной посуды и амфор, чернолаковых и краснолаковых сосудов, свидетельствовавших о существовании здесь античного поселения в III–I вв. до н. э. Кроме того, В. И. Сизовым были найдены бронзовая монета города Амизоса и следы погребения у берега моря¹.

На территории того же сквера в 1925 г. археологические раскопки произвел А. С. Башкиров, который обнаружил много черепков изящной прекрасного обжига краснолаковой посуды, указывавшей на наличие здесь древнего поселения в I–III вв. н.э. Он произвел исследование также в Сухумской крепости, где им было установлено наличие трех разновременных культурных слоев, охватывавших период, начиная со II в. н. э. и кончая позднейшим средневековьем.²

Культурные остатки древнего поселения были открыты также в 1940 г. при прокладке водопровода перед гостиницей «Рица».

¹ Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. МАК. Вып. II, 1889. С. 14–16.

² Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Изв. Абхазск. научн. об-ва. Вып. IV, 1926. С. 4–18.

Здесь Л. Н. Соловьевым и И. А. Адзинба были собраны пирамидальные грузила, амфориски, большое количество фрагментов посуды амфорного типа, изящно сделанной посуды, покрытой черным, а в отдельных случаях и бурым лаком и один фрагмент посуды типа так называемой «мегарской» чаши.¹

Наличие остатков античного поселения в Сухуми прослежено и далее по левой стороне р. Беслетки, вдоль берега моря до железнодорожной эстакады. Здесь кое-где под средневековым новым культурным слоем М. М. Иващенко² были обнаружены обломки чернолаковой посуды.

Такую посуду неоднократно находили и около того же района, на холме замка Баграта³.

Чернолаковые сосуды III в. до н.э. вместе с железным оружием и другими вещами из частично разрушенного погребения были найдены Л. Н. Соловьевым в 1939 г. на западном склоне вершины холма Ахвыла-абаа. восточнее замка Баграта⁴.

Такова вкратце история археологического исследования г. Сухуми.

О богатом историческом прошлом Сухуми, помимо приведенных данных, говорят значительные археологические находки, добытые на Сухумской горе в 1951 г. при производстве земляных работ по строительству городского лесопарка и частично раскопками Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР.

Наиболее ранние предметы, найденные на Сухумской горе, относятся к эпохе поздней бронзы. Этот период представлен, во-первых, зарытым в простом грунте кладом, состоящим из 14 бронзовых топоров колхидско-кобанского типа, 2 «долот» и нескольких слитков того же металла; во-вторых, могильным инвентарем из грунтового погребения, состоящим из 3 бронзовых топоров колхидско-кобанского типа, одного бронзового, слегка

¹ Соловьев Л.Н. Диоскурия – Севастополь – Цхум. Труды абхазск. гос. музея. Вып. I. Сухуми, 1947. С. 120, 121.

² Иващенко М.М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. Изв. Абхазск. научн. об-ва. Вып. IV, 1926. С. 100, 101.

³ Л.Н. Соловьев. Ук. Соч. С. 124, 125.

⁴ Там же. С. 124.

граненого браслета и 2 глиняных сосудов небольшого размера. Эти находки свидетельствуют о том, что на территории современного Сухуми, еще задолго до возникновения античного поселения, находилось местное поселение, история которого восходит к глубокой древности.

Следующие находки на Сухумской горе охватывают период приблизительно V–III вв. до н. э. Здесь, по данным автора, обнаружено 12 разрушенных погребений: четыре кремационных, остальные – без следов сожжения. Все погребения грунтовые, за исключением одного в урне с пеплом покойника.

Железный инвентарь этих могил состоит из мечей с прямыми поперечными перекладинами на вершине рукояти, кинжалов с рогообразными навершиями и сердцевидными перекрестиями, топоров-секир с широкими лопастями, топоров-молотков, наконечников копий и дротиков. В погребении № 2 вместе с железным мечом, железным топором-секирой и другими предметами находились амфориск и донышко чернолакового сосуда типа котилы. В погребении 3, вместе с двумя железными топорами-секирами, подобными найденным в могиле 2, и другими предметами были найдены чернолаковый канфар и амфориск. В погребении 4 вместе с железным кинжалом с рогообразным напершием и сердцевидным перекрестием и другими вещами находился железный топор-секира типа предыдущих погребений. В погребении 5 вместе с железным мечом (с поперечной перекладиной на вершине рукояти), топором-секирой и наконечником копья был обнаружен амфориск типа предыдущих погребений.

Все указанные погребения по найденным в них предметам (чернолаковый канфар, мечи, топоры-секиры) датируются IV–III веками до н.э.

К бронзовым предметам, найденным, в разрушенных погребениях Сухумской горы, относятся круглопроволочные браслеты с выгибом в средней части, пластинчатые браслеты, обрамленные по краям шишечками, колокольчики с цепочками и другие вещи. Кроме бронзовых предметов, в этих погребениях найдены также серебряные фибулы с пластинчатой овальной формы орнаментированной дужкой, с одним витком у основания дуги вместе с иглой, и другие предметы.

Наряду с указанными выше вещами в могильном инвентаре Сухумской горы представлена также глиняная посуда, состоящая из кувшинов, горшков, амфор, амфорисков, чернолаковых канфаров и котил.

Выявленный археологический материал на Сухумской горе, лишний раз обратив наше внимание на научную важность рассматриваемой местности в историко-археологическом отношении, указал на необходимость приступить к планомерному и систематическому исследованию данной территории и её окрестностей.

В марте 1952 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР был исследован небольшой участок, прилегавший к развалинам южной стены Сухумской крепости. Стратиграфическими наблюдениями выявлены здесь четыре культурных наслоения.

Под растительным почвенным слоем залегал культурный слой мощностью 3,25 м, являвшийся насыпным грунтом. В этом слое были найдены водопроводные трубы, плоские черепицы, обломки от различных глиняных сосудов (кувшины, горшки) и другие предметы, относящиеся к позднесредневековому времени.

Второй культурный горизонт толщиной 1 м, залегающий под первым, образовался путем наслоения разных отбросов строительного и иного мусора. В этом слое встречались обломки стеклянных браслетов, черепки, покрытые тёмно-зелёной, светло-жёлтой и коричневой глазурью, гончарные трубы, кирпичи и черепицы, фрагменты от простой посуды из красной и серовато-черной глины и другие вещи, которые могут быть отнесены к XI–XIII вв. Ниже этого слоя находилась погребенная в древности растительная почва толщиной 20 см, лишенная культурных остатков, что, возможно, свидетельствует о перерыве жизни человеческого поселения на этом участке.

Третий культурный горизонт толщиной от 80 см до 1 м состоит из темновато-серого цвета глины с примесью песка, гальки и гравия. В этом слое найдены: кабаньи клыки, пряслица, черенки от посуды из серовато-чёрной глины, фрагменты краснолаковой посуды, светильники, бронзовая арбалетовидная фибула, ряд римских медных монет I–II вв. н. э.

В четвертом культурном слое толщиной 40 см, имеющем черноватый цвет с примесью песка и гравия, обнаружены фрагменты простой глиняной посуды с различными видами орнаментации, в том числе ручки, донышки, горлышки амфор и черепки чернолаковых сосудов, а также обгорелые кости животных, древесные угольки и т. д. Этот культурный слой по выявленным в нем обломкам амфорных и чернолаковых сосудов определяется временем приблизительно V–III вв. до н.э.

Таковы результаты исследований, произведенных в Сухумской крепости.

Для сбора более широкого археологического материала в мае и июне 1952 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР были произведены археологические разведки и раскопки на горе Гуад-иху¹ с находящейся севернее Сухумской горы, на границе между г. Сухуми и сел. Бирцха.

Данное место было выбрано для исследования в результате производившихся в 1952 г. в окрестностях г. Сухуми археологических наблюдений. Во время этих наблюдений внимание было обращено на значительное количество черепков от посуды, встречавшихся на склонах названной горы. При дальнейшем осмотре здесь были найдены пирамидальное керамическое грузило и обломок чернолакового сосуда. В районе обнаружения последних двух предметов были заложены в нескольких местах контрольные разведывательные шурфы. Здесь, в 4 м от места первоначального нахождения чернолакового обломка, обнаружилось человеческое погребение с богатым могильным инвентарем, состоявшим из железных предметов (топор-секира, меч, наконечники копий, дротики) и глиняных сосудов, в том числе чернолаковых.

Этот результат дал основание приступить к археологическому исследованию горы Гуад-иху.

Исследование было начато на северном склоне названной горы – на месте первоначальных находок; оно велось сначала разведывательными траншеями, которыми была намечена площадь

¹ Название горы Гуад-иху в переводе с абхазского означает возвышенность Гуа-да. С вершиной этой горы открывается широкая панорама на дальние горы и ущелья. Внизу лежит всхолмленная равнина, где расположились селения Бирцха, Абжаква и др.

для исследования размером около 50 кв. м. На этой площади было вскрыто еще четыре простых грунтовых погребения, относящихся приблизительно к IV в. до н. э. Дальнейшие работы, произведенные на северном склоне горы Гуад-иху, не дали положительных результатов.

Следующим объектом исследования был избран южный склон горы Гуад-иху. На этом склоне после тщательных поисков траншеями удалось обнаружить некрополь. Разведывательными траншеями была установлена юго-восточная граница некрополя, откуда и было начато исследование могильника.

Раскопанная площадь составила 345 кв. м. Эта площадь, вскрытая четырьмя раскопами, исследовалась по штыкам до обнаружения могильных пятен или до материка. При этом в земле встречались черепки различных сосудов (донышки, стенки, венчики и др.), сделанных на гончарном круге.

Кроме того, на этой площади местами встречались каменные орудия – полированные топоры, мотыги, грузила, зернотерки и обломки от грубых лепных глиняных сосудов с простыми орнаментами, относящиеся к концу эпохи неолита. Эти памятники свидетельствуют о том, что освоение данной местности началось в очень ранний период.

Произведенными раскопками на вскрытой площади обнаружено 45 грунтовых кремационных погребений, которые по найденным в них предметам датируются приблизительно V–III веками до н. э.

Таким образом, раскопками 1952 г. на горе Гуад-иху вскрыто всего 50 погребений.

В 1953 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР была организована вторая археологическая экспедиция для дальнейшего исследования некрополя на горе Гуад-иху. Экспедиция ставила своей задачей выявить дополнительный археологический материал к раскопкам 1952 г. с тем, чтобы получить более полную картину развития культуры древнего населения, занимавшего территорию современного Сухуми во второй половине I тысячелетия до н.э.

Исследование могильного поля производилось небольшими площадями. Раскопанная площадь составила более 400 кв., на ней

обнаружено 24 грунтовых кремационных погребения и следы 2 жилых помещений. Эти памятники являются разновременными.

К самому древнему по времени культурному слою относятся открытые следы жилых помещений. При расчистке их в земле встречались перекалившиеся в огне камни, глиняные обмазки и много черепков от посуды. Среди последних находились ошлакованные фрагменты сосудов. Керамический материал, добытый в этих жилых помещениях, с достаточной определенностью указывает на то, что остатки их относятся к первой половине I тысячелетия до н. э., когда в районе раскопок, еще до возникновения некрополя, существовало поселение эпохи поздней бронзы.

К следующему более позднему времени принадлежит инвентарь 24 кремационных погребений, возраст которых по обнаруженным в них железным топорам-молоткам, железным топорам типа секиры-молотка чернолаковым сосудам и другим предметам определяется временем V–III вв. до н. э.

Всего на горе Гуад-иху в 1952–1953 гг. раскопаны 74 погребения, которые по своему устройству и обряду захоронения покойников подразделяются на два типа. К первому типу относятся округлые могильные ямы без всякой обкладки с полной кремацией покойников. Ко второму типу принадлежат могильные ямы удлиненной формы с частичным сожжением покойников (до обугливания костей).

Покойники, хоронившиеся по обряду первого типа, подвергались полной кремации вместе с инвентарем вне могил, затем их пепел вместе с остатками инвентаря, древесными угольками и золой складывался в погребальные ямы. Что касается второго типа захоронения, то он совершался непосредственно в могильных ямах, которые были ориентированы с востока на запад.

Переходя к рассмотрению могильного инвентаря, раскопанного на горе Гуад-иху в 1952–1953 гг., прежде всего нужно отметить, что из выявленных там двух типов погребений, располагавшихся на глубине от 40 до 70 см, преобладающим является первый тип, т. е. могильные ямы округлой формы с полной кремацией покойников. Факт установления различных форм могильных ям и обрядов захоронения покойников указывает, по нашему мнению, на неоднородность этнического состава древнего насе-

ления, оставившего некрополь на горе Гуад-иху, приблизительно в V – III вв. до н. э.

Раскопанный в некрополе большой археологический материал в основном местного производства. Он является ценнейшим историческим источником для изучения подлинной истории древнего населения Сухуми в социальном, экономическом и культурном отношениях.

Изучение инвентаря могил доказывает, что часть погребений не содержала никаких вещей, а если они и имелись, то состояли обычно из нескольких простых предметов. Другая же часть погребений содержала значительное количество вещей, в состав которых входят различные художественные изделия, сделанные с большим техническим мастерством.

Эти факты свидетельствуют о том, что население Сухуми в V–III вв. до н. э. по своему хозяйственному положению и социальному составу не являлось однородным, что в нем наличествовала в сильной степени классовая дифференциация.

Выявленный в погребениях инвентарь состоит из различных групп памятников. К первой из них принадлежат бронзовые орудия, так называемые сечки, которые впервые были найдены в погребении. Они имеют одинаковую форму – вид плоского стержня с округлым лезвием. Орудия подобного типа встречаются только в Колхиде. И в пределах самой Колхиды они распространены лишь на определенной территории, начиная от Сухуми до современного турецкого Лазистана.¹ Такие изделия в древней Колхиде применялись, по-видимому, для резания кожи, так как развитое скотоводческое хозяйство на этой территории могло способствовать появлению подобных специфических орудий для обработки кожи.

Вторая группа находок некрополя состоит из большого количества железного боевого оружия, в состав которого входят: мечи с поперечными перекладинами на вершине рукояти, кинжалы с сердцевидными перекрестиями, топоры-молотки, топоры-секиры с широкими лопастями, наконечники копий, дротики, которые

¹ Хоштария Н.В. Об одном бронзовом орудии из Колхиды. КСИИМК, XXXVI, 1951. С. 177, 178; Трубникова Н.В. К вопросу о назначении «кобанских сечек». КСИИМК, XVIII, 1947. С. 49, 50.

имеют аналогию с подобного рода памятниками, обнаруженными на Сухумской горе в 1951 г.

В погребении 19 в некрополе на горе Гуад-иху вместе с железным мечом (с поперечной перекладиной на вершине рукояти), втульчатыми железными наконечниками копий и другими предметами был найден чернолаковый сосуд, имеющий сходство с котилой. В погребении 17 вместе с железным кинжалом (с серповидным перекрестием), железным топором-молотком, синей стеклянной бусиной (с глазками) и другими вещами находились втульчатые железные наконечники копий того же типа, что и в предыдущем погребении.

Железные мечи из некрополя Гуад-иху и Сухумской горы имеют сходство с железными мечами, обнаруженными в Пашковском¹ и Усть-Лабинском² могильниках Краснодарского края. Мечи из Усть-Лабинского могильника И. В. Анфимов датирует IV веком – начале III в. до н. э.³

Железные кинжалы типа сухумских встречаются на обширной территории. В Грузии они известны из могильников Двани⁴ и Верхней Рачи⁵. На Северном Кавказе подобные кинжалы найдены в станице Келермесской⁶ и Краснодарском могильнике⁷. Аналогичные кинжалы известны и из степной полосы юга России⁸.

¹ Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников метотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951. С. 163. Рис. 48, 3.

² Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабиинской. МИА, № 23, 1951. С. 166. Рис. 4, 5.

³ Там же. С. 162–168.

⁴ Макалатия С.И. Раскопки Двинского могильника. СА, XI, 1949. С. 225. Рис. 4, 1.

⁵ Гобеджишвили Г.Ф. Археологические раскопки в советской Грузии (на груз. яз.), 1952. С. 99. Табл. XIII–XV.

⁶ Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Тандиса. ИАК. Вып. 35, 1910. С. 104. Табл. V. Рис. 23а.

⁷ Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949. С. 258. Рис. 9.

⁸ Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Самелы. Т. I, СПб., 1887. Т. II, СПб., 1894.

В отношении топоров-молотков из некрополя горы Гуад-иху и Сухумской горы надо заметить, что оно по некоторым своим чертам (овальное насадочное отверстие, общий профиль) напоминает бронзовые колхидско-кобанские топоры типа «б» по уваровской классификации. Что касается указания топоров-секир с широкими лопастями, то подобные изделия встречаются в отчетливо выраженной форме в орнаментах и рисунках некоторых археологических памятников, обнаруженных при раскопках некрополя в Херсонесе¹ и в скифском кургане близ Воронежа². На этих памятниках изображены скифские воины, держащие в руках топоры-секиры, тождественные с сухумскими.

Следует указать, что в добытых материалах из некрополя на горе Гуад-иху в 1952–1953 гг. совершенно отсутствует бронзовое оружие. Аналогичное явление имеет место и в синхронных с сухумским некрополем могильниках Парцханакоеви Кутаисского района³ и Добла-Гоми Самтредского района⁴ (Западная Грузия). Эти факты говорят об окончательном переходе на территории Колхиды примерно в VI–V вв. до н. э. от бронзового оружия к железнному.

Третья группа памятников из некрополя горы Гуад-иху состоит из литых бронзовых перстней-печатей, являющихся высокохудожественными ювелирными изделиями. На их щитках имеются различные вырезные изображения, которые по своему стилю и технике исполнения принадлежат к античному художественному ремеслу. В одной из могил (№ 18) было обнаружено восемь лежавших в куче перстней; из них на четырех имеются вырезные человеческие фигуры. Фигура первого перстня, обнаженная, с крыльями за спиной, сидит на стуле, и на правой вытянутой ее руке сидит фантастическая птица с распростертыми крыльями. Фигура второго перстня, с обнаженным до пояса туловищем, сидит на стуле и играет на свирели. Человеческая фигура, переданная на третьем перстне, одета в длинный плащ, сидит на стуле и держит в

¹ Граков Б.Н. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950. С. 14, 15. Рис. 3.

² Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд. МАР. Вып. 34, 1914. С. 79. и сл. Табл. I. Рис. 1 и 2.

³ Иващенко М.М. Кувшинный могильник Западной Грузии. СА, XIII, 1950. С. 320.

⁴ Куфтин Б.А. Материалы и археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси, 1950.

руках ветвь. Фигура четвертого перстня, обнаженная, с крыльями за спиной, стоит на одном колене. На остальных четырех перстнях изображены следующие фигуры животных: на первом – сфинкс, на втором – лев, на третьем – лошадь и на последнем – орел.

Вместе с перстнями в этом погребении находились два сильно фрагментированных чернолаковых сосуда (возможно, типа котил) и другие предметы.

Значение этих перстней-печатей заключается в том, что они помимо остального раскопанного могильного инвентаря, служат важным источником для суждения о социально-экономическом положении древнего населения Сухума, которому, несомненно, принадлежало открытое кладбище на горе Гуад-иху.

Давно установлено, что еще в древнем мире перстни с вырезанными изображениями служили преимущественно печатями. Их применяли не только для скрепления как частных, так и официальных документов, но также и для охраны и закрепления имущества за его собственником. Поэтому есть все основания сказать, что большинство перстней выполняло функцию печатей, и владельцы их, безусловно, принадлежали к богатой торгово-аристократической части древнего населения Сухуми.

Четвертая группа находок некрополя состоит из различных видов бронзовых украшений, среди которых преобладающими являются круглопроволочные браслеты. Последние принадлежат к следующим типам: первый тип – браслеты с пятью, семью, десятью и шестнадцатью наплывами, украшенными продольными рубцами;

второй тип – браслеты, снабженные в пяти местах утолщениями четырехгранно-призматической формы;

третий тип – браслеты с винтовидной нарезкой и птицеобразными головками на концах;

четвертый тип – трехгранные браслеты с наружными поперечными надрезами и драконовыми головками на концах;

пятый тип – браслеты с утолщенными концами, украшенными винтообразной нарезкой;

шестой тип – браслеты со змеиными головками; седьмой тип – браслеты с поперечными наружными надрезами, чередующимися с продольными врезными линиями и гладкой поверхностью.

Браслеты, аналогичные первым четырем типам, прослеживаются пока только в Абхазии¹ и на территории Западной Грузии².

Следующий вид украшений состоит из однотипных бронзовых булавок. Среди них по величине и техническому мастерству исполнения обращает на себя внимание булавка с головкой из шести расходящихся в плоскости полосок, длиной около 7 см, состоящих каждая из двух как бы сплетенных жгутов. Полоски упираются в перекадину ковки, которой украшены смотрящими в противоположные стороны бараньими головками. Перекадина снабжена восемью ушками с подвесками в виде колокольчиков. У основания полосок с одной стороны положен спиральный круг, а с другой стороны имеется ушко. Длина булавки – около 21,5 см. Предельная ширина верхней ажурной части – 8,8 см.

Бронзовая булавка, имеющая некоторое сходство с описанными, известна из сел. Мцара Гудаутского района. Абхазской АССР³.

На Северном Кавказе в частности из могильника Нижней Рутхи известны большого размера двучленные бронзовые булавки⁴, головки которых состоят из таких же расходящихся в плоскости полосок, как у сухумских.

Другой вид бронзовых украшений состоит из фибул трех различных типов. К первому типу принадлежат фибулы с пластинчатой – овальной формы – орнаментированной дужкой, имеющей один виток у основания дуги вместе с иглой. Ко второму типу относится проволочная фибула со слегка граненой дужкой, с одним витком у основания дуги вместе с иглой. К третьему типу принадлежит двучленная проволочная фибула со своеобразной разделкой дужки в виде круглой прорезной розетки, обрамленной восемью спиралеобразными выступами; у крючкообразно изогнутого основания дуги прикручена игла фибулы.

¹ Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I Л., 1941.

² Б.А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949, Т. II, Тбилиси, 1950. Табл. А.

³ Лукин А. Л. Указ. Соч. Табл. XV, 3, 4. Табл. XXI, 7.

⁴ Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа, МАК. Вып. VIII, 1900. С. 250. Рис. 202.

Первые два типа фибул известны в Абхазии¹ и в центральной части Северного Кавказа.² Последний тип фибулы не имеет аналогии в известной нам археологической литературе.

В состав украшений входят также принадлежности пояса. Они состоят из маленькой костяной пряжки цилиндрической формы с двумя продольно-сквозными отверстиями и большого количества бронзовых трехгранных колечек овальной формы, надевавшихся на узкий ремень. Применение такого типа колечек для украшения пояса впервые прослеживается в некрополе на горе Гуад-иху.

К следующему виду украшений принадлежит витая шейная гривна с ромбовидно уширенными пластинчатыми концами, переходящими в четырехгранно-проводочные крючки, сцепленные друг с другом. Ромбовидные уширения гривны украшены точечно-ямочным, штриховым и очкообразно-линейным орнаментом. Гривна рассматриваемого типа является пока единственной находкой в Абхазии.

Из других предметов украшений обращает на себя внимание орнаментированная пластинка. Верхняя широкая часть ее на конце сужена и загнута в крючок. Нижняя часть пластинки, постепенно суживаясь, заканчивается круглопроволочной петлей с висющим на ней колокольчиком. По средней части пластинки, вдоль, расположены елочные дорожки, отделенные друг от друга поперечными штриховыми полосками. Боковые поля елочных дорожек, ограниченные линиями и штриховыми черточками, украшены кругообразно расположенными точечными выбоинками: посередине каждого точечного круга имеется по одной ямке. На ромбовидном уширении пластинки, кроме указанных видов орнаментации, нанесены дугообразные полосы, заполненные короткими штрихами. Такой своеобразный предмет неизвестен нам среди древностей Кавказа.

К группе украшений, наряду с рассмотренными выше предметами, относятся также стеклянные и янтарные бусы. Стеклянные бусы разного цвета – голубые, синие, черные. По форме они подразделяются на цилиндрические, круглые, боченкообразные и

грушевидные. Среди голубых синих бус имеются бусы с глазками. В число янтарных бус входит подвеска в виде головки кабана; она применялась, по-видимому, в качестве амулета.

В добытом могильном инвентаре на горе Гуад-иху имеется единственная серебряная монета «колхидка», которая по найденным вместе с ней топору-секире, чернолаковым Сосудам типа котилы и другим предметам датируется приблизительно IV веком или первой половиной III в. до н.э.

На горе Гуад-иху хорошо представлена также глиняная посуда. Она делится на четыре группы. Первая состоит из кувшинов, горшков, орнаментированных гребенчатым, сетчатым, волнообразным орнаментами, ломаными линиями и т. д. Материал этой посуды – грубая глина, со значительной примесью песка; обжиг – средний. Среди сосудов ведущее место занимают кувшины.

Вторую группу керамики составляют красноглиняные амфориски.

Третью группу керамики составляют фрагменты красноглиняных и красновато-серых амфор. От них найдены ручки, стенки и доньшки, причем среди последних некоторые напоминают сосуды типа гераклеейских амфор, датирующихся IV–III веком до н.э.¹ Глина, из которой сделана эта посуда, является местной.

Четвертую группу керамики составляет значительное количество обломков чернолаковой посуды, приближающейся к типам котил, киликов и канфаров. Она сделаны из красной и красновато-серой глины хорошего обжига. Подобная чернолаковая посуда была найдена на Сухумской горе в 1951 г. Донная часть чернолакового сосуда типа сухумских котил известна также из Бамборской поляны, западнее Гудаут².

Последняя группа посуды, т. е. чернолаковая, является одной из опор для правильной датировки вскрытых погребений на горе Гуад-иху. Известно, что чернолаковая посуда вообще связана с античными поселениями. В Северном Причерноморье значительная концентрация ее прослеживается только в античных

¹ Лукин А.Л. Указ. Соч.; М.М. Трапш. Куланурхвский древний могильник (автореферат кандидатской диссертации). Сухуми, 1951.

² Уварова П.С. Указ. Соч. Табл. XXXVIII, 8 и GIV, 2.

¹ Зеест И.Б. О типах гераклеийских амфор. КСИИМК, XXII, 1948. С. 48, 49. Рис. 10, 1, 2.

² Лукин А.Л. Указ. Соч.. С. 72. Табл. XXIII.

городах, как например, в Пантикапее, Ольвии, Херсонесе и др. Аналогичное явление, как это установлено за последние годы раскопками Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР, имеет место и в Сухуми, где в различных пунктах этого города обнаружено большое количество чернолаковой посуды. Данное обстоятельство, по нашему мнению, говорит о том, что во второй половине первого тысячелетия до нашей эры в районе современного Сухуми существовало античное поселение городского характера, именовавшееся, по-видимому, Диоскурией.

Эту мысль, помимо некоторых других наших данных, в значительной степени подкрепляет античный мраморный барельеф, найденный в Сухуми в начале августа 1953 г. на дне моря, на глубине около 2 м, возле устья р. Беслетки, против санатория № 22. В момент обнаружения этот барельеф лежал изображением вниз, чем и объясняется его хорошая сохранность. Мраморная плита с барельефом имеет прямоугольную форму; у неё недостает нижнего левого угла, равного примерно одной трети ее величины. Облом – старый. Размеры плиты: длина – 157 см, ширина – 92 см, толщина – 11–12 см. В торцовой верхней части плиты имеется шесть круглых отверстий, расположенных друг от друга на расстоянии от 11,5 до 16,5 см. Эти отверстия служили, несомненно, для соединения на штырях фронтона с мраморной плитой. Мрамор, из которого сделана плита, сероватый, пятнистый. Подобный мрамор в Абхазии не встречается.

На лицевой стороне мраморной плиты изображены три изящно изваянные человеческие фигуры; сидящая в кресле нарядно одетая женщина, обнимающая правой рукой прислонившегося к ее коленам обнаженного мальчика, на которого она смотрит с глубокой печалью, как бы прощаясь с ним навсегда; мальчик тоже с умоляющим выражением смотрит на нее и держит ее за бессильно опущенную левую руку. Перед ними стоит девушка, которая грустно смотрит на сидящую в кресле женщину; в левой, приподнятой вверх руке девушка держит квадратный предмет – по-видимому, шкатулку с драгоценностями. С кресла виснет часть шкуры какого-то животного. Такова композиция этого замечательного памятника, отражающего сцену большого горя.

Памятник этот по изображенным фигурам, живописной трактовке форм и изяществу драпировки одежд, изумительной обработке мрамора является замечательным произведением античного искусства, в котором художник выявил свое высокое мастерство. Он не имеет аналогии среди известных мраморных барельефов из античных городов Северного Причерноморья.

Барельеф является, несомненно, надгробной плитой, на что, кроме размера и формы плиты, указывает его композиция. Такая композиция встречается в надгробных памятниках античного искусства второй половины V в.¹

В районе, где был найден барельеф, приблизительно в 70–100 м от берега, в море, находятся развалины стен от какого-то древнего каменного строения. По данным М. М. Иващенко², море здесь еще раньше во время сильных штормов выбрасывало на берег обломки чернолаковой посуды. Местные краеведы В. И. Чернявский и др.³ в свое время также указывали на находки в Сухуми, выброшенных морем эллинских монет и других предметов античной культуры. Эти данные вместе с рассмотренным мраморным барельефом дают возможность полагать, что часть древнего античного городского поселения находится на дне Сухумской бухты.

В итоге произведенных исследований в Сухуми в 1951–1953 гг. можно сделать следующие выводы:

1. Предварительное изучение рассмотренного выше археологического материала позволяет наметить его хронологические рамки, начиная приблизительно с X в. до н. э. и кончая позднейшим средневековым временем. К древнейшему времени, т. е. примерно к первой половине I тысячелетия до н. э. относятся обнаруженные в некрополе горы Гуад-иху следы жилых помещений и открытые на Сухумской горе клад с бронзовыми топорами колхидско-кобанского типа и погребение с такими же топорами, ко-

¹ Метакса В. Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных барельефах, СПб., 1901. С. 6–21.

² М. Иващенко. К вопросу о местонахождении Диоскурии... С. 101.

³ V АС. Протоколы Подготовительного комитета. М., 1879. – Записка В. Чернявского о памятниках Западного Закавказья. С. 16; там же – Замечания. А. Введенского на записку Чернявского. С.; 125; там же – Мнение А. Комарова. С. 324.

торые указывают на то, что в районе современного Сухуми еще до появления античного поселения существовало развитое в культурно-экономическом отношении местное поселение.

Хронологически к этим находкам примыкает могильный инвентарь на горе Гуад-иху и Сухумской горе и предметы, найденные в четвертом культурном слое Сухумской крепости. Изучение этого материала, в частности, сравнительный анализ предметов (как например, топоров типа секиры-молотка¹, мечей с поперечными перекладинами на вершине рукояти, кинжалов с сердцевидными перекрестиями, чернолаковых сосудов и других вещей), позволяет датировать его V–III веками до н. э.

Следующие группы сухумских находок обнимают I–IV, XI–XIII и XVI–XVIII вв.

К периоду I–IV вв. относятся обнаруженные в третьем культурном слое Сухумской крепости римские монеты эпохи Марка Аврелия, светильники, арбалетовидные фибулы, фрагменты краснолаковой посуды, поясная пряжка с язычком, украшенным головкой животного и т. д.

К XI–XIII вв. может быть отнесен второй культурный слой Сухумской крепости, который характеризуется, главным образом, глазурованной посудой различной окраски и украшениями.

XVI–XVIII веками датируется первый культурный слой Сухумской крепости, характеризующийся обломками керамических вещей: кувшинов, горшков, плоских черепиц, водопроводных труб и т. д.

2. По результатам исследованной части могильника на горе Гуад-иху можно предполагать, что древнее население, занимавшее территорию современного Сухуми во второй половине I тысячелетия до н. э., состояло из различных этнических групп. На это прежде всего указывают выявленные в названном некрополе различные формы могильных ям – удлиненные и округлые, причем последняя форма могил не являлась типично местной и, возможно, связана с существовавшим здесь античным поселением.

¹ На одном чернолаковом краснофигурном лекифе, найденном раскопками Б. В. Фармаковского в 1911 г. в некрополе древней Ольвии, изображена секира типа сухумских вместе с головкой амазонки. Лекиф этот по стилю рисунка относится к концу V в. д. н.э. (ИАК. Вып. 8, 1903. С. 27, 28. Рис. 14).

Следующим аргументом, говорящим в пользу выставленного тезиса, является различный обряд захоронения покойников в округлых и удлиненных могилах. Покойники, хоронившиеся в первых, подвергались полной кремации вместе с инвентарем вне могил, затем их пепел вместе с остатками инвентаря и древесными угольками складывался в погребальные ямы. Покойники, хоронившиеся в удлиненных могилах, подвергались частичной кремации, совершавшейся непосредственно в заранее подготовленных могильных ямах.

Высказанное нами соображение может подкрепить также и тот факт, что обнаруженные на исследованном могильном поле на горе Гуад-иху две формы могильных ям с различными обрядами захоронения покойников располагались отдельно по группам, насчитывавшим от 2 до 6 могил каждая. Приведенные данные, правда, недостаточны для обоснования выдвинутого нами тезиса, но и утверждать обратное нет никаких оснований, тем более что из рассмотренного выше археологического материала видно, что во второй половине I тысячелетия до н. э. в районе современного Сухуми существовало поселение городского характера, культура которого слагалась из местной и античной, следовательно, население этой территории могло быть не чисто местным или античным, а смешанным. Такое же явление, как это установлено археологическими исследованиями, имеет место и в античных городах Северного Причерноморья.

3. Общество, которому принадлежал могильник, не являлось однородным: в нем чувствовалось в сильной степени классовое расслоение. Об этом говорят вскрытые погребения в некрополе на горе Гуад-иху, которые по количеству и качеству выявленного в них могильного инвентаря четко подразделяются на относительно богатые и бедные погребения, и могилы без погребального инвентаря.

Ряд предметов, как например, бронзовые перстни-печати, обнаруженные в погребениях 12, 13, 16 и 18, связаны, несомненно, с частной собственностью и говорят о классовой дифференциации. Эти предметы могли применяться для охраны и закрепления имущества за его собственником, и владельцы их, бесспорно, принадлежали к торгово-аристократической части древнего на-

селения Сухуми. На это указывает также мраморное надгробие, которое, безусловно, было связано с жизнью богатой аристократической верхушки.

4. На добытом в Сухуми в 1951–1953 и археологическом материале второй половины I тысячелетия до н. э. и I–IV вв. н. э. прослеживаются торгово-экономические связи древнего населения Сухуми с народами восточной части Средиземноморья. На это указывают, например, чернолаковая посуда (килики, камфары, котилы), амфоры, античный мраморный барельеф, римские монеты и т. д.

Определенная часть предметов из раскопок в Сухуми, как например, кинжалы с сердцевидными перекрестиями, мечи с поперечными перекладинами на вершине рукояти, секиры и другие вещи, указывают также на культурно-исторические связи древнего населения Сухуми с народами Северного Кавказа, степной полосы юга России и Северного Причерноморья.

Рассмотренный материал позволяет также предполагать, что во второй половине I тысячелетия до н. э. древняя Диоскурия находилась в районе современного Сухуми. Эта мысль подкрепляется, во-первых, наличием в найденных материалах большого количества античной чернолаковой посуды, обнаруженной в различных пунктах Сухуми (в Сухумской крепости, перед гостиницей «Рица», в сквере им. Руставели, на Сухумской горе, на горе Гуадиху, в военном городке, в районе замка Баграта и т. д.); во-вторых, обнаруженными в некрополе на горе Гуадиху раскопками 1952 г. бронзовыми перстнями-печатами с различными на их щитках вырезными изображениями, относящимися по своему стилю и технике исполнения к античному художественному ремеслу; в-третьих — упомянутым выше античным мраморным барельефом, найденным в августе 1953 г. на дне моря в Сухуми.

В пользу тезиса о местонахождении Диоскурии в районе Сухуми, помимо археологического материала, могут говорить также и письменные сообщения некоторых древних авторов. В частности, поданным Страбона¹ и Арриана², местоположение

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб. 1893. Т. I. Вып. 1. С. 135.

² Там же. С. 223.

древней Диоскурии с большой точностью совпадает с районом современного Сухуми.

Таким образом, все приведенные фактические данные позволяют, как нам думается, решить проблему местонахождения Диоскурии в пользу Сухуми. Дальнейшее археологическое исследование Сухуми в более широком масштабе даст, несомненно, новый интересный материал о богатом историческом прошлом этого города.

**Советская Археология. XXIII.
Москва, 1955. С. 206-227**

8. ИТОГИ РАСКОПОК В СЕЛ. КУЛАНУРХВА В 1951 ГОДУ

Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР организовал в июле 1951 года небольшую археологическую экспедицию в сел. Куланурхва Гудаутского района.

Выбранный для раскопки объект, археологическое исследование которого было начато нами в 1948 году, находится в 6 км к северо-востоку от Гудауты.

Экспедиция ставила перед собой задачу выявить дополнительный археологический материал к раскопкам 1948 г. с тем, чтобы получить возможно более полную картину условий существования родовых коллективов, оставивших Куланурхвинский древний могильник.

В результате произведенных исследований на территории могильника были открыты остатки шести разрушенных погребений, из которых одно с инвентарем скифского типа, остальные с предметами колхидской бронзы. Наряду с этим экспедиция института произвела разведочные археологические работы вне территории могильника (в северной его части) и обнаружила там в ряде мест, особенно в раскопе № 3, мощный средневекового времени культурный слой, содержащий большое количество различных керамических изделий. Около ста метров южнее раскопа № 3 было вскрыто одно человеческое погребение.

Раскопанный археологический материал как в могильнике, так и вне его территории, разновременен. К самому древнему по времени культурному слою относятся все шесть вскрытых погребений в могильнике. Материал, добытый в этих погребениях, свидетельствует о том, что могилы относятся к VII–VI вв. до н. э. К более позднему культурному слою принадлежит инвентарь одного погребения, относящегося, приблизительно, к IV–III вв. до н. э.

Что касается гончарных изделий из раскопа № 3, то они восходят примерно к XI–XII вв. н. э.

Перейдем к описаниям погребений и раскопа № 3.

Погребение 1. В траншее № 2 (размеры 2х4 м) на втором штыку найдены остатки разрушенного погребения: фрагмент бронзового браслета цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, обломки бронзовых пластин, черепки глиняной посуды и осколки человеческих костей.

Погребение 2. При расчистке земли в траншее № 5 (размеры 3х8) на глубине 15–20 см были обнаружены: обломки человеческих костей, фрагменты бронзовой трехгранной спирали, обломки двух пластинчатых бронзовых браслетов цилиндрической формы типа первого погребения, сердоликовые бусы, фрагменты глиняных сосудов и зубы животного.

Погребение 3. В траншее № 12 (размеры 1х4 м) на втором штыку найдены: осколки человеческих костей, желобчатый бронзовый браслет, фрагменты листовой бронзы, обломки глиняных сосудов (один от венчика сосуда со сквозным отверстием).

Погребение 4. При расчистке траншеи № 13 (размеры 1х5) на глубине 20 см обнаружены: человеческие кости, фрагменты двух железных ножей, желобчатый бронзовый браслет типа третьего погребения (один конец обломан), бронзовая спираль, бронзовый ободок, обломки листовой бронзы, фрагменты глиняных сосудов. Собранный погребальный инвентарь в траншее располагался на площади 2х2 м. Этот факт указывает на то, что при вспашке земли данные предметы были сдвинуты с места первоначального положения.

Следует сказать, что однотипные желобчатые бронзовые браслеты, найденные в третьем и четвертом погребениях, говорят об одновременности этих могил.

Погребение 5. Остатки этого погребения обнаружены в траншее № 16 (размеры 1х3 м). Здесь при расчистке земли на глубине 15 см найдены: бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы скифского типа, железный нож с прямой спинкой, обломки глиняных сосудов, зубы лошади и осколки человеческих костей, встречавшихся на площади 2 х 2 м.

Погребение 6. В траншее № 20 (размеры 2х4 м) при копке земли на глубине 20 см обнаружены: бронзовый браслет цилиндрической

формы с четырьмя круговыми ребрами типа первого и второго погребения, железный нож с загнутой спинкой, стеклянные и бронзовые бусы, бронзовые цепочки, бронзовый пинцет, бронзовое колечко, обломки глиняных сосудов и зубы животного. Фрагменты человеческих костей в траншее встречались на площади 2х2 м. Данное погребение первоначально являлось, несомненно, более богатым, но многие предметы, по-видимому, пропали при вспашке земли.

Надо отметить, что бронзовые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, найденные в первом, втором и шестом погребениях, свидетельствуют об одновременности и этих могил.

Погребение 7. (обнаружено вне территории могильника). При раскопке траншеи № 24 (размеры 2х5) на глубине 25 см было вскрыто человеческое погребение. Костяк лежал на спине в вытянутом положении с ориентацией головы на север, к абхазским горам. Кости ног, рук, черепа были сильно фрагментированы. Ребра, за исключением нескольких кусков, не сохранились.

Возле скелета найдены следующие предметы:

- 1) правее черепа острием к костяку лежал втульчатый железный наконечник копья овальной формы;
- 2) левее черепа острием к костяку находился другой железный наконечник копья; втулка обломана;
- 3) у правой руки лежали фрагменты одного глиняного сосуда;
- 4) у ног собраны обломки от различных глиняных сосудов (донышки, горлышки и др.). Траншея была расширена в восточном и западном направлениях, но больше ничего не было найдено.

Раскоп № 3 (вне территории могильника). В раскопе (размеры 4х 10 м) обнаружен мощный средневекового времени культурный слой с различными керамическими изделиями. При расчистке земли в нем найдено множество обломков от различных глиняных сосудов. Среди черепков от больших, средних и малых сосудов (кувшины, пифосы, горшки, блюда, бокальчики) имеются различные виды орнаментации. В этом же раскопе обнаружено несколько глиняных пряслиц, обломки поливной посуды с различной окраской и украшениями.

Наряду с перечисленными предметами в раскопе № 3 обнаружено значительное количество фрагментов бракованных гли-

няных изделий и куски керамического шлака. Все приведенные выше фактические данные говорят о том, что где-то в районе раскопа № 3 находилась, по-видимому, гончарная мастерская, в которой производились разнообразные керамические изделия. На это может указать и тот факт, что на плечиках нескольких черепков (от основания горла сосудов), найденных в этом же раскопе, имеются различные знаки, выполненные до обжига по мягкой еще глине острием. Эти знаки связаны, несомненно, с мастерами, изготовившими эти сосуды.

Значительное скопление глиняных изделий было прослежено также и в ряде других мест вблизи раскопа № 3. Произведенная нами работа здесь в 1951 году очень незначительна. Поэтому тщательное исследование этого важного археологического объекта в целом нужно продолжить, так как он, несомненно, даст новый более интересный дополнительный материал.

Раскопки 1951 г. показали, что в Куланурхвинском могильнике, к сожалению, уже почти нет целых сохранившихся погребений, так как вся площадь могильника, обрабатывавшаяся продолжительное время под табачные и кукурузные плантации, совершенно разрушена.

Перейдем к рассмотрению раскопанного археологического материала, состоящего из керамических изделий, оружия и украшений.

Керамический материал по своему возрасту относится к двум различным периодам. К раннему времени относится фрагментированная посуда, обнаруженная в погребениях могильника. Она представлена небольшим количеством обломков и сделана из глины темновато-серого цвета со значительной примесью песка. Обжиг ее средний. По имеющимся фрагментам можно судить, что здесь в подавляющем большинстве представлены однотипные сосуды – горшки. Встречаются также сосуды с ножками в виде ваз, но редко. Следует указать, что среди фрагментов посуды на трех венчиках у загнутых бортиков имеется по одному сквозному отверстию, предназначенному, очевидно, для подвешивания сосудов.

Среди рассматриваемой фрагментированной керамики имеются три черепка с различными видами украшений, обнаруженные в шестом погребении. Один черепок орнаментирован ленточнообразными горизонтальными полосками. Другой украшен

рельефно выраженным пояском, покрытым врезными черточками, расположенными вертикально и параллельно друг другу. Последний черепок со штриховым орнаментом.

Рассматриваемая керамика по составу, обжигу и технике изготовления имеет полное сходство с обломками глиняных сосудов, обнаруженных там же раскопками 1948 года. Этот факт указывает на то, что вскрытые погребения в Куланурхвинском могильнике в 1948 и 1951 гг. относятся к одному периоду.

К значительно более позднему времени, т. е. к средневековому периоду, относится фрагментированная керамика, собранная в большом количестве в раскопе № 3. Обращают на себя внимание обнаруженные в этом раскопе обломки бракованной посуды, черепки со знаками мастеров, куски керамического шлака и глиняные пряслицы, свидетельствующие, бесспорно, о наличии здесь крупного гончарного производства, причем не домашнего, а профессионально-ремесленного с выходом продукции, несомненно, за пределы отдельного усадебного хозяйства.

Обнаруженная керамика в раскопе № 3 сделана из красной, желтой, серой и темновато-серой глины с примесью толченой слюды и песка. Судя по собранным обломкам, здесь представлен ряд типов глиняных сосудов – кувшины различных размеров, большие глиняные пифосы, горшки, блюда, бокальчики и др.

Среди рассматриваемой керамики из раскопа № 3 имеются орнаментированные черепки с наклонными врезными черточками, ленточнообразными поясками, елочными, ямочными и другими видами украшений.

Керамика, имеющая близкое сходство с рассматриваемой и относящаяся, приблизительно, к XI–XII вв. нашей эры, обнаружена раскопками В. И. Сизова¹ в Сухуми в 1886 г.

Из других вещей, найденных в раскопе № 3, ценными находками являются глиняные пряслицы. Пряслицы эти, имеющие коническую форму, представляют собою приспособление к веретенам для прядения нитей. Такие находки обнаружены и в других пунктах Абхазии (Сухуми и т. д.). Они говорят о том, что в интере-

¹ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М., 1889.

сующее нас время на территории современной Абхазии прядение являлось важной отраслью производства.

Такова в целом общая характеристика всей куланурхвинской керамики.

Оружие в раскопанном материале 1951 года представлено в очень малом количестве.

Такое положение объясняется тем, что все погребения, находившиеся, как было указано выше, на глубине 15–20 см разрушались при вспашке земли и предметы, обнаруживавшиеся при этом, терялись находчиками. В результате чего погибло много исторических памятников ценных для археологической науки, в том числе и оружия.

В состав оружия входят: один бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы скифского типа, два железных наконечника копий и четыре железных ножа. Наконечник стрелы скифского типа найден в пятом погребении. По краям каждой грани он имеет по два желобка. Вершина втулки у начала грани снабжена маленьким отверстием. Наконечник покрыт зеленой патиной; длина его 2,5 см, наибольшая ширина 8 мм, диаметр втулки около 5 мм. Этот наконечник имеет полное сходство с трехгранными бронзовыми наконечниками стрел, обнаруженными в том же Куланурхвинском могильнике раскопками 1948 года¹. Аналогичные наконечники стрел, встречающиеся в комплексах начала VI века до нашей эры, известны на широкой территории (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передняя Азия и др.). Но на территории Абхазии наконечники стрел скифского типа пока встречены только в сел. Куланурхва.

Два железных наконечника копий найдены в 1951 г. в седьмом погребении. Первый наконечник с разрезной втулкой длиной 23 см и наибольшей шириной 3,3 см от основания резко суживается к концу, имеет слегка выделяющееся срединное ребро. Второй наконечник копья с обломанной втулкой длиной 11 см и наибольшей шириной 2,5 см.

¹ Трапш М. М. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в селе Куланурхва. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа АН Грузинской ССР». Т. XXIV. Сухуми, 1951. Табл. II, 19–25.

Наконечники копий рассматриваемой формы обнаружены раскопками экспедиции Абхазского института языка, литературы и истории в 1951 году в погребальных комплексах V–III вв. до нашей эры на Сухумской горе. Подобные наконечники копий известны и из других пунктов Кавказа.

Железные ножи в Куланурхвинском могильнике раскопками 1951 года обнаружены в количестве четырех экземпляров. Они имеют различные формы. Первый нож, найденный в шестом погребении, с изогнутой спинкой и обломанным концом. Размеры: длина 5,5 см, ширина 1,5 см. Второй нож, обнаруженный в пятом погребении, с толстой прямой спинкой длиной 11,5 см и шириной 1,5 см. Оба ножа имеют короткий стержень для ручки, являющейся непосредственным продолжением спинки. Остальные два ножа, найденные в четвертом погребении, сильно фрагментированы.

Ножи описанных типов встречаются в погребальных комплексах VI века до нашей эры. Так, два ножа рассматриваемой формы вместе с девятнадцатью наконечниками стрел скифского типа, двумя железными топорами типа секиры-молотка и др. предметами, относящимися к рубежу VII–VI вв. до нашей эры, были обнаружены в Куланурхвинском могильнике в 1948 г.

Предметы украшения, найденные раскопками 1951 года, состоят из браслетов, цепочек, пинцета и бус.

Бронзовые браслеты принадлежат к двум различным типам. К первому типу относятся широкие пластинчатые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами по поверхности. Таких браслетов четыре экземпляра; они найдены в первом, во втором и шестом погребениях. Из этих браслетов один целый, хорошей сохранности, а три являются обломками. Особый интерес представляют браслеты рассматриваемой формы, которые являются местной особенностью абхазской бронзы. Их можно рассматривать не только как украшение, но и как оборонительное оружие, служившее для защиты рук от удара короткочеренковым боевым топором.

По рассказам ряда старожил колхозников, подобные браслеты они часто находили раньше в районе раскопок 1951 года при обработке земли.

Браслеты разбираемого типа в количестве трех были обнаружены в том же Куланурхвинском могильнике¹ раскопками 1948 г. Совершенно такой же формы один браслет имеется среди бронзовых предметов Ешерского могильника².

Браслеты интересующего нас типа не известны до сих пор в других пунктах Кавказа. Они даже не получили широкого распространения по всей Абхазии. Это, возможно, объясняется тем, что в эпоху Куланурхвинского могильника подобные браслеты не изготовлялись в большом количестве для широкого обмена. Поэтому нахождение их на узкой территории, т. е. в северо-западной части Абхазии, при отсутствии в юго-восточной части края, дает основание говорить о производстве рассматриваемых браслетов внутри одной небольшой территории.

Таким образом, приведенные данные о браслетах рассматриваемого типа дают основания пока предполагать, что эти изделия производились, вероятно, где-то на территории современной Бзыбской Абхазии.

Ко второму типу относятся два широких желобчатых браслета, найденных в 3-ем и 4-ом погребениях. Браслет из 3-го погребения с обломанным концом отличается от другого браслета отвернутыми на внешнюю сторону бортиками и более глубоким желобком. Оба браслета с двухскатной наружной поверхностью. Причем на одном из них, найденном в 4-ом погребении, имеется отверстие, являющееся литейным дефектом. Кругло-овальный просвет этих браслетов составляет 4х5 см, что говорит о ношении их на женской руке.

Близкой аналогией к этим изделиям является один браслет, обнаруженный в поселке Жабна Отхарского сельсовета Гудаутского района.³

¹ Трапш М. М. Грунтовые погребения с инвентарем колхидского типа в сел. Куланурхва. Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа АН Грузинской ССР. Т. XXV, 1954. Табл. 1, 2, 3.

² Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси, 1949. С. 19. Рис. 4.

³ Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. «Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа». Т. 1. 1941. Табл. VII, 2.

Раскопками 1951 г. обнаружены в шестом погребении две различных бронзовых цепочки. Первый экземпляр длиной 12,5 см, с 8-мм овальными звеньями, сделанными из круглой проволоки диаметром один миллиметр. Второй – длиной 11,5 см, у которого овальные звенья, в отличие от первого, сделаны из узенькой желобчатой проволоки 2-х мм ширины. Аналогичные цепочки найдены в сел. Куланурхва раскопками 1948 г. Подобные изделия имеют широкое распространение на Кавказе.

Бронзовый пинцет с петельчатым основанием был найден в шестом погребении. Длинной 8,5 см, он имеет узкие лопасти. Пинцет обломан у основания петли. Поверхность его покрыта зеленой патиной. Как известно, пинцет является чрезвычайно широко распространенной туалетной принадлежностью, существующей в продолжении ряда тысячелетий, с эпохи бронзы и до настоящего времени, одной и той же формы в Европе, в Передней Азии и на Кавказе. Пинцеты бывают двух главных форм: из двух скрепленных отдельных пластин и из одной согнутой пластинки. На Южном Кавказе встречаются пинцеты этих двух форм, причем в колхидской бронзе преобладает второй. Что касается нашего пинцета, то он относится также к этой второй форме.

Бусы в Куланурхвинском могильнике раскопками 1951 года найдены в двух погребениях – во втором и шестом. Среди них наряду с прекрасно обработанными сердоликовыми имеются бусы из стекла и бронзы, которые аналогичны бусам, обнаруженным в том же могильнике в 1948 г.

Сердоликовые бусы круглой формы с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом, в количестве пяти, размером от 4 до 7 мм в диаметре, найдены во втором погребении. Все они хорошо отполированы.

Стеклянные бусы шаровидной формы найдены в шестом погребении. По цвету и диаметру отверстия их можно разделить на две группы. К первой группе относятся бусы из стекла золотистого цвета с диаметром отверстия около 5–6 мм. Таких бус обнаружено семнадцать штук размером от 9 до 13 мм в диаметре. Ко второй группе принадлежат три бусины из мутного чуть зеленоватого стекла, по-видимому, иного состава, с диаметром отверстия около 4 мм. Размеры этих бус 12–13 мм в диаметре.

Вместе со стеклянными бусами в шестом погребении найдены бронзовые бусы в количестве одиннадцати штук. Все они биконической формы слегка сплюснутые, покрытые черной благородной патиной. Бусы эти, размером 7 мм в диаметре, сделаны из трехгранного 5 мм ширины прута, со смыкающимися вплотную концами.

В итоге произведенных исследований в сел. Куланурхва в 1961 году можно наметить следующие выводы:

1. Предварительное изучение раскопанного могильного инвентаря, в частности, сравнительный анализ предметов показывает, что этот материал относится к различным хронологическим периодам. К раннему времени, т. е. к VII–VI вв. до н. э., следует отнести все шесть вскрытых погребений на территории могильника. Причем погребения с предметами колхидской бронзы датируются, приблизительно, VII в. до н. э., а могила с инвентарем скифского типа – VI в. до н. э. Более поздним периодом, т. е. IV – III вв. до н. э., можно датировать седьмое погребение.

2. Археологическими исследованиями Куланурхвинского могильника устанавливается, что широкие пластинчатые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, которые не встречены еще на остальной территории Кавказа, являются пока характерными только для Абхазии, и они, как нам кажется, представляют местную особенность позднейшего периода бронзы этого края.

3. Выявленные в ряде мест, вне территории могильника, мощные средневекового времени культурные слои с большим количеством фрагментированной разнообразной глиняной посуды, в том числе пряслиц и обломков бракованной керамической посуды, свидетельствуют о том, что в XI–XII вв. н. э. в северной части могильника существовало поселение, которое, судя по найденным здесь материалам, имело свою гончарную мастерскую, продукция которой, несомненно, выходила за пределы этого поселения.

Таковы некоторые итоги наших раскопок в сел. Куланурхва в 1951 году. Дальнейшее исследование сел. Куланурхва, несомненно, даст новые данные об историческом прошлом древних обществ, живших на этой территории.

**Труды Абхазского института языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа. XXVII. Сухуми, 1956. С. 179–192**

9. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ СУХУМИ

В 1956 году Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР были произведены археологические разведки и раскопки в районе пос. Красный Маяк на западной окраине гор. Сухуми. На береговой полосе этого района в результате рекогносцировочных работ экспедиция института выявила два наиболее важных в археологическом отношении объекта, расположенных недалеко друг от друга в местечке Безымянном.

Первый объект исследования, занимающий площадь около двух гектаров, представляет селище, находящееся у самого берега моря. С течением времени значительная часть памятника разрушена морским прибоем, а также вырытыми здесь траншеями в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Лучшее сохранилась центральная часть селища. Здесь нами было заложено шесть раскопов. Из них хороший результат дал раскоп пятый, площадь которого равна 25 кв. метрам. В этом раскопе под растительным слоем, на глубине 15–20 см, представлявшем светло-серый песок, попадались обломки чернолаковой посуды и фрагменты привозной синопской черепицы.

Нижний культурный слой толщиной 25–30 см представлял темный коричнево-серый песок, местами насыщенный гумусом. В нем встречались черепки тонкостенной «текстильной» посуды со слабо развитыми бортиками и фрагменты сосудов обычного бытового назначения. В трех местах рассматриваемого раскопа были обнаружены ямки со следами костров, в которых находились глиняные рогатки вместе с черепками «текстильной» посуды. В первой ямке было найдено шесть рогаток, во второй – четыре и в третьей – восемь. Такая комплексная находка впервые прослеживается в аналогичных селищах. Этот факт заслуживает особого внимания.

Он дает основание говорить о том, что на данном месте происходила производственная деятельность определенной группы людей.

В селище Безымянном рогатые колышки с многочисленными черепками «текстильной» посуды попадались и в других раскопах, но они встречались вне костровых ямок, разрозненно по одному или несколько штук.

Следует отметить, что ни в одном подобном селище до сего времени не было найдено ни одной целой глиняной рогатки. Поэтому наши находки впервые дают полное и четкое представление о формах и размерах этих рогаток. Они принадлежат к двум различным типам. К первому типу относятся рогатки с круглым сечением, ко второму – плоские четырехгранные. Рогатки последнего типа встречаются вообще впервые. Размеры рогаток: длина – 15–20 см, длина развилок – 2–3 см, диаметр колышков с круглым сечением до 3–4 см, сечение четырехгранных колышков – 2х4 см. Конец колышков преимущественно острый, попадаются и с менее заостренными тупыми концами.

Выявленный археологический материал в рассматриваемом селище разновременный. К раннему времени, охватывающему приблизительно VIII–VI вв. до н. э. относятся глиняные рогатые колышки и фрагменты тонкостенных лепных сосудов с тканевыми отпечатками. Если реконструировать форму этих сосудов, то они напоминают вид четырехугольных ванночек со слегка выпуклым дном. Лепка данной посуды производилась, по-видимому, в специально изготовленной корытообразной деревянной форме, из которой сосуд извлекался при помощи ткани, положенной заранее в форму. Эти четырехугольные сосуды вместе с огнеупорными глиняными рогатками применялись в солеварном промысле. Соль добывалась из морской воды. Способ получения ее заключался в следующем. В четырехугольные глиняные сосуды наливался рассол морской воды и ставились они на огнеупорные глиняные рогатки. Под сосудами разводился костер, допаривался рассол морской воды и добывалась соль. Эта мысль в качестве рабочей гипотезы была высказана впервые Л. Н. Соловьевым в 1947 году¹. Данная мысль хорошо подкрепляется вещественными

¹ Соловьёв А. Н. Селище с текстильной керамикой... СА. Т. XIV, 1950. С. 281–283.

материалами выше описанного пятого раскопа, где в нескольких ямках со следами костров были найдены глиняные рогатки вместе с черепками «текстильной» посуды.

Селища с тканевыми отпечатками типа Красного Маяка известны из гор. Очамчире, сел. Эшера, Нового Афона и т. д. Подобные селища в Абхазии пока не засвидетельствованы вдали от берега моря. Данное обстоятельство лишний раз указывает на промысловый характер этих поселений, связанных именно с добытием соли из морской воды.

К рассматриваемому времени принадлежит также сопутствующая с «текстильной» посудой фрагментированная бытовая керамика от небольших горшков с выпуклым корпусом и слегка отогнутым венчиком. Эта посуда изготовлялась из более лучшего теста глины с примесью мельчайшего песка. Но она обжигалась некачественно. В изломе черепок имеет углисто-серый цвет. Сосуды делались на гончарном круге, следы которого отчетливо видны на внутренней их поверхности. Посуда тщательно сглаживалась и украшалась елочным орнаментом, волнообразными врезными линиями, сетчаткой.

К более позднему времени, примерно, к IV–III вв. до н. э. относятся фрагменты чернолаковой посуды и обломки привозной синопской черепицы, найденные в верхнем культурном слое рассматриваемого селища. Образец синопской черепицы имеет толщину 2,2 см, при высоте борта 4,7 см. Борт, постепенно сходящий на нет к верхнему обрезу черепицы, приобретает острый край, и внутренняя стенка его, теряя крутизну, принимает пологий скат.

Таковы в основном результаты археологических работ, произведенных на первом объекте в местечке Безымянном.

Второй объект исследования, избранный в северо-западной части того же местечка Безымянного, занимает площадь около одного га. Он так же как и предыдущий объект, расположен у самого берега моря. Береговой вал здесь достигает высоты до 2 метров.

В намеченном для раскопок районе еще в 1935 году экспедиция ГАИМКа производила разведочные археологические работы¹. Здесь в обнажении верхней части берегового вала была найдена тогда небольшая вымостка из мелкой морской гальки, на которой

¹ Иессен А. А. Сухумская экспедиция ГАИМКа, СА. Т. III, 1937. С. 251–252.

стояли два глиняных сосудика.¹ В 1947 году в том же районе, в 10 метрах от берега моря, в песках берегового вала Л. Н. Соловьевым² были доследованы остатки двух погребений, обнаруженных случайно при проведении канавы.

В рассматриваемой местности в феврале 1955 года при разработке песчаного карьера на глубине одного метра было найдено также семь втульчатых⁴ наконечников копий: шесть железных и один бронзовый. С этого же пункта продолжительное время брали песок строительные организации гор. Сухуми, в результате чего значительная площадь памятника разрушена полностью. А сохранившаяся часть памятника изрезана местами глубокими траншеями, вырытыми в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

В намеченной для раскопки местности закладкой небольших разведывательных шурфов была выбрана площадь для исследования размером 10х10 метров. Эта площадь исследована полностью до материка. Она дала два разновременных культурных слоя.

Верхний культурный слой, толщина которого равна 60–70 см, представляет коричнево-серый суглинок, местами кирпично-красного цвета, находившийся под сильным воздействием огня. В этом слое на площади 3х3 метра были обнаружены остатки гончарной печи, выложенной известняковыми камнями, привезенными из бассейна реки Гумиста и горных мест сел. Эшера Сухумского района. Вся площадь вместе с камнями была перекалена огнем в сильной степени. Культурный слой здесь содержал многочисленные обломки черепицы и различной посуды древнего типа. Вместе с ними встречались керамические грузила пирамидальной формы, кирпичи квадратной формы, ошлаковавшиеся куски черепицы и посуды, глиняные обмазки и т. д. В трех местах рядом с площадью гончарной печи в разрезе северо-западной стенки раскопа обнаружены глубокие ямки конической формы для столбов. Это обстоятельство указывает, по-видимому, на то, что данная печь была под крышей.

Вокруг и вблизи разрушенной печи обнаружено большое количество фрагментов пифосов, амфор, горшков, обломков черепицы, комков глиняного теста, ошлаковавшихся кусков различных

¹ Соловьев Л. Н. Указ, соч. С. 275–276.

² Соловьев Л. Н. Указ, соч. С. 276–277.

керамических изделий. Среди перечисленных находок имеются также обломки привозной амфорной посуды и черепицы синопского происхождения, которые датируются IV–III вв. до н. э.

Материалом керамических изделий, обнаруженных в рассматриваемом культурном слое, служила хорошо отмученная глина со значительной примесью песка. В глиняное тесто примешивалась иногда также и слюда. Вся керамика в основном хорошего обжига. Посуда сделана на гончарном круге.

Среди черепков различной посуды сравнительно много обломков толстостенных сосудов – пифосов с черной и красной наружной поверхностью, со следами гребенки на обеих сторонах стенок. Эта посуда, изготовлявшаяся для хранения продовольственных запасов, украшалась желобчатым орнаментом, волнообразными и ломаными врезными линиями, а также косыми насечками. Такая гребенчатая керамика с подобными орнаментами, относящаяся к IV–III вв. до н. э., хорошо представлена и в других пунктах Абхазии, в частности в гор. Сухуми и сел. Ешера¹.

Что касается фрагментированной амфорной посуды, обнаруженной в рассматриваемом культурном слое, то она принадлежит в основном к двум различным типам. Первый тип является остродонным и имеет сходство с синопскими остродонными амфорными сосудами. Второй тип характеризуется коротким цилиндрическим донцем в виде ножки со слегка выпуклой головкой. Амфорная посуда вообще изготовлялась специально как тара для перевозки вина, оливкового масла. Нередкое нахождение такой посуды в Сухуми и его окрестностях свидетельствует об оживленных торгово-экономических связях между местным населением и древними греками-иностранцами.

Среди керамических изделий значительное количество обломков составляет кровельная черепица. Эти фрагменты хотя недостаточны для того, чтобы определить размеры черепичных плит, но они дают возможность установить различие в толщине, форме и размере бортов, а также характер верхнего края, на который налагается последующий черепичный ряд. Более тонкий образец черепицы, толщиной 1,8 см имеет пятисантиметровый борт,

¹ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I, Тбилиси, 1949. Рис. 4.

который почти не уменьшается к верхнему своему концу, и лишь загibaясь слегка внутрь, теряет там крутизну края и покато сливается с плоскостью черепицы. А на некоторых фрагментах черепиц такого же типа легкий внутренний загиб почти круто обрывается по отношению к плоскости черепицы.

Второй образец до 2,2 см толщины отличается наклонным бортом, отделенным у внутреннего основания продольной легкой канавкой, и имеющим плоский, слегка желобчатый верхний край. Для этого образца характерна полная редукция борта близ верхнего его конца, где борт, не достигая обреза черепицы, сходит на нет. А на ряде фрагментов черепиц разбираемого типа борт сразу же обрывается, не достигая обреза верхнего конца черепицы.

Третий образец – до 2 см толщиной отличается выпуклым бортом, напоминая четвертую часть окружности. Высота борта 4,5 см.

Четвертый образец – толщиной 2,4 см, с пятисантиметровым бортом, имеет в разрезе полуовальную форму.

Пятый образец – до 2 см толщиной отличается широким бортом со слегка желобчатым верхним краем. Ширина борта 3,5 см, высота борта 3,8 см.

Фрагментированная черепица, имеющая сходство с выше рассмотренными образцами, в значительном количестве обнаружена на территории гор. Сухуми, особенно в Сухумской крепости в 1951 году. Эта черепица происходит, несомненно, из пос. Красный Маяк.

Кирпичи квадратной формы, найденные в исследованном раскопе, почти все стандартные 22х23 см, при толщине их 5 см. Точно такие же кирпичи найдены в 1951 году в Сухумской крепости, в культурных слоях античного времени. Очевидно, и эти кирпичи происходят также из пос. Красный Маяк.

Немало пирамидальных керамических грузил, служивших отвесами для основы вертикального ткацкого станка, было собрано на раскопанной площади второго объекта. Все они различных величин. Среди них одно грузило, в отличие от остальных, снабжено двумя параллельно расположенными сквозными отверстиями.

В нижнем культурном слое рассматриваемого раскопа на глубине 100–125 см от растительной поверхности было обнаружено

десять человеческих погребений и одно конское захоронение. Все человеческие костяки, за исключением одного, вытянутого на спине, находились в скорченном положении. Причем одни костяки были на правом боку с ориентацией головы на северо-запад, другие – на левом боку с ориентацией головы на юго-восток. Во всех погребениях дно могил, имеющее овальную форму, было вымощено мелкой морской галькой. Факт вымощения дна грунтовых погребальных ям и обряд захоронения покойников в скорченном положении впервые в Абхазии прослеживается пока только в районе пос. Красный Маяк.

Переходим к описанию вскрытых погребений.

Погребение 1. Покойник находился в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головы на северо-запад. Руки были согнуты в локте и подтянуты к подбородку. Длина костяка в скорченном положении 130 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

Покойнику был положен ряд предметов. Под подбородком лежали две бусины. Первая бусина – сердоликовая, шаровидной формы, хорошей полировки, с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом. Размеры: диаметр окружности – 9 мм, диаметр отверстия – 3 мм. Вторая бусина – пастовая, светловато-серого цвета, имеет цилиндрическую форму, с некоторым утолщением в средней части. Поверхность ее орнаментирована косыми врезными линиями. Размеры бусины: длина – 18 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

Правее, рядом с черепом покойника, стоял горшочек, сделанный из темной глины с примесью мелкого песка. Он имеет петлевидную ручку, украшенную валиками и косыми насечками. Поверхность сосуда с вертикальными полосами лощения. Горшочек сделан на ручном гончарном круге. Выделка небрежная и обжиг слабый. Сосудик украшен елочным орнаментом. Размеры: высота 12 см, диаметр раструба – 10 см, диаметр дна – 6,5 см, толщина стенки – 5 мм.

На груди покойника лежало пластинчатое железное колечко с обломанными концами. Рядом с ним находилась изящно исполненная скульптурная фигурка бегущего горного козла с вперед направленными рогами. Она с петлей, снабженной круглопрово-

лочной бронзовой цепочкой, с овальной формы звеньями. Размеры фигурки: длина – 4,5 см, высота с петлей – 2,3 см, наибольшая толщина – 6 мм. Вместе с ней лежала бронзовая трубочка с венчикообразным краем, орнаментированная врезными черточками; она служила, по-видимому, головкой деревянной или костяной булавки. Размеры предмета: длина – 1,5 см, диаметр отверстия – 6 мм, диаметр венчика – 1,3 см.

Погребение 2. Костяк находился в скорченном положении на правом боку с ориентацией головы на юго-восток. Руки были согнуты в локте и подтянуты к подбородку. Длина скорченного костяка 140 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

Покойнику было положено несколько предметов. У черепа лежал фрагментированный железный наконечник копья с пламевидным контуром. Наконечник покрыт толстым слоем песка, пропитанным железной ржавчиной.

Под наконечником копья находился железный серповидный нож. Размеры: длина – 21 см, ширина лезвия – 2 см.

У ног покойника лежало железное изделие неизвестного назначения, сделанное из круглого сечения стержня, со слегка изогнутым плоским концом. Этот предмет имеет шаровидную головку и боковой шип полусферической формы. Размеры: длина – 21 см, диаметр круглого сечения – 7 мм.

Погребение 3. Покойник лежал в вытянутом положении на спине, с ориентацией головы на юго-восток. Длина костяка от теменной части черепа до пяточных костей 165 см. Сохранность костяка плохая. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

Покойнику был положен ряд вещей. На правой руке находились два бронзовых браслета. Первый браслет сделан из полукруглой четырехмиллиметровой толщины проволоки, с рельефными звериными головками на концах. Спинка браслета в двух местах украшена такими же головками животных, чередующимися с гладкой поверхностью. Все головки животных, снабженные рельефными глазками, орнаментированы врезными дугообразными линиями, косыми и поперечными черточками. Внутренний диаметр браслета – 4,7х5,7 см, ширина прорези – 2,7 см. Второй браслет фрагментированный, сделан из круглой в сечении проволоки диаметром 3 мм. Спинка браслета украшена тонкими, во-

круг проволоки врезными линиями, чередующимися с гладкой поверхностью.

На левой руке было надето также два бронзовых браслета. Первый браслет сделан из круглой в сечении проволоки с утонченными концами. Спинка его украшена мелкими шипами. Размеры браслета: внутренний диаметр 4,6х5,2 см, ширина прорези—2,4 см, диаметр круглого сечения—3 мм. От второго браслета сохранилось несколько фрагментов, без орнамента. Диаметр круглого сечения 3 мм.

Погребение 4. Обнаружено под предыдущей могилой. Покойник находился в скорченном положении на правом боку, с ориентацией головы на юго-восток. Длина костяка в скорченном положении 170 см. Костяк плохой сохранности. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

Покойнику было положено значительное количество предметов. Под подбородком находились сердоликовые и янтарные бусы. Сердоликовые бусы круглой формы, хорошей полировки, с односторонне сверлённым цилиндрическим каналом. Всего их два экземпляра. Первая бусина размером 12 мм в диаметре, диаметр отверстия 2 мм. Вторая бусина 8 мм в диаметре, диаметр отверстия 3 мм. Янтарные бусы фрагментированы, за исключением одной бусины, имеющей грушевидную форму. Размеры: высота – 11 мм, диаметр отверстия – 1 мм.

Северо-западнее бусин, на расстоянии 20 см, находились два железных ножа. Первый нож с прямой спинкой, клинообразным острым концом. Ручка является продолжением спинки ножа. На поверхности ножа сохранились следы дерева и кусочки тканевой материи. Размеры ножа: длина – 7,2 см, толщина спинки – 5 мм, наибольшая ширина лезвия – 2,5 см. Второй нож типа предыдущего. Конец его обломан. Размеры: длина сохранившейся части – 10 см, толщина спинки—6 мм, ширина лопасти – 1,8 см.

Левее около ножей лежали две бронзовые фибулы. Первая фибула с крутой дужкой, плоским ромбовидным брюшком, лопатообразным приемником и одним витком у зарождения дуги. Ромбовидная часть фибулы украшена врезными кружочками, елочной дорожкой и косыми насечками. Размеры: длина – 4 см, высота – 2,2 см. Вторая фибула с крутой четырехгранной прово-

лочной дужкой, пластинчатым веслообразным приемником и одним витком у зарождения дуги. Фибула без орнамента. Размеры: длина – 4,8 см, высота – 3,4 см.

Юго-западнее фибул, на расстоянии 15 см, находился бронзовый браслет овальной формы. Он сделан из пластинки двухсантиметровой ширины, с желобками, разделенными четырьмя продольными ребрами. Края браслета украшены спиральными выступами, а концы – рельефно завитыми кружочками. Размеры: внутренний диаметр овала – 5,2х6,1 см, ширина прорези – 1,5 см. Толщина основной, вогнутой внутрь желобчатой пластинки 3 мм.

Под браслетом лежали два железных наконечника копья с разрезными втулками. Поверхность их покрыта толстым бугристым слоем песка, пропитанным железной ржавчиной. Первый наконечник с пламевидным контуром. Размеры: длина – 34 см, ширина лезвия у основания – 6 см, в средней части – 3,2 см, у конца – 2,5 см, диаметр втулки – 2,2 см. Второй наконечник копья лавролистной формы. Размеры: длина – 24 см, наибольшая ширина в средней части—2,6 см, у конца—1,5 см, диаметр втулки—1,6 см.

Сверху поперек наконечников копий лежал железный топор с коротким молотковидным обухом. Размеры: длина – 12,5 см, ширина лезвия—5,5 см, отверстие топора для рукояти – 2х2,5 см, наибольшая толщина топора у насадочного отверстия – 2,7 см. На обухе топора сохранился кусочек тканевой материи.

К северо-востоку от топора, на расстоянии 35 см, находился бронзовый браслет со змеевидными плоскими концами. Он сделан из почти круглой в сечении проволоки диаметром 7 мм. Размеры: внутренний диаметр браслета – 5,8х6 см, ширина прорези – 7 мм. Пластинчатые концы браслета украшены косыми насечками и продольными врезными линиями.

Северо-западнее браслета лежал особый железный нож- «кинжал», с сильно наклонной пластинчатой ручкой двухсантиметровой ширины. На поверхности ножа сохранились следы дерева и кусочки тканевой материи. Ручка снабжена четырьмя бронзовыми стерженьками. Размеры предмета: длина – 26 см, наибольшая ширина лезвия – 3 см, наименьшая – 1 см, толщина спинки – 5 – 9 мм.

Вместе с ножом- «кинжалом» находился еще один железный нож с загнутой спинкой. На ручке, являющейся продолжением

спинки ножа, сохранились следы дерева. Конец ножа обломан. Облом старый. Размеры: длина сохранившейся части – 6,8 см, наибольшая ширина лезвия – 2,4 см, толщина спинки – 6 мм.

Погребение 5. Обнаружено северо-западнее рядом с предыдущей могилой. Костяк не сохранился. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

В могильной яме найден ряд предметов. В средней части ее обнаружен виток бронзовой фибулы.

Юго-восточнее от витка фибулы, на расстоянии 50 см, лежало пластинчатое бронзовое кольцо с загнутыми в противоположные стороны концами, по-видимому, детский браслет. Размеры: внутренний диаметр – 3,6х4,1 см, толщина пластинки – 1,5 мм.

У северо-западной стенки могильной ямы находился глиняный горшочек, раздавленный землей. Он украшен наклепными пуговками, с врезными на них крестообразными изображениями. Горшочек сделан из темновато-серой глины, с примесью мелкого песка. Поверхность его с вертикальными и косыми полосами лощения. Обжиг слабый.

Погребение 6. Располагалось северо-западнее, рядом с предыдущей могилой. Костяк не сохранился. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

В могильной яме найдено несколько вещей. В средней части ее находилась литая бронзовая фибула с крутой вздутой дужкой, лопатообразным приемником и одним витком у зарождения дуги. Вздутая часть дуги орнаментирована косыми насечками и мелкими шипами. Размеры фибулы: длина – 4,8 см, высота – 3 см.

У северо-западной стенки могильной ямы найдены две бусины. Первая бусина, сделанная из стекловидной черной пасты, имеет круглую форму. Размеры: диаметр окружности – 11 мм, диаметр отверстия – 2 мм. Вторая бусина – янтарная, многогранная. Размеры: длина – 1,8 см, толщина – 8 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

Погребение 7. Обнаружено южнее, рядом с предыдущей могилой. Костяк полностью истлел. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

Покойнику был положен ряд вещей. В юго-восточной части могильной ямы лежал пластинчатый бронзовый щит тончайшей работы, изображающий грифа с распростертыми крыльями и распу-

щенным хвостом. К туловищу грифа заклепаны крылья бронзовыми стерженьками. Края грифообразного щита, снабженные парными сквозными отверстиями пятимиллиметрового диаметра, украшены выпуклыми кружочками чеканным способом. Чеканным же способом искусно изображены глаза грифа, «чешуйчатые» перья на шее и груди, перья крыльев и хвоста. Размеры грифа: длина – 64 см, размах крыльев – 60 см, толщина листовой бронзы – 1 мм.

К северо-западу от щита лежали два железных наконечника копья с разрезными втулками. Первый наконечник с треугольным очертанием лезвий, со срединным ребром. Сохранность плохая. Размеры: длина – 45 см, ширина у основания – 3,7 см, в средней части – 3 см, у конца – 1,5 см, диаметр втулки – 1,8 см. Второй наконечник фрагментирован. Поверхность наконечников покрыта толстым бугристым слоем песка, пропитанным железной ржавчиной. На втулках наконечников в нескольких местах сохранились кусочки тканевой материи.

Рядом с наконечниками копий находился железный ножичек с прямой спинкой, клиновидным концом. Ручка – плоская, является продолжением спинки ножа. Размеры: длина вместе с ручкой – 9 см, наибольшая ширина лезвия – 2 см, у конца – 1 см. Поверхность ножа покрыта толстым бугристым слоем песка, пропитанным железной ржавчиной.

Погребение 8. (Конское) располагалось южнее, рядом с воинской предыдущей могилой. В погребальной яме находился конский череп. Дно могилы было песчаным, без галечного подстила.

В могильной яме найден ряд вещей. В зубах лошади торчали литые бронзовые удила. Удила эти с псалиями (трэнзелями), согнутыми под углом и составляющими одно целое с удильным звеном, покрытым мелкими шипами. Удила и псалии одинакового размера, длиной по 18,2 см. Они снабжены кольцами и петельками. Конец одной псалии обломан. Облом старый.

Западнее удил, на расстоянии 18 см, находился бронзовый колокольчик с пирамидальной формы ушком, отвесными стенками и боковой прорезью. Размеры: общая длина колокольчика – 5 см, без ушка – 3,5 см, внутренний диаметр у основания колокольчика – 3 см, у вершины – 2 см, толщина стенки – 2 мм. На поверхности колокольчика против прорези имеется рельефное изображение ле-

тащей двуглавой птицы-грифа. Колокольчик орнаментирован также рельефными вертикальными линиями с косыми черточками.

Погребение 9. Находилось на расстоянии около двух метров западнее шестой могилы. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Сохранность костяка в основном хорошая. Покойник находился в скорченном положении на правом боку с ориентацией головы на северо-запад. Длина скорченного костяка 180 см.

В погребальной яме найдено несколько вещей. Возле грудной клетки находился железный нож с прямой спинкой. Ручка – плоская, является продолжением спинки ножа. Размеры: длина вместе с ручкой – 10,5 см, ширина лопасти – 1,8 см. Нож покрыт бугристым слоем песка, пропитанным железной ржавчиной.

Рядом с ножом лежал железный пинцет с узкими лопастями; одна лопасть обломана у петельчатого основания. Длина пинцета 8 см. Он копирует пинцеты эпохи поздней бронзы.

Под правой ключицей покойника лежал железный наконечник копья с разрезной втулкой. Наконечник имеет лавролистную форму. Часть втулки обломана. Размеры: длина сохранившейся части – 15 см, ширина лезвия в средней части – 2,5 см.

Погребение 10. Обнаружено на расстоянии полтора метра западнее предыдущей могилы. Сохранность костяка в основном удовлетворительная. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Покойник находился в скорченном положении на правом боку с ориентацией головы на северо-запад. Длина скорченного костяка 150 см.

В могильной яме обнаружен ряд предметов. На шее покойника находилась бронзовая гривна из четырехгранной, слегка раскрученной проволоки, толщиной 5 мм. Гривна с расплюснутыми пластинчатыми концами и украшена она мелкими шипами.

У талии покойника находился оселок из речной гальки, с двухсторонне сверленным сквозным отверстием. Размеры: длина – 7,2 см, ширина – 1,7 см, диаметр отверстия – 4 мм.

Рядом с оселком лежал железный предмет в виде «кинжала» с полый лопастью. Ручка – плоская, массивная, является продолжением лопасти предмета; она с двумя железными стерженьками, и на поверхности ее сохранились следы дерева. Длина «кинжала» 19,5 см.

Погребение 11. Вскрыто на расстоянии трех метров юго-восточнее первой могилы. Дно ямы вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

Покойнику был положен ряд вещей. В юго-западной части могилы лежали четыре железных наконечника копья с разрезными втулками. Первый наконечник имеет треугольную форму. Размеры: длина – 22 см, ширина лезвия у основания – 3,7 см, у конца – 1,5 см. На поверхности наконечника сохранились кусочки тканевой материи. Второй наконечник с пламевидным контуром. Размеры: длина – 19,5 см, ширина у основания – 3 см, в средней части – 2 см, у конца – 1,6 см. Третий наконечник копья лавролистной формы. Размеры: длина – 18 см, ширина у основания – 3,5 см, у конца – 2 см, диаметр втулки – 1,7 см. Четвертый наконечник копья типа предыдущего. Размеры: длина – 29 см, ширина лопасти в средней части – 3 см, у конца – 1,5 см. На поверхности наконечника сохранились кусочки тканевой материи.

Рядом с наконечниками копий находился железный нож с прямой спинкой, приподнятым вверх острием. Ручка в виде стержня, является продолжением спинки ножа. Размеры: длина вместе с ручкой – 12,5 см, ширина лопасти в средней части – 2 см, у конца – 1 см.

Вместе с ножом и наконечниками копий обнаружены 19 сердоликовых бус круглой формы, с хорошей полировкой поверхности. Из них 17 бус с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом, остальные две бусины с односторонним сверлением. Бусы диаметром 7 – 12 мм, диаметр отверстия – 1,5 – 3,5 мм.

Северо-западнее от наконечников копий, на расстоянии 35 см, находился железный топор с длинным четырехгранным молотковидным обухом. Он был воткнут лезвием в песок. Молоточная часть топора с двух сторон имеет по три узких продольных желобка, разделенных между собой ребрами. Размеры: длина – 21 см, ширина лопасти – 4,3 см, отверстие топора для рукояти – 2х3 см, наибольшая толщина у насадочного отверстия – 2 см. Вершина топора плоская, имеет четырехугольную форму.

Таковы результаты раскопок, полученные во втором объекте исследования, в местечке Безымянном.

Исследованная часть памятника на втором объекте показывает, что приблизительно в VIII–VI вв. до н.э. определенная площадь

этого района была занята некрополем, а позднее, примерно в III–II вв. до н. э. на том же месте возникли гончарные мастерские, производившие в большом количестве разнообразные керамические изделия. Эта продукция изготовлялась специально для сбыта и покупалась она состоятельной частью населения, проживавшего, главным образом, в районе современного Сухуми, где в тот период располагался крупный для того времени торговый город Диоскурия.

Выявленный инвентарь в раскопанной части могильника состоит из глиняной посуды, железного серповидного ножа, предметов железного оружия, бронзовых вещей: щита, удила, украшений.

Глиняная посуда состоит из однотипных горшков с плоскими петлевидными ручками, украшенными валиками и косыми насечками. Сосуды имеют вертикальные полосы лощения. Они сделаны на ручном гончарном круге из серой глины с примесью мелкого песка. Обжиг слабый, что объясняется ритуальным назначением их. Эта посуда украшалась елочным орнаментом, наклепными пуговками и т. д.

К числу ценных находок следует отнести железный серповидный нож, служивший, по-видимому, для срезания винограда. Это изделие по своей форме имеет некоторое сходство с массивными и длинными ножевидными серпами значительно более позднего времени, известными из Понтикопеи¹ и Мирмекии² в Крыму.

В состав оружия входят: топоры, втульчатые наконечники копий, ножи. Всего топоров два экземпляра. Первый топор с коротким молотковидным обухом (погр. 4), по своей форме напоминает бронзовые колхидско-кобанские топоры типа «б» по Уваровской классификации. Такие топоры известны из ряда пунктов гор. Сухуми³. Второй топор, найденный в одиннадцатом погребении, с клиновидной лопастью и необычайно длинным четырехгранным молотковидным обухом, имеющим с двух боковых сторон по три

¹ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, Москва, 1953. С. 112. Рис. 41.

² Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекии в 1935–1938 гг., МИА СССР, 25. С. 184. Рис. 91.

³ Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг., СА, XXIII, 1955. Рис. 9, 2.

узких продольных желобка, разделенные между собой тупыми ребрами. Такой стиль оформления обухов, но с более широкими желобками и острыми ребрами, как известно, является характерной особенностью некоторых бронзовых топоров колхидско-кобанского типа¹.

Рассматриваемое изделие по стилю оформления обушной части не имеет равной себе аналогии среди различных типов железных топоров, известных нам в археологической литературе.

Наконечники копий в количестве десяти штук найдены во втором, четвертом, седьмом, девятом и одиннадцатом погребениях. Все они с разрезными втулками и в преобладающем большинстве напоминают бронзовые наконечники копий листообразной формы.

Железные ножи, обнаруженные в могильнике в количестве семи штук, принадлежат к трем различным типам. К первому типу относятся пять ножей с прямыми спинками; из них два найдены в четвертом погребении и по одному ножу в седьмом, девятом и одиннадцатом погребениях. Ко второму типу принадлежит нож с загнутой спинкой, найденный в четвертом погребении. Последний, третий тип, обнаруженный также в предыдущем погребении, представляет особый нож- «кинжал» с сильно наклонной пластинчатой ручкой. На ручке сохранились бронзовые стерженьки и следы деревянных планок. Такой нож- «кинжал» на территории Абхазии встречается впервые.

Нужно отметить, что почти на всех вышерассмотренных железных предметах, покрытых сцементированным толстым слоем песка, пропитанным железной ржавчиной, сохранились кусочки тканевых материй типа отпечатков текстильной керамики, раскопанной в селище первого объекта, в местечке Безымянном. Эти фактические данные четко и определенно указывают на то, что еще в глубокой древности в хозяйственной деятельности местного населения видное место занимало ткацкое ремесло, продукция которого уже в конце бронзовой эпохи начинала, по-видимому, выходить из рамок домашнего производства и выносилась на рынок для сбыта. Этот материал позволяет с доверием относиться ко многим сообщениям древнегреческого автора Геродота в отно-

¹ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК. Вып. VIII, 1900. Табл. IV, 3.

шении древней Колхиды. В данном случае, например, полностью подтверждается следующее его сообщение: «Они (колхи. – М. Т.) и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом... Колхидское полотно у эллинов носит название сердо-нического, а привозимое из Египта называется египетским»¹.

На территории современной Абхазии и всей Западной Грузии в течение большого исторического периода лен оставался основной технической сельскохозяйственной культурой. Еще в XVII веке население здесь одевалось главным образом в льняные ткани местного производства.²

Особого внимания заслуживает щит из листовой бронзы, найденный в седьмом погребении. Щит, изображающий грифа с распростертыми крыльями и распущенным хвостом, сделан с высоким художественным мастерством. Он является уникальной находкой и принадлежит к числу замечательных памятников искусства.

В изображении грифа обращает на себя внимание особая «чешуйчатая» разделка перьев на шее и груди, перьев крыльев и хвоста. Такая разделка перьев встречается на некоторых золотых скульптурных и пластинчатых птицах–грифах, известных в восточных районах СССР, в частности из Западной Сибири и Горного Алтая³. Этот художественный стиль принадлежит, вообще, к древнеассирийскому искусству. Поэтому разбираемый памятник, по-видимому, ассирийского происхождения.

Рассматриваемый грифообразный щит, судя по толщине листовой бронзы, равной одному миллиметру, и его отверстиям по краям, был прикреплен, несомненно, на дереве или коже. Владелец его являлся, безусловно, почетным влиятельным воином.

К числу важных находок принадлежат также литые бронзовые удила ассирийского типа (VII в. до н. э.), найденные в восьмом погребении. Удила эти с псалиями, согнутыми дугой и составляю-

щими одно целое с удильным звеном, покрытым мелкими шипами. На территории Абхазии такие удила встречаются впервые.

Удила, имеющие близкое сходство с нашими, известны из ряда пунктов Грузии, как например, из сел Цхавати (в Ксанском ущелье), Свири (Зестафонского района), Ацхури и с территории Азербайджана, как например, из сел. Доланлар¹. Они представлены также и на Украине². За пределами СССР такие изделия встречены в Греции, в частности в Афинском Акрополе. Удила из Афинского Акрополя датируются VI в. до н. э.³

В состав предметов украшения входят: браслеты, фибулы, колокольчик, изящная скульптурная фигурка бегущего горного козла, бусы–сердоликовые, янтарные, пастовые. Браслеты, их шесть экземпляров, относятся к трем различным типам. Первый тип браслета, найденный в четвертом погребении, является пластинчатым, с продольными желобками, разделенными четырьмя ребрами. По краям его имеются по четыре спиралевидных выступа. Концы браслета с рельефно завитыми кружочками. Это изделие не имеет близкого сходства среди многочисленных браслетов, известных из других районов Кавказа.

Ко второму типу относятся три круглопроволочных браслета. Среди них один (погр. 4) со змеевидными плоскими концами, орнаментированными косыми насечками и продольными врезными линиями. Другой браслет (погр. 3) украшен тонкими врезными вокруг проволоки линиями, чередующимися гладкой поверхностью. Следующий браслет (погр. 3) с утонченными концами, поверхность которого украшена мелкими шипами.

Третий тип браслета сделан из полукруглой проволоки с рельефными звериными головками на концах. Спинка браслета в двух местах украшена такими же головками, сходящимися морда к морде, как на браслетах Казбегского и Дабла-гомского могильни-

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вестник древней истории, 2 (20), 1947. С. 256.

² Ламберти А. Описание Колхиды 1654 г. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», выпуск 43, Тифлис, 1913. С. 39

³ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. Москва, 1952. С. 189–223. Рис. 74, б. Рис. 107, б.

¹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941. С. 60–61.

² Удила рассматриваемого типа вместе с предметами скифской культуры экспонированы в историческом музее в Киеве и датируются они VII–VI вв. до н. э.

³ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. С. 61.

ков.¹ Все головки животных, снабженные рельефными глазками, орнаментированы врезными дугообразными линиями, косыми и прямыми черточками.

Бронзовые фибулы – застежки обнаружены в раскопанных погребениях в количестве трех экземпляров. Первая фибула с пластинчатой крутой ромбовидной дужкой и лопатообразным приемником. Ромбовидная часть дуги фибулы орнаментирована двумя врезными кружочками, елочной дорожкой и косыми насечками. Вторая фибула, сделанная из граненой проволоки, имеет плоский веслообразный приемник. Последняя фибула с крутой вздутой дужкой и лопатообразным приемником. Вздутая часть дуги фибулы орнаментирована косыми насечками и мелкими шипами. Первые две вышеразобранные фибулы найдены в четвертом погребении, а последняя в шестой могиле.

Фибулы рассматриваемых типов известны из других пунктов Абхазии². Они хорошо представлены также в центральной части Северного Кавказа, особенно в Кобанском могильнике.³

Представляет интерес вышеупомянутый бронзовый колокольчик, найденный в восьмом погребении. Колокольчик с ушком пирамидальной формы и боковой прорезью. На поверхности колокольчика против прорези имеется рельефное изображение двуглавой птицы – грифа с распростертыми крыльями и распушенным хвостом. Колокольчик с растительным орнаментом – в виде двулистников. Такие колокольчики служили одновременно амулетами и украшениями, пришивавшимися к головному убору, поясу или другим частям костюма.

Итоги археологических работ, произведенных в 1956 году в районе пос. Красный Маяк, показывают, что селище со своеобразной текстильной керамикой и древний могильник, обнаруженные здесь в местечке Безымянном, хронологически соответствуют друг

¹ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950. С. 33.

² Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. 1, Л., 1941. Трапш М. М. Грунтовые погребения с инвентарем колхидского типа в сел. Куланурхва. Труды Абхазского института языка, литературы и истории... Т. XXV, Сухуми, 1954.

³ Уварова П. С. Указ. Соч.

другу. По имеющимся пока в нашем распоряжении археологическим данным, они охватывают период приблизительно VIII–VI вв. до н. э. Параллельное исследование этих двух замечательных памятников будет иметь исключительно важное значение для глубокого и всестороннего изучения хозяйственной деятельности непосредственных производителей материальных благ данного района и их богатой местной культуры. Дальнейшее обследование могильника, изучение его погребального инвентаря даст возможность уточнить хронологические рамки, как самого некрополя, так и селища с тканевой керамикой.

Проделанная работа в 1956 году по изучению вышерассмотренных археологических объектов является незначительной. Поэтому основной задачей археологических экспедиций, организуемых Абхазским институтом в последующие годы, является продолжение начатых работ в районе пос. Красный Маяк в 1956 году и публикация итогов археологических раскопок.

**Труды, Абхазского института языка,
литературы и истории. XXIX.
Сухуми., 1958. С.185–207**

10. ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ

§ 1. Дороговое общество

На территории современной Абхазии с древнейших времен живет и трудится человек. Здесь издавна имелись благоприятные естественные условия для развития человеческого общества – теплый климат, богатый растительный и животный мир.

В Абхазии обнаружены следы обитания человека древнекаменного века (палеолит), в том числе и очень примитивные орудия, относящиеся к одной из древнейших археологических эпох, называемой ашельской.

Так, большая группа стоянок человека этой эпохи была найдена в Абхазии в 1934–1936 гг.¹ Это была первая находка культурных остатков человека ашельской эпохи (непосредственно следует за шеллем), сделанная на территории Советского Союза. В последние годы ашельские памятники были обнаружены и в других местах Грузинской ССР.

Абхазская группа ашельских стоянок включает следующие местонахождения: Колхида (близ Гагра), Анухва, Эшера, Сухуми, Яштхуа, Бырцха, Апианча, Гвада, Отап, Гали и Чубурхинджи. Расположение этих стоянок позволяет утверждать, что обитавшие там люди селились преимущественно по берегам рек. Находясь в большинстве недалеке от моря, стоянки тяготели, однако, не к берегу моря вообще, а именно к устьям рек, впадающих в Черное море. Привлекает внимание то, что ашельские местонахождения Абхазии приурочены к самой высокой и самой древней, пятой береговой террасе, возвышающейся над уровнем моря на 80–110 м. Когда здесь обитали люди ашельской эпохи, уровень Черного моря был примерно на 60 м выше современного.

¹ Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.

Наиболее характерным и лучше всего изученным ашельским памятником Абхазии является местонахождение у селения Нижняя Яштхуа, в 3 км к северу от Сухуми, возвышающееся на 80–100 м над уровнем моря. Находки включают большое количество обработанных кремней. Они состоят из значительного числа грубых массивных кремневых отщепов неправильных очертаний, слегка отбитых по краям и превращенных в режущие, прокалывающие, скобящие орудия. Встречаются и тщательно отбитые с двух сторон ашельские ручные рубила.

Возраст Яштхуской стоянки первобытного человека определяется временем около 100 000 лет.

Первобытное общество нижнепалеолитического периода, которому принадлежали яштхуские орудия, являлось крайне отсталым. Несложность орудий и универсальность основного из них – ручного рубила – свидетельствуют о примитивных формах труда. Люди жили малочисленными группами, не имели определенного места обитания, переходили с места на место, оставаясь на своих стоянках более или менее продолжительное время. Это были небольшие бродячие группы, которые вели стадный образ жизни и были связаны самой ранней, первобытной формой кооперации.

Следующая ступень развития каменных орудий труда в науке называется мустьерской эпохой. Следы обитания человека этого времени в Абхазии обнаружены в селениях Келасури, Бгажиашта, Анастасьевке, гор. Очамчире и близ Ачигвара. Отдельные орудия мустьерского типа были найдены в Абхазии также около навесов и пещер. Местонахождения с мустьерским материалом являются наиболее многочисленными в Абхазии: из 33 пунктов, где был засвидетельствован палеолит, в 23 найдены орудия мустьерского периода, причем они залежали на четвертой (60-метровой) и на третьей 30–32-метровой) террасах, т. е. ниже ашельских орудий.

В мустьерский период значительно совершенствуется техника обработки камня. Двусторонняя отбивка камня уступает место односторонней обработке, причем края орудия дополнительно подправляются ретушью, выполненной как путем удара (откола), так и путем отжима. Из пластин изготавливались два характерных вида мустьерских орудий – остроконечники и скребла. Подобные орудия найдены на третьей и четвертой террасах реки Пшап в сел.

Бгажиашта Сухумского района, а также в городе Очамчире и в других местах Абхазии.

§ 2. Родовое общество

В мустьерский период, продолжавшийся несколько десятков тысяч лет и закончившийся около 40 тыс. лет тому назад, произошли крупнейшие общественные изменения. Эта эпоха совпадает с периодом перехода от первобытной дородовой общины к родовой. Формирующаяся родовая община приходит на смену старому стадному состоянию. Происходит становление рода. Формирование его завершается в эпоху верхнего палеолита. Род – форма существования доклассового общества – представляет родственную группу людей, объединенных единством происхождения, а также общностью хозяйственной и духовной жизни. Вместо внутриродовых беспорядочных брачных связей (эндогамия) возникает и укрепляется экзогамия (внеродовой брак) – самое неременное условие существования родовой организации. Род был сперва матриархальным (матриархат) в соответствии с той ролью и положением, которое занимала мать, женщина вообще, в общественной жизни и производстве. Кроме того, в общине постепенно возникает и усиливается разделение труда между мужчинами и женщинами. Вместо прежнего первобытного собирательства на первое место выдвигается охота, в том числе охота на крупных животных. Некоторые авторы относят к этому периоду появление огня и мясной пищи, которые сыграли огромную роль в развитии древнего общества.

Следующий археологический период, называемый верхним палеолитом, охватывает время приблизительно от 40 до 14–12 тысяч лет тому назад.

В Абхазии известно 9 стоянок верхнепалеолитического времени. Из них наиболее крупными являются стоянки у сел. Лечкоп и Михайловского карьера, близ Сухуми.

В конце верхнего палеолита техника приготовления каменных орудий в Абхазии сделала новые успехи. Большой интерес в этом отношении представляют находки из Хупынипшахва (т. н. «Холодный грот»), близ Цебельды, на берегу реки Кодори. Здесь открыта культура мезолитического времени, являющаяся пере-

ходной от палеолита к неолиту. Мезолитические стоянки размещались обычно по берегам рек и озер. В «Холодном гроте» были обнаружены мелкие пластинки различных геометрических форм. Они приспособлялись к костяным и деревянным орудиям и употреблялись в качестве вкладышей-лезвий. Многие из них служили также наконечниками стрел¹.

Хозяйственной основой первобытного общества мезолитической эпохи, как и прежде, являлись собирательство и охота. Но охота в эту эпоху ведется уже новыми, более совершенными орудиями. Главными из них были лук и стрелы. Изобретение лука и стрел имело огромное значение, благодаря им дичь стала постоянной пищей, а охота – одним из важнейших средств добывания пищи.

Около 6–5 тысяч лет до н. э. наступает новый исторический период, который известен в науке под названием неолита или новокаменного века. В эпоху неолита люди, населявшие территорию современной Абхазии, начинали переходить к примитивному мотыжному земледелию и скотоводству. Эти формы хозяйственной деятельности обеспечивались новыми, более совершенными орудиями труда. Необходимость их изготовления вызвала появление более высокой техники обработки камня и кости. Наряду с прежней примитивной техникой обработки камня путем отбивки и скола появляются уже шлифованные и сверленные орудия.

Важные находки позднего неолита в Абхазии обнаружены в селище Кистрик, близ Гудаута², где собран большой археологический материал. По количеству вещевого комплекса и разнообразию форм орудий Кистрик является одним из наиболее выразительных неолитических памятников всего Кавказа. Кистрикский неолитический материал состоит из шлифованных топоров, зернотерок, мотыг различных типов, тесел, долот, остроконечников, грузил, ножевидных пластин, скребков, резцов, проколов, сверл и т. д. В селище найдены также орудия из кости, например, костяное шило. В неолитической технике Кистрика прослеживаются следы пиления камня и зачатки сверления.

¹ Материал «Холодного грота», раскопанный Л. Н. Соловьевым, хранится в Абхазском государственном музее.

² Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. «Советская археология», XII, 1950.

Создательницей и носительницей кистрикской археологической культуры являлась развитая матриархальная родовая община, бытовавшая на этой территории в продолжение длительного времени. Кроме археологических памятников, о существовании матриархата у далеких предков абхазов говорят этнографические пережитки, древние религиозные верования и фольклор. Среди этих данных наиболее выразительными являются пережитки дислокального брака и парной семьи (об этом свидетельствует помещение «амхара» для брачной пары, строившееся первоначально на территории родственной группы жены), исключительная роль и почет дяде по матери, обычай отдачи детей на воспитание в чужую семью, архаически в материнский род (аталычество), содержание древних слоев нартского эпоса (прежде всего, монументальный образ мудрой и могучей женщины, великой труженицы Сатанэй-Гуаши – бессмертной матери народа), наличие целой плеяды женских божеств (божества вод, полеводства, коров, коз и т. д.). Название самого бога, по-абхазски «анцва», в переводе означает «мать» в форме множественного числа («матери»). Все это служит выражением высокого положения женщины в общественной жизни и производстве в эпоху матриархата.

Примерно с середины III тысячелетия до нашей эры новокаменный век сменяется новой археологической эпохой. Это так называемый энеолит или период медно-каменного века. К этому времени относится переход от матриархального к отцовскому роду.

В Абхазии поселение энеолитического времени открыто в г. Сухуми, у устья р. Мачара. Но особое значение по своему содержанию имеет энеолитическое селище на левом берегу ручья Джикмура, близ Очамчире.¹ Селище датируется приблизительно второй половиной III тысячелетия до н. э.

В хозяйственной жизни населения Очамчирской энеолитической стоянки уже со всей очевидностью выступает значение земледелия и скотоводства. Об этом говорят найденные здесь зернотерки, песты, кремневые зубчатые вкладыши для серпов,

¹ Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчире в Абхазии «Материалы по истории Абхазии». Вып. XV, сб. I Изд. АБНИИ АН СССР, Сухуми, 1939.

мотыги и т. д. Многочисленные кости животных, обнаруженные в культурном слое стоянки, оказались, за редким исключением, костями домашних животных: коров, свиней, коз и овец. При этом следует заметить, что значительное большинство костей принадлежало низкорослой домашней корове. Костей диких животных было найдено немного. По-видимому, охота уже играла здесь подчиненную роль. Оружием охотника являлись прекрасно отретушированные кремневые наконечники стрел и дротиков. Значительную роль играло также рыболовство: было обнаружено большое количество грузил для рыболовных сетей, просверленный рог козы, представлявший иглу для вязания сетей. Охота на дельфинов и ловля камбалы доказываются присутствием соответствующих костных остатков. Серия стамескообразных каменных орудий и топоров указывает на применение их для обработки деревянных изделий. Были найдены также обломки вылепленных от руки глиняных сосудов баночной или чашеобразной формы с ручками, которые служили для хранения продовольственных запасов и приготовления пищи. Часть сосудов снабжена несложной орнаментацией из ромбиков, косых насечек и пр.

В селище обнаружены следы жилых помещений. Об этом говорят слегка обожженные уплотненные глиняные площадки в ряде мест стоянки. Эти площадки могли быть полом небольших плетеных шалашей с обмазками. Около площадок встречались обожженные куски глины, являвшиеся, вероятно, обмазкой шалашей.

Домашняя жизнь очамчирских аборигенов проходила, очевидно, в основном на открытом воздухе, вокруг больших костров, следы которых обнаружены в виде большого количества угля и золы. Можно предполагать, что жилища были расположены группами. Культурный слой местами прерывается метров на 10–20 и лежит как бы отдельными небольшими пятнами, которых на территории селища было несколько.

Следов металла в культурном слое Очамчирской стоянки обнаружено не было, но его обработка уже была известна человеку. В конце IV тысячелетия до н. э. в Ассирии-Вавилонии развивается металлургия, и изделия из меди скоро проникают на территорию Кавказа в результате межобщинного обмена и торговли.

Медные изделия в Абхазии впервые были обнаружены при раскопках дольменов в сел. Эшера, около Сухуми¹. Дольменами называются древние наземные погребальные сооружения, сложенные из огромных каменных плит: четыре плиты ставились на ребро, образуя как бы комнату, а пятая – самая большая плита, клалась сверху, образуя потолок. В передней стене дольмена делалось круглое отверстие диаметром около 40 см, которое тщательно затыкалось большой каменной пробкой. Дольмены, подобные эшерским, находятся и в других пунктах Абхазии (с. Азанта, Ачандара, Отхара и др.). Такие же дольмены имеются и на Северо-Западном Кавказе.

Раскопки эшерских дольменов показывают, что они служили для последовательных захоронений весьма длительный промежуток времени. Поэтому они содержат погребения различных эпох. Нижний, древнейший слой, залегающий на дне дольменов и отделенный от более поздних стерильным слоем глины, позволяет датировать время сооружения этих памятников концом медного века (начало II тысячелетия до н. э.). Из этого слоя происходят вислообушные топоры, пластинчатые ножи или наконечники копий и своеобразные крюки. Верхний слой дольменов содержал погребения, инвентарь которых близок к изделиям так называемой колхидской бронзы (XI–VII вв. до н. э.).

Дольмены Абхазии связаны с дольменами Северного Кавказа (бассейн р. Кубань). Помимо архитектурных форм самих дольменов, эта связь подкрепляется также и обнаруженным в них материалом. Так, например, вислообушные топоры и пластинчатые ножи являются общими для всей западнокавказской группы дольменов. Вислообушные топоры типа абхазских и северокавказских дольменов встречаются на широкой территории и являются дальнейшим развитием проушного топора. Такие боевые топоры являлись распространенным оружием в Передней Азии еще с III тысячелетия до н. э.

Время строительства дольменов Абхазии относится к периоду развитой патриархальной родовой общины, внутри которой намечается формирование родовой и племенной знати.

¹ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949.

Дальнейший этап развития древнего общества Абхазии характеризуется замечательной колхидской бронзовой культурой, возникшей и развившейся в основном на местной рудной базе.

Памятники колхидской культуры в целом охватывают период приблизительно XI–VII вв. до н. э. К ним относятся соответствующие клады и могильники. Из обнаруженных кладов в Абхазии наиболее крупными являются: гагрский, пицундский, сухумский, лычининский. Во всех этих кладах представлены почти одни топоры, преимущественно хозяйственного назначения.

Могильники бронзового века обнаружены в селениях Эшера, Приморское, Мгудзырхва, Бамбора, Куланурхва и т. д. В этих могильниках раскопано большое количество бронзовых предметов, главным образом, оружие и украшения. На руках покойников были надеты бронзовые браслеты различных форм, на ногах – массивные ножные кольца, шею украшали ожерелья из бронзовых, сердоликовых, стеклянных, янтарных бус. Одежды скреплялись различными фибулами (застежками) и стержневыми булавами. Оружие состояло из прекрасно сделанных бронзовых топоров, наконечников копий и разнотипных кинжалов. В погребения вместе с умершими клали также скульптурные фигурки птиц и животных, глиняную, а иногда и бронзовую посуду.

Так, материал, выявленный в Куланурхвинском древнем могильнике (Гудаутский район), состоит из изящных орнаментированных бронзовых топоров, поясных пряжек со звериной головкой на длинной шее, серебряных серег, пластинчатых браслетов цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, булавок с н-образными головками, фибул (застежек), скульптурных фигурок животных (напр., собаки), бронзовых, янтарных, стеклянных, пастовых, сердоликовых бус и т. д. Этот материал конкретно указывает на связь древнего населения Абхазии с населением центральной части Северного Кавказа. В Куланурхвинском могильнике наряду с колхидскими погребениями впервые в Абхазии обнаружены и погребения с инвентарем скифского типа, состоящим из бронзовых и железных наконечников стрел. Наряду с человеческими погребениями вскрыто здесь и погребение лошади также с инвентарем скифского типа – бронзовые удила, со стремечковидными концами и железные псалии с отверстиями.

Обнаруженный инвентарь скифского типа в Куланурхвинском могильнике указывает на существование тесных взаимоотношений между древним населением современной Абхазии и степной полосы Юга России. Об этом особенно говорят найденные здесь принадлежности конской сбруи, которые являются пока единственными находками такого рода на территории Закавказья.

Таким образом, одинаковые формы бронзовых изделий, характеризующих колхидскую культуру, встречаются как в Абхазии, так и на всей территории Западной Грузии и центральной части Северного Кавказа. На Северном Кавказе некоторые из основных форм бронзовых изделий, имеющих сходство с колхидскими, хорошо представлены на территории Северной Осетии (известный могильник в сел. Кобан). Это указывает на развитие культуры эпохи бронзы этого района в тесной связи с Абхазией и всем юго-восточным побережьем Черного моря.

У представителей колхидско-кобанской бронзовой культуры прослеживается общность и в идеологическом отношении. Эта общность устанавливается по рисункам и скульптурным формам бронзовых предметов. Обращают на себя внимание особенно украшения предметов оружия, именно топоров, как знаков определенной общественной и религиозной власти. На них как в Абхазии, так и в Северной Осетии встречаются одни и те же изображения, связанные с производственно-магическими и тотемическими представлениями.

Сходство колхидской и кобанской культур порождено глубокими культурно-историческими связями между населением центральной части Северного Кавказа и населением юго-восточного Черноморского побережья. Не исключена также и возможность этнического родства между носителями колхидской и кобанской культур.

Но между колхидской и кобанской культурами имеется и различие. Это различие хорошо прослеживается в погребальном обряде, формах топоров, поясных пряжек, стержневых булавок с н-образными головками типа браслетов и т. д. Для инвентаря абхазских мужских погребений характерно наличие наконечников копий и дротиков. Между тем, в могильниках кобанской культуры показательным является не только отсутствие наконечников стрел

(общая черта для всей территории колхидско-кобанской бронзы), но также и отсутствие наконечников копий и дротиков. На Северном Кавказе отсутствуют также некоторые характерные для Колхиды предметы – бронзовые мотыги, плоские топоры или тесла, сечки-ножи для раскроя кожи, топоры – «цалды». Если в центральной части Северного Кавказа, в зоне распространения кобанской бронзы, до некоторой степени характерным является изогнутый топор, то для территории Абхазии и всего юго-восточного побережья Черного моря типичны бронзовые топоры с острообушной частью и полукруглым лезвием¹. Однако здесь следует заметить следующее. На территории Абхазии, в отличие от остальной части юго-восточного побережья Черного моря, наряду с острообушным топором с полукруглым лезвием хорошо представлены бронзовые топоры так называемого верхнекубанского типа² с молотковидным обухом и узким лезвием. Факт широкого распространения этого типа топора в Прикубанье и в Абхазии говорит о связях древней Абхазии с культурой западного Предкавказья.

Подавляющее большинство колхидских и кобанских топоров покрыто сложным гравированным орнаментом и не имеет следов употребления в работе. Следовательно, они рабочих функций не несли. Что касается топоров верхнекубанско-абхазского типа (с молотковидным обухом и узким лезвием), то они почти никогда не украшались узорами, а некоторые из них сохранили даже следы использования.

В эпоху колхидской бронзовой культуры основой хозяйства Западного Закавказья являлось скотоводство. Земледелие еще не имело большого значения. В поселениях времени колхидской бронзы (Красный маяк, древние слои Гуадику, близ Сухуми) есть земледельческие орудия, в частности мотыги, но они делались преимущественно из камня. О значении скотоводства говорят различные бронзовые фигуры овец, баранов, быков, собак, найденные в могильниках Абхазии. Так, например, группа скульптурных

¹ Джапаридзе О. М. Колхидский топор. «Вестник Государственного музея Грузии им акад. С. Н. Джанашиа». Т. XVI- В. Тбилиси, 1950.

² Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 23, 1951.

животных (овец, баранов, собак), изображенных на колоколовидных бляшках из Аагстинского (Гудаутский район) погребения и на бронзовом тополе из Куланурхвинского могильника имеют несомненно отношение к овцеводческому хозяйству и к соответствующему производственному культу, пережиточно сохранившемуся до недавнего времени у абхазов в почитании Алышкынтыра – божества собак и Джабрана – прародительницы коз и овец. Эти божества являлись долями «великого бога обновления природы, размножения и, особенно, скотоводства, при молении которым у абхазов в первый же день после масленицы приготавливались соответствующие им фигурки из теста»¹.

Естественной основой скотоводческого хозяйства в Абхазии являлись летние горные пастбища и подножные корма. Зимой эти пастбища были недоступны, и скот перегоняли в нижнюю предгорную зону. На основе этого перегонного или «яйлажного» скотоводства развивались взаимные отношения между отдельными родовыми и племенными группами Абхазии и Центрального Кавказа. Это обстоятельство способствовало развитию тесных культурно-исторических связей между населением указанных территорий.

В эпоху колхидской бронзовой культуры металлообработка в Абхазии стояла на высоком уровне. Отлитые в формах бронзовые предметы искусно покрывались сложным и вместе с тем изящным геометрическим и животным орнаментом. Изготовление широкого ассортимента высококачественных орудий труда, оружия и украшений в этот период не являлось доступным всякому, это было профессией особых родовых мастеров, металлургов-литейщиков, отрывавшихся постепенно от общины. Таким образом, металлургия в своем социальном проявлении способствовала разложению родового общества. В период наивысшего расцвета колхидской бронзы (примерно VII в. до н. э.), благодаря росту производительных сил, быстро возрастает богатство, принадлежащее уже не всему роду, а отдельным большим патриархальным семейным общинам внутри рода. При раскопках могильников этой эпохи наряду с богатыми погребениями встречаются и более

¹ Джанашиа Н. С. Религиозные верования абхазов. «Христианский Восток». Т. IV. Петербург, 1915. С. 77, 81.

бедные. Этот факт свидетельствует о том, что среди членов рода появляется уже имущественная дифференциация. Таким образом, накопление богатств происходит теперь уже внутри отдельных семей (вождей, жрецов, мастеров, скотоводов), которые постепенно обособляются не только имущественно, но и социально. Вожди и богатые члены рода или племени заставляли работать на себя не только пленников, но и своих слабых сородичей и соплеменников.

В эпоху колхидской бронзы важное хозяйственное значение имела добыча соли, доставка которой с Северного Причерноморья была организована греками значительно позже. Дороговизна соли, между прочим, нашла свое выражение в абхазской поговорке «куплено на соль?», которая употребляется, когда хотят отметить драгоценность или трудность добывания какого-либо предмета. Формы сосудов с закопченными стенками, присутствие в культурном слое в большом количестве обожженных галек, слои угля и золы говорят, по-видимому, о солепромысловом характере некоторых поселений, раскопанных на побережье Абхазии. Соль добывали на месте непосредственно из морской воды. На побережье собиралось население из горных мест, чтобы приготовить себе запас соли до нового сезона. Вероятно, соль на больших многовесельных лодках отправлялась вдоль морского берега, она вывозилась также в глубь страны для засолки мяса и иных продуктов.

Селища со своеобразной керамикой, открытые на побережье Абхазии, знакомят нас и с другим промыслом – ткачеством, игравшим также большую роль в жизни местного населения. Отпечатки тканей видны на стенках вышеупомянутых солеваренных сосудов.

В ряде прибрежных пунктов Абхазии, особенно в области древнего Коракса (Южная Абхазия), встречаются обломки четырехугольных сосудов с тканевыми отпечатками. Они лепились в жесткой форме, затем с сосуда сдирали ткань, и на его поверхности оставался отпечаток тканевой плетенки, а после сосуд обжигали¹. Для формовки сосудов употреблялись разнообразные ткани, начиная с грубого льна и кончая тонким полотном. У грубой мате-

¹ Соловьев Л. Н. Селище с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. «Советская археология», XIV, 1950.

рии основа гораздо толще, чем нити утка; на поверхности сосуда она составляет отпечатки ряда продольных полос. В тонкой материи основа и уток одинаковой толщины. Это, несомненно, льняной холст, выработка которого, очевидно, достигала большого совершенства. Эта отрасль хозяйственной деятельности в конце бронзовой эпохи переросла рамки домашнего производства и работала на сбыт. Этим можно объяснить почти монопольное положение на рынке закавказского льна. Об этом льне Геродот писал: «Они (колхи) и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом... Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического...».¹ Природные условия Абхазии, как и всей Западной Грузии, чрезвычайно благоприятны для разведения льна, и на протяжении длительного времени лен оставался здесь основной технической культурой.

В эпоху колхидской бронзовой культуры (XI–VII вв. до н. э.) мы встречаем уже первые сведения о племенах, являвшихся, по-видимому, предками абхазского народа, обитавшими в северо-восточных районах Малой Азии. Так, в надписях царя Тиглат-паласара I (1115–1077 гг. до н. э.) впервые упоминается название племени абешла, причем этому древнеассирийскому названию, по мнению некоторых исследователей², могут соответствовать позднейшие ал силы (апшилы), встречающиеся в греко-римских источниках как наименование древнего населения южного побережья Абхазии. Апсилы, как известно, одно из абхазских племен. По сообщениям античных авторов, апсилы жили к северу от колхов, у впадения реки Коракса (совр. Кодори) в Черное море; вследствие этого у греческих авторов VI в. до н. э. (Гекатея Милетского и др.) они известны и под названием кораксы. Сама река Коракс у античных авторов известна и под названием Абсилис.

По своему происхождению абхазы принадлежат к иберийско-кавказской этнической группе. Эта семья состоит из четырех этнических групп – картвелы или грузины (карты, мегрело-чаны и сваны), вейнахцы (чеченцы и ингуши), дагестанцы: аварцы, лезгины, даргинцы, лаки, табасаранцы и др.) и абхазо-адыги (абхазы, абазы-

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе ВДИ, 2, 1947. С. 256.

² Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 75—76.

ны, адыгейцы, черкесы и кабардинцы). Представители иберийско-кавказской этнической группы связаны друг с другом общностью происхождения и являются древнейшими обитателями Кавказа.

Абхазия в античную эпоху

§ 1. Образование классового общества

В VII–VI вв. до н. э. население, жившее на территории современной Абхазии, переживает значительный сдвиг в своем культурном развитии. В этот период в прибрежной части Абхазии родовой строй под воздействием коренных хозяйственных изменений и глубокого имущественного расслоения среди членов, рода постепенно идет к своей неминуемой гибели. Разложение родового строя и образование классов более интенсивно происходили на побережье колхидской низменности, в том числе и на побережье Абхазии, в то время как в горных районах страны сохранялись еще устои первобытно-общинного строя во всей его полноте в течение долгого времени.

Так, древние могильники, раскопанные в различных пунктах низменной части Абхазии, отчетливо показывают, что в V–IV вв. до н. э. здесь имелась определенно выраженная классовая дифференциация. Раскопанные погребения включают богатый и разнообразный инвентарь. В погребениях найдены серебряные и бронзовые украшения, а также оружие, разная утварь и монеты. Среди погребений имеются богатые и бедные. В некоторых из них найдено много оружия, перстней-печатей, браслетов, серебра, монет, греческих чернолаковых сосудов, янтарных, пастовых и стеклянных бус, в других – обнаружено очень мало предметов и притом недорогих. Встречаются погребения и без всякого инвентаря.

Железный топорик (г. Сухуми). Коренное изменение в материальное производство внесло широкое освоение железа, которое входит в обиход еще с конца II тысячелетия до н. э. Бронзовые орудия и оружие сменяются железными, появляются чаще украшения из золота и серебра. Стиль всех изделий меняется. Каменные орудия исчезают из обихода.

Все хозяйство, весь хозяйственный быт существенным образом изменяются. В этих изменениях значительную роль сыграло

развитие скотоводства, в особенности появление домашней лошади. Эти хозяйственные перемены намного облегчили сношения между различными племенами и дали толчок к возникновению более крупных этнических образований.

Усиливаются связи с внешним миром. Начало связей с Грецией восходит к VII в. до н. э., когда греческие мореплаватели делаются главными посредниками в мировой торговле. На своих парусных кораблях они приплывали к побережью Черного моря и вели торговлю с местным населением. Там, где торговля обещала существенные выгоды и где были удобные стоянки для судов, они основывали колонии. Колонии возникают в Крыму, около VI в. до н. э. – Херсонес и Пантикапея. В устье Западного Буга возникает Ольвия. На территории современной Грузинской ССР – Фазис (совр. Поти), Диоскурия (совр. Сухуми), Питиус (совр. Пицунда) и др.

Сведения о первом знакомстве эллинов с побережьем Кавказа сохранились в известном греческом мифе об аргонавтах, повествующем о плавании корабля «Арго» к берегам Колхиды.

Около VI в. до н. э. образовалось Колхидское раннерабладельческое царство, в состав которого входила и территория Абхазии. Древнегреческие писатели дают более или менее правильное описание этого богатого края и его населения.

Сношения греков с Колхидским побережьем имели важные последствия: они приобщили к мировой торговле и ускорили хозяйственное и общественное развитие жившего на этой территории населения.

Население занималось в основном скотоводством и земледелием. В прибрежных районах и в плодородных долинах рек земледелие постепенно становится ведущей отраслью хозяйства, причем наряду с кое-где сохраняющимся старым мотыжным типом возникает и развивается земледелие с применением деревянного плуга и рабочего скота. Развивались и различные ремесла. Особенно выделялось производство льняного полотна, которое, как отмечалось, поступало на внешний рынок под именем «сардонического» и славилось наравне с египетским.

С развитием этих отраслей хозяйства население производило продуктов больше, чем было необходимо для поддержания жизни. Это приводило к обмену продуктами между родовыми об-

щинами и отдельными лицами. Обмен содействовал дальнейшему расширению производства. Он вел к накоплению богатства в руках вождей и отдельных более сильных семей, которые завладевали лучшими участками земли, частью скота и вели собственное хозяйство, заставляя работать на себя захваченных ими в плен людей – рабов.

По сообщению древних авторов, жители побережья современной Абхазии искусно плавали на быстроходных лодках вдоль берегов Кавказа. Некоторые из них нападали на торговые суда и поселения с целью захвата богатств и пленных, обращаемых в рабов. Греческий географ Страбон писал об этом: «Выходя в море на своих камарах (лодках. – **Ред.**) и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море... Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву... Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших...».¹

Отсюда видно, что определенная часть местного населения занималась военным грабежом, являвшимся одним из основных источников для накопления богатств. Приток военной добычи, наравне с торговым обменом, ускорял разложение родового строя и способствовал образованию имущественного и классового неравенства.

Монеты «колхидки», найденные в Абхазии

Сравнительно быстрому развитию Колхиды способствовала растущая внешняя торговля. В VI–V вв. до н. э. благодаря интенсивному развитию внешней торговли и внутреннему обмену появляются здесь местные серебряные монеты, так называемые «колхидки», считающиеся одними из древнейших монет в мире. Разнообразие типов и вариантов этих монет, встречающихся в раз-

¹ Латышев В. В. Указ. Соч. ВДИ, 4, 1947. С. 213–214.

личных районах исторической Колхиды, позволяет выделить их в совершенно самостоятельную группу античных монет, характерных только для юго-восточного побережья Черного моря. Наиболее распространенными среди них являются мелкие «триоболы» с изображениями человеческой головы на одной стороне, и головы быка, на другой. Широкое распространение этих монет говорит о высоком для того времени торгово-экономическом и культурном уровне древнего населения Колхиды, на территории которой сложились условия для образования классового общества. Столицей Колхиды был город Айя, расположенный у устья Фазиса (Риони).

Население Колхиды, которое древние греки именовали колхами, не было единым по своему этническому составу. Территорию Колхиды населяли эгрисцы, являвшиеся предками позднейших мегрело-чанов, а также предки нынешних абхазов, сванов и другие племена.

§ 2. Греческая колонизация и образование греко-местных поселений

Богатая природа Кавказа имела огромное значение для развития торговых сношений местного населения с древней Грецией. Отсюда поступал на мировой рынок ряд продуктов, получивших широкую известность. С Кавказа вывозились: тис, самшит, корабельный лес, смола, пенька, льняные ткани, кожа, шерсть и т. д. Ряд древних писателей говорит о добыче здесь золота и серебра, упоминается также добыча сурика. Славилась в древнем мире и колхидские целебные травы, служившие для изготовления лекарств, были известны растительные краски.

Но особенно ценным товаром, привлекавшим внимание греческих купцов, был живой товар – рабы. Они требовались в огромном количестве для рабовладельческих государств древнего мира.

Большое значение приобрело Кавказское побережье при развитии торговли греческого города Афин с северным побережьем Черного моря, откуда в значительном количестве вывозился хлеб. В ту эпоху небольшие греческие суда не отваживались пересекать пространство Черного моря по прямому направлению, а совершали плаванье вдоль берегов, от порта к порту, что на

современном морском языке называется каботажным плаванием. Они заходили в кавказские порты, способствуя увеличению их торгового оборота.

Археологический материал показывает, что богатая верхушка коренного населения побережья Абхазии вела интенсивную торговлю с появлявшимися здесь греческими купцами. Эта часть населения пользовалась выгодами обмена, в результате которого она становилась обладательницей различных, ранее ей не доступных благ. Изящные чернолаковые сосуды, отличные ткани, оливковое масло, разнообразные художественные изделия, ценный строевой лес, кожи, шерсть, пеньку, смолу, мед можно было получить у греческих купцов в обмен на рабов.

В VI–V вв. до н. э. на территории Абхазии, на базе более древних местных поселений, возникает ряд относительно крупных населенных центров, в которых греческие купцы вели торговые операции с местным населением. Таковы были прежде всего Питиунт, Диоскурия и др.

В результате археологических исследований последних лет можно считать установленным, что Диоскурия была расположена на месте Сухуми. Но надо полагать, что значительная часть территории древнего города находится ныне на дне 'Сухумской бухты. Об этом свидетельствует ряд археологических предметов и памятников, найденных здесь на дне моря, в частности, античное мраморное надгробие (конца V – начала IV в до н. э.) с превосходными рельефными фигурами двух женщин и юноши. На дне моря найден и скульптурный бюст из мраморовидного известняка. Установлено также, что на дне бухты имеются остатки древних сооружений. Уже давно во время сильных штормов находили выброшенные волнами на берег обломки греческой чернолаковой посуды, античные монеты и другие памятники материальной культуры.

Можно заключить, что строения, располагавшиеся некогда на берегу, оказались под водой, вследствие постепенного опускания берега.

В IV–III вв. до н. э. в районе современного Сухуми были массивные здания, крытые черепицей. Об этом свидетельствует найденная здесь первоклассная древняя черепица местного и привозного (синопского) происхождения. Население города, судя по много-

численным находкам, поддерживало постоянную связь с древней Грецией. В древней сухумской керамике, наряду с местной, в значительном количестве представлена привозная чернолаковая, а также амфорная посуда из различных центров древней Греции.

Диоскурийские купцы вели оживленную торговлю с многочисленными кавказскими племенами, покупая у них шерсть, мед, воск, ценную древесину и, главным образом, рабов, сбывая им, в свою очередь, предметы ремесленного производства и соль, в которой местное население ощущало нужду, особенно в горных частях страны.

В IV–II вв. до н. э. Диоскурия играла, несомненно, на побережье Кавказа значительную экономическую и политическую роль. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что во II в. до н. э. в Диоскурии чеканилась своя собственная монета. На это же указывают и сообщения Страбона, который пишет: «Диоскуриада есть торговый центр, общий для всех народов, живущих восточнее; в него сходятся, по рассказам, более 70 народностей, говорящих на разных языках.»¹

К периоду существования в районе современного Сухуми древнего города Диоскурии относится обширный грунтовый могильник, открытый на горе Гуадику, в северной части Сухуми. В нем оказалось значительное количество погребений с сожжением, в которых найдено множество железных и бронзовых предметов, состоявших из оружия и украшений. В состав оружия входят железные топоры-секиры, топоры-молотки, мечи, кинжалы, втульчатые наконечники копий.

К предметам украшения принадлежат браслеты, фибулы (застежки), булавки, шейные гривны, серьги, скульптурные фигурки животных, бусы и т. д. Наряду с этим в погребение клали бронзовые перстни-печати и глиняную посуду. Особый интерес представляют перстни-печати, на щитках которых имеются тончайшей работы резные изображения человеческих фигур и животных. По своему стилю и технике исполнения они являются замечательными произведениями античного искусства. В состав могильного инвентаря входят и серебряные монеты-«колхидки», относящиеся к IV–III вв. до н. э.

¹ Латышев В. В. Указ соч. ВДИ, 4, 1947. С. 246.

Наряду с Диоскурией важную экономическую и политическую роль на побережье всей Колхиды играл город Питиунт, расположенный на территории Пицундского мыса. Свое название город получил от богатейшей рощи реликтовой сосны, представляющей остатки растительного мира третичного периода.

Автор II в. до н. э. Артемидор Эфесский, а позднее и Страбон называют Пицунду «великим Питиунтом».¹ Этот город являлся крупным торговым пунктом на юго-восточном побережье Черного моря; он вел оживленную торговлю не только с кавказскими племенами, но также с античными городами Северного Причерноморья и с различными центрами древней Греции.

На побережье Абхазии наряду с относительно крупными городами были расположены и мелкие фактории, как например, Гюэнос, в районе современного города Очамчире, Триглит, в районе Гагра и др.

Центральная часть Гюэноса, упоминаемого древними авторами IV в. до н. э., размещалась на небольшом насыпном холме, имевшем 50 м в ширину и 70 м в длину. Среди находок здесь преобладает чернолаковая посуда и встречается много морских ракушек, употреблявшихся в пищу греками. За пределами этого небольшого участка жило местное население, не употреблявшее в пищу ракушек и пользовавшееся, по преимуществу, местной, прекрасно изготовленной посудой. Здесь был найден целый ряд украшений местного производства, отличавшихся тонкой ювелирной работой.

Античные поселения, находясь в окружении местных племен, росли и развивались благодаря самому тесному их хозяйственному контакту с аборигенами края. Торговля с греками была выгодна и для местного населения. Греческие колонии способствовали росту как внешней торговли, так и внутреннего обмена в стране. Вместе с тем греческая культура сыграла, несомненно, важную роль в развитии местной культуры.

Население этих прибрежных городов состояло из местных жителей и греков, которые в социально-экономическом отношении принадлежали к различным слоям населения: имущественной

¹ Латышев В. В. Указ, соч. ВДИ 4, 1947. С. 214. Т. 1. Вып. 1 СПб, 1893. С. 135.

аристократии, рядовым жителям, ремесленникам, наемникам-воинам, рабам и др. Развитая культура местного населения и его тесные связи с культурой греков находят прекрасное подтверждение в материалах, добытых археологическими раскопками на побережье Абхазии. Местное население, в свою очередь, оказывало влияние своей самобытной культурой на бытовой уклад и культуру античных поселений в Абхазии.

§ 3. Экономическое развитие Абхазии в VI – I вв. до н. э.

BVI–I вв. до н. э. в хозяйственной жизни населения современной Абхазии наряду с земледелием значительное место по-прежнему занимало скотоводство. Разведение скота продолжительное время носило здесь, как и до этого, яллагный характер. Основными видами домашних животных были корова, овца, коза и другие, на что указывают кости этих животных, найденные при археологических раскопках в различных пунктах Абхазии. Для перевозки тяжести и верховой езды население пользовалось лошадьми. Это подтверждается находками лошадиных костей.

Земледелие процветало, главным образом, на склонах гор, в плодородных долинах и низменностях. Для обработки земли пользовались деревянной сохой, в которую впрягали рабочий скот. Железные сошники от деревянной сохи обнаружены при археологических раскопках на горе Гуадику. Здесь же был найден и железный серп. Сеяли, по-видимому, пшеницу, ячмень, особые разновидности проса (по-абхазски ашы и абыста, по-грузински гоми) и другие хлебные злаки.

Высоко были развиты на территории Абхазии скотоводство и виноградарство. Эти отрасли хозяйства культивировались с древнейших времен. Славилась страна также своими прекрасными плодами, льном, коноплей, корабельным лесом.

Процветали здесь и различные ремесла. Наличие основных видов ремесленного сырья – дерева, металла и др. способствовало значительному развитию ремесленного производства. Большое значение в развитии ремесла имела, как было сказано выше, металлообработка. В Закавказье в целом особенно рано появилось и получило очень широкое распространение железо. В частности, раскопки на территории Абхазии – в Сухуми и других пунктах по-

казали, что древние жители этого края для изготовления орудий и оружия пользовались в основном железом.

Местные мастера обработки металла в соответствии с потребностью населения изготавливали основную массу железного и бронзового инвентаря, необходимого в быту, оружие, а также различные украшения. Из видов оружия изготавливались железные топоры типа секиры-молотка с чрезвычайно широкими лопастями, топоры-молотки с полукруглым лезвием, кинжалы с сердцевидными перекрестиями у основания рукояти, а также наконечники копий в общих для всего Закавказья формах, втульчатые, с листовидным острием.

На успехи развития металлургии указывают и орудия хозяйственного назначения. К ним относятся прежде всего пахотные земледельческие орудия – железные сошники. Они сделаны из толстого железа и состоят из нижней плоской рабочей части с заостренным краем и верхней, представлявшей разрезную втулку, форма которой показывает, что данный предмет насаживался на деревянный стержень примитивного плуга или сохи. Одновременно с ними бытовали и железные цалды с крючковидным верхним концом типа современных, употреблявшиеся для корчевания сорняков, с которыми приходилось бороться земледельцу.

На сравнительно высокий уровень развития в Абхазии металлообрабатывающего производства и связанного с ним ювелирного и гравировального дела указывают также многочисленные художественные изделия (браслеты, перстни, булавки, шейные гривны, фигурки животных, фибулы, нашивные бляхи и др.).

Наряду с металлургией хорошо было развито в Абхазии гончарное дело. Местные мастера изготавливали высококачественные керамические изделия. Основная масса посуды состояла из небольших горшков, чаш, кружек, кувшинов. Украшались сосуды волнообразными линиями, елочными, сетчатыми, треугольными, ямочными и другими видами орнаментами. Встречаются и культовые, ритуальные, парные сосудики. Кроме простой столовой и кухонной посуды, мастера изготавливали таровую амфорную посуду для перевозок, большие глиняные сосуды для хранения зерна, вина и других продуктов, а также черепицу для покрытия домов и т. д.

На значительном уровне развития для того времени находилось и ткацкое дело. На это конкретно указывают такие предметы, как например, пирамидальные отвесы для ткацких станков, пряслица и др., найденные при раскопках в Сухуми и других пунктах на побережье Абхазии. Ткачи-ремесленники изготавливали шерстяные ткани. Из таких тканей шились различные одежды, скрепляемые бронзовыми булавками и застежками.

Развитие сельского хозяйства и различных ремесел привело к разделению труда, специализации в области производства, к появлению избыточных продуктов, способствовавшему развитию торговли. Жители гор спускались на равнину для покупки соли и некоторых других продуктов. Покупали они также ткани.

§ 4. Борьба абхазских племен против римских завоевателей

В последней четверти II века до н. э. в северо-восточной части Малой Азии существовало сильное Понтийское государство, возглавлявшееся Митридатом VI Евпатром. В конце II в. до н. э. вся территория юго-восточного побережья Черного моря, в том числе и Абхазия находилась в подчинении у Митридата. В его владения входило и северное побережье Черного моря.

Римское рабовладельческое государство, которое с III в. до н. э. вело завоевательные войны на Востоке, уже в конце II века до н. э. имело свои владения в Малой Азии. Оно стремилось полностью завоевать Малую Азию и побережье Черного моря. Такая политика со стороны Рима привела к столкновению непримиримых интересов двух государств. Митридат вступил в решительную схватку с Римом, продолжавшуюся около 25 лет. Союзниками Митридата были царь Армении Тигран II и царь Иберии Артаг. Борьба в конечном итоге закончилась победой римлян. Отступая под напором римского полководца Помпея, Митридат вынужден был в 66–65 гг. до н. э. провести в Диоскурии целую зиму вместе с остатками своей разгромленной армии.

Разгромив Митридата, римляне в 65 г. до н. э. подчинили себе Колхиду. С этого времени на побережье Колхиды обстановка резко меняется. Римляне, стремившиеся прежде всего к занятию наиболее важных стратегических плацдармов, тогда же разместили в Питуинте, Диоскурии и других пунктах Абхазии свои гарнизоны.

Они огнем и мечом утверждали свое владычество на берегах Абхазии. В I в. н. э. Диоскурия не была еще восстановлена. В отношении этого города Гай Плиний Секунд (I в. н. э.) говорит, что «теперь он находится в запустении, но некогда был до того славен, что, по словам Тимосфена, туда сходилось, до 300 племен, говоривших на разных языках. И после того наши [римляне. – Ред.] вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей»¹. Римляне построили на месте Диоскурии укрепление, названное ими Севастополисом. Здесь они надеялись создать себе опорный пункт для завоевания всей Колхиды, но все их попытки проникнуть вглубь страны наталкивались на упорное сопротивление местных племен, которые так и не допустили римлян полностью поработить их родину. Поэтому римляне вынуждены были ограничиться только захватом нескольких пунктов на Кавказском побережье Черного моря, где они держали свои небольшие гарнизоны, часто находившиеся в осаде, а порой и уничтожавшиеся местным населением, восставшим против них.

Город Диоскурия или Севастополис в I–II вв. н. э. представлял небольшую крепость с римским гарнизоном. Во II в. н. э. римский легат (посол) Арриан прибыл туда и за полдня успел «выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров»². Из этого сообщения видно, что к тому времени Диоскурия совсем утратила свое бывшее значение, превратившись в обычное военное поселение.

В последующее время, примерно со второй половины II–III вв. н. э., Севастополис становится крупным торговым центром ремесленного производства, особенно керамического. Материалами раскопок устанавливаются оживленные торгово-экономические связи с античными центрами, особенно с городами Южного и Северного Причерноморья.

К периоду существования в районе современного Сухуми города Севастополиса относятся остатки небольшой сторожевой башни³. Археологическими раскопками обнаружено здесь зна-

¹ Латышев В. В. Указ. Соч. ВДИ, 2, 1949. С. 291.

² Там же. ВДИ, 1, 1948. С. 269–270.

³ Восточнее Сухумского железнодорожного вокзала.

чительное количество обломков различной глиняной посуды, в том числе краснолаковых и амфорных сосудов, много фрагментов черепицы, керамических пирамидальных отвесов для ткацкого станка, глиняных светильников и т. д. На одном из последних имеется древнегреческая посвятельная надпись, которая гласит: «Давай, поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»¹. Найден также ряд серебряных и медных монет с портретами римских императоров Септимия Севера, Марка Аврелия Коммода. Эти монеты относятся к последней четверти II и началу III в. н. э.

К римскому времени относятся также и остатки древних оборонительных стен, обнаруженных в Сухумской крепости, которые сохранились до наших дней.

Наряду с Диоскурией-Севастополисом римляне превратили в укрепленный пункт и город Питиунт. Археологическими раскопками в центральной укрепленной части города выявлены разные хозяйственные сооружения и жилые кварталы, характеризующие городскую жизнь и коммунальное хозяйство. Среди коммунальных сооружений привлекает внимание баня, типичная для II–III вв. нашей эры. Баня, имевшая канализационную и водоотводную сеть, с центральным коллектором, состояла из четырех залов, среди которых имелся зал отдыха. Его пол был покрыт квадратными и ромбовидными керамическими и каменными плитами. Найдено большое количество керамики первых трех веков нашей эры, в том числе много сосудов-амфор и домашней краснолаковой посуды.

В пицундских культурных слоях найдено около 300 монет разных эпох, среди них преобладают римские, византийские и боспорские монеты. Среди боспорских монет особенно интересна монета Котиса II. Она дает возможность датировать слои концом первого и началом второго столетия нашей эры.

Археологический материал показывает, что в I–III вв. население побережья Абхазии было подчинено Риму прежде всего в экономическом отношении. Это хорошо прослеживается по римским монетам, многочисленные находки которых свидетельствуют о развитии внутренней и внешней торговли у местного населения.

¹ Каухчишвили. Г. С. Греческая надпись на сухумском светильнике. Труды Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, т. XXVIII, 1957. С. 228.

Развитие обмена и торговли на побережье Абхазии подтверждается находками предметов, привезенных из различных уголков Римской империи – амфор для вина и масла, стеклянных сосудов, изящной керамической посуды, предметов украшения и других вещей. Из Абхазии в Римскую империю, а затем, после ее распада, в Византию вывозились пенька, меха, кожи, мед, воск, строительный лес и рабы.

Все же сношения Рима с Кавказским побережьем не приобрели характера прочных экономических и культурных связей. Римские правители преследовали в Абхазии, главным образом, свои военно-стратегические и политические цели. Восстановленные и укрепленные ими города являлись прежде всего военными форпостами на дальних подступах к империи. Римляне, в частности, проявляли большой интерес к перевальным путям на Северный Кавказ, контролируя которые, они могли вывозить отсюда большое количество рабов, а также не допустить вторжения в пределы Римской империи «варваров». Однако римлянам так и не удалось полностью подчинить Абхазию своему политическому влиянию, хотя некоторая часть племенной знати перешла на службу к римлянам. В массе же население вело с римлянами постоянную борьбу, нападало на укрепления и уничтожало военные гарнизоны.

В I–II вв. н. э. ряд крупных ударов был нанесен римлянам на побережье Абхазии. По сообщению автора I в. н. э. Гайя Плиния Секунда¹, местным населением края было разрушено римское военное укрепление в Питиунте. В те же I–II вв., как это показывает археологический материал, неоднократно подвергался нападениям также Севастополис.

Борьба против римских завоевателей в Колхиде по своему масштабу принимала временами широкий и в известной степени организованный характер. Так, в I в. происходит крупное восстание против римлян, возглавленное одним из местных жителей Колхиды по имени Аникег, который сумел объединить много людей из различных пунктов страны. Участники этого восстания взяли штурмом римское военное укрепление в гор. Трапезунде и разгромили располагавшийся там гарнизон.

¹ Латышев В. В. Указ. Соч. ВДИ, 2, 1949. С. 291–292.

Хотя это восстание потерпело поражение, но в конечном счете Риму не удалось вполне утвердиться на Черноморском побережье Колхиды. В частности, на территории современной Абхазии, примерно с конца III–IV вв. н. э., все римские укрепления, в том числе Севастополис и Питиунт, подвергались частым нападениям и разрушениям в результате освободительного движения местных племен, известных у римлян под названием апсилов и абазгов – непосредственных предков абхазского народа.

§ 5. О происхождении древнеабхазских племен

По своему происхождению абхазы связаны, как известно, с иберийско-кавказской семьей народов, происходящей от общего этнического корня. Единство происхождения этих народов подтверждается как родством их языков, так и множеством общих элементов в материальной и духовной культуре. Поэтому проблема происхождения абхазского народа является частью общего вопроса о происхождении иберийско-кавказского этнического мира.

Приведенные выше факты из истории материальной культуры на территории Абхазии свидетельствуют, что страна была непрерывно заселена человеком, начиная от нижнего палеолита. Потомки аборигенного населения, создавшего эти памятники, явились одним из составных компонентов впоследствии сложившегося абхазского этноса, в силу чего они должны быть отнесены к далеким предкам абхазского народа.

С другой стороны, важное значение имеет тот факт, что иберийско-кавказские языки генетически связаны с некоторыми древнейшими языками (ныне мертвыми) Передней Азии, в частности, с так называемым прото-хеттским языком, распространенным в восточной части Малой Азии в далекой древности. Такое родство проявляют и абхазо-адыгские языки (абхазо-абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский и убыхский).

Еще во втором тысячелетии до нашей эры в северо-восточных районах Малой Азии бытовали многочисленные племена, известные под общим наименованием кашков или абешлайцев. Эти названия употреблялись как синонимы, и они, несомненно, увязываются с названием «косогов» или «кашагов» (под этим именем в

средние века были известны адыги) и «апсилов» (апшилов), в котором усматривается самоназвание абхазов – «апсуа».

Кашки (абешла) также должны рассматриваться как одни из предков абхазского народа, но в ту далекую эпоху, по-видимому, еще не произошла дифференциация языков абхазо-адыгской группы.

То обстоятельство, что предки абхазов (и адыгов) в далеком прошлом проживали в северо-восточной части Малой Азии, а также в юго-западном секторе Кавказа подтверждается, в частности, топонимическими данными. Засвидетельствованные на данной территории многие географические названия принадлежат к абхазо-адыгскому языковому миру – Синопэ, Акампис, Апсиртос, Супса, Дуабзу, Молтаква и др.

Историко-археологическими данными устанавливается что в древности (с конца III тысячелетия до н. э.) происходило продвижение племен абешла-кашкской группы из Малой Азии на Западный Кавказ. Причиной такого передвижения являются интенсивный процесс классообразования, происходивший в среде этих племен, а также давление со стороны внешних захватчиков.

Племена, переселявшиеся с юга, постепенно смешивались с коренным, древнейшим населением края, этнически, вероятно, родственным им. В результате этого процесса этнической консолидации и образовался древнеабхазский этнос – непосредственный предок абхазской народности. Ведущая роль пришлого элемента была обусловлена его большей этнической устойчивостью и, в частности, более высокой культурой.

Таким образом, формирование древнеабхазского этноса происходило на Черноморском побережье Кавказа, в том числе и на территории нынешней Абхазии. Следовательно, абхазы и являются древнейшим, автохтонным населением края.

В античную эпоху, как было уже показано, появляются письменные свидетельства об обитателях Западного Кавказа, в том числе и Абхазии. Так, Гекатей Милетский (вторая половина VI в. до н. э.) локализует на территории Абхазии «племя» кораксов, а по соседству ним – колов. Псевдо-Скилак Кириандский (вторая половина IV в. до н. э.) перечисляет племена генихов, кораксов, колов, колхов и др.

Автор I в. н. э. Плиний Секунд впервые упоминает абхазское племя апсилов, а также санигов, которые локализируются на территории Северной Абхазии (апсилы – в южной).

Особенно ценные сведения содержатся у Флавия Арриана (первая половина II в. н. э.). О племенах, населявших территорию Абхазии, Арриан пишет следующее: «За лазами следуют апсилы... с апсилами граничат абаски... Рядом с абасками – саниги, в земле которых лежит город Севастополь.»¹

Хотя Арриан не дает, к сожалению, точной локализации каждого племени в отдельности, однако из контекста его описания вытекает, что апсилы населяли Южную Абхазию (нынешний Гальский район), абазги занимали территорию нынешнего Очамчирского района, а к северу от абазгов обитали саниги. Лишь впоследствии эти племена под давлением своих южных соседей – лазов перемещаются далее, к северу.

§ 6. Абхазские племенные объединения в первые века н. э.

В период борьбы племен Черноморского побережья Колхиды против римлян все ярче проявляется внутренний процесс упрочения племенных образований края. Еще ранее, в III–II вв. до н. э., в Колхиде существовали так называемые «скептухи» – небольшие полусамостоятельные племенные области. Со временем вместо общих названий «Колхида» и «колхи» появляются новые этническо-политические объединения племен: лазов, апсилов, абазгов, санигов и других, причем к этим древним обитателям Кавказского Причерноморья перешло первенствующее положение в политической жизни края.

В ходе непрерывной борьбы местных племен против завоевателей зависимость Абхазии от империи была ослаблена. К концу I в. н. э. на территории Абхазии уже сложились княжества апсилов, абазгов и санигов – новые политические образования с князьями местного происхождения, утверждавшимися римскими императорами.

По своему социально-экономическому облику эти политические объединения представляли, по-видимому, новые племен-

¹ Латышев В. В. Указ. Соч. ВДИ, 1, 1948. С. 270.

ные образования раннефеодального типа, в которых, естественно, сохранялись значительные пережитки патриархально-общинного строя.

Римские императоры не желали самостоятельного существования абхазских княжеств, но в силу необходимости вынуждены были мириться с этим положением и идти на уступки.

Согласно сообщениям Арриана, территория апсилов и абазгов во II в. н. э. распространялась до Севастополиса, а в течение III–V вв. абазги заняли и земли своих северных соседей – санигов, вплоть до реки с характерным названием Абаск (современная река Псоу), подчинив их своему политическому влиянию и распространив на них свое этническое название.

В IV в. на территории Западной Грузии выдвигается Лазское княжество, которое в социально-экономическом и политическом отношении оказалось более развитым, чем другие соседние племена. Вскоре лазы (предки мегрельской этнической ветви грузинского народа) объединили под своей властью всю Западную Грузию и образовали единое царство, в состав которого вошли, на вассальных началах, небольшие княжества, расположенные на территории Абхазии – абазгов, апсилов и др.

§ 7. Культура

Искусство и художественное творчество населения Абхазии указанного периода хорошо прослеживаются на многочисленных и разнообразных археологических материалах, найденных в различных пунктах Абхазии. Широко применялась гравировка на различных металлических изделиях. Изображались на них искусно исполненные геометрические и растительные орнаментации, различные фантастические и реально существовавшие животные.

К замечательным произведениям местного художественного искусства относятся прежде всего бронзовые ножны железного кинжала из сел. Колхида Гагрского района. Эти ножны украшены рельефно выделанными спиралями, кантами в виде витого шнура, рельефной полоской со змеиной головкой, треугольными углублениями, которые были заполнены различными цветными массами и т. д.

Художественное мастерство местных мастеров подтверждают также отлитые из бронзы различные пластические изделия: фигурки людей, оленей, лошадей, козлов, собак, птиц и т. д. Среди них особый интерес представляет слегка изогнутый бронзовый ритуальный предмет небольшого размера с фигурой божества – всадника, головками круторогих баранов и колокольчиками из сел. Бамбора Гудаутского района.

По мастерству исполнения обращает внимание и бронзовая фигурка «винопийца» из того же селения. Это обнаженный мужчина, сидящий в своеобразном кресле и пьющий из большого рога, который он держит обеими руками.

К числу прекрасных произведений местного художественного искусства относятся также своеобразные бронзовые булавки. Так, уникальная булавка найдена в некрополе на горе Гуадику в Сухуми. Булавка имеет головку и шесть расходящихся полосок, состоящих из двух оплетенных кантов. Полоски упираются в перекладину, концы которой украшены направленными в противоположные стороны бараньими головками. Перекладина снабжена восемью ушками с подвесками в виде колокольчиков. У основания полосок с одной стороны наложен спиральный рельефный круг, а с другой стороны укреплено ушко.

На значительный уровень развития художественного творчества указывают и бронзовые браслеты, украшенные птицеобразными, драконовыми, змеевидными головками, а также другими видами орнаментации.

Наряду с памятниками местного художественного творчества, на побережье Абхазии широко представлены и произведения античного искусства. К ним относятся прежде всего замечательная мраморная плита с барельефом, найденная в Сухуми на дне моря. На лицевой стороне плиты изображены три изваянные человеческие фигуры: сидящая в кресле женщина, обнимающая правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика и смотрящая на него с глубокой печалью; мальчик, подняв голову, смотрит на нее, слегка касаясь ее бессильно опущенной левой руки. За мальчиком стоит девушка, которая также грустно смотрит на сидящую в кресле женщину; в левой руке, согнутой в локте, девушка держит на уровне плеча шкатулку,

по-видимому, с драгоценностями. С кресла свисает часть шкуры какого-то животного.

Памятник этот, по стилю изображения, живописной трактовке форм и изяществу драпировки одежд, является произведением античного искусства, в котором художник проявил высокое мастерство. Он не имеет близких аналогий среди известных мраморных барельефов из античных городов Северного Причерноморья. Барельеф является надгробной плитой, на что, кроме размера и формы плиты, указывает его композиция. Такая композиция встречается в надгробных памятниках античного искусства конца V в. и особенно в IV в. до н. э.

К памятникам античного искусства принадлежат также литые бронзовые перстни-печати, найденные в могильнике на горе Гуадику. В одной из могил здесь было обнаружено восемь перстней с различными резными изображениями, на четырех – человеческие фигуры, а на остальных перстнях изображены мастерски исполненные фигуры животных: на первом – лев, на втором – конь, на третьем – орел и на четвертом – сфинкс.

К памятникам искусства позднейшего античного времени относятся мозаичные полы Пицундского храма. Мозаика сложена из местных белых, темно-синих, буро-красных, светло-желтых камешков различных форм. Здесь изображен растительный и животный мир: коровы, телята, голуби, павлины, дуб, гранат и т. д., отражающий местную языческую религиозную символику. Имеется также изображение большой вазы с обнаженной человеческой фигурой. Следует также указать на интересное чеканное серебряное блюдо с рельефным изображением охоты царя, найденное на Красной Поляне (Кбаада) и относящееся к III–IV вв. н. э.

В Абхазии представлены также памятники античной христианской архитектуры, относящиеся к I–VI вв. н. э. Укажем на остатки упомянутого выше Пицундского храма. Это трехнефная базилика с выступающей пятигранной абсидой и с уцелевшими базами 10 мраморных колонн. В храме часть пола была покрыта богатой мозаикой, очевидно, на средства одного из представителей местной знати, некоего Орэла, имя которого написано на мозаичном полу. Надпись эта гласит: «В моленья за Орэла и за весь его дом».

На территории укрепленной части города Питиунта обнаружены развалины мощных крепостных стен, башен, разные жилые, хозяйственные и культовые сооружения.

Памятники архитектуры античного времени сохранились и в Сухуми. К ним принадлежат фрагменты древних оборонительных стен, обнаруженных в Сухумской крепости, и остатки сторожевой башни, о которых сказано выше.

К памятникам духовной культуры абхазов относятся религия и мифология, древний нартский эпос и сказание об Абрскиле. Одной из самых ранних форм религии является тотемизм, заключающийся в представлении о существовании связи человека с каким-либо животным или растением, предметом или явлением природы. Некоторые из наиболее древних абхазских фамилий имеют, по-видимому, тотемическое происхождение. Представители фамилии Цугба (от ацгу – кошка) в Бзыбской Абхазии считали себя состоящими в родственных отношениях с кошкой. Члены фамилии Хишба, по их представлению, находились в родстве с сойкой; им запрещалось убивать эту птицу и употреблять в пищу ее мясо. «Как же можно убивать и есть своих однофамильцев?» – говорили они¹.

Члены некоторых фамилий не употребляли в пищу голубей, рыбы, зайцев и пр. Встречаются и другие тотемические фамилии (Мышба – сын, или потомок, медведя; Бганба – сын волка и др.).

Но запрещение убивать тотемное животное и есть его мясо свойственно лишь ранним стадиям тотемизма. В дальнейшем запрет сохраняется только для части животного – сердца, печени, почек. Предписания, запрещающие употреблять в пищу ту или иную часть животного, были в большом ходу среди абхазов.

Большое значение имела в старинных религиозных верованиях абхазов магия, основанная на разнообразных фантастических представлениях о связи отдельных предметов и явлений. Так, абхазы во время засухи совершали несколько магических обрядов для вызывания дождя. Один из этих обрядов заключался в бросании в воду с особыми церемониями и песнями чучела, другой – в опускании в воду костей человека. Широко распростране-

¹ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии абхазов. Сухуми, 1956. С. 125.

ны были и другие магические приемы для достижения той или иной цели. Применялись в некоторых случаях магические средства для причинения кому-либо вреда. Чтобы уберечься от магических действий или колдовства, пользовались всевозможными амулетами и талисманами.

У абхазов бытовали многочисленные обряды и церемонии, связанные с культом земли, солнца, гор, луны, воды и др. Важное место в религиозных воззрениях абхазов занимал культ воды. Владычицей воды считалась Дзызлан. Ей молились и приносили жертву при некоторых заболеваниях и в ряде других случаев. Предметом культа служили и отдельные виды деревьев (напр., дуб, граб) и даже целые рощи.

Особое место занимал культ молнии. Все пораженное богом грома и молнии, называвшимся Афы, считалось достоянием божества и потому было неприкосновенно. Совершались многочисленные обряды с особыми церемониями в зависимости от того, кто поражен молнией – человек или скотина, ранены или убиты они и т. д. Все моления Афы сопровождалось песней, посвященной этому богу.

Видное место занимали покровители хозяйства. Наиболее древними из них следует считать божества, связанные с культом земледелия. Таковы: Джаджа – богиня полеводства, огородничества и виноградарства; Анапа-Нага – богиня, ведающая всеми произведениями земли; Квиквина – дух хлопка и льна; Ерыш – покровительница ткацкого ремесла; Сауна – покровительница мельниц и мукомолья; Анана-Гунда – покровительница пчел и пчеловодства и др.

Не менее древними являются божества охоты. Охота была занятием мужчин и потому божество охоты представляется в мужском образе и именуется Ажвейпшаа. Охота сопровождалась выполнением ряда обрядов и особых правил. Охотники в горах говорили на особом «охотничьем языке».

С возникновением скотоводства появились скотоводческие божества. Главнейшим из них считался Айтар. Отдельные виды домашних животных также имели своих покровителей, которые являлись как бы частями Айтара: покровитель коз и овец – Джабран, покровитель коров – Жвабран. Были также и другие покрови-

вители: буйволиц – Амкамгария, лошадей – Ачишашана, собак – Алышкынтыр.

Скотоводческие божества это уже божества патриархальные, отчасти, возможно, периода перехода от матриархата к патриархату. Все моления об удачах в скотоводческом хозяйстве совершались исключительно мужчинами.

К патриархальному периоду также восходит развитый у абхазов культ домашнего очага, выражавшийся в последний период в почитании важного элемента очага – надочажной цепи.

Большинство молений совершалось по родовому признаку. Члены рода собирались вместе для совершения общеродовых молений. Обряды и церемонии совершал старейшина рода. Каждый род наряду с обычными молениями совершал обряды, свойственные только этому роду. Каждый род имел свое святилище, почитаемое как место пребывания отдельных божеств или духов-покровителей. Здесь обычно и совершались главные моления рода.

В период распада родового строя, в соответствии с переходом от родовых связей к соседским, некоторые родовые моления превращаются в общинные. В дальнейшем, уже в период формирования абхазской народности, святилища влиятельных родов становятся общенародными. Таким святилищем в Бзыбской Абхазии была гора Дыдрипш (в сел. Ачандара), имевшая первоначально, по-видимому, лишь родовое значение.

Среди поздних по своему происхождению культов и божеств абхазского языческого пантеона выделяется культ кузницы и железа, сложившийся уже на грани перехода к классовому обществу. Бог кузницы назывался Шашвы. Предметом особого почитания была кузница вообще и наковальня в частности. Помимо других священных церемоний, производившихся у кузницы, она служила местом принесения присяги.

С дальнейшим развитием общества, усилением власти единого правителя появляется единый бог – Анцва, который, по народному представлению, руководит всей вселенной, находясь на небе.

В первой половине IV в. в Абхазии и всей Грузии распространяется христианство. По сравнению с языческой идеологией, христианство играло положительную роль; оно, в частности, содей-

ствовало распространению письменности и развитию культурных связей населения Абхазии с Европой.

Одним из первых опорных пунктов, откуда в раннефеодальную эпоху распространялось христианство как в Абхазии, так и в других областях Кавказа, являлся Питиунт. Пицундский епископ по имени Стратофил присутствовал на первом вселенском Никейском церковном соборе (325 г.).

В начале VI века христианство окончательно утверждается в Абхазии. В 541 г. в Пицунде была уже учреждена архиепископская кафедра.

В духовной культуре абхазского народа выдающееся место занимают нартский эпос и сказание об Абрскиле.

Нартский эпос – замечательный общий памятник устного творчества абхазского, адыгского и осетинского народов. У каждого из них этот эпос имеет широкое распространение и связан с их культурой и бытом.

По своему происхождению, нартский эпос – монументальный памятник многовековой эпохи первобытно-общинного строя и отражает, в большей или меньшей степени, основные стадии его развития, преимущественно эпоху так называемой военной демократии. Мотивы же классового общества, к тому же нашедшие слабое воплощение в абхазских сказаниях, являются позднейшими наслоениями.

Наиболее законченной и яркой фигурой являются образы родоначальницы нарттов – Сатаней-Гуаши и непобедимого героя Сасрыквы.

Нартское общество состоит из ста братьев и их сестры, рожденных и выращенных одной матерью. Нарты поддерживают тесную связь со многими другими родами и племенами. Непримиримыми соперниками нарттов выступают великаны (адау), у которых нартты отбивают огонь, скот, культурные растения, золото и другие сокровища. Наконец нартты находятся в постоянных отношениях и родственной связи с легендарным карликовым племенем ацанов.

В основе хозяйственной жизни нарттов лежит коллективное производство и потребление. Нарты занимаются земледелием (просо, лен, конопля), виноградарством и виноделием и особен-

но, охотой и скотоводством (табуны лошадей, стада коров и овец), причем охота и скотоводство составляют главное хозяйственное занятие мужчин, а их жены – ткачеством как специфическим трудом женщин. С нартами связывается происхождение обычая, по которому из каждой тысячи голов мелкого скота сто голов отпускалось на волю для умиловивления покровителей леса – архаическая черта, говорящая о связи древнего скотоводства с лесом и его духами.

Исключительна роль Айнар-Ижия – общего нартского кузнеца; он не только кует оружие и хозяйственные орудия нартам, но своими золотыми щипцами и молотом чинит пораженные в бою головы воинов, закаляет людей в горниле своей кузницы и т. д.

Огромную роль в жизни нартов играет война. Можно сказать, что почти вся жизнь нартов проходит в нескончаемых героических походах. Эти непрерывные походы «для добывания славы» образуют основные сюжетные линии эпоса. Походы нарты совершают совместно (лишь Сасрыква выступает нередко один), нартская конная дружина вооружена луками и стрелами, мечами и облечена в доспехи. Цель войны – угон скота, похищение сокровищ, взятие неприступных крепостей, принадлежащих злым существам, добывание жены, защита обиженных и т. д.

Коллективному производству и потреблению соответствуют также психологические краски эпоса, равно как и ряд бытовых черт: общий «большой нартский дом» с его постоянными принадлежностями – огромным общесемейным котлом, длинной скамьей для совместных трапез, винным кувшином «на 100 человек», а также общее кладбище и др.

С постепенным появлением частной собственности, когда, согласно сказанию, «потянулись нарты в разные стороны», говоря: «это – мое, это – твое!», начинается разлад внутри единого нартского общества. Споры из-за котла, кувшина, виноградной лозы и проч., из-за разграничения владений великанов от нартских, столкновения из-за имеющего столь важное значение мотива неравенства Сасрыквы, из-за того, к кому должна перейти на жительство сестра и т. д. – все это говорит, что поздние слои, точнее, конец эпоса, отражают далеко зашедшее разложение первобытно-общинного строя.

В мировоззрении нартов, если говорить о древних слоях эпоса, мы не находим представлений об едином боге. Все, выходящее из рамок обыденного, связывается с неопределенным творческим началом – «адоуха». На небе еще те же люди, что и на земле. В языческом мире верований, не сведенном в единый пантеон, особо выделяются божественные покровители охоты и дичи – Айргь и Ажвейпшаа, с которыми нарты находятся в близких, даже родственных отношениях. Тотемические воззрения находят выражение в отношениях с животными (особенно волком), растениями, камнями и космическими явлениями (некоторые герои, напр., Сасрыква, являются олицетворениями солнечного мифа).

Основной формой эпоса является прозаическое повествование; в отдельных частях он дошел также и в форме эпического песенного повествования, неотделимого от голоса и музыки (существует специальная нартская мелодия), а иногда сопровождаемого и танцами (в «Песне матери нартов»).

Другим замечательным древним памятником устного народного творчества абхазов является небольшое по сравнению с нартским эпосом сказание об Абрскиле. Судя по содержанию, легенда о герое-богоборце Абрскиле, напоминающем знаменитого Прометея из греческой мифологии и грузинского Амирани, сложилась в основном уже в период интенсивного развития классовых отношений и отражает непримиримую борьбу против социального неравенства.

Краткое содержание сказания сводится к следующему. Когда-то жила в Абхазии прекрасная дева, давшая обет никогда не выходить замуж. Но она зачала чудесным образом и родила сына. Это был Абрскил. Рос он «не по дням, а по часам» и совершал геройские подвиги. Ездил Абрскил только на своем верном друге – легендарном коне Араше, с собою он носил тяжелый посох с железным наконечником. Абрскил обладал огромной силой: он мог целую скалу поднять на гору и в минуту гнева рассекал ее мечом пополам.

Абрскил беззаветно любил свой народ и свою родину – прекрасную Апсны (Абхазию) и уничтожал их врагов. Он был грозным поборником правды, бесстрашным в борьбе с врагами, за счастье народа. С тех пор, как он появился на свет, они не решались напа-

дать на Абхазию. Ненавидел и преследовал он также внутренних врагов – носителей зла, не признавал рабства («господства и подчинения»). Возненавидел Абрскил все то, что мешает, вредит человеку, – тернии, шипы и папоротник. Абрскил боролся и с чудовищами, в частности, меткой стрелой он убил лютого врага человечества – могучего великана, который собирался броситься в море, чтобы выплеснуть на сушу всю воду и затопить род людской.

При Абрскиле, согласно преданию, в мире и спокойствии процветала Абхазия, и в ней всего, что нужно человеку, было в избытке. Дерзкое поведение Абрскила возмущало небожителей, ибо он ни перед кем не хотел гнуть спину, даже перед самим богом.

Разгневанное божество поручило ангелам изловить и наказать Абрскила. Однако Абрскил долго оставался неуловимым, но мстительные ангелы пленили, наконец, богоборца коварным образом. Весть о пленении Абрскила облетела страну. Народ горевал, и говорили люди: «Кто же теперь будет Абрскилом в несчастной Апсны, кто укротит насильников, и грабителей!»

Враги же ликовали, однако они боялись Абрскила и закованного в цепи. «Опасно оставлять Абрскила на земле, у него ведь много сторонников», – думали враги героя и по велению бога заточили его в недоступном мрачном подземелье Члоуской пещеры, у подножия отрогов Кавказского хребта, и вместе с неразлучным конем тяжелыми цепями приковали к железному столбу на вечные муки.

Как повествует конец легенды, могучий Абрскил день и ночь раскачивает столб, чтобы вырвать его и освободиться из заключения. Но каждый раз, когда Абрскил вот-вот должен освободиться, прилетает какая-то зловещая птица и садится на столб, и вырвать его становится невозможно. Рассерженный Абрскил гневно замахивается на нее лежащим рядом тяжелым молотом, но птица успевает улететь, зато столб снова загоняется молотом в землю. И так без конца...

При столь долгом титаническом борении с темными силами цепь глубоко врезалась в тело Абрскила, и борода его вросла в землю. Но Абрскил не упал духом и неустанно продолжал сопротивляться. Он навсегда сохранил свои идеалы справедливости, горячую любовь к народу и ненависть к врагам и угнетателям.

Таковым было в общих чертах культурное состояние Абхазии в античную эпоху. Следует подчеркнуть, что материальная и духовная культура населения Абхазии того периода развивалась в непосредственной связи с культурным развитием соседних районов Кавказа. Особо надо отметить тесные связи с центральными районами Колхиды, где культура достигла более высокого уровня, одним из ярких примеров чего является существование близ г. Фазис в первых веках нашей эры известной философско-риторической школы.

Очерки Истории Абхазской АССР. Часть I.

Сухуми. 1960. С. 5–19

11. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В СУХУМИ В 1959 ГОДУ

1. В течение ряда лет Абхазский институт языка, литературы и истории АН Грузинской ССР проводит планомерные и систематически. раскопки древнего могильника в районе Красного Маяка на западной окраине Сухуми. В 1959 году институт производил дальнейшее исследование этого могильника. Выявлены два разновременных культурных слоя. В верхнем слое обнаружены обломки различных керамических изделий (черепица, посуда и т. д.), свидетельствующие о существовании здесь поселения в первые века нашей эры. В нижнем культурном слое вскрыто 41 потребление, принадлежащих к грунтовым и урновым захоронениям.

2. Погребальный инвентарь состоит из посуды, оружия, предметов украшения: он принадлежит в основном к колхидской культуре. В нем имеются отдельные предметы общекавказского и малоазийского происхождения. Весь этот материал ограничивается временем VIII – II вв. до н. э.

3. В том же 1959 году Абхазским институтом языка, литературы и истории совместно с Институтом истории Академии наук Грузинской ССР и Госмузеем Грузии впервые в широком масштабе были организованы археологические раскопки в Сухумской крепости. Сухумская крепость принадлежит к числу крупных археологических памятников Абхазии. Из специалистов археологов впервые на этот памятник обратил внимание В. И. Сизов в 1886 году. Частично исследовал крепость А. С. Башкиров в 1925 году. Определенная работа по изучению данного памятника была проделана автором в 1952 году. В конце 1958 – начале 1969 гг. Л. Н. Соловьев и А. А. Шервашидзе произвели расчистку оборонительных стен, обнаруженных случайно в том же районе крепости осенью 1958 г. Раскопки здесь, как отмечено выше, организованные летом

1959 года, были направлены на полное вскрытие обширной площади и тщательное ее исследование.

4. Абхазский институт языка, литературы и истории в составе: под руководством автора, Л. Н. Соловьева, художника В. С. Орелкина и четырех лаборантов продолжал работы, начатые в районе обнаруженных в 1958 году древних оборонительных стен крепости, вскрыл значительную площадь против башни №№ 3 и 4 расчищал башню № 2, положил ряд шурфов вдоль приморской степи.

5. Стратиграфические данные, полученные на исследованных объектах, указывают на наличие в районе Сухумской крепости пяти основных разновременных строительных этапов. Из них первые три охватывают позднеантичное время (II–V вв. н. э.), четвертый строительный этап относится к концу раннего или началу развитого средневековья (X – XI вв. н.э.). Последний – к позднему времени. В основании этих строительных комплексов встречаются культурные остатки поселения эллинистического времени без следов строительства.

6. Выявленный археологический материал на исследованных участках Сухумской крепости, в соответствии с установленной в них стратиграфией принадлежит в основном к двум хронологическим эпохам эллинистической и позднеантичной. Культурный слой эллинистического времени очень беден вещевыми находками, состоящими из единичных черепков импортной чернолаковой и местной посуды, обломков плоской черепицы, косточек персиков. Что касается культурного слоя позднеантичного времени, то он насыщен многочисленными предметами, состоящими из фрагментов кирпичей, черепицы, водопроводных труб, черепков различной глиняной посуды, обломков стеклянных сосудиков, монет и т. д. Из перечисленных вещевых находок преобладающим массовым материалом является местная и импортная керамическая посуда. Характер находок указывает на существование здесь большого города в позднеантичное время.

7. В материалах раскопок, в частности по привозной керамике и монетам, хорошо прослеживаются широкие торгово-экономические связи древнего населения Сухуми с малоазийскими античными производственными центрами, в частности с Синопом.

8. В конце работ экспедиции, в районе раскопок Сухумской крепости, обнаружена большая гончарная печь, которая из всех находок 1959 года является самым крупным и важнейшим археологическим памятником. Она имеет в плане прямоугольную форму, была предназначена для обжига кирпичей и черепицы. Печь врыта в позднеантичный слой, датируется IV в. н. э.

9. Значительные фактические данные, полученные в Сухумской крепости в 1958 – 1959 годах, вместе с другими археологическими памятниками, обнаруженными в предыдущие годы, как в этой крепости, так и в различных пунктах Сухуми, свидетельствуют о существовании древнего Севастополиса в районе современного Сухуми.

10. Весь выявленный в Сухумской крепости в 1958 – 1959 годах археологический материал, вместе с фрагментами целого ряда комплексов мощных оборонительных стен, является ценнейшим вещественным источником для глубокого изучения истории Сухуми, в особенности позднеантичного времени. Этот материал вносит также значительный вклад в общую историю древнего мира. Дальнейшее исследование района крепости даст несомненно новые важные вещественные исторические источники.

Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований, 1959 г. Издательство Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1960

12. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АНАКОПИИ В 1957–1958 гг.

В средние века на побережье Абхазии, в районе современного Н. Афона (по-абхазски – Псырцха) существовал город и крепость Анакопия. Остатки этой крепости сохранились на так называемой Иверской горе, на высоте 250–350 м над уровнем моря.

Анакопийская крепость является одним из выдающихся фортификационных сооружений древней Абхазии и всего Черноморского побережья Кавказа. В VII в. н. э. она служила центром и мощным опорным пунктом Западно-абхазского княжества абазгов, а позднее, в конце VIII в., вокруг нее образовалось объединенное Абхазское царство, первоначальной столицей которого являлась, по-видимому, Анакопия.

Анакопийская крепость занимает обширную территорию, составляющую более 70 тыс. кв. м. Она состоит из двух основных линий обороны. Первая линия укрепления – цитадель с двумя башнями – располагается на вершине горы. На южной стене этой оборонительной линии на высоте около двух метров от поверхности земли имеется входная калитка, указывающая на существование здесь подъемного мостика.

Цитадель занимает небольшую площадь (длина 83 м, ширина 37 м). Ее мощные стены по всей линии обороны сохранились в высоту не менее 4–5 м и имеют толщину более одного м; сложены они из хорошо отесанных известняковых квадров. Квадры кладки стены хорошо пригнаны друг к другу и чередуются между собой то широкой, то торцовой плоскообработанной стороной. Стены возведены на известковом прочном растворе с песком и гравием, местами с кусочками шамота.

Башни крепости – восточная и западная – не имеют в кладке увязки со стенами цитадели, они в антисейсмических целях – на

«скользящем шве», что вызывает у исследователей мнение о поздней их пристройке. Четырехугольная восточная башня – наиболее мощное и высокое сооружение. На внутренних стенах ее сохранились ряды четырехугольных гнезд для балок потолочного перекрытия верхних этажей. Судя по количеству рядов этих гнезд, башня была четырехэтажная, снабженная окнами, а позднее – бойницами. В западной стене имеется пролом.

Техника кладки стен башни характеризуется правильными горизонтальными рядами, но иногда встречаются ряды камней, положенных торцовой узкой и широкой плоской стороной, однако правильного чередования они все-таки не образуют. Раствор, употребленный при строительстве этой башни, почти не отличается от раствора стен крепости, но он положен в ней гуще, чем в стенах цитадели.

Западная башня цитадели расположена у входной калитки. Она имеет четырехугольную форму, углы же, обращенные на юг, округлены. Стены башни сохранились на высоту второго этажа с двумя небольшими бойницами, обращенными на юг. В восточной стене имеются две двери одна над другой. Западная стена снабжена широким окном или дверью. Качество кладки этой башни значительно уступает восточной. Наружный панцирь ее состоит из плохо отесанных глыб известняка. Ряды их выдерживаются по горизонтали. Раствор положен не густо, в нем, в отличие от раствора восточной башни и стен цитадели, имеется большое количество гравия. В характере кладки этой башни есть много общего с башнями второй линии обороны.

Внутри крепости расположены «осадный» колодец с питьевой водой и храм.

«Осадный» колодец, примыкающий к храму, построен одновременно с цитаделью. Он глубоко выдолблен в скале и облицован известняковым камнем. Этот колодец до сих пор содержит прекрасную воду. Химическим анализом установлено, что эта вода вполне пригодна для питья. Она, по-видимому, родниково-карстового происхождения.

В середине цитадели у северной стены, на возвышенной площадке скалистого уступа расположен храм, подробно описанный

в одной из работ А. С. Башкирова.¹ Он представляет собой одноабсидную базилику без нартекса и носит следы перестройки.

Первоначальные стены храма сложены из плохо обработанного местного известняка, выложенного на известковом растворе с морским гравием. Позднее при реставрации базилика была облицована хорошо отесанными известняковыми плитами, плотно пригнанными на известковом растворе.

По данным А. С. Башкирова², период реставрации и перестройки базилики определяется временем XI–XII вв., что подкрепляется многочисленными орнаментальными фрагментами, найденными вокруг храма в 90-х годах XIX столетия. Древние же части базилики храма А. С. Башкиров³ относит ко времени до VIII в.

В начале XX столетия монахи Ново-Афонского монастыря, разбирая стены цитадели, возвели вдоль южной ее стены жилой дом, занимающий значительную часть крепостного двора. С наружной стороны цитадели у южной ее стены было заложено здание гостиницы и выведен нижний этаж. Входная калитка получила лестницу. К наружной стене абсиды храма была пристроена новая водосборная цистерна. Цистерна не прикрыта, вода в ней дождевая и, в отличие от воды древнего «осадного» колодца, быстро портится.

Вторая линия обороны расположена ниже цитадели и состоит из трех крепостных стен: южной, западной и восточной. Самой мощной из них является южная стена с семью башнями, которая начинается от обрыва ущелья р. Псырцха и наискось пересекает пологий склон горы, зигзагами спускаясь к тому месту, где над обрывом ущелья р. Мысра находится большая юго-западная угловая башня. Здесь южная стена второй линии обороны у стыка с башней имеет пролом позднейшего происхождения.

Входные ворота в крепость расположены у юго-западной угловой башни, являющейся самой мощной из всех анакопийских башен. Она надежно защищала ворота крепости. Древняя узкая дорога, подходившая к воротам крепости, шла немного ниже угловой

¹ Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. «Известия Абхазского научного общества». Вып. IV, 1926. С. 54. А. С. Башкиров. Указ. Соч.. С. 55.

² Башкиров А. С. Указ. Соч.. С. 55.

³ Там же.

башни, огибая ее слева. Неприятель должен был пройти здесь над крутым откосом, находясь под массированными ударами со стороны защитников башни, поражавших его с правой, не прикрытой щитом стороны. Мало того, обогнув башню, противник попадал на узкую тесную площадку, искусственно созданную перед воротами крепости. Но если бы даже врагу удалось взять ворота, он попал бы не внутрь крепости, а в отдельный треугольный дворик, созданный позади главной башни, где встретил бы перед собой новую мощную стену с дополнительными воротами. Брать крепость со стороны южной стены второй линии обороны прямым ударом тоже представлялось почти невозможным, так как на этом ответственном участке было сконцентрировано семь башен, которые, в отличие от башен цитадели, выступают вперед от стен, создавая возможность флангового обстрела наступающего неприятеля.

Как видно, система второй линии анакопийских укреплений была разработана тщательнейшим образом, с глубоким знанием приемов строительства древних фортификационных сооружений применительно к местному рельефу.

Неслучайно, что многочисленная арабская армия под командованием Мервана-ибн-Мухаммеда потерпела поражение в битве за Анакопию. По сообщению грузинского историка Джуаншера, Мерван покорил весь Южный Кавказ от Дербента до Абхазии, разорил большое количество городов и крепостей, разрушил, в частности, столицу Лазики Цихи-Годжу (по Прокопию Кесарийскому – «Археопомк»), Келассурскую стену и «город Абхазии и Апсилии» – Цхуми (Сухуми).¹ Затем Мерван осадил Анакопию, однако здесь жестокая борьба закончилась поражением арабов, войска которых вынуждены были навсегда покинуть пределы Абхазии.²

Известно, что арабское государство в результате завоеваний к середине VIII в. становится могущественной феодальной империей Востока. Оно располагало огромной армией, оснащенной всеми видами тогдашнего вооружения, в том числе тяжелой осадной техникой – катапультами, баллистами, стенобитными машинами, зажигательными снарядами и др. Кроме того, арабское стальное

¹ Джуаншер. История царя Вахтанга Горгасала. Картлис Цховреба. Тбилиси, 1942. С. 149.

² Там же. С. 151.

оружие, которое изготовлялось, в частности, в Дамаске, славилось во всем мире. Однако выгодное стратегическое положение Анакопии и ее неприступность дали возможность мужественным защитникам крепости выстоять перед грозной силой арабов.

Специфической особенностью района расположения Анакопийской крепости является значительная обнаженность известнякового массива от рыхлых наносов почвы, размытой атмосферными осадками, благодаря чему на склонах крепости нет значительных накоплений культурного слоя. Мощные культурные слои сохранились лишь в башнях и вдоль южной стены второй линии обороны.

В 1957 г. отделом охраны памятников Министерства культуры Абхазской АССР была начата расчистка некоторых древних сооружений на Иверской горе под научным наблюдением Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР. Работы эти велись в районе южной стены нижней линии обороны, в частности в башнях № 3, 4, 5 и на склонах внутри крепости, где тогда же, у конца шестого изгиба современной дороги, были обнаружены остатки небольшого храма.

В 1958 г. археологическая экспедиция Абхазского института, организованная совместно с отделом охраны памятников Министерства культуры Абхазской АССР, продолжала работы, начатые в 1957 г.¹

Основной задачей этой экспедиции являлось исследование башен южной стены второй линии обороны и организация разведок на склонах крепости. Работа экспедиции главным образом была направлена к установлению общей стратиграфии с датировкой культурных наслоений крепости.

¹ Состав Анакопийской археологической экспедиции: старшие научные сотрудники Абхазского института Ш. Д. Инал-Ипа, Л. Н. Соловьев (зам. начальника экспедиции), М. М. Трапш (начальник экспедиции), Л. А. Шервашидзе, О. Д. Лордкипанидзе (научный сотрудник Института истории им. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, канд. истор. наук), В. А. Левкинадзе (научный сотрудник Гос. музея Грузии им. С. Н. Джанашиа), В. П. Пачулиа (начальник отдела охраны памятников Министерства культуры Абхазской АССР) В. В. Бжания (научный сотрудник Гос. музея Абхазии). В качестве лаборантов в экспедиции принимали участие В. С. Орелкин и Е. Х. Скорнякова.

Анакопийская археологическая экспедиция в период работ 1957–1958 гг. расчистила и раскопала полностью остатки указанного храма, башни № 3, 4, 5, 6, 7 и исследовала ряд других объектов в районе второй линии обороны.

Остатки храма и все названные башни выложены из грубоотесанного камня на известковом растворе с мелким морским гравием.

Разрушенный однефный храм имеет полукруглую выступающую абсиду. Пол был выложен высеченными известняковыми плитами, которые, судя по их профилю, служили прежде кровельной черепицей. Храм построен на скале, имеющей наклон в южную сторону. Юго-восточная часть абсиды почти разрушена до основания. Стены сохранились на высоту до 2 м. По наружному обмеру длина храма – 9,20 м, ширина – 4,50 м.

Расчистка храма была закончена в основном еще в 1957 г. В результате этой работы найдены: фрагменты пилястры от алтарной преграды храма, обломки плоских черепиц-солен и калиптер, черепки желобчатой амфорной посуды, обломки пифосов, горшков, кувшинов, несколько черепков глазурованного сосуда с желтовато-темной поливой, кусочки стеклянных сосудиков, четыре медные византийские монеты X–начала XI в. и другие вещи. Среди монет одна – периода правления Константина VII (913–959 гг.).

Наряду с перечисленными находками здесь обнаружены восемь погребений с христианским обрядом захоронения. Из них три вскрыты внутри храма, остальные с его наружной, северо-западной стороны. Инвентарь этих погребений состоит из колокольчиковидной подвески из белого металла с ушком, бронзового зеркала, бронзовых бус сферической формы с ушком, голубых стекловидных пастовых бусин с глазками и т. д.

Археологический материал, добытый при расчистке храма, является разновременным. Это в основном керамические обломки разных изделий, относящиеся к большому периоду времени между VII–XII вв. На основании архитектурных фрагментов пилястры и монет храм можно датировать X–XI вв. К этому времени, очевидно, относятся и вскрытые внутри храма три погребения. Что касается могил, обнаруженных с наружной стороны храма, то все они в основном относятся к периоду раннего средневековья.

Большая трудоемкая работа была сделана экспедицией по исследованию башен южной стены второй линии обороны, имеющих в плане полукруглую или четырехугольную форму, построенных на подсыпке над скалой, снабженных амбразурами, имевшими по три-четыре этажа, использовавшихся одновременно и под жилье, и с кровельной черепицей. Все эти башни дали одинаковые культурные слои. Поэтому остановимся лишь на некоторых из них, в частности на башнях № 4 и 6.

Башня № 4 имеет полукруглую форму, сильно выдается из стены; сохранился лишь нижний этаж с тремя амбразурами, второй этаж только частично. Наружные размеры башни: ширина – 9,06 м, длина – 7,80 м, толщина стен – 1,90 м. Размеры амбразур: ширина с наружной стороны стен – 15–16 см, внутри (при откосе в стене) – 65–70 см. высота – 90 см. Башня внутри имеет два ступенчатых цоколя. Пол первого боевого этажа располагается на 1,35 и ниже амбразур. Общая высота сохранявшейся части башни – 8,72 м.

Исследование башни, начатое в 1957 г. и законченное в 1958 г., дал следующий разрез культурных наслоений.

Первый слой «а», раскопанный в 1957 г., представляет черную гумусированную землю, содержащую обломки известняка, щебенку и мелкий морской гравий. Большие куски известняка, представленные в слое в беспорядочном скоплении, принадлежат разрушившимся стенам башни. Нижний горизонт слоя «а» содержит мелкую морскую гальку, щебенку, черепки крупной и мелкой глиняной посуды, кости животных. Этот слой является жилым – полом второго этажа башни.

В слое «а» обнаружены: обломки черепицы, черепки пифосов, горшков, кувшинов, обломки желобчатой амфорной посуды, несколько фрагментов глазурованного сосуда с желтой поливой, керамическая солонка, кусочки стеклянного сосуда, пряслица, два острия из оленьего рога с надрезами, оселки со сквозными отверстиями для подвешивания к поясу, круглопроволочные бронзовые колечки, железные предметы – наконечники стрел, ножи, долота, ножницы, четырехгранные гвозди, одна серебряная монета с именем царя абхазов и грузин Георгия II (1081–1089 гг.) и другие вещи. У юго-восточной стены башни обнаружен один пифос, закопанный в вертикальном положении. Толщина слоя «а» в целом 2,30 м.

Рассматриваемый культурный слой на основании серебряной монеты Георгия II и керамических находок можно датировать X–XII вв.

Второй слой «б», частично пройденный в 1957 г., представляет собой серый супесок, насыщенный морским гравием, щебенкой и многочисленными обломками известняковых камней. В нем найдены: черепки пифосов, горшков, кувшинов, фрагменты желобчатой амфорной посуды, обломки краснолощенного сосуда с темно-бурой росписью, красноглиняная жаровня почти в целом виде, косточки камбалы.

Керамика слоя «б», в отличие от керамики предыдущего слоя, ярко-красная, звонкая, глина более тонкая, лучше промешана.

Третий слой «в» характеризуется черной комковатой землей с щебнем и крупными обломками известняка. Встречаются здесь и отдельные зерна чистого морского гравия. Этот слой представляет навал камня и земли, укрепляющий нижний этаж башни против стенобитных орудий.

В слое «в» обнаружено одно погребение с христианским обрядом захоронения, располагавшееся ближе к южной амбразуре.

При раскопке слоя «в» встречались мелкие кусочки античных амфор, в том числе чернолаковые черепки IV–II вв. до н. э. Вместе с ними попадались обломки кухонной посуды местного производства с гладкой или слегка рифленой поверхностью. Вся эта керамика попала сюда из почвенного слоя при строительстве и засыпке нижней части башни.

Башня № 6 имеет четырехугольную форму, занимает угловое положение. Здесь южная стена меняет свое направление, она поворачивает под прямым углом на север, затем на восток и идет по крутому склону. От башни сохранился первый этаж, частично второй и третий этажи. Первый этаж – с одной амбразурой на южной стене.

На втором этаже следы амбразурных проемов прослеживаются на восточной, южной и западной стенах. На внутренних стенах башни сохранились ряды четырехугольных гнезд для балок потолочного перекрытия верхних этажей. Размеры башни: общая высота сохранившейся части – 7,66 м, ширина наружная (зап.) – 5,45 м, длина наружная (южн.) – 7,40 м, толщина стен – 1,35 м. Размеры амбразур: ширина с наружной стороны стен – 21 см, внутри – 62

см, высота – 77 см. Высота цоколя западной стены – 1 м, южной и восточной – 50 см.

В башне № 6 выявлен следующий разрез культурных наслоений.

Первый слой «а», начинающийся завалом камней, представляет собой черный рыхловатый гумус, обогащенный большим количеством обломков известняка, щебенкой, морским гравием, костями различных животных. Нижний горизонт этого слоя имеет светловато-серый цвет, без резкого перехода, который более насыщен морским гравием.

Большие обломки крупных колотых камней и мелкого морского гравия, представленные в этом слое, принадлежат разрушившимся стенам башни.

В слое «а» в целом, общая толщина которого достигает почти двух метров, обнаружены: обломки черепицы, черепки пифосов, горшков, кувшинов, фрагменты желобчатой амфорной посуды, половина верхнего жернова ручной мельницы, железные предметы – серповидная пила с боковой разрезной втулкой длиной 10,5 см, ножи, гвозди, каменные пращи и т. д. В этом слое найден также полированный каменный топорик энеолитической эпохи. В средневековый период он, по-видимому, представлял собой раритет – диковинку и едва ли использовался для какого-либо дела. Рабочая часть топорика изношена.

У самой подошвы слоя «а» обнаружена византийская серебряная монета с именем Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.).

Второй слой «б» представляет собой черную уплотненную землю, содержит обломки известняка, щебенку, мелкий морской гравий, кости разных животных. Он имеет слабый уклон к южной стене, является жилым слоем; у своей подошвы он особенно уплотнен и гумусирован. Толщина культурного слоя 65 см.

В слое «б», как и в предыдущем, найдены обломки черепицы, черепки пифосов, кувшинов, горшков, фрагменты желобчатой амфорной посуды, несколько обломков краснолощенного кувшинчика с темно-бурой росписью. Эта керамика, за исключением краснолощенных черепков, в основном не отличается от керамики предыдущего слоя.

В слое «б» вместе с перечисленными находками обнаружены: фрагменты нижнего жернова ручной мельницы, железные пред-

меты – наконечник стрелы ромбовидной формы, фрагменты двух ножей, четырехгранные гвозди и т. д. Часть жернова, найденная в предыдущем слое, оказалась половиной тех фрагментов, которые были обнаружены в слое «б». Они вплотную сошлись друг с другом, и этот жернов удалось восстановить почти в целом виде. Жернов имеет овально-округлую форму (диаметром 35 см) с воронкой в середине для засыпки зерна. Он имеет два отверстия, одно из которых является сквозным. Эти отверстия служили для помещения в них рогатой палки-рукоятки, при помощи которой приводился в движение жернов.

Третий слой «в», начинающийся тонкой известковой прослойкой, представляет собой черную комковатую землю с буроватым оттенком. В ней в большом количестве встречаются обломки известковых камней, щебенка и отдельные вкрапления чистого морского гравия. Можно считать, что на уровне указанной известковой прослойки была строительная площадка для отделки нижнего боевого этажа башни после ее постройки. Этот слой в целом следует считать «основным строительным» слоем башни № 6.

В слое «в» обнаружены обломки местной кухонной посуды, в том числе и импортная античная керамика, относящаяся к эллинистическому времени. Вместе с черепками посуды найдены: каменные пращи, пряслицевидный костяной предмет, куски пемзы и т. д. В юго-восточном углу башни был зарыт в вертикальном положении красноглиняный пифос, раздавленный тяжестью земли. Дно сосуда массивное, имеет цилиндрическую форму, снабжено сквозным отверстием.

Керамика эллинистического времени, найденная в слое «в», попала сюда случайно при засыпке пола нижнего этажа башни.

Четвертый слой «г», как и предыдущий, представляет собой комковатую черную землю, но с сероватыми оттенками. Он содержит обломки известняковых камней, щебенку и отдельные зерна чистого морского гравия. Толщина культурного слоя «г» до скалы достигает 1,5 м.

В слое «г» обнаружен большой известняковый камень толщиной 53 см, с воронкой в середине, диаметром 16 см, при ее глубине 43 см. Судя по диаметру воронки и ее глубине, этот камень, по-видимому, служил ступой для отделения шелухи от зерна.

Слой «г», в отличие от предыдущего слоя «в», больше насыщен черепками античной посуды, относящейся к эллинистическому времени. Эта керамика встречается вообще в слое «в» и «г» и попала сюда из почвенного слоя при строительстве и засыпке нижней части башни.

Следует отметить, что слой «г», судя по керамическим изделиям, синхронен слою «в». Поэтому нужно считать строительным и рассматриваемый слой «г».

Наряду со значительными работами, проделанными в башнях южной стены второй линии обороны, археологическая экспедиция заложила пять раскопов в районе второй линии анакопийских укреплений. Раскопы № 2 и 3 дали в основном такие же культурные слои, что и исследованные башни южной стены второй линии обороны. В раскопках № 1 и 5 обнаружены смешанные материалы различных периодов, начиная с отдельных, сильно окатанных черепков эпохи бронзы и античного времени до черепков и черепиц X–XI вв.

В раскопе № 4 участниками археологической экспедиции 1958 г., научными сотрудниками Академии наук Грузинской ССР О. Д. Лордкипанидзе и В. А. Леквинадзе была открыта печь для обжига извести. Стратиграфический разрез этого раскопа представляет собой следующее.

Сверху идет почвенно-дерновый слой толщиной 7–8 см. Под ним залегает черная гумусированная земля, которая в юго-восточной части раскопа имеет толщину 1,20 м и налегает на скалу.

В центральной и западной частях раскопа мощность черного гумуса, достигающего 80–100 см, налегает на прослойку обожженной глины (толщиной 20–30 см). Под ним располагалась обожженная известь толщиной 25–35 см, лежащая на слое угля и золы над скалой. Юго-восточная стена раскопа была завалена камнями от разрушившихся стен известковой печи.

В слое черного гумуса обнаружены; обломки черепиц, черепки пифосов, горшков, кувшинов, фрагменты желобчатой амфорной посуды. У западной и восточной стен раскопа были зарыты в вертикальном положении два пифоса, плохо сохранившиеся.

Значительная часть перечисленных керамических изделий имеет аналогию с материалами раскопок слоя «б» второй линии

обороны. Что касается пифосов, то они, по-видимому, были опущены в черный гумусированный слой раскопа № 4 позже, примерно в XI–XII вв. В этот период здесь стояла, очевидно, жилая постройка с зарытыми в землю сосудами для хранения продуктов.

Печь для обжига извести, обнаруженная в раскопе № 4, имеет в плане круглую форму с отверстием для топки на южной ее стороне. Размеры печи: общая ее ширина (наружная) – 4,20 м, внутренний диаметр с востока на запад – 3 м, с севера на юг – 3,90 м.

Хорошо сохранилась юго-восточная часть печи. Западная и северная стены разрушены. Высота сохранившейся в восточной части стены 1,15 м. До высоты 95 см от уровня пола печь вырублена в скале; скала была облицована известняковыми камнями. Выше же стена выложена в два ряда, причем для второго ряда фундаментом служила уже скала. Толщина этой восточной стены 1 м.

В качестве материала для кладки печи использован известняк. Следует отметить, что облицовочные квадры, несмотря на близость огня, нисколько не пострадали. Квадры сложены на глине. Между скалой и квадрами кладки имеется подсыпка из мелкой щебенки с глиной. Во всей кладке печи нет следов применения известкового раствора, так как печь предназначалась для обжига извести.

Печь, по-видимому, была построена в период строительства или восстановления некоторых основных сооружений второй анакопийской оборонительной линии. Этому выводу не противоречат как материалы раскопок, так и величина печи; продукция ее могла быть рассчитана на строительные работы крупного масштаба.

Рассмотренная печь для обжига извести является интереснейшей находкой Анакопийской археологической экспедиции 1958 г. Она проливает свет на историю градостроительства одного из самых важных сильно укрепленных городов и крепостей средневековой Абхазии – Анакопии.

Таковы некоторые результаты раскопок Анакопийской археологической экспедиции 1957–1958 гг.

Вещевой материал раскопок в целом состоит из керамических изделий, орудий хозяйственного назначения, оружия, гвоздей, крестов, монет ит. д.

Массовым материалом крепости является преимущественно глиняная посуда, представленная фрагментами античной и средневековой керамики, черепками пифосов, горшков, кувшинов, обломками желобчатых амфор.

Античная керамика состоит из мелких окатанных фрагментов амфор и чернолаковой посуды эллинистического времени (IV–II вв. до н. э.). Часть обломков амфорной посуды – малоазийского происхождения, в частности из Синопа.

Черепки пифосов, как показывают раскопки, встречаются повсеместно на всей территории второй оборонительной линии. По тесту глины, обжигу, технике оформления поверхностей, орнаментальным мотивам они подразделяются на две разновременные группы.

Обломки пифосов первой группы, относящиеся к раннесредневековому времени (VII–X вв.), – ярко-красного цвета, с гребенчатым рифлением; обожжены нормально. Глина с просеянным песком хорошо перемешана. Гладкий или рифленый корпус пифосов украшен ногтевыми или пальчатыми вдавлениями, косыми вырезами, рельефными кантами.

Вторая группа фрагментов пифосов, возраст которой определяется временем развитого средневековья (XI–XII вв.), имеет темно-красный цвет, часто с буроватым оттенком в изломе. Глина более грубая, плохо перемешана, обжиг недостаточный. Наряду с часто непросеянным песком и шамотом она содержит примеси в виде известковых крупинки и почвенных железистых образований.

Наружная поверхность рассматриваемой группы черепков пифосов покрыта мелким гребенчатым рифлением. Встречаются среди них и черепки с гладкой поверхностью. Пифосы имели широкое горло с различными венчиками, украшенными сосочками, круглыми несквозными отверстиями, косыми желобками, пальчатыми очкообразными вдавлениями и т. д.

Пифосы преимущественно имеют цилиндрической формы массивные днища.

Судя по некоторым раздавленным сосудам, одни пифосы достигали, по-видимому, высоты до 115 см, при наибольшем диаметре корпуса 80 см; другие, очевидно, имели высоту 75 см при наибольшем диаметре в 50 см. Те и другие по форме шарообраз-

ны. Встречаются также фрагментированные пифосы, напоминающие яйцевидную форму. Некоторые пифосы с внутренней стороны были залиты известковым раствором с мелким песком, по-видимому, для придания стенам сосудов прочности.

Черепки пифосов второй группы анакопийской крепости по своему характеру, в частности по формам венчиков, технике оформления поверхностей, орнаментальным мотивам, имеют аналогию с фрагментами пифосов, известными из Сухуми.¹

Домашняя кухонная посуда – горшки, миски и кувшины – при раскопе крепости второй линии обороны обнаружена в значительном количестве, но в мелких фрагментах.

Все черепки горшков в основном темно-красного не всегда равномерного обжига, с шарообразным корпусом, широким плоским дном, со слегка или сильно отогнутым венчиком. Глина черная или серая, с большим количеством отощательных примесей – преимущественно морского песка, известковых крупинок и других веществ. Поверхность этих горшков иногда украшена полосами тонкого рифления, косыми ударными насечками, рельефными поясками с надрезами.

Миски сделаны из черной или красной глины. Они расширяются кверху, со слегка округлыми в верхней части стенками. На этих мисках часто встречается орнамент в виде рельефных поясков с ямками или косыми надрезами, в том числе и гребенчатые рифления.

Представление о кувшинах можно получить только по некоторым отдельным фрагментам горлышек, стенок и ручек. Часть черепков, относящаяся к раннему Средневековью (VII–IX вв.), нормально обожжена, является ярко-красной, звонкой, глина мягкая, хорошо отмучена. Черепки имеют рифленую или гладкую поверхность, украшены иногда волнистыми линиями, наlepными пуговками с врезным крестиком, растительным орнаментом и т. д. Среди них имеются красноощенные черепки кувшинчиков. Некоторые из них с темно-бурой росписью, состоящей из разнообразно расположенных полосок. Другая часть черепков, относящаяся к развитому Средневековью (XI–XII вв.), темно-красного обжига, с

¹ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. МАК. Вып. II, 1889. С. 31–32. Табл. VIII. 3, 6, 7.

буроватым оттенком в изломе. Глина нередко грубая, плохо перемешана. Черепки с гладкой или рифленой поверхностью.

Среди фрагментов ручек кувшинов можно выделить три основные формы – плоского, круглого и овального сечения. На некоторых ручках развитого Средневековья (XI–XII вв.) встречаются орнаменты, состоящие из продольных желобков, косых насечек, крестиков с кружочками. Ручки с подобными узорами известны из Сухуми¹ и из многих мест Абхазии.

В городище второй линии обороны представлены также черепки желобчатых амфорных сосудов, которые имели слегка вытянутый и суживающийся книзу круглодонный корпус с массивными ручками округлого или овального сечения. Они встречаются в культурных слоях крепости, возраст которых в связи с общей стратиграфией крепости определяется VIII–IX вв. Эта посуда сделана из хорошо отмученной и равномерно обожженной глины. Обжиг желтоватого цвета с кремовым оттенком. На поверхности двух черепков сохранились штампованные изображения в виде розетки с лепестками и крестик. На обломках этой посуды встречаются также и знаки мастеров.

Черепки анакопийских желобчатых амфор по своему характеру, в частности по сечениям ручек, технике оформления поверхностей, донышкам, имеют сходство с амфорами средневековых поселений Северного Причерноморья².

Желобчатые амфоры служили преимущественно тарой для перевозки вина и масла, а пифосы – для хранения продуктов.

Наличие большого количества обломков глиняной посуды в районе второй линии обороны указывает на то, что она играла важную роль в хозяйстве населения города Анакопии.

Кроме рассмотренной посуды, в исследованной части крепости в значительном количестве представлены красноглиняные строительные материалы, состоящие из обломков плоских черепиц, соляков и калиптеров и кирпичей. Эти керамические изделия в большинстве случаев сделаны из плохо перемешанной глины и непросеянным отощателем, преимущественно темно-красного обжига.

¹ Сизов В. И. Указ. Соч. С. 31. Табл. VII, 3, 5, 6, 7; VIII, 1, 2.

² Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951. С. 325–344.

Обломки черепицы Анакопийской крепости, по предварительным данным, вмещаются в хронологические рамки VII–XII вв. Фрагменты этой черепицы по характеру бортиков имеют сходство с хорошо изученной черепицей, известной из средневековых поселений Северного Причерноморья.¹ Кирпичи Анакопийской крепости имеют удлиненную четырехугольную форму.

Нужно отметить, что меньшее количество кирпичей и черепиц сделано из ярко-красной глины с добавкой известняковых крупинок. Они аналогичны кирпичам, употребленным при прокладке керамических поясов в стенах башен южной стены второй линии обороны.

К орудиям хозяйственного назначения принадлежат железные и каменные предметы. К железным изделиям относятся долота, ножницы, проколки, серпы с зубцами. Три серпа имеют цалдообразную форму.² Из них два с боковой разрезной втулкой. В состав каменных хозяйственных орудий входят фрагменты жернова ручной мельницы, ступа, пряслица от веретен, оселочки из морской гальки со сквозными отверстиями для подвешивания к поясу.

Наличие пряслиц от веретен в крепости свидетельствует о том, что часть населения (женщины), проживавшая здесь, по-видимому, в военное время занималась прядением и ткачеством.

Железное оружие в Анакопийской крепости ввиду его ценности сохранилось в крайне незначительных размерах. Оно состоит из одного гарпуна с шипами, наконечников стрел и ножей.

Наконечники стрел принадлежат к трем основным типам: первый тип – плоский, имеет в разрезе ромбовидную форму, второй – четырехгранный, третий имеет ивоволистную форму с ромбическим сечением. Все наконечники стрел с черешками.

На всей территории второй оборонительной линии нередко встречаются железные кованые четырехгранные гвозди с кнопкообразными шляпками. Они представлены во всех раскопанных культурных слоях городища.

Железные кресты в количестве двух экземпляров обнаружены в башнях № 3 и 5 южной стены второй линии обороны в слое

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950. С. 118–119. Рис. 85; Бабенчиков В. П. Указ. Соч. С. 122–126. Рис. 20, 4–9, 11.

² Цалда в Абхазии – серповидная сечка для вырубki колючки.

XI–XII вв. Эти кресты с заостренными концами принадлежали, по-видимому, хоругве, т. е. войсковому или церковному знамени.

Количество монет, обнаруженных в Анакопийской крепости в 1957–1958 гг., составляет пятнадцать экземпляров, из них тринадцать медных и две серебряных. Возраст этих монет определили Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко.¹ Все монеты, за исключением одной местной серебряной, являются византийскими. Как в башнях, так и в раскопках они обнаружены в слое «а» и датируются X – началом XI в.

Что касается византийской серебряной монеты, найденной между слоями «а» и «б» башни № 6, то на ней имеется греческая надпись с именем императора Константина IX Мономаха (1042–1055 гг.). На территории Закавказья эта монета, как сообщает Д. Г. Капанадзе, является пока единственной находкой.

Что касается местной серебряной монеты, найденной в башне № 4 в культурном слое «а», то на лицевой ее стороне имеется погрудное изображение «Влахернской богородицы» с воздетыми руками и нимбом вокруг головы. Обратная сторона монеты с круговой грузинской надписью шрифтом асомтаврули, гласящей в переводе: «Христе! Возвеличь Георгия, абхазцев и грузин царя и кесароса». Монета относится к 90-м годам XI в.²

Такова в целом краткая характеристика основного материала раскопок Анакопийской крепости.

В итоге произведенных исследований в районе второй анакопийской оборонительной линии в 1957–1958 гг. можно наметить предварительно следующие выводы.

1. Результатами археологических работ устанавливается, что еще в III тысячелетии до н. э. на южном склоне Иверской горы возникло поселение эпохи позднего неолита. Поселение здесь существовало и в последующие археологические эпохи. В IV–II вв. до н. э. население Иверской горы, как показывают материалы раскопок, имело торговые связи с некоторыми поселениями древней Греции. Об этом говорят обнаруженные в культурном слое крепости черепки привозной керамики от амфор и чернолаковой посуды.

¹ Монеты из раскопок Н. Афона будут изданы К. В. Голенко.

² Эта монета издана Д. Г. Капанадзе. См. его работу «Неизданный вариант грузинской монеты XI века». Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории. Вып. XXX. Сухуми, 1960. С. 101–104.

2. Добытый раскопками основной массовый бытовой археологический материал во второй линии обороны крепости Анакопии принадлежит к местному производству. Изучение данного материала позволяет вписать его в хронологические рамки VII–XII вв. н. э.

3. В VII–XII вв. на склонах крепости, в пределах второй линии анакопийских укреплений, существовали жилые постройки. Об этом говорят довольно многочисленные обломки строительного керамического материала (черепица, кирпич), тесаные камни и отдельные куски штукатурок из известкового раствора с мелким песком, обнаруженные в раскопанных террасах крепости. Жилыми являлись одновременно и все исследованные башни южной стены второй линии обороны, некогда покрытые кровельной черепицей.

4. Вторая оборонительная линия Анакопийской крепости была построена местным населением. Об этом говорит весь добытый здесь раскопками основной археологический материал, в особенности многочисленная и разнообразная в массе своей типично местная глиняная посуда. Кроме того, хронологически период строительства и существования Анакопийской крепости соответствует, согласно историческим данным, времени образования Западноабхазского княжества абазгов (VII в. н. э.) и возникновения объединенного абхазского царства (конец VIII в.).

5. Печь для обжига извести, обнаруженная в раскопе № 4, свидетельствует о том, что в период строительства или восстановления некоторых крепостных сооружений второй анакопийской оборонительной линии известь изготовлялась здесь на месте, на южном склоне Иверской горы, где имеются огромные запасы известняка. Известняковый массив давал прекрасный материал для строительства всех оборонительных сооружений Анакопийской крепости.

6. Археологическими раскопками, произведенными в башнях южной стены второй линии обороны, установлены три основных разновременных культурных слоя. Первый слой «а», характеризующийся черной гумусной землей, серебряной монетой с именем царя абхазов и грузин Георгия II, медными византийскими монетами, венчиками пифосов, фрагментами черепицы может быть отнесен к X–XII вв. В этот промежуток времени все исследованные

башни южной стены второй линии обороны были подвергнуты и частичному разрушению. На это указывает наличие в данном слое большого количества колотых известковых камней и мелкого морского гравия.

Второй слой «б» в башнях № 5 и 6 представляет собой хорошо уплотненную черную землю, а в башнях № 3 и 4 он характеризуется серым супеском. Слой «б» во всех исследованных башнях, судя по фрагментам желобочных амфор, венчикам пифосов, бортикам черепицы, датируется VIII–IX вв. При этом нужно отметить, что промежуточное время VIII–XI вв., свободное от материалов в башнях № 3 и 4, говорит о том, что эти башни были частично разрушены и находились в ремонте. Об этом свидетельствует наличие в слое «б» указанных двух башен значительного количества песка, морского гравия и колотых известковых камней как строительного мусора.

Третий слой «в» в башнях № 3, 4, 5, 6 характеризуется комковатой черной землей с серовато-бурыми оттенками, содержащей отдельные зерна чистого морского гравия, щебенку, колотые камни. В башне № 7 слой «в» представляет серый супесок с крупнозернистым и мелкозернистым гравием, причем слой «в» в башнях № 6 и 7 начинается с тонкой известковой прослойки. Слой «в» в целом является основным строительным слоем башен и стен второй линии обороны. На основании указанного он относится к VII в. н. э. Ниже этого слоя в башнях установлен еще один слой, который, по существу, не является жилым, а представляет собой беспорядочную засыпку землей и камнями для придания прочности и устойчивости башни против стенобитных орудий.

7. Исследования, произведенные в раскопах № 2 и 3, позволили выделить в них в основном те же слои, что и в башнях южной стены второй линии обороны. Раскопками этих объектов установлено также наличие древней мостовой с внутренней стороны южной стены второй линии обороны. В частности, крупные обломки камня и щебенка, обнаруженные в этих раскопках, являются остатками древней мостовой. Камни мостовой, как показали исследованные раскопы № 2 и 3, служили также и для дренажа. Через них грунтовые воды свободно стекали к четырехугольным отверстиям южной стены, служившим для вывода грунтовых вод.

Именно этим движением грунтовых вод, обогащенных солями углекислого кальция, объясняется естественная цементация верхних частей слоя «в».

8. Все данные, полученные в результате исследования вышеуказанных башен южной стены второй линии обороны и раскопов № 2 и 3, позволяют считать, что слой «в», а, следовательно, в основном и все постройки второй линии обороны относятся ко времени VII в. н. э. Что касается дополнительной стены, имеющей позади юго-западной угловой башни, то, судя по медным анонимным византийским монетам и керамическим находкам, обнаруженным в раскопе № 5, ее можно датировать второй половиной X – началом XI в. Названные даты не являются окончательными. В процессе дальнейшего глубокого и всестороннего изучения всех раскопанных материалов в районе второй линии обороны они будут уточнены.

Дальнейшее исследование Анакопии в более широком масштабе даст, несомненно, новые материалы для изучения истории этого города. Работа эта в первую очередь должна быть направлена к выявлению остатков жилых построек, производственных мастерских, древних могильников и т. п.

**Византийский временник. Т. XIX.
Москва, 1961. С. 260-282.**

13. РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ АПСИЛО-АБАЗГСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕБЕЛЬДЕ В 1960 г.

В 1961 г. работами Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР в Цебельде выявлен ряд некрополей, характеризующих культуру местного населения II–IV вв. н. э.

Разведками и раскопками, произведенными в цебельдинских некрополях, вскрыто более 50 погребений, которые по способу и обряду захоронения принадлежат к двум различным типам. К первому типу относятся могильные ямы удлиненной четырехугольной формы, в которых покойники клались в вытянутом положении на спине, головой на запад. Вторым типом захоронения совершался путем полного сожжения покойников, остатки которых вместе с предметами украшения клались в большой глиняный сосуд (пифос), закрывавшийся глубокой миской.

Погребальный инвентарь цебельдинских некрополей, датируемый II–IV вв. н. э., состоит из глиняной и стеклянной посуды, предметов вооружения, украшений и т. д.

Среди керамической посуды значительный интерес представляют изящно сделанные кувшины, орнаментированные в большинстве случаев рельефными бараньими головками, налепными пуговицеобразными и очкообразными выступами, врезными кружочками. Эти виды орнаментации имеют глубокую местную традицию, встречаются на различных памятниках колхидской и кобанской бронзы.

Стеклянные сосуды состоят в основном из кубков, украшенных иногда рельефными крестиками, синими глазками и т. д.

Вооружение в Цебельдинских некрополях, представленное многочисленными железными предметами, характеризуются мечами, топорами, наконечниками копий, наконечниками стрел, щип-

тами, от которых сохранились умбоны, в том числе один умбон бронзовый, носящий следы позолоты по наружной поверхности. Наличие большого количества оружия в погребениях свидетельствует об исключительно воинственном характере местного населения, которое во II–IV вв. н. э. вело отчаянную борьбу с римскими захватчиками.

К предметам украшений относятся многочисленные и разнообразные металлические, стеклянные и янтарные изделия. В частности, бронзовые и серебряные фибулы, бронзовые булавки, серебряные серьги, стеклянные и каменные бусы и т. д. В состав предметов украшений входит также золотой кулон, сделанный с высоким техническим мастерством.

В инвентаре цебельдинских некрополей имеется уникальный золотой крестик, найденный в женском погребении. Эта находка заслуживает серьезного внимания. Она является пока единственным вещественным источником, свидетельствующим о раннем появлении христианства на территории Абхазии, примерно в III в. н. э.

Факт обнаружения необычайно большого количества разнообразных предметов украшений говорит о высоком для того времени уровне культуры местного населения.

Результаты исследования цебельдинских некрополей показывают, что добытый здесь основной археологический материал является по своему происхождению типично местным. Керамическая посуда и предметы оружия типа цебельдинских встречены в последние годы в сел. Мерхеули, Арагич, Атара и в ряде других пунктов Сухумского и Очамчирского районов.

По данным древних авторов, современная территория южной Абхазии, в том числе и нагорная ее часть во II–IV вв. н. э. была заселена апсилами, абазгами – предками абхазского народа.

Открытая в Цебельде культура географически непосредственно связана с исторической территорией названных абхазских племен. Следовательно, эту культуру с полным основанием можно назвать апсило-абазгской.

Вместе с тем наличие в инвентаре римских монет и различных изделий, как например, стеклянные сосуды, янтарные бусы, а также раковины средиземноморского моллюска каури, говорит о

широких торговых связях местного населения с позднеантичным миром. Эти связи осуществлялись через г. Севастополис.

По материалам раскопок, в частности, черешковым трехлопастным и трехгранным железным наконечникам стрел, устанавливается тесная связь цебельдинцев с сарматами Северного Кавказа. Эти связи осуществлялись, видимо, через Клухорский перевал.

Дальнейшее расширение полевых археологических работ как в самой Цебельде, так и в других пунктах Абхазии, даст возможность накопить значительный археологический материал, который послужит важнейшим вещественным источником для изучения древней истории абхазского народа.

НСПИПАИ- 1960, 1961.

14. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ЦЕБЕЛЬДИНСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ В 1960–1962 гг.

В исследовании древней истории Кавказа, в частности Абхазии, период I–V вв. н. э. освещен очень мало. В изучении этого исторического периода первостепенное значение имеет археологический материал, так как письменные источники по этому вопросу весьма скудны.

По выявлению и исследованию археологических памятников названного исторического отрезка времени достигнуты определенные успехи. Разведками и раскопками, произведенными Абхазским институтом языка, литературы и истории АН Грузинской ССР в пос. Мрамба на территории селения Цебельда в 1960–1962 гг.¹ открыт и исследован ряд некрополей первой половины I тысячелетия нашей эры.

Цебельда находится северо-восточнее Сухуми, в горной части Абхазии, представляет всхолмленную котловину, имеющую в длину более 20 км, в ширину 10–12 км. В I–VI вв. н. э. она являлась одним из крупных культурных очагов на территории исторической Апсолии (Юго-восточная Абхазия). Об этом говорит наличие в районе Цебельды значительного количества различных категорий памятников: первоклассные могильники, храмы, крепостные сооружения, в том числе знаменитая Цебельдинская крепость, упоминаемая византийским историком начала VI в. н. э. Прокопием², как крепость апсолов – одного из древних абхазских племен.

Следует отметить, что еще в 1945 году при геологических исследованиях, производившихся для реконструкции шоссейной

¹ Состав археологической экспедиции 1962 г. следующий: научные сотрудники Абхазского института М. М. Трапш (начальник экспедиции), Гунба М. М. и Шамба Г. К.; научный сотрудник института археологии АН СССР В. Б. Деопик; лаборанты Воронов Ю. Н., Воронов В. Г.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами, Москва, 1959. С. 403.

дороги Сухуми – Теберда, И. А. Гзелишвили¹ обследовал ряд погребений в сел. Цебельда, в мест. б. Ольгинское. Из материалов раскопок И. А. Гзелишвили лишь керамическая посуда была опубликована в 1959 году К. И. Бердзенишвили².

Работами Абхазского института в 1960–1962 годы, в пос. Мрамба, на территории селения Цебельды, были обнаружены и исследованы пять некрополей, давших огромный археологический материал, являющийся важнейшим вещественным источником в изучении древней истории и культуры апсоло-абазгских племен, упоминаемых впервые античными авторами, в частности Плинием Секундом³ в I в. н. э., а вслед за ним Аррианом⁴ во II в. н. э. и еще позднее в начале VI в. н. э. Прокопием⁵.

На основании, хотя скудных и отрывочных исторических сведений, содержащихся в письменных сообщениях античных авторов, а также по данным топонимики, можно считать, что древним населением современной Абхазии, по крайней мере с I в. н. э., и, видимо, еще ранее являлись апсолы и абазги – предки абхазского народа.

Обнаруженные могильники в Цебельде, являющиеся родовыми, расположены на склонах холмов, на расстоянии приблизительно от 600 м до 1 км друг от друга. Этот факт указывает на то, что Цебельда в интересующее нас время являлась густонаселенным местом. Она лежала на древнем торговом пути, шедшем из Севастополя на Северный Кавказ через Клухорский перевал, т. е. по современной так называемой Военно-Сухумской дороге.

Прохождение древнего торгового пути через Цебельду имело важное значение: во-первых, оно сыграло, несомненно, значительную роль в увеличении численности населения Цебельды и

¹ Гзелишвили И. А. Остатки кремации в глиняных сосудах в Абхазии. Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Т. VIII, Тбилиси, 1947. С. 93–99.

² Бердзенишвили К. И. Позднеантичная керамика из Цебельды. Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Институт истории им. Джавахишвили И. А. АН Груз. ССР. Т. I. Тбилиси, 1959. С. 108 и сл.

³ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. II, в. 1, СПб, 1904. С. 179.

⁴ Латышев В. В. Указ. Соч. Т. 1, в. 1, СПб. 1893. С. 222.

⁵ Прокопий из Кесарии. Указ. Соч. С. 380, 382, 383.

превращению ее в крупный населенный пункт, ставший в I–VI вв. н. э. одним из центральных мест расселения больших родовых коллективов абхазского племени апсилов; во-вторых, оно создало благоприятные условия к возникновению здесь высокой для того времени своеобразной местной культуры.

В течение 1960–1962 гг., раскопками вскрыто в Цебельде более 100 погребений, в том числе шесть конских, относящихся суммарно к I – началу VI в. н. э.

По способу и обряду захоронения вскрытые погребения принадлежат в основном к двум различным типам. К первому типу относятся могильные ямы удлиненной четырехугольной формы, в которых покойники клались на спине в вытянутом положении, с ориентацией головы на северо-запад и юго-запад. Первый тип захоронения в количественном отношении составляет примерно 85–95%. Ко второму типу захоронения относится обряд трупосожжения, совершавшегося вместе с предметами украшения за пределами могильников. Прах покойников помещали в урнах, только в одном случае он был ссыпан прямо на дно погребальной ямы. В качестве урн употреблялись большие красноглиняные пифосы, а также кувшины с двумя петлевидными ручками. Урна всегда сверху была прикрыта красноглиняной тарелкой или миской, а в отдельных случаях кубкообразной вазой на высокой ножке.

Определенной закономерности в размещении разнотипных погребений не прослеживается; они располагаются вперемежку и никаких особых групп не составляют, что наряду со сходностью погребального инвентаря позволяет говорить об их сосуществовании в определенный исторический отрезок времени. Это обстоятельство дает основание полагать, что в интересующее нас время древнее население, оставившее цебельдинские некрополи, принадлежало в основном к одной этнической группе.

Количество и качество выявленного могильного инвентаря в погребениях цебельдинских некрополей указывает на увеличение имущественного, а следовательно, и социального неравенства, на выделение сравнительно богатых людей, принадлежащих к социальной верхушке общества. Эти факты говорят о распаде цебельдинской родовой общины и начале формирования здесь новой феодальной общественно-экономической формации.

Раскопанный погребальный инвентарь в цебельдинских некрополях в 1960–1962 годах состоит из посуды, предметов оружия, бытовых вещей, предметов украшений и одежды, скульптурной фигурки быка, нательного креста, медальончика, монет и т. д.

Посуда представлена глиняными и стеклянными сосудами и одним бронзовым кувшином. Глиняная посуда в основном гончарная, обнаруженная почти во всех погребениях, состоит из кувшинов, горшков, амфор, мисок, тарелок.

Кувшины – красноглиняные, одноручные являются многочисленными и принадлежит в основном к двум различным типам: первый тип с вытянутым туловом яйцевидной формы; второй – с бомбообразно расширяющимся книзу туловом. Оба типа кувшинов с чашечкообразным венчиком, широким плоским дном. Сосуды эти с различными видами орнамента, состоящими из налпных бараньих и козлиных головок, рельефных очкообразных изображений, врезных ромбиков, крестообразно расположенных кружочков под прямым углом в раннехристианском стиле и т. д. Некоторые из перечисленных мотивов украшений продолжают традиции орнамента, встречающейся на различных изделиях колхидской и кобанской бронзы.

Описанные типы кувшинов по своим формам и чашечкообразным оформлением горловин не имеют аналогии с посудой, в известной нам археологической литературе. Они являются пока характерными только для культуры цебельдинских некрополей.

Горшки буро-красного обжига, приближаются к баночной форме, со слегка отогнутым наружу бортиком, плоским дном. Сделаны из грубой плохо промышленной глины, с примесью песка. Украшены врезным волнообразным орнаментом. Эта посуда по форме тулова и орнаменту имеет генетическую связь с местной керамикой Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Амфоры красноглиняные, остродонные, с узким перехватом в средней части тулова, двумя двухжгутовыми ручками, низким горлом, имеющим в большинстве случаев чашечкообразный венчик, как на вышеописанных кувшинах. Донышки их в отдельных случаях снабжены сквозным поперечным отверстием. Амфоры с чашечкообразным оформлением венчика впервые встречаются в Цебельде. Представляет интерес и орнамент этих сосудов. Он

состоит из врезанных кружочков, ромбиков, пятиконечных звездочек, волнистых линий, рельефных очкообразных изображений, крючков, знака дубелям, черточек и т. д. Некоторые из этих видов орнаментации совпадают с орнаментальными мотивами выше рассмотренных типов кувшинов. Вероятно, в изготовлении этих амфор, местные гончары применяли технику оформления кувшинов.

Миски – красноглиняные, преимущественно с легким кольцеобразным поддоном, косыми и вогнутыми стенками, широким верхним открытым краем. Края нескольких мисок слегка загнуты внутрь. Некоторые миски по своей форме имеют генетическую связь с местной керамикой Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Тарелки кремового обжига, с легким кольцеобразным поддоном, изогнутой стенкой, с косо отходящей в сторону закраиной, сделаны из хорошо отмученной тонкой глины без примеси песка, с мелкими блестками слюды.

Рассмотренная выше керамическая посуда, за исключением тарелок, местного производства. Тарелки, судя по глине, надо полагать, импортные. Центр производства их пока не установлен.

Стекланная посуда в основном желто-зеленого цвета. Она импортная видимо, восточно-средиземноморского происхождения, представлена флаконами, стаканами, кубками. Флаконы с шарообразным туловом. Один флакон аналогичный цебельдинскому, найденный вместе с краснолаковым кувшином первого десятилетия I в. н. э., известен из раскопок В. Ф. Гайдукевича¹ в Крыму.

Стаканы имеют цилиндрическую форму. Среди них несколько экземпляров с синими глазками. Кубки конической и полусферической форм. Часть из них со шлифованным орнаментом, состоящим из раннехристианских крестиков, овалов, спиралей, елочных поясков и т. д. Эта посуда характерна для позднеантичной эпохи III–IV вв. н. э.

Упомянутый выше бронзовый кувшин имеет высокую узкую горловину, вытянутое расширяющееся кверху тулово и слегка выпуклое дно. Горловина сосуда с колпачком, снабженным петлей на бронзовой цепочке.

¹ Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов, МИА СССР, 69, 1959. С. 216–217. Рис. 83, 1.

Оружие в цебельдинских некрополях, представленное в большом количестве, состоит из двулезвийных и однолезвийных мечей, кинжалов, своеобразных топоров, разнотипных втульчатых наконечников, копий и черешковых наконечников стрел и умбонов от щитов (один с позолотой). Последние на территории Абхазии найдены впервые.

Из перечисленных видов оружия характерными пока только для культуры цебельдинских некрополей являются топоры с довольно длинной трубчатой проушиной, со свисающей бородкой.

Они возникают в Абхазии, видимо, в первые века нашей эры на местной основе. Топоры эти значительно позднее становятся более легкими и применяются в качестве плотничьих орудий. Вызывает интерес тот факт, что такие топоры бытовали вплоть до XIX в. в Абхазии.

Наличие большого количества оружия в Цебельде свидетельствует об исключительно воинственном характере древнего населения Абхазии, которое в III–V вв. н. э. вело постоянную борьбу с римскими захватчиками, а также, видимо, с нападавшими на него племенами со стороны Северного Кавказа.

Бытовые предметы представлены удилами, ножницами, двузубой вилой, ножами, оселками.

Удила – двусоставные, петельчатые; обычно разнятся типами псалий: г-образные, долотообразные, гвоздеобразные. Причем г-образные псалии одного удила имеют бронзовую инкрустацию, состоящую из остроугольников и черточек. Концовые петли удила охватывают стержень псалии в средней части. У всех псалий сбоку, в средней части – по одной петле для продевания ремня повода.

Следует отметить, что г-образные псалии, судя по их общему очертанию, генетически связаны, видимо, со скифскими трехпетельчатыми железными псалиями от удила со стремяновидными концами, хорошо известными в Прикубанье и Приднепровье.

Ножницы пружинные имеются в одном экземпляре. Подобные ножницы появляются впервые примерно в конце III в. до н. э. в Италии и Галии. В последующее время они получают широкое распространение по всей Европе.

Двузубые вилы с петельчатым основанием сделаны из раскрученного круглого в сечении прута, длиной 54 см, диаметром се-

чения 8–10 мм. Зубы вилы – четырехгранные, с заостренными концами. Подобные вилы с двумя-тремя зубцами, которые Г. И. Ионе считает имеющими исключительно боевое назначение, известны из мингечаурских кувшинных погребений в Азербайджане, охватывающих период начиная с II в. до н. э. по II в. н. э.¹ Основное назначение этих вил, по нашему мнению, хозяйственное. Такие вилы бытуют и сейчас в отдельных абхазских семьях, пользуются ими при варке мяса в больших котлах.

Предметы украшения и одежды составляют значительную часть погребального инвентаря цебельдинских некрополей. Они встречаются главным образом в женских погребениях, делались из бронзы, серебра, сердолика, горного хрусталя, янтаря, гешира, стекла. Украшения эти состоят из шейных гривен, фибул, браслетов, серег, бус, пряжек и т. д.

Шейные гривны сделаны из закрученной бронзовой проволоки с петлей и крючковидной застежкой на концах, имеют глубокую местную традицию и генетически связаны с ранними подобными гривнами, найденными в сухумских некрополях в погребениях VI–V вв. до н. э. Рассматриваемые гривны, как устанавливается уже материалами раскопок в Цебельде, встречались в местной культуре Абхазии вплоть до II–III вв. н. э.

Фибулы – односоставные и двусоставные. Односоставные фибулы принадлежат к двум различным типам. К первому относятся фибулы колхидско-кобанской формы, с крутой дужкой, приемником, одним витком у зарождения дуги. Ко второму типу принадлежат фибулы с подвесным приемником, с четырехвитковой пружиной и сравнительно крутой дужкой. Приемник подвязывался к дужке кольцевой тонкопроволочной обмоткой, распространенной почти на всю дужку, украшенную тонкопроволочными спиральными завитками.

Фибулы второго типа по форме дужек имеют сходство с фибулами предыдущего первого типа. Они, видимо, являются производными от фибул колхидско-кобанской формы.

Односоставные фибулы первого и второго типов относятся, видимо, к концу I в. до н. э.

¹ Ионе Г. И. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием. К.СИИМК. Вып. 60. 1955. С. 59. 61. Рис. 23, 1.

Двусоставные фибулы бронзовые и серебряные, состоят из дужки с подвесным приемником и иглы (тетивы) с четырехвитковой пружиной, соединенные между собой шарниром. Фибулы украшались иногда разноцветными геометрической формы стекляшками и сердоликами в оправках, припаянных к средней части дуги. Фибулы эти имеют преимущественно лучковую форму и принадлежат к двум различным группам.

К первой группе относятся круглопроволочные фибулы, подвесной приемник которых подвязывался к середине дужки двумя, четырьмя, пятью оборотами проволоки, составляющей одно целое с приемником. У некоторых фибул этой группы дужки с кольцевой тонкопроволочной обмоткой; по спинке их расположены тонкопроволочные спиральные завитки. Этот орнаментальный мотив, как известно, часто встречается на различных памятниках колхидской и кобанской бронзы, для которых он является характерным. Ряд фибул рассматриваемой группы с очкообразной тонкопроволочной подвеской. Такие подвески имели широкое распространение на Кавказе еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа, особенно на территории распространения колхидско-кобанской культур.

Двусоставные фибулы первой группы имеют сходство с подобными крымскими фибулами, датируемыми А. И. Фурманской I–III вв. н. э.¹

Фибулы второй группы являются в основном пластинчатыми с крестовидной посередине дужкой; на этих фибулах, в отличие от фибул предыдущей первой группы, вертикальный стержень подвесного приемника приклепан к крестовидной части дуги; одна из фибул с подвеской из клыка животного, на бронзовых проволочных колечках. Эта группа фибул, видимо, характерна для раннехристианского времени – IV–V вв. н. э.

Браслеты, встреченные только в женских погребениях цебельдинских некрополей, изготовлены в основном из круглой в сечении бронзовой проволоки. Имеется пять основных типов браслетов. Первый тип с заходящими друг на друга концами, завязанными в 3–5 оборотов в двух местах. Второй тип браслетов с

¹ Фурманская А. И. Фибулы из раскопок в Ольвии. «Археология». Т. VIII, Киев, 1963. С. 84.

разомкнутыми, расплюснутыми концами, орнаментированными поперечными насечками. Третий тип браслетов с концами, снабженными застежкой в виде петли и крючка. Четвертый тип браслетов со слегка утолщенными разомкнутыми концами, иногда гранеными, украшенными врезным орнаментом, состоящим из елочных дорожек и поперечных черточек.

Пятый тип, представленный одним экземпляром, сделан из золотой проволоки, крученой в средней части и гладкой с нарезными елочными дорожками в концах, завершенных приплюснутыми пирамидками.

Браслеты цебельдинских типов кроме последнего, встречаются на широкой территории Восточной Европы (Северный Кавказ, Крым, Украина и т. д.) Они характерны для I–V вв. н. э.

Серьги – серебряные, круглопроволочные, в основном однотипны, в виде колец овальной формы, с петлей и крючковидной застежкой на концах, украшены разноцветными сердоликами в оправе; снабжены подвесками из псевдошнуровых двойных проволочных жгутиков, с вилчатыми концами, держащими полый из листового серебра предмет биконической формы. Они не имеют аналогии в известной нам археологической литературе, являются пока характерными только для культуры цебельдинских некрополей.

Бусы многочисленны, довольно разнообразны по материалу, величине и форме. По материалу они различаются на сердоликовые, хрустальные, янтарные, гешировые, стеклянные.

Сердоликовые бусы в основном розового и красновато-коричневого цветов; они характеризуются шарообразными, округлыми, 14-гранными формами.

Бусы из горного хрусталя являются нередкой находкой в погребениях цебельдинских некрополей. Среди них преобладают многогранные. Чаще это 12-гранные, 18-гранные и 26-гранные.

Янтарные бусы наряду с хрустальными хорошо представлены в Цебельде. Имеют красновато-бурый цвет, характеризуются дисковидными, пуговицеобразными, колечковидными, округлыми, пряслицевидными формами.

Гешировые бусы в Цебельде встречаются реже, чем хрустальные и янтарные. Они характеризуются округлыми формами.

Стеклянные бусы, в том числе бисерные (двучастные, трехчастные и многочастные), являются наиболее многочисленными среди всех цебельдинских бус из различных материалов; они характеризуются темно-коричневыми, черными, сургучно-красными, голубыми, синими, зелеными, желто-зелеными и т. д. По форме они различны: шарообразные, округлые, колечковидные, боченковидные, биконические, цилиндрические, призматические, 14-гранные и т. д. Среди них имеются звездчатовидно-инкрустированные, мозаичные, глазчатые. Есть также одна бусина из листового золота и раковины средиземноморского моллюска кауры. Золотая бусина украшена шестью разноцветными сердоликами в золотых оправе, обрамленных мелкой зернью сферической формы.

Бусы из всех погребений цебельдинских некрополей характерны для позднеантичной эпохи II–V вв. н. э. Стеклянные бусы, видимо, восточного происхождения: из Египта, Сирии, Финикии. Проникали они в Абхазию в результате торгово-экономических связей местного населения с античными городами Черноморского побережья Кавказа и Северного Причерноморья, а также со Средиземноморьем. Янтарные бусы указывают, по всей вероятности, на древние связи с Украиной, где за последние годы в ряде мест бассейна р. Днепра обнаружены месторождения янтаря. Что касается бус из горного хрусталя, гешира и часть сердоликовых бус, то они местного происхождения.

Пряжки в цебельдинских некрополях представлены в большом количестве как в мужских, так и женских погребениях; они различных форм и величин, делались преимущественно из бронзы, реже из серебра, а в отдельных случаях из железа. Сравнительно крупные пряжки встречались у костей таза и служили для поясного ремня. Мелкие пряжки встречались у правого плеча, на груди, около мечей и т. д. Они служили для застегивания плащей и портупей от мечей. Все пряжки литые, с подвижным язычком, прямоугольной в основном обоймой, согнутой вдвое, к которой ремень приклепывался заклепками. Концы язычков в большинстве случаев изображают звериные головки. Обоймы пряжек украшались иногда гравированным орнаментом. На обойме одной из пряжек имеется врезной раннехристианский крестик, инкрустированный разноцветными стеклышками и пастой светло-серого цвета.

Пряжки цебельдинских форм имели широкое распространение в позднеантичное время – II–V вв. н. э.

К числу предметов украшений и одежды относится также кулон из тонкого листового золота, с петлей для подвешивания на шею, со вставным стеклом синего цвета, с витыми тонкопроволочными подвесками, снабженными мелкими светлого цвета бусами шаровидной формы. Кулон этот с рельефным орнаментом, состоящим из великолепно исполненных виноградных гроздей и мелкой зерни сферической формы; он принадлежит к замечательным памятникам искусства, в котором художник выявил свое высокое мастерство.

Следует отметить, что наличие в цебельдинских погребениях большого количества разнообразных предметов украшений и одежды говорит о высоком для того времени уровне развития культуры апсидов и абазгов.

Скульптурная фигура быка полая, керамическая, прекрасного исполнения, длиной 22 см, высотой с рогами 17 см. На мордочке животного изображены глаза, ноздри, рот. Между рогами имеется отверстие в виде горловины сосуда, диаметром 3 см, для наливания жидкости. Эта фигурка, несомненно, культового назначения. Владелец ее безусловно выполнял определенную общественную функцию, связанную, видимо, с совершением определенного религиозного обряда.

Нательный крест – полый, сделан из тонкого листового золота, найден в женском погребении. Крестик этот прямоугольный, с приклепанной к нему пластинчатой петлей для подвешивания на шею, со вставленным посередине стеклом полупрозрачного цвета является уникальной находкой. Представляет интерес тот факт, что на определенной части погребального инвентаря цебельдинских некрополей, в частности на стеклянных сосудах III–IV вв. н. э., многочисленных глиняных кувшинах, а также на обоймце одной бронзовой пряжки, изображены прямоугольные раннехристианские крестики. Эти данные, позволяя отнести цебельдинский золотой крестик приблизительно к IV в. н. э., свидетельствуют о раннем появлении христианства на территории Абхазии, примерно в конце III – начале IV в. н. э. Это вполне допустимо, так как, приблизительно во второй четверти IV в. н. э. на территории абаз-

гов (Северо-западная Абхазия) в Питиунте существовал большой христианский храм раскопанный археологической экспедицией института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР под руководством А. М. Апакидзе.

Медальончик литой, круглой формы; сделан из низкопробного пластинчатого серебра, является уникальной находкой. На нем рельефно изображена женская голова с прической; вокруг лица до висков расположена мелкая зернь. Изображение это, видимо, воспроизводит одно из местных языческих божеств (связанное с культом плодородия). Медальончик снабжен греческой надписью, имеющей следующую транскрипцию: ΕΙΣΘΕΟΣΟΒΟΝΘΩΝΤΩΦΟΡΟΝΤΙ! Надпись эта читается так: Εἰς θεός ὁ βοηθῶν τῷ φόροντι!; перевод, сделанный Л. А. Ельницким¹, означает следующее: «Единый бог, помогающий приносящему».

Для этого текста имеются ближайшие аналогии в Сирии, в Антиохии²:

1) Εἰς θεός ὁ βοηθῶν τοῦ φοβομένου αὐτοῦ... (Единый бог, помогающий боящимся его).

2) Εἰς θεός μόνος ὁ βοηθῶν πᾶσιν τοῖς φίλ (οὔσιν) αὐτόν (Единый бог, помогающий всем любящим его).

Первая из приведенных аналогичных надписей датируется 347 г. н. э., а вторая 398 г. н. э. Обе эти надписи христианские.

Рассматриваемый медальончик, на основании найденного вместе с ним погребального комплекса, можно датировать, приблизительно серединой IV в. н. э.

Монеты в цебельдинских некрополях за три года раскопок обнаружены в количестве трех экземпляров. Все они серебряные, римские, провинциальные, каподакийского происхождения: первая монета – дидрахма императора Адриана (121–122 гг.), вторая монета – дидрахма императора Антонина Пий (138 – 161 гг.); третья монета плохой сохранности, выпущена, видимо, при императоре Августе или Адриане.

¹ Приношу глубокую благодарность Ельницкому Л. А., оказавшему помощь в интерпретации этой надписи.

² L. Jalabert et B. Mouterde. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, II, Paris, 1989, № 611 и № 617.

В ряде исследованных нами некрополей в Цебельде еще ранее в 1953–1958 гг. местными жителями Вороновым в различных погребениях были обнаружены девять римских серебряных монет и другие вещи. Монеты эти по определению К. В. Голенко являются также провинциальными каподакийского происхождения. Из девяти монет одна дидрахма Нервы (98 г.); три дидрахмы Трояна (98 – 99 гг., 112–117 гг.), три дидрахмы Адриана (121–122 гг.), одна дидрахма Антонина Пий (138–161 гг.), и одна драхма Юлия Домна (317 г.)¹.

Весь этот монетный материал указывает конкретно на торгово-экономическую связь древнего населения Цебельды с определенными районами позднеантичного мира, а также уточняет датировку цебельдинских некрополей.

Материалы раскопок в Цебельде при их соответствующей научной классификации дают ряд своеобразных черт как в области материальной, так и духовной культуры, что позволяет ставить вопрос о выделении в Западном Закавказье особой археологической культуры, которую мы склонны назвать цебельдинской.

Необходимо с самого же начала подчеркнуть, что цебельдинская культура не является изолированным культурно-историческим явлением. На, как это устанавливается материалами раскопок, обнаруживает преемственную связь с предшествовавшими ей двумя родственными культурами: колхидской – Западное Закавказье и кобанской – центральная часть Северного Кавказа.

Основными аргументами для обоснования поставленного тезиса является следующее:

Во-первых, разнотипные железные втульчатые наконечники копий, встреченные в большом количестве в цебельдинских некрополях, тождественны с ранним подобным видом бронзового и железного оружия, хорошо представленным в погребениях сухумских некрополей и других могильниках Абхазии VIII–II вв. до н. э.

Во-вторых, многочисленные круглопроволочные бронзовые фибулы из погребений цебельдинских некрополей по форме ду-

¹ Часть перечисленных монет, в количестве шести экземпляров, вместе с другими предметами поступили в Гос. исторический музей в Москве в 1954 г.

жек и некоторым другим деталям имеют аналогию с ранними колхидско-кобанскими бронзовыми фибулами.

В-третьих, цебельдинские тонкопроволочные спирально-концентрические очкообразные подвески совершенно схожи с подобными бронзовыми подвесками, имевшими широкое распространение в Западном Закавказье и центральной части Северного Кавказа еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

В-четвертых, витые круглопроволочные бронзовые шейные гривны, представленные в ряде погребений цебельдинских некрополей, являются замечательным вещественным источником, указывающим на генетическую связь памятников Цебельды с предшествовавшими им колхидской и кобанской культурами.

В-пятых, многие цебельдинские круглопроволочные бронзовые браслеты с разомкнутыми концами тождественны с подобными бронзовыми браслетами, которые на территории Абхазии и в других пунктах Кавказа появляются примерно в VIII–VII вв. до н. э.

В-шестых, определенная часть цебельдинской керамической посуды, в частности горшки и некоторые другие сосуды, по своему происхождению, несомненно, связаны с ранней подобной керамикой, представленной в могильниках Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

И наконец, многие орнаментальные мотивы погребального инвентаря цебельдинских некрополей, как например, рельефные очкообразные и витые шнуровидные изображения, спиральные завитки, наlepные бараньи и козлиные головки, врезанные волнообразные линии, елочные дорожки, ромбики и другие поражают своим совпадением с подобными видами орнаментации, встречающиеся на многочисленных колхидско-кобанских вещевых находках. Это обстоятельство позволяет сделать определенный вывод о генетической связи цебельдинской культуры с предшествовавшими ей памятниками колхидской и кобанской культур.

Таким образом в настоящее время уже четко и определенно устанавливается тот факт, что блестящая, достигшая высокого развития цебельдинская культура, – это результат дальнейшего развития колхидской культуры, носителями которой в пределах территории современной Абхазии являлись предки абхазских племен.

При сравнении с соседними территориями Кавказа видно; цебельдинская культура имеет свои локальные особенности.

Наиболее важной и специфической особенностью цебельдинской культуры, четко выделяющей ее из всего окружения и указывающей на ее самостоятельный характер, является определенная группа керамической посуды. Это кувшины с яйцевидной и бомбообразной формы туловом, с чашечкообразным венчиком, с характерным орнаментом, состоящим преимущественно из врезных крестообразно расположенных под прямым углом кружочков и рельефных очкообразных изображений. При этом нужно отметить, что одна из характерных особенностей кувшинов – чашечкообразное оформление венчиков – наблюдается и на горловинах вышерассмотренных амфор, что является новым явлением для всех известных в литературе типов амфор вообще.

Наряду с керамикой, локальной особенностью цебельдинской культуры являются: своеобразные железные топоры, с довольно длинной трубчатой проушиной, с лезвием в виде свисающей широкой бородачки; серебряные круглопроволочные сережки с петлей и крючковидной застежкой на концах, украшенные разноцветными сердоликами.

Таким образом, некоторые из вышеуказанных особенностей цебельдинской культуры позволяют отделить ее от других одновременных ей соседних культур Кавказа I–V вв. н. э.

В непосредственной связи с вопросом генезиса цебельдинской культуры находится и вопрос ее датировки.

В настоящее время уже довольно определенно устанавливаются хронологические рамки всех раскопанных некрополей в Цебельде в 1960–1962 гг. Анализ погребального инвентаря и сравнительного материала, привлеченного из разных областей Кавказа, Крыма, Степного юга СССР, дают возможность все исследованные некрополи в Цебельде отнести в основном к одной исторической эпохе, а именно к I–V вв. н. э. Внутри этих хронологических рамок, как уже выясняется, определенная часть погребений на основании односоставных и двусоставных круглопроволочных фибул колхидско-кобанской формы, мелких стеклянных бусин, римских серебряных монет с изображением императоров Нервы, Трояна, Адриана, Антонина Пий и других предметов можно ограничить

временем приблизительно I–III вв. н. э. Другая группа погребений относится приблизительно к IV–V вв. н. э. Эта дата устанавливается обнаруженными в данной группе погребений стеклянными сосудами, амфорами, римской серебряной монетой с изображением императора Юлия Домна, двусоставными фибулами с крестовидной дужкой, кувшинами яйцевидной и бомбообразной формы туловом, украшенным крестообразно расположенными под прямым углом врезными кружочками в раннехристианском стиле

Этническая принадлежность населения, оставившего Цебельдинские некрополи определенно должна быть увязана с древнеабхазскими племенами – апсилами и абазгами, упомянутыми впервые позднеантичными авторами I–II вв. н. э., и размещавшимися на территории, включающей и Цебельду.

Таким образом, выявляются первые хорошо датированные и увязанные с письменными источниками археологические данные, позволяющие ставить на твердую научную основу вопросы формирования абхазского народа и его самобытной культуры.

Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего широкого исследования памятников цебельдинской культуры по всей территории Абхазии и приближают нас в определенной степени к решению ряда кардинальных вопросов древней истории Кавказа, в том числе и Абхазии, первой половины I тысячелетия н. э.

**Труды Абхазского института языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа. XXXIII–XXXIV.
Сухуми, 1963. С.258-277**

15. РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО СЕВАСТОПОЛИСА В РАЙОНЕ СУХУМСКОЙ КРЕПОСТИ В 1959 г.

Сухумская крепость и ее территория давно привлекали внимание исследователей. Здесь представлены различные этапы исторической жизни населения, начиная с эпохи бронзы и кончая позднейшим средневековым временем.

Из дореволюционных специалистов-археологов впервые на этот памятник обратил внимание В. И. Сизов¹, который в 1886 году по поручению Московского археологического общества производил разведки в Сухуми. Тщательно осмотрев эту крепость, В. И. Сизов указал на разновременность ее стен.

В советское время, летом 1925 года, этот памятник частично исследовал А. С. Башкиров², который установил наличие в нем трех разновременных культурных слоев, охватывающих II–IV вв. н. э., XI–XIII вв. и позднейшее средневековое время.

Незначительные археологические исследования были проведены автором в марте 1952 года на той же крепости в связи со строительством берегоукрепительной стены. Эти работы, подтвердив данные А. С. Башкирова, дали дополнительно еще один не сплошной культурный слой, по числу четвертый, который ограничивается временем V–III вв. до н. э.³ Тогда же здесь была обнаружена и расчищена древняя приморская стена, идущая от юго-западной угловой башни на юго-восток.

Расчистка показала, что культурные слои позднеантичного времени, прилегавшие вплотную к этой стене, оказались перемешанными, но располагались непосредственно под слоем сред-

¹ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. МАК. Вып. II, М., 1889. С. 16, 18, 19.

² Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. Изв. Абхаз, научн. об-ва. Вып. IV, Сухум, 1926. С. 6–18.

³ Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг. СА, XXIII, 1955. С. 209–210.

невекового времени. Отдельные предметы I в. н. э., в частности римские монеты вместе с черепками амфор и краснолаковой посуды III–V вв. н. э., встречались то на уровне основания приморской стены, то выше, у подошвы средневекового слоя. В слое средневекового времени тогда же были обнаружены черепки поливной посуды, обломки толстостенных пифосов с гребенчатым рифлением, многоярусный керамический светильник и другие предметы, которые датируются X–XII вв.

Расчистка древней приморской стены показала также, что основание ее залегает на сваях 1,5 – 2-метровой длины, над которыми местами положен бетон из крепкого известкового раствора с гравием, песком и толченым кирпичом. Благодаря таким приемам стена и по сей день стоит почти без перекоса.

Следует отметить, что в кладке рассматриваемой стены видны явные признаки ранневизантийской архитектурной традиции, в частности толстый слой известкового раствора с морским гравием и толченой керамикой, а также кирпичные пояса вместе с черепицей в трех рядах.

Приведенные данные позволяют полагать, что древняя приморская стена построена примерно в конце IV – начале V в. н. э.

Осенью 1958 года при благоустройстве набережной магистрали в районе Сухумской крепости было случайно обнаружено еще несколько фрагментов древних оборонительных стен. Один из них является продолжением упомянутой выше приморской стены. В ноябре 1958 г. под наблюдением автора была начата расчистка и исследование этих стен. В последующее время данную работу продолжили Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев, которые в основном закончили расчистку названных стен в апреле 1959 г.¹

Все фрагменты стен, обнаруженные в 1952 и 1958 гг., принадлежат к двум разновременным укреплениям, условно названным западным и восточным. К западному укреплению относится указанная приморская стена.

Восточное укрепление состоит из короткой стены с двумя башнеобразными выступами и сравнительно длинной мощной стены с башнями и контрфорсами, с кирпичными поясами в 2–4 ряда.

¹ Шервашидзе Л. А. и Соловьев Л. Н. Исследование древнего Севастополиса, СА, 3. 1960.

Следует отметить, что фрагменты оборонительных сооружений восточного укрепления в отличие от приморской стены западного укрепления не имеют под собой свай. В результате этого они осели и сильно перекошились в северную сторону. Предотвратить перекош не могли и пристроенные позднее вплотную к главной стене восточного укрепления контрфорсы. Дело в том, что в набережной магистрали Сухумской крепости грунт в нижних слоях слабо уплотнен, вязок, пластичен. Строители древней крепости, видимо, не учли этого обстоятельства и построили здесь крепость, не уплотнив предварительно грунт деревянными сваями, которые были необходимы для урегулирования нагрузки стен на грунт.

Летом 1959 года Абхазским институтом языка, литературы и истории совместно с Институтом истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР и Госмузеем Грузии им. С. Н. Джанашиа были организованы археологические раскопки в Сухумской крепости в более широком масштабе. Эти работы были направлены на полное вскрытие обширной площади и тщательное ее изучение.

Абхазский институт языка, литературы и истории в составе: пишущего эти строки (руководитель), Л. Н. Соловьева, В. С. Орелкина и четырех лаборантов продолжал исследование в районе, обнаруженных в 1958 году, древних оборонительных стен с задачей получить полные стратиграфические данные этого участка и уточнить в меру возможности датировку стен. Экспедиция вскрыла значительную площадь: раскоп № 3, расчистила башню № 2, открыла и исследовала обжигательную гончарную печь.

Переходим к рассмотрению каждого объекта в отдельности.

Раскоп № 3 заложен севернее и рядом с короткой стеной восточного укрепления. Размеры: длина 31 м, ширина 2–5 м. Раскоп ориентирован с юго-востока на северо-запад, разбит на восемь квадратов размером 3х4 м. Он дал следующую стратиграфию.

Первый верхний слой «а», толщиной 30–425 см, представляет темно-серую супесь, залегающую на тонкой уплотненной известковой прослойке. В нем местами имеются прослойки древесных угольков. В квадратах 7 и 8 обнаружены остатки жилого помещения в виде булыжной кладки на известковом растворе с гравием. Этот слой, на основании черепков амфор с цилиндрическим горлом, с ребристыми ручками и амфорных фрагментов с глибо-

ким и частым рифлением, датируется примерно концом IV–V в. н. э. В средневековое время рассматриваемый слой частично был потревожен, о чем свидетельствуют вскрытые в нем человеческие погребения и ямы, опущенные из лежавшего выше средневекового слоя, уничтоженного при благоустройстве набережной в 1953 году. Всего могил, обнаруженных в этом слое, насчитывается семь; обряд погребения христианский.

Второй слой «б», в некоторых квадратах рассматриваемого раскопа № 3 характеризуется черной землей, в других имеет темновато-серый цвет. Толщина культурного слоя 50–100 см. Этот слой местами содержит тонкие прослойки древесных угольков. Он по римским медным монетам, обломкам краснолаковых чашек и мисок, черепкам узкогорлых амфор определяется III–IV вв. н. э. Одна из римских монет, найденная на стыке между описанными слоями, выпущена при императоре Аркадии (395 – 408 гг.). Это обстоятельство подкрепляет указанные хронологические рамки для первого верхнего и второго культурного слоев.

Третий слой «в», толщиной 40–80 см, представляет комковатую супесь желтовато-серого цвета, насыщен строительным мусором, местами с прослойками древесных угольков. В этом слое появляются грунтовые воды. Исследование его потребовало выкачивания воды при помощи насоса. В этом слое оказалось сравнительно мало находок. По найденным в нем римским медным монетам и фрагментам художественно выполненных краснолаковых блюд его следует отнести ко II в. н. э. У подошвы этого слоя встречены отдельные черепки краснолаковых сосудов и несколько обломков косских светлоглиняных амфор I в. н. э. Следует сказать, что в исследованной части Сухумской крепости слой I в. н. э. очень слабо представлен.

Четвертый слой «г», исследованный в квадрате № 8, представляет синевато-серую глину. Он не был исследован до конца ввиду значительного поступления грунтовых вод. В нем обнаружены кустами расположенные деревянные колышки, служившие для уплотнения грунта и поднимающиеся в вышележащий третий слой. В этом слое на глубине 2,80 – 2,90 м от дневной поверхности встречено, как и в предыдущем, мало находок. Датируется он, на основании чернолаковых черепков и обломков амфор III–I вв. до н. э.

Стратиграфия раскопа № 3 показывает, что между вышеописанными культурными слоями, охватывающими время с III в. до н. э. по V в. н. э., нет хронологического разрыва. Следовательно, в этот период жизнь в Сухумской крепости протекала непрерывно. Но при этом нужно отметить, что процесс образования отдельных слоев происходил относительно то быстрее, то медленнее. Если первый верхний слой, содержащий большой процент строительного мусора, создавался быстро, путем наслоения разных отбросов, то образование второго и четвертого слоев происходило медленнее, преимущественно путем естественного наслоения культурных остатков. Что касается третьего слоя, содержащего, как и первый верхний слой, значительный процент строительного мусора, то он также образовался сравнительно быстрее, чем второй и четвертый слои. Таким образом, образование второго и четвертого слоев было более продолжительным, чем первого и третьего слоев.

На следующем объекте исследования, в башне № 2 выявлен в основном один слой, который по характеру находок близко стоит ко второму слою раскопа № 3. Рядом с северной стеной этой башни вскрыто человеческое погребение с христианским обрядом захоронения. В могильной яме обнаружена полая стеклянная подвеска удлиненной каплеобразной формы.

Полученные стратиграфические данные на исследованных нами объектах в районе Сухумской крепости дают возможность правильно подойти к датировке фрагментов стен восточного укрепления. Самая мощная оборонительная стена восточного укрепления построена приблизительно в конце III – начале IV в. н. э. Основанием для такой датировки является выявленный здесь культурный слой, охватывающий преимущественно IV в. н. э. Этот слой образовался после строительства рассматриваемой стены приблизительно за 100 лет. Следует здесь отметить тот факт, что среди черепков керамической посуды, обнаруженных в этом слое, на нескольких красноглиняных и белоглиняных блюдах имеются христианские крестики. Такие блюда с христианскими крестиками являются характерными для IV в. н. э.; они хорошо представлены на городище Китея в Крыму¹.

¹ Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов, МИА СССР, № 69. С. 236, рис. 108.

Что касается короткой стены с двумя башнеобразными выступами того же восточного укрепления, то ее следует датировать IV в. н. э.; она врыта в слои I – III вв. н. э.

Стратиграфия исследованных участков в Сухумской крепости, выявленная в 1952 и 1959 гг., показывает также, что примерно в VII–IX вв. н. э. этот район не являлся населенным пунктом, он был заброшен и превращен в кладбище. Эта мысль подкрепляется, во-первых, порядочным количеством вскрытых здесь погребений с христианским обрядом захоронения; во-вторых, отсутствием тут каких-либо следов поселения VII–IX вв. н. э.

Выявленный раскопками в 1959 г. основной археологический материал на исследованных участках Сухумской крепости, в соответствии с установленной в них стратиграфией, принадлежит в основном к двум хронологическим эпохам – эллинистической и позднеантичной. Культурный слой эллинистического времени очень беден вещевыми находками, состоящими из единичных фрагментов импортных чернолаковых сосудов и амфор, черепков местных сосудов, косточек персиков, скорлуп грецкого ореха. Последние предметы говорят о наличии садоводства в районе древнего Сухуми еще в эллинистическое время.

Что касается культурных слоев позднеантичного времени, то они насыщены многочисленными предметами, состоящими из фрагментов кирпичей, черепицы, водопроводных труб, черепков различной глиняной посуды – импортной и местной, обломков стеклянных сосудов, монет. Вместе с ними найдены также фрагменты жерновов ручной мельницы, железные долота, железные четырехгранные гвозди, рыболовные крючки, металлические шлаки, кости различных животных и т. д. Из перечисленных находок преобладающим, массовым материалом является импортная и местная посуда.

Импортная керамика состоит в основном из обломков амфор, краснолаковой посуды, чаш-лутериев.

Амфоры представлены фрагментами стенок, горлышек, ребристых ручек и донышек; часть черепков с желобчатой или рифленой поверхностью. Эта посуда в основном желтовато-коричневого или ярко-красного обжига. Амфоры желтовато-коричневого обжига с черными включениями; они преимущественно

синопского происхождения. Другая группа амфор ярко-красного обжига; она, видимо, принадлежит какому-то восточно-средиземноморскому центру. Обе группы амфор по формам горловин, туловам, доншкам и ручкам датируются III–IV вв. н. э. Среди черепков этой посуды много фрагментов окрашено изнутри красновато-розовым цветом, по-видимому, вином.

В рассматриваемой группе посуды имеются также черепки от светло-глиняных амфор с глубоким и частым гребенчатым рифлением. Близкое по характеру рифление встречается в Херсонесе, Мангупе¹ (юго-западный Крым) на посуде, относящейся к V–VI вв. н. э. Появление густого рифления на амфорах с помощью гребенчатого шаблона относится к IV в. н. э. Широкое же применение этого приема характерно для V–VI вв. н. э.²

Что касается импортной краснолаковой посуды, то она представлена мисками, блюдами, кувшинчиками с ребристыми ручками, которые в основном вмещаются в хронологические рамки II – III вв. н. э. Глина желто-красная, коричнево-оранжевая и белая с желтоватыми оттенками. Она имеет незначительную примесь мелких блесков слюды. Лак не блестящий, коричневый или оранжевый. Все сосуды в основном на кольцеобразной подставке. Среди фрагментов этой посуды встречаются художественно выполненные закраины блюд с рельефной орнаментацией, изображающей животных, растения, жертвенник с двухскатным навесом и т. п. Среди изображений животных встречаются козы, кабаны и другие. К растительному орнаменту принадлежат изображения кипарисов, пальм и пр. На закраинах блюд встречаются рубчики, врезные волнообразные и горизонтальные линии, рельефные выпуклые бугорочки. Эта художественная керамика близка к Илуратским³, Мирмекийским и Ольвийским блюдам конца II – начала III в. н. э.⁴

¹ Якобсон А. Л. Дворец (отчет раскопки 1938 г. в Мангупе). МИА СССР, 34. С. 401. Рис. 15а–в.

² Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935 – 1940 гг. МИА СССР, 25. 1952. С. 100. Рис. 120.

³ Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА СССР, 85. 1958. С. 301. Рис. 16, 1 и 2.

⁴ Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н.э. МИА СССР, 25. С. 306. Рис. 6.

В состав краснолаковой керамики, обнаруженной в раскопе № 3, входит несколько светильников. На одном из них имеется рельефное изображение трех граций.

Определенная часть черепков краснолаковой керамики, представленных в Сухумской крепости, по характеру глины и покрытию лака происходит из Малой Азии, видимо, из Пергама и Самоса. Это обстоятельство указывает на то, что во II – III вв. н. э. Сухуми имел торгово-экономические связи с малоазийскими античными производственными центрами, в частности, с Пергамом и Самосом.

Упомянутые выше чаши-лутерии преимущественно желтовато-коричневого обжига, с черными включениями в черепке, происходят из Синопа. На закраине одного из лутериев имеется плохо сохранившееся греческое клеймо: (Σωσίβι(ος))¹, под ним пальмовая ветвь вправо.

Местная керамика Сухумской крепости состоит, главным образом, из обломков горшков, больших двуручных котлов, мисок, а также из черепков амфор, чашек, мисок, блюд лутериев, воспроизводящих формы и детали позднеантичных сосудов. Большая часть чашек, мисок и блюд, относится к краснолаковой группе и сделана из хорошо отмученной тонкой глины красного обжига, с белыми включениями, лак плохого качества. Эта керамика имеет сходство с многочисленной одновременной краснолаковой керамикой Пицунды, добытой археологической экспедицией Института истории им. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР под руководством А. М. Апакидзе в 1952–1962 гг., что указывает на единый центр производства, находившийся, видимо, где-то в Пицунде или Сухуми. Остальная часть керамики – черного или буро-красного обжига, с черными включениями. В состав сосудов позднеантичных форм входит также одна патера желтовато-светлого обжига с длинной цилиндрической ручкой, оканчивающейся головкой животного. Среди обломков амфор встречаются отдельные черепки, покрытые изнутри темным смолистым веществом, вероятно, остатками меда. Аналогичные фак-

¹ Приношу глубокую благодарность Гракову Б. Н., определившему это клеймо.

ты известны и из раннесредневековых поселений Крыма, в частности, в Тиритаке¹ и Херсонесе².

Горшки, двуручные котлы и миски довольно многочисленны; они орнаментированы в основном врезной волной и гребенчатым рифлением. В этой керамике выступает ее традиционность, генетическая связь с более ранней местной посудой. Этот факт говорит о некотором своеобразии культурного облика древнего Сухуми, в котором в позднеантичное время определенная часть населения, очевидно, представляла собой эллинизированных выходцев из местных апсило-абазгских племен. О своеобразии этой культуры, наряду с типичной местной кухонной посудой, говорит также и терракотовая человеческая статуэтка с лентовидной налпной полоской через правое плечо и круглым предметом в виде лепешки на правой руке. Эта статуэтка связана, по-видимому, с каким-то местным божеством.

Неплохо представлены в Сухумской крепости стеклянные изделия преимущественно зеленоватого цвета, состоящие из фрагментов рюмок, стаканов, флаконов и т. д.

В Сухумской крепости обнаружено немало монет. Все они римские, провинциальные, в основном трапезундского происхождения и насчитывают в своем составе 32 штуки, в том числе 14 монет из раскопок автора, произведенных здесь в 1952 году. Большинство монет, по определению Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко, датируются с конца II по IV в. н. э. На некоторых монетах сохранились портреты римских императоров – Коммода, Каракаллы, Аврелиана, Константина I, Аркадия и т. д. Этот монетный материал имеет большое значение для правильной датировки древних оборонительных сооружений Сухумской крепости.

В конце работ археологической экспедиции, на набережной магистрали Сухумской крепости, у северного среза раскопа № 1 открыта обжигательная гончарная печь.

При предварительном наружном осмотре северного среза раскопа № 1 возникло предположение о возможности наличия

¹ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. МИА СССР, 25, 1952. С. 51.

² Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения восточного Крыма, МИА СССР, 85. 1958. С. 473.

здесь большой печи для обжига керамических изделий. Предпринятые затем расчистка и раскопка подтвердили полностью это предположение: открытое сооружение оказалось действительно обжигательной печью. Здесь был заложен раскоп для вскрытия печи размером 6х7 м. Исследование печи в границах этого раскопа были проведены следующим образом. Сначала был снят современный верхний пласт земли, достигавшей в раскопанной площади 12–15 см толщины. На глубине 15–20 см появилась печь, которая и была обнажена с наружной ее стороны. Что касается внутренней части печи, то освобождение ее от земли и мусора, образовавшегося в процессе разрушения печи, производилось с максимальной осторожностью. Тем не менее при полной раскопке печи оказалось, что обжигательная камера вместе с подом была полностью разрушена. Сохранилась только топочная часть.

Рассматриваемая печь представляет собою прямоугольное сооружение, выложенное из обожженного огнестойкого кирпича на глиняном растворе, одетое с трех сторон – восточной, северной и западной – в массивный булыжный кожух толщиной более одного метра.

Лицевая южная сторона печи вместе с топочным отверстием не имеет каменного кожуха, выложена из кирпича; кое-где содержатся булыжные камни со следами известкового раствора. Кирпич за редким исключением переломан пополам. Размеры: длина 50 см, ширина 23, толщина 5–8 см.

Печь – довольно крупное сооружение. Ширина ее 6,25 м, длина 5 м. Полезная площадь несохранившегося пода обжигательной камеры 3,40–3,60 м. Вдоль топочной камеры печи посередине проходит центральный канал длиной 4,20 м, при ширине 86–99 см. Перед ним по оси печи с юго-западной ее стороны расположено устье топки с арочным перекрытием высотой 90 см, при наибольшей ширине 100 см, наименьшей у основания устья 84 см. От основания продольного канала по обе стороны ответвляются по четыре узких боковых каналов длиной 1,15–1,20 м, при ширине 16–24 см. Сохранившаяся максимальная высота боковых каналов от основания продольного канала – 90 см. Толщина опорных арок между каналами 59–75 см. Эти опорные арки местами содержат булыжные камни.

В устье печи и у второй опорной арки частично сохранились своды центрального топочного канала. Это обстоятельство указывает на то, что продольный канал печи имел кирпичное перекрытие в виде сводиков.

Продольный и поперечные каналы печи по бокам и по низу обмазаны глиной. По всему продольному отопительному каналу обнаружено значительное скопление золы и угольков вместе с сажой, которые выгребались из топки при периодических ее чистках. Облицовочная кладка топки оказалась здесь наиболее сильно обожженной: поверхность кирпичей во многих местах покрылась шлаковидными наплывами и пузырьками. Внутри устья и местами в топочной камере кирпичи даже спеклись и слились, поэтому швы большей частью не заметны. Горючим материалом, судя по золе и уголькам, служили дрова.

Перед устьем топки было специальное углубление, находясь в котором истопник мог выполнять свои рабочие функции, связанные с обслуживанием топки во время обжигательного действия печи. Углубление это заполнено главным образом золой, выбрасывавшейся из топки. Перед топочным устьем имелись запасы глины и кирпичей на случай ремонта, для закрывания топочного жерла, загрузочного хода и т.п.

Печь после продолжительного времени ее эксплуатации подверглась ремонту. Ремонт выразился в укреплении пода обжигательной камеры у устья топки посредством возведения добавочной подпоры по восточному краю опорной арки. Эта подпора немного закрывала топочное отверстие печи и сделало его несимметричным, что, по-видимому, привело к концентрации тепла на западной стороне печи, в результате чего обжиг мог быть неполноценным. После этого ремонта, печь функционировала недолго, так как поверхность кирпичей добавочной подпоры не успела ошлаковаться.

Обратимся теперь к выяснению устройства печи в целом.

Устройство печи и весь процесс обжига керамических изделий следует представлять себе в следующем виде. Прямоугольный корпус печи состоял из двух камер: нижней – топочной и верхней – обжигательной. Конструкция нижней топочной камеры представляла собой ряд узких кирпичных сводиков арок,

перекрывавших центральный продольный канал и опиравшихся на симметрично расположенные выступы боковых частей печи. Вместе с этими выступами арки служили основанием пода обжигательной камеры. Промежутки между арками и выступами образовывали ряд узких поперечных каналов, шедших более или менее параллельно во всю высоту топочной камеры. Под обжигательной камеры, к сожалению, не сохранившийся, выложен был, вероятно, из тех же кирпичей, толщиной 5–8 см. Он имел жаропроводные круглые отверстия, расположенные рядами поперек печи соответственно боковым каналам топки. Через эти отверстия горячие топочные газы проникали снизу в обжигательную камеру. В каждом боковом канале печи было по два отверстия общим числом 16, которые вполне обеспечивали равномерный обогрев всей обжигательной камеры, имевшей, по-видимому, 16 кв. метра пода. Предназначенные для обжига изделия расставлялись между прогарами. Своды обжигательной камеры также были арочной конструкции. Для установки фабрикатов в обжигательное отделение и выгрузки их оттуда после обжига в больших печах обыкновенно устраивались загрузочные отверстия в количестве двух-трех. Такие отверстия после окончания загрузки печи должны были заделываться кирпичом и замазываться глиной с оставлением только небольшого отверстия для наблюдения за ходом обжига. Сверху печь имела, по-видимому, навес на деревянных столбах, крытый черепицей. Неподалеку от этой печи должны были находиться мешильные ямы, формовочные и сушильные навесы. Высота обжигательной камеры печи была не менее дважды взятой высоты топки, т. е. 160–180 см, с расчетом на рост человека. Такая высота была необходима для удобства загрузки и выгрузки продукции.

Переходя к изложению результатов исследования Сухумской печи, необходимо прежде всего указать, что эта печь, как и известные в Крыму¹, оказалась углубленной в землю. Это значит, что для сооружения ее был предварительно вырыт обширный котлован, в котором строилась печь таким образом, что вся нижняя часть в пределах топочного помещения была ниже уровня современ-

¹ Гайдукевич В. Ф. Античные обжигательные керамические печи, ГА. ИМК, М.–Л., 1934.

ной печи поверхности земли, над которой возвышалась только обжигательная камера.

Раскопки показали, что котлован для постройки печи был впу-щен в культурные слои позднеантичного времени II–III вв. н. э.

Стратиграфический разрез раскопа, заложенного для иссле-дования печи, представляет собой следующую картину. Сверху располагается современная дерновина. Под нею залегает черный гумус с мелким гравием, нижний горизонт которого в процессе сильного воздействия температуры печи принял оранжево-крас-ный цвет, и легко превращается в порошок. Этот слой толщиной 40 см датируется концом IV–V в. н. э.

Следующий слой представляет комковатую глину с охристым оттенком. Он содержит строительный мусор и прослойки древес-ных угольков. В этом слое, с западной стороны печи, на глубине 60–80 см от дневной поверхности встречено продолжение сте-ны разрушенного жилого помещения, обнаруженного в том же 1959 году в раскопе № 1 археологической экспедицией Институ-та истории им. Джавахишвили АН ГССР и Госмузея Грузии им. С. Н. Джанашиа, работавшей под руководством А. М. Апакидзе. Стена выложена булыжными камнями на известковом растворе с гравием. Нужно отметить, что при рытье котлована для постройки печи строители наткнулись на восточный фрагмент указанной стены, подходившей к устью печи. Эта стена, видимо, еще тогда была ра-зобрана и часть булыжного камня со следами известкового раст-вора использована в кладке кожуха печи.

В рассматриваемом слое на глубине 1,60 м от дневной поверх-ности у топочного канала печи обнаружены: римская монета тра-пезундского происхождения, выпущенная при императоре Кара-калле (211–217 гг.); обломки краснолаковой миски; краснолако-вый светильник с петлевидной ручкой со следами известкового раствора на поверхности, с нагаром и копотью на носике. Све-тильник орнаментирован рельефно выступающими сосочками; он относится, по-видимому, к III в. н. э.

Следы деятельности печи – слой обожженной красной глины, обломки кирпичей и черепиц – проходят на юг на расстояние 6 – 7 м.

Таковы стратиграфические данные раскопа, заложенного для исследования печи.

В процессе обнажения и расчистки печи обнаружено пять че-ловеческих погребений с христианским обрядом захоронения; могильные ямы прорезают культурные слои IV–V вв. н. э. Погребе-ния эти относятся, по-видимому, к раннесредневековому време-ни, приблизительно к VII–VIII вв.

Наряду с погребениями при расчистке печи найден ряд дру-гих вещей. На четвертой западной опорной арке печи обнаруже-на римская монета трапезундского происхождения, выпущенная при императоре Коммодe (180–192 гг.). Эта монета попала сюда из разрешенного нижнего культурного слоя во время строитель-ства печи.

В устье топки и в некоторых поперечных обогревательных каналах печи находились обломки кирпичей и черепицы. Среди них имеются бракованные и слепившиеся куски недообожженных (бурого цвета) кирпичей и черепиц, черепки амфор. В продоль-ном канале печи найден замковый арочный кирпич клиновид-ной формы.

Полученные стратиграфические и фактические данные при исследовании печи позволяют ограничить время постройки и период существования этой печи концом III–IV в. н. э. Нужно отметить, что кирпичи, обнаруженные в печи по своим разме-рам соответствуют кирпичным поясам, имеющимся в кладке вышеуказанной мощной стены восточного укрепления. Это об-стоятельство дает основание синхронизировать печь с этой сте-ной восточного укрепления, при строительстве которой данная печь, видимо, обеспечивала ее высококачественным строитель-ным материалом – кирпичом.

Рассматриваемая обжигательная печь была в основном пред-назначена для производства кирпичей и черепицы; она принадле-жит к числу крупных производственных сооружений, является пока единственным в своем роде памятником на Черноморском побережье Кавказа. Имея полезную площадь около 16 кв. метров, эта керамическая печь на один обжиг, по всей вероятности, загру-жала не менее 1000 штук кирпичей или черепицы. Наличие такой крупной по своим размерам обжигательной печи в районе древ-него Сухуми свидетельствует о больших строительных работах, производившихся здесь в позднеантичное время.

Значительные фактические данные, полученные в Сухумской крепости в 1958–1959 гг., вместе с другими археологическими памятниками, обнаруженными в предыдущие годы, как в этой крепости, так и в различных пунктах Сухуми, позволяют окончательно решить вопрос о местонахождении в районе современного Сухуми города Севастополиса.

Материалы раскопок, в частности гончарная печь, огромное количество керамических находок, металлические изделия и шлаки, орудия обработки зерна и ткацкого ремесла, рыболовные крючки указывают на то, что население древнего города Севастополиса и его окрестности занималось различными отраслями производства: гончарным, кузнечно-слесарным ремеслом, земледелием, садоводством, рыболовством и т.д. Наличие в вещевых находках Сухумской крепости монет и импортной посуды свидетельствует, как отмечалось выше, о широких торгово-экономических связях Севастополиса с различными античными производственными центрами Малой Азии во II–IV вв. н. э. В III в. н. э. Севастополис являлся уже крупным экономическим центром. От него шли торговые пути вглубь современной Абхазии. Об этом говорят раскопанные в 1960–1962 гг. богатые материалы (стеклянные изделия, римские монеты и др.) из сел. Цебельда¹, являвшегося в тот период одним из районов исторической Аписии. Торговый путь шел также и далее на Северный Кавказ через Клухорский перевал.

Таким образом, материалы раскопок в целом позволяют говорить о том, что экономическое положение Севастополиса в III–IV вв. н. э. находилось на сравнительно высоком уровне развития. Жители города, как показывают археологические находки, вели самостоятельное хозяйство по многим отраслям производства, удовлетворявшее не только их главные потребности, но и позволявшее иметь торгово-экономические связи как с внешним миром, так и с местным апсило-абазгским населением.

Раскопками определено устанавливается также, что в конце IV в. н. э. город Севастополис утратил свое прежнее значение как

---

¹ М. М. Трапш. О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда..., Труды Абхазского Института языка, литературы и истории, XXXII, Сухуми, 1961. С. 187 и след.

торговый центр. На исследованных участках Сухумской крепости нет соответствующего культурного слоя, который мог бы говорить об обратном.

Весь выявленный в Сухумской крепости в 1958–1959 гг. археологический материал вместе с фрагментами целого ряда монументальных оборонительных сооружений, является ценнейшим вещественным источником для изучения древней истории Абхазии. Этот материал, наряду с другими археологическими открытиями, сделанными в различных пунктах Сухуми в предыдущие годы, вносит также определенный вклад в общую историю древнего мира.

**Труды Абхазского института языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа. XXXIII–XXXIV.
Сухуми, 1963. С.236-253**

16. МРАМОРНЫЙ БАРЕЛЬЕФ ИЗ СУХУМИ

Столица Абхазской АССР Сухуми и ее окрестности имеют богатое историческое прошлое. На побережье Сухумской бухты поселения появляются с давних времен. Многочисленные археологические памятники показывают, что на месте Сухуми древний город возник еще в V в. до н. э. Существует предположение, что часть территории городища в настоящее время размыта морем. Об этом говорит и уникальная находка, обнаруженная недавно на дне моря, – мраморное надгробие с рельефом.

В начале августа 1953 г. в море, на глубине 2 м, по левую сторону устья реки Беслетки, примерно в 7 м от лодочного причала, против санатория № 22, двумя сотрудниками этого санатория, тт. Мовчаном и Боркановым, был найден массивный мраморный барельеф. Он лежал изображениями вниз, чем и объясняется хорошая сохранность данного памятника¹.

В районе, где был найден барельеф, приблизительно в 70–100 м от берега моря, находятся развалины стен какого-то каменного строения. По данным М. М. Иващенко², море здесь во время сильных штормов выбрасывало на берег фрагменты чернолаковой посуды. Местные краеведы – В. И. Чернявский и другие³ в свое время также указывали, что в Сухуми у моря находили монеты и другие предметы античной культуры. Рассматриваемая мраморная пли-

¹ В настоящее время этот памятник хранится в Абхазском институте языка, литературы и истории. Краткое сообщение о нем автора помещено в газете «Советская Абхазия» от 16 сентября 1953 г.

² Иващенко М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии. «Изв. Абх. научн. об-ва». Вып. IV, Сухум, 1926. С. 101.

³ «Пятый археологический съезд, протоколы подготовительного комитета В. Чернявский, Записки о памятниках Западного Закавказья. С. 14. Там же, Замечания А. Введенского на записку Чернявского. С. 125. Там же. Мнение А. Комарова. С. 324.

та имеет прямоугольную форму; у нее недостает нижнего левого угла, облом старый. Размеры плиты: длина – 157 см, ширина – 92 см, толщина – 11–12 см. В плите, перпендикулярно плоскости верхней грани, проделано шесть круглых отверстий, расположенных друг от друга на расстоянии от 11,5 до 16,5 см. Они служили, несомненно, для укрепления на штырях фронтона, завершавшего надгробную плиту. Мрамор, из которого сделан памятник, сероватого цвета. Подобный мрамор не встречается в Абхазии и несомненно, привезен извне.

На лицевой стороне плиты сложная композиция из трех тонко изваянных человеческих фигур. Справа изображена сидящая в кресле женщина. Она обнимает правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика, на которого смотрит с глубокой печалью; мальчик, подняв голову, смотрит на нее, слегка касаясь ее бессильно опущенной левой руки. За мальчиком стоит девушка, которая также грустно смотрит на сидящую в кресле женщину; в левой руке, согнутой в локте, девушка держит на уровне плеча шкатулку, по-видимому, с драгоценностями, с кресла свисает часть шкуры какого-то животного. Следует особо отметить высокое качество исполнения барельефа. Художник сумел блестяще передать чувства изображенных им людей. Новый памятник по изображенным фигурам, живописной трактовке форм, изяществу драпировки, стройности композиции, изумительной обработке мрамора является замечательным произведением античного искусства, в котором художник выявил свое высокое мастерство. Он не имеет близких аналогий среди известных мраморных барельефов из античных городов Северного Причерноморья. Публикуемый памятник интересен и тем, что он относится к раннему времени. Такая композиция в большинстве случаев встречается в надгробных памятниках античного искусства¹ конца V в. и особенно в IV в. до н. э. К этому времени, надо полагать, относится и рассматриваемый нами мраморный барельеф.

Ряд археологических исследований, проведенных Абхазским институтом языка, литературы и истории, – раскопки на Сухумской горе в 1951 г., на горе Хуад-иху в Сухуми в 1952–1953 гг. и работы

¹ Метакса В. Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных барельефах, СПб., 1901. Рис. IX.

в Сухумской крепости в 1953 г. – дал большее количество археологических памятников, свидетельствующих о том, что во второй половине первого тысячелетия до нашей эры в районе нынешнего Сухуми существовал крупный торговый город. Эти находки, равно как и публикуемый нами рельеф, дают право предполагать, что древний город Диоскурия находился в районе нынешнего Сухуми и что часть Диоскурии находится на дне Сухумской бухты.

**Вестник Древней истории 1(47),
журнал выходит четыре раза в год, № 1, Москва 1964, С.163-165**

17. РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ «АХЬАЦАРАХВА» В СЕЛ. ЦЕБЕЛЬДА АБХАЗСКОЙ АССР

1. В 1964 г. Абхазский институт языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР производил исследования некрополя «Ахьацарахва» в сел. Цебельда, около Сухуми. Раскопками вскрыто 14 погребений, из них 5 урновых с обрядом кремации, 8 грунтовых в вытянутом положении на спине и одно грунтовое в скорченном положении на левом боку. В размещении разнотипных погребений не прослеживается определенной закономерности, что наряду со сходством инвентаря дает основание говорить об их сосуществовании и принадлежности к одной этнической группе.

2. Могильный инвентарь состоит из посуды, предметов оружия, бытовых вещей, предметов украшений и одежды, одной римской серебряной монеты из Кесарии Каппадокийской – драхма Юлии Домны (211 г.). Глиняная посуда в основном местного производства (пифосы, одноручные и двуручные кувшины, горшки, миски, тарелки). Стекланные сосуды, тонкостенные кубки желто-зеленого и зеленого цвета; один из них – с синими глазками. Оружие железное (кинжалы, мечи, топоры, наконечники копий, умбоны от деревянных щитов). Среди бытовых вещей – ножи, кресала, оселки. Украшения из бронзы, серебра, железа, сердолика, стекла и янтаря (фибулы, пряжки, швейная гривна, серьги, бусы).

3. Погребения датируются III – началом V в. н. э. Внутри этих хронологических рамок часть погребений можно датировать III – началом IV в. н. (по находкам наконечников копий с широкой лавролистной листообразно вытянутой боевой частью, двучленных дуговидных проволочных фибул, поясных пряжек ранней формы, круглопроволочных браслетов с утолщенными концами, серебряной монеты из Кесарии Каппадокийской и некоторых других предметов). Другая группа погребений относится к

IV – началу V в. по находкам крестовидных пластинчатых фибул, стеклянных кубков полусферической формы, мечей, умбонов от деревянных щитов.

4. В инвентаре могильника четко прослеживается генетическая связь с предшествовавшими ему памятниками колхидской культуры. Причем часть погребального инвентаря (одноручные и двуручные глиняные кувшины с чашечкообразным венчиком, крестовидные бронзовые фибулы, серебряные сережки с кантовидными вилчатыми подвесками) является пока характерной только для культуры цебельдинских некрополей в Абхазии.

Материалы вышли по итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР Баку, 1965. С. 20

18. РАСКОПКИ В РАЙОНЕ ГОР. МАЙКОПА В 1964 г. В СВЯЗИ С НАХОДКОЙ МАЙКОПСКОЙ ПЛИТЫ

1. В 1960 г. на хуторе Северо-Восточные сады или Коэш, в окрестностях г. Майкопа (по ул. Садовой, № 63) при рытье ям для столбов. Вишневский на глубине 40–50 см обнаружили песчаниковую плиту с надписью (Майкопская плита). Кавказовед-лингвист Г. Ф. Турчанинов считает, что она написана на древнеабхазском языке и датирует ее XIII–XII вв. до н. э.

2. В 1963 г. при обследовании зоны находки Адыгейским научно-исследовательским институтом и Абхазским советом Грузинского общества охраны памятников культуры были найдены черепки посуды, обнаружен на древней Белореченской террасе глубокий искусственный ров вокруг холма, свидетельствующий о наличии здесь древнего поселения.

3. В 1964 г. объединенная экспедиция, состоящая из авторов Ш. Д. Инал-Ипа и В. П. Пачулия раскопала в усадьбе М. В. Нечая небольшую площадь вдоль изгороди (шурфы и длинные траншеи) и обнаружила много черепков лепных и гончарных керамических сосудов, костей животных местного поселения (Коэшевское) с керамикой колхидского типа.

4. Расширение раскопочной площади позволило установить три горизонта мощностью 1,80 м. На глубине 1 м были вскрыты участки булыжной вымостки пола большого жилого дома; пол был покрыт толстым слоем обожженной глины. Форма дома прямоугольная, длина 20 м при ширине 10 м.

5. Анализ керамического материала, аналогии прикубанских городищ и могильников, наличие импортной керамической посуды (амфоры, чернолаковые черепки) позволяют датировать Коэшевское поселение концом IV–III вв. до н. э.

6. Майкопская плита происходит из более древнего поселения. Район Майкопа хорошо известен замечательными памят-

никами культуры эпохи энеолита, бронзы, раннего железа (знаменитый Майкопский курган, Келермесские курганы и др.), поэтому вполне допустимо, что Майкопская плита местного происхождения. Дальнейшие раскопки должны выявить синхронные ей культурные слои.

Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР, Баку, 1965. С. 101–102

19. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АБХАЗИИ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Абхазия по своему географическому положению издавна находилась в широких сношениях с соседними территориями Кавказа, а с тех пор, как море стало служить средством связи, населяющие ее племена оказались связанными и с народами Передней Азии, далеко опередившими по своей культуре другие народы на заре человеческой истории.

По этой причине исследование памятников древней культуры, лежащих в ее земле, давно привлекало внимание исследователей, но положение царской колонии не содействовало этому. В дореволюционное время внимание было уделено лишь ее древним храмам, из которых некоторые, как например Пицундский, Лыхненский, Моквинский Ведийский, были описаны в работе П. С. Уваровой, Павлинова, Бакрадзе и др. Памятники античного времени были слегка затронуты кратковременной экспедицией В. И. Сизова. Памятники первобытного общества, каменного и бронзового века оставались в не поля зрения первых исследователей. Такое положение сохранялось вплоть до времени установления советской власти. Оно сделалось совершенно нетерпимым после того как абхазский народ перешел к широкому строительству своей культуры и осуществлению социалистических преобразований. Ясный ленинский путь открывался только через национальные формы и собственный язык, а незнание своего прошлого являлось существенной помехой, не раз сказывавшейся в дальнейшем.

На этом пути важной вехой явились первые наброски истории абхазского народа, осуществленные Д. И. Гулиа¹, а после А.В. Фадеевым². Основу для них подготовил в значительной сте-

¹ Гулиа Д. И. История Абхазов. Т. I. Тифлис. 1925.

² Фадеев А. Н. История Абхазии, Сухум, 1934.

пени К. Кудрявцев¹, собравший много цепных материалов по истории Абхазии.

Но историки могли осветить прошлое только до тех пределов, до каких доходили сведения античных авторов, а дальше начиналась лишь область догадок, ибо по образному выражению Д. И. Гулиа, здесь «звон лопаты археологов еще не слышался». Действительно, надо было поднять немало пластов земли, чтобы перед нами раскрылись картины далекого прошлого, дела и быт предков абхазского народа, а вместе с тем было получено много ценных данных, касающихся общих вопросов истории. Значение этих работ поэтому выходит за пределы одной лишь Абхазии.

Конечно, на этом пути нельзя было ожидать быстрых успехов, так как это зависело и от недостатка материальных ресурсов у молодого Советского государства, и от отсутствия кадров, и частности национальных. Развитие археологической науки в Абхазии могло идти лишь параллельно и в тесной связи с укреплением деятельности центральных научных учреждений нашего Союза, в частности, с ростом грузинской археологии. В этом можно убедиться, если проследить в какой последовательности возникали отдельные проблемы, как преодолевались связанные с ними трудности усилиями ученых разных республик, как изменялась при этом организационная структура научной работы. В последнем отношении большое значение имело создание в 1934 г. местного центра научной работы предшественника существующего сейчас Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР им. Л. И. Гулиа. Его деятельность сразу же ознаменовалась крупным сдвигом в области археологических исследований.

Прежде всего посмотрим, как разрешались проблемы, связанные с историей первобытного общества, о следах которого на Кавказе существовали лишь самые смутные представления.

В 1933 г. одновременно в Армении А. П. Демехиным, а в Абхазии Л. Н. Соловьевым при геологических работах были найдены первые орудия эпохи среднего и нижнего палеолита. Исследователями абхазских, а позднее и армянских стоянок палеолита сде-

¹ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии, Сухум. 1922.

лались научные сотрудники Государственной академии истории материальной культуры Академии наук СССР С. Н. Замятнин¹ и М. З. Паничкина, которые при участии Л. Н. Соловьева² в Абхазии (1934–1936 гг.) и С. А. Сардаряна в Армении (1946–1947 гг.) провели большую работу по изучению, а после и опубликовали эти единственные в то время на территории Союза доказательства столь древнего человеческого обитания. В дальнейшем памятники нижнего палеолита были открыты в Юго-Осетии и в соседнем с Абхазией Адлерском районе РСФСР (И. И. Гумилевский), а стоянки эпохи среднего и верхнего палеолита в том же районе были обнаружены в ряде пещер и раскапывались С. Н. Замятниным, М. З. Паничкиной, Е. А. Векиловой, И. И. Коробковым и В. П. Любиным.

К концу 50-х годов увеличилось сотрудничество с учеными Академии наук Грузинской ССР в области изучения каменного века. Начиная с 1958 г., в Абхазию ежегодно приезжает экспедиция Института истории им. И. А. Джавахишвили под руководством И. З. Бердзенишвили. Она произвела зондажные раскопки на вершине г. Яштхва (Яштух), получив новые интересные данные об условиях залегания шелльских и ашельских орудий³. В Цебельдинском районе экспедицией была открыта и раскопана стоянка эпохи позднего палеолита в Амткельском гроте. Большое значение этого памятника заключается в том, что он дает представление о характере перехода от среднего к позднему палеолиту. Тогда же была открыта и изучена пещерная стоянка в гроте Квачара близ Цебельды, относящаяся к эпохе позднего мезолита. Небольшая пещерная стоянка той же эпохи была найдена и на вершине г. Яштхва.⁴

Абхазский институт также продолжал исследования палеолита Абхазии. Были изучены древнейшие местонахождения с. Н. Яштхва,

¹ Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухум, 1937.

² Соловьев Л. Н. К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита. Бюлл. комисс. по изучению четвертич. пер., № 6–7, 1940.

³ Бердзенишвили И. З. Новые данные о палеолите Абхазии. Труды Абхазского института ЯЛИ АН Груз. ССР, XXX. Сухуми. 1959.

⁴ Церетели Л. Об одной временной палеолитической пещерной стоянке. Матер. 1960, № 3 (на груз. яз.).

установлены их геологические условия и выделен шелльский комплекс кремневых орудий. Сотрудник Ленинградского отделения Института археологии И. И. Коробков¹ выделил здесь же комплекс орудий, отнесенный им к особому ставшему известным науке лишь недавно, варианту мустьерской культуры, названному зубчатым мустье. Большое значение для характеристики Яштухской стоянки имела проведенная весной 1966 г. работа специальной комиссии с участием геологов и ведущих специалистов по палеолиту РСФСР и Грузин.

Стоянки зубчатого мустье были открыты и в других местах Абхазии. Так, например, Л. Н. Соловьев в 1948 г. доложил на совещании по археологии Кавказа в г. Ленинграде об изученной им обширной стоянке с своеобразным кремневым инвентарем с. Анухва². После он описал сборы, сделанные Н. И. Гумилевским в с. С. Ачмарда и Мовакау, Гагрского района, а в последние годы, совместно с В. П. Любиным проводил раскопки Малой Воронцовской пещеры, где мустьерские слои были найдены еще в 30-х годах Л. Крайновым. Продолжались и работы по исследованию позднего палеолита. Еще в 40-х годах Л. Н. Соловьевым была начата раскопка грота Кёп-Багаз близ с. Цебельда, в котором были найдены культурные слои мощностью около 6 м, показавшие непрерывное обитание грота от начала эпохи позднего палеолита до эпохи мезолита включительно³.

Дальнейшее развитие мезолита было выявлено в трех культурных слоях грота Хупына, где была прослежена эволюция небольшой рыболовецкой группы вплоть до появления неолитических форм орудий из речной гальки и зачатков земледелия. При раскопках было найдено большое количество геометрических микролитов, несколько орнаментированных гарпунов и выпря-

¹ Коробков И. И. Новые палеолитические находки на Яштухе. СА, № 3, 1965.

² Соловьев Л. Н. Стоянка у с. Анухва Абхазская. Тезисы докладов на сессии АИИМК и Гос. Эрмитажа по археологии Закавказья 29 янв. 1948. Л. 1948.

³ Соловьев Л. Н. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа. Сбор. Вопросы карста на Юге Европейской части СССР. Ялта, Ялта. 1956.

митель для стрел. В среднем слое, относящемся к последней фазе плейстоценового оледенения, были обнаружены обломки человеческих черепов¹, принадлежавших восьми индивидуумам.

Продолжающиеся около 30 лет исследования палеолита и мезолита в настоящее время уже охватили все основные этапы его развития на территории Абхазии. Для завершения этой работы существенную роль играют геологические исследования, проведенные на морском побережье Абхазии и в долине р. Кодори Б. Л. Соловьевым в 1961–1964 гг.² Он произвел синхронизацию существовавших в Черноморской котловине бассейнов с оледенениями Абхазских Альп, что позволило ему предложить новую схему периодизации антропогенного периода Северо-Западного Кавказа; эта схема подтверждается одновременными исследованиями других геологов к северу от Главного Кавказского хребта и может лечь в основу периодизации палеолита и мезолита Абхазии. На ней основана подготовляемая к печати сводная работа по палеолиту и мезолиту Абхазии Л. Н. Соловьева.

Начало исследованию неолитических памятников Абхазии было положено археологом-краеведом А. Л. Лукиным³, который в конце 30-х годов открыл возле г. Гудаута на берегах ручья Кистрик обширное поселение эпохи неолита, давшее большое количество орудий из кремня и гальки, среди которых было много геометрических микролитов и шлифованных орудий. Это было первое и притом крупнейшее поселение эпохи неолита на Кавказе.

В 50-х годах было открыто другое неолитическое поселение. Педагог-краевед Н. И. Гумилевский нашел на правом берегу р. Псоу, размываемый рекою культурный слой с большим количеством находок.

¹ Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупына-Шахва в 1960 г. Тр. Абхазского института, XXXII, 1961.

² Соловьев Б. Л. Опыт сопоставления морских и континентальных четвертичных образований по долине р. Кодори. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1956.

³ Лукин А. А. Неолитическое селище Кистрик близ г. Гудаута. «Советская археология». Т. XII, М.–Л. 1950.

Раскопки, проведенные Л. Н. Соловьевым¹ на обеих поселениях, при участии В. В. Бжания в первом из них и Н. И. Гумилевского во втором, позволили довольно полно охарактеризовать неолитическую стадию развития того же местного населения, которое нам было известно по гроту Хупына. По-прежнему в основе производительных сил лежало рыболовство, но налицо уже были зачатки земледелия и скотоводства. В Нижней Шиловке было открыто большое длинное жилище типа полуземлянки, относящееся к самому концу неолита.

Поселение Кистрик возникло в среднем неолите. В найденных здесь хозяйственных ямах и производственных площадках был установлен переход к энеолиту. Этот переход хотя и не сопровождался сколько-нибудь значительной сменой населения, был ознаменован бурным развитием производительных сил. Теряет свое былое значение охота и соответственно этому увеличивается роль скотоводства; возникает обработка кож и увеличивается роль рунного скотоводства. В земледелии намечается сдвиг — возделывание льна. Наряду с шерстяными начинают изготавливаться и льняные ткани. Начинают выпаривать соль из морской воды, что сказывается и на переходе рыболовства на высшую ступень: начинают ловить рыбу сетью и выезжать в открытое море на лодках. Об этом говорит появление тяжелых грузил и усовершенствование шлифованных деревообделочных орудий из камня. С дальнейшим развитием энеолитического общества нас познакомило исследование берегового поселения в устье р. Псоу и могильника Лафета на левобережье той же реки (Н. И. Гумилевский. Л. Н. Соловьев, 1965 г.). В связи с развитием земледелия здесь появляется множество черешковых мотыжек, сделанных из расщепленной гальки. Часть из этих предметов имеет пришлифованные концы и несомненно употреблялось в качестве коженных ножей.

Самые ранние из обнаруженных на территории Абхазии погребений принадлежат к типу вторичных. Труп умершего, заши-

¹ Соловьев Л.Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик. Материалы по археологии Абхазской АССР, Сухуми, 1967; Его же. Древнейшая история Черноморского побережья Кавказа по археологическим данным. Сб. Туапсе и Туапсинский район. Туапсе, 1967. С. 155–158.

тый в шкуру быка, подвешивался на ветках дерева, а после кости предавались погребению в земле, причем череп накрывался глиняным горшком, опрокинутым вверх дном; остальные кости в беспорядке складывались вокруг горшка. Такие захоронения были найдены и в пещерах (Гагра, грот Ажюгра на р. Бзыбь). Они могут считаться этническим признаком предков абхазов, у которых этот обряд существовал до XVII в.

Возникают также новые явления в межплеменных отношениях. Раскопки, проведенные Л. Н. Соловьевым в Большой Воронцовской пещере в 1950–1954 гг. в истоках р. Кудепсты, а в 1966 г. в Амткельском гроте и в гроте Багад-Ахапы показали, что в конце энеолита и в особенности в эпоху ранней бронзы с Северного Кавказа расселяются пастушеские племена майкопской культуры, разводившие уже овец. Между береговым населением и горцами взаимоотношения не всегда бывали мирными, что вызвало появление первых укрепленных поселений на вершинах холмов. В мирное время происходил обмен между этими группами населения, носителями столь различных по этническим признакам и системе хозяйства культур.

К середине III тысячелетия до н. э. этот межплеменный обмен переходит в перевальную торговлю (перевалы Псеашхо и Клухорский), в которой основными контрагентами все более и более делаются, с одной стороны, Майкопские племена Прикубанья, с другой стороны, страны Восточного Средиземноморья, доставлявшие этим путем на Кавказ металлические изделия, предметы роскоши и прочие товары¹.

Посредниками в этой торговле, которая велась морским каботажным путем, проходившим вдоль западных и северных берегов Черного моря, являлись, возможно, не только южные мореплаватели, но в какой-то мере и причерноморские племена.

В пределах Колхидской низменности в это время появляются так называемые «Жилые холмы», укрепленные деревянными стенами и водяным рвом. Из них на территории Абхазии исследовались в Очамчирском районе Очамчирский холм (М. М. Иващенко,

¹ Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Северо-Западного Кавказа эпохи неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН Груз. ССР. XXIX. Сухуми. 1958.

Л. Н. Соловьев. 1935–1936 гг.)¹ и Тамышский холм (В. В. Бжания. 1905 г.), а также одновременные поселения Сухумского района – Гумистинское (Л. Н. Соловьев, В. В. Бжания) и Манарское (В. В. Бжания)². Они выделяются сейчас в особую Очамчирскую культуру, появившуюся еще в энеолите (Кистрик, Носу, Лафета). Погребения этой культуры, обнаруженные в центральной и Северо-западной части Абхазии, представляют собою вторичные захоронения, совершенные в кувшинах, небольших пещерах и дольменах. Лишь сравнительно редко находят первичные погребения в виде труположения.

По нашим данным дольмены распространились на Черноморском побережье Кавказа из Восточного Средиземноморья (Сирия и Палестина). В Абхазии они были впервые найдены В. И. Стражев³. Наиболее крупная Эшерская группа дольменов, открытая М. М. Иващенко, раскапывалась им же⁴, а также Б. А. Куфтиным, А. Л. Лукиным. Л. Н. Соловьевым⁵ и О. М. Джапаридзе⁶. Обряд дольменного погребения был описан Л. Н. Соловьевым⁷, а их распространение по обе стороны С. З. части Главного Кавказского хребта Л. И. Лавровым⁸. В Туапсинском районе они изучались краеведом А. И. Шамотульским. После исчезновения в горной части Абхазии майкопской культуры дольмены распространились здесь, а после и в Прикубанье.

¹ Соловьев Л. Н. Энеолитические селище у г. Очамчире в Абхазии. Материалы по истории Абхазия. Вып. XV, Сухуми. 1939.

² Бжания В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА № 1, М, 1966.

³ Стражев В. И. К Азантскому дольмену. Изв. АБНО. Вып. IV. Сухум. 1926.

⁴ Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.

⁵ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. 1. Тбилиси. 1949.

⁶ Соловьев Л. И. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей к ней части Адлерского района. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН Груз ССР, XXXI. 1960.

⁷ Джапаридзе О. М. Дольменная культура в Грузии. Тр Тбилисс. Государственного университета, Вил. 77. Тбилиси, 1959.

⁸ Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН Груз. СССР, XXXI. 1960.

Очамчирская культура, имея глубокие местные корни, в то же время обнаруживает, как выяснилось, немало точек соприкосновения с культурами Древнего Востока и в тех или иных отношениях эта территория является как бы его периферией¹. Как показывает инвентарь поздних дольменов и могильников (Новая Гагра, Михайловская пещера, Команский грот), относящихся к эпохе средней бронзы, эта культура постепенно переходит в Колхидскую культуру поздней бронзы, имеющую уже значительно большее распространение, охватывающее восточные и частично южные берега Черного моря. Впервые культура, получившая название колхидской, была обнаружена на территории Абхазии В. И. Стражев². Она представляет южную параллель известной ранее кобанской культуре центральной части Северного Кавказа и открытой позже Прикубанской культуре позднего бронзового века.

Первым научным ее описанием мы обязаны М. М. Иващенко, обследовавшему ряд погребений, в том числе с Нижняя Эшера. Разрозненные кости человека вместе с богатым набором предметов из бронзы находились в специально сделанных для этой цели больших глиняных, богато орнаментированных сосудах. Немало сделал для выяснения особенностей этой культуры А. Л. Лукин³. Для нее является обычным приусадебный, разбросанный небольшими семейными группами характер захоронений. Лишь М. М. Трапшу удалось найти более крупные могильники. Семейный характер носит кладбище в с. Куланурхва Гудаутского района, давшее около 12 погребений⁴. Интересная его особенность: наличие конских погребений с некоторыми предметами раннескифского типа, свидетельствующих о ранних реальных связях древнего населения Абхазии со скифами. Особенно важное значение для из-

¹ Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита-бронзы – стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абх. инст. ЯЛИ АН Груз, ССР, XXIX. 1959.

² Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии, Изв. АБНО. Вып. IV. Сухум, 1926.

³ Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Тр. ОИПК ГЭ. Т. I. Л. 1941.

⁴ Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур. Сухуми, 1962.

учения эпохи поздней бронзы имели произведенные в 1956-1960 гг. М. М. Трапшем раскопки большого могильника в предместье г. Сухуми Красный маяк¹. На береговом валу у моря был найден некрополь, в котором было исследовано 150 могил, охватывающих почти всё время бронзы и раннего железа (XII–II вв. до н. э.). Был найден весьма разнообразный и богатый инвентарь, установлено одновременное существование по меньшей мере трех обрядов погребений. К первому типу относятся могильные ямы удлиненной формы с галечной подстилкой. Покойник лежал в вытянутом положении на спине или в скорченном положении с ориентацией головы на северо-запад. Ко второму типу принадлежат ямы округлой колодеобразной формы с галечной подстилкой. В них находятся разрозненные кости скелета, причем некоторые из них отсутствуют. Вариантом такого вторичного захоронения является третий тип погребения, когда разрозненные кости положены в большие сосуды, поставленные вверх дном или накрытые другим сосудом. Инвентарь содержит типичные для колхидской культуры предметы, но есть и редко встречающиеся предметы. Например, был найден бронзовый нагрудный панцырь, представляющий геральдическую стилизацию грифа. Интересно, что здесь также встретилось одно погребение со скифскими вещами.

К той же культуре и к тому же времени относится часть могил некрополя на горе Гуадику, находящейся севернее Сухумской горы, раскопанный М. М. Трапшем в 1952–1954 гг.² Погребения принадлежали двум типам: 1) округлые могильные ямы с полным сожжением покойника, 2) могильные ямы удлиненной формы с частичным сожжением покойника.

Большое поселение того же времени, очевидно укрепленное деревянными стенами, было раскопано на Сухумской горе в 1951 г. А. Н. Каланладзе и М. М. Трапшем³. Другое укрепление этой эпохи было еще ранее обследовано экспедицией Академии наук истории

¹ Трапш М.М. Археологические раскопки в окрестностях г. Сухуми. Тр. Абхаз. института ЯЛИ АН ГССР, XXIX, Сухуми, 1958.

² Трапш М.М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951 – 1953 гг. СА, XXIII, 1955.

³ Каланладзе А.М. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми. 1954 (на груз. яз.).

материальной культуры на Верещагинском холме близ с. Н. Эшера. «Жилые холмы» среди болот, принадлежащие этой эпохе, были найдены в Очамчирском районе (Моква, 1936 г. Тамыш, 1964 г.).

Большое распространение в это время получили различные ремесла: гончарное, медноплавильное и кузнечное. Вдоль берега моря на песках береговых валов Л. Н. Соловьевым был открыт целый ряд солеварен, в которых было найдено много четырехугольных глиняных сосудов для выпаривания соли из морской воды.¹ Примером могут служить солеварни на набережной г. Очамчиры, в устье р. Моква, у с. Мачара, близ г. Гудаута, у г. Адлера. Описанный Красномаяцкий некрополь представляет собою могильник солеваров, работавших здесь же на береговом валу. Разнообразие инвентаря и обрядов погребений этого могильника объясняется неоднородным племенным составом населения, принявшего участие в этом промысле.

Несомненно, уже в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Абхазии существовало несколько племен, позднее ставших известными античным писателям под именем зихов, санигов, гениохов, кораксов и других. Все эти абхазские племена образовались из основной более аморфной Очамчирской культуры эпохи энеолита, ранней и средней бронзы.

Вопросу этногенеза и локализации племен этого времени и последующей античной эпохи на территории Абхазии посвятил некоторые главы своей работы З. В. Анчабадзе². Этот труд в значительной мере основанный на археологическом материале, а также на критическом пересмотре сведений древних авторов и существующей исторической литературы содержит немало ценных обобщений, в частности, в отношении первобытного общества Абхазского побережья. Не являясь археологом, автор делает отбор того, что имеет историческую значимость и таким образом получается довольно полный, компетентно подведенный итог многолетней работы целого поколения археологов.

¹ Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и Очамчиры. Тр. Абхазского Госмузея. Вып. 1. Сухуми, 1947.

Его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, СА, XIV, 1950.

² Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии, М. 1964.

В тесном контакте с Абхазским институтом проводились работы Абхазским Советом Грузинского общества по охране памятников культуры. Обществом проделано немало работы по выявлению новых различных категорий памятников (могильники, поселения, храмы, крепостные сооружения) под руководством его председателя В. П. Пачулиа.¹ Обществом предпринято создание археологической карты Абхазии. Часть этой работы, посвященная первобытным древностям, подготавливаемая Ю. Н. Вороновым, близка к завершению.

Из всего сказанного следует, что 50-е и 60-е годы были особенно плодотворными в деле исследования первобытных групп населения, живших на территории Абхазии. Это следует объяснить не только увеличением объема производимых ежегодно раскопок, но и тем, что собранный трудами прошлых исследований материал, накопление отдельных частных выводов уже начинают давать свои плоды и позволяют для некоторых этапов развития местных обществ перейти к историческим обобщениям. Таким образом, абхазская археология стала ценным источником для заполнения пробелов в истории Кавказа, касающихся многотысячелетнего существования первобытного общества на этой территории.

Мы уже отмечали, что сведения об истории Абхазии в античную эпоху до Великой Октябрьской революции ограничивались лишь отрывочными сообщениями древних авторов о Черноморском побережье Кавказа, сводившимися лишь к названиям рек, населенных пунктов и их местоположению; приводились названия племен и их очень краткая характеристика. Археологические работы не производились за исключением небольших разведок на территории г. Сухуми, проведенных в 1886 г. В. И. Сизовым, установившим здесь эллинистический и средневековый слой культурных отложений².

В 20-х годах общее оживление научной работы в Абхазии, связанное с установлением советской власти, привлекло внимание и к памятникам античности. По приглашению Абхазского научного

¹ Пачулиа В. П. Памятники культуры Абхазской АССР. Сухуми, 1961; Его же. По историческим местам Абхазии, Сухуми. 1960.

² Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Материалы по археологии Кавказа. II, 1889.

общества в 1925 г. археологическую поездку по Абхазии совершил научный сотрудник Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР А. С. Башкиров¹. Он произвел зондажные раскопки в Сухумской крепости и на ул. Ольгинской (теперь ул. Пушкинская), которые подтвердили данные В. И. Сизова, и дополнили их открытием здесь позднеантичного слоя с большим количеством черепков римской краснолаковой посуды.

Из местных археологов исследованием памятников античности занялся М. М. Иващенко, и вполне естественно, что в качестве первой проблемы в этой области встала критическая проверка сведений античных писателей о местонахождении городов древности на Абхазском побережье. Тщательно, с большой эрудицией, М. М. Иващенко исследовал вопрос о местонахождении известнейшего из этих городов – Диоскурия и пришел к выводу, что он был расположен на берегах Сухумской бухты, так же как и позднеантичный город Себастополис.²

С 1952 года Институт истории имени Джавахишвили АН Грузинской ССР под руководством А. М. Апакидзе навал продолжающиеся до сих пор раскопки античного города в районе Пицундского мыса³. Вскрытые раскопками мощные крепостные стены и кварталы этого города, известного в древности под именем «Питиус Великий», относятся по преимуществу ко времени I—V вв. н. э., т. е. к поздне античному периоду. Среди городских развалин особо выделяются оборонительные, культовые, хозяйственные и санитарно-технические сооружения города.

Особенно ценным открытием следует считать древнейший храм с его мозаикой; изображения в последнем олени с детенышем и пр. – не чужды местной языческой символике. Храм был построен не позднее IV в. н. э., что свидетельствует о распростра-

¹ Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. Изв. АБНО. Вып. IV, Сухум, 1926.

² Иващенко М.М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних Изв. АБНО. Вып. IV, Сухум, 1926.

³ См. сообщения А. М. Апакидзе и сообщения других участников экспедиции, сделанные на научных сессиях Института истории имени Джавахишвили АН Грузинской ССР, посвященные итогам полевых археологических работ с 1952 по 1965 г.

нении христианства в Абхазии значительно раньше, чем принято было считать, т. е. раньше VI в. н. э. При раскопках, наряду с многочисленными римскими и византийскими монетами, найдены монеты Херсонеса, Боспора, Понтийского царства, Пафлагонии, Трапезунда и пр., что свидетельствует о широких связях Питиуса Великого с городами Малой Азии и Северного Причерноморья. Здесь была найдена свинцовая вислая печать с греческой надписью: «Константинос Абасгиос», т. е. «Константин Абхазский». По всей вероятности, она принадлежала абхазскому владельцу VII в. Константину II. Наряду с привозными изделиями, в наслоениях города было обнаружено много продуктов местного ремесла, характеризующих культурный уровень и потребности широких масс абхазского населения того времени.

В 1951 году на Сухумской горе, помимо памятников позднего бронзового века, описанных выше, были раскопаны погребения V–II вв. до н. э. и соответствующее ему поселение.

В 1952–1954 гг. в вышеупомянутом могильнике на вершине Гуадиху, соседней с Сухумской горой, было вскрыто 34 погребения, относящихся к V–III вв. до н. э.¹ Захоронения совершались по различному обряду. Преобладающим являлись трупоположение в могильных ямах, ориентированное головою на северо-запад. Ко второму типу принадлежат могильные ямы круглой формы, заключавшие остатки сожженного покойника.

Дальнейшим открытием явился могильник, раскопанный М. М. Трапшем в 1956–1959 гг. в пос. Красный Маяк, на западной окраине г. Сухуми². Здесь было вскрыто 19 погребений, относящихся к V–III вв. до н. э. Все эти погребения принадлежат некрополю солеваров, возникшему здесь еще в XII–XI вв. до н. э. В этом можно найти косвенное указание, что солеварение в древней Диоскурии просуществовало как местный промысел до II в. до н. э.

Добытые в результате раскопок памятников раннеантичного времени материалы показывают, что на территории Сухуми в начале V в. до н. э., а вероятно и раньше, существовало поселение

¹ Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951–1953 гг. СА. XXIII. 1955.

² Трапш М. М. Археологические раскопки в окрестностях г. Сухуми. Тр. Абхазского институт» ЯЛИ АН ГССР. XXIX, 1968.

городского типа, культура которого носила в основном местный характер, но имела черты смешения и влияния со стороны греко-римского культурного мира возможно, что здесь находит отражение и смешанный характер населения этого большого портового города.

Об этом же говорит находка в 1953 г. близ устья р. Беслетки на дне моря, на глубине около 2 метров, мраморной надгробной плиты¹. Надгробие это с барельефом, изображающим фигуры, по глубокой передаче эмоций, живописной трактовке, изяществу драпировки одежды не имеет аналогии среди многих известных мраморных рельефов из античных городов Северного Причерноморья. Оно датируется V в. до н. э. Эта находка вместе с другими фактическими данными явилась веским доказательством того положения, что во второй половине первого тысячелетия до н. э. в районе нынешнего Сухуми существовал крупный торговый город Диоскурия, большая часть которого находится на дне Сухумской бухты.

Значительная работа была проведена в Абхазии в течение этого десятилетия и по выявлению и изучению памятников позднеантичного времени. В 1952 г. в районе Сухумской крепости М. М. Трапшем было установлено наличие четырех культурных горизонтов. Первый верхний содержал бытовые остатки XVI–XVIII вв. Второй слой, залегающий под предыдущим, содержал культурные остатки эпохи развитого средневековья XI–XIII вв., характеризующийся поливной посудой. Под ним, ниже горизонта ископаемой почвы, не содержащей никаких остатков, залегают позднеантичный слой I–IV вв. н. э. с краснолаковой посудой, римскими монетами эпохи Марка Аврелия и пр. Четвертый слой, представляющий темно-серую глину, содержал черепки чернолаковой посуды раннеантичной эпохи»².

¹ Трапш М. М. Мраморный барельеф из Сухуми, ВДИ, № 1, 1954, Его же. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг. СА. XXIII. 1955. О. Д. Лордкипанидзе. Колхида и античный мир, Тбилиси, 1966.

² Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг. СА. XXIII. 1955.

В 1954 г. северо-восточнее Сухумского ж. д. вокзала, на участке гр. Одинец была открыта и изучена сторожевая башня конца II в. н. э. Среди прочих находок здесь обнаружен глиняный светильник с греческой надписью, гласящий: «Давай, поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»¹.

Конец рассматриваемого десятилетия завершился большими раскопками в Сухумской крепости². Здесь при разбивке сквера на набережной были обнаружены остатки мощной крепостной стены. Раскопки, произведенные в 1958–1959 гг. институтом истории им И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР³ и Абхазским институтом⁴, а также подводные исследования, предпринятые Л. А. Шервашидзе и водолазом В. М. Скасырским, позволили установить, что в прилегающей части Сухумской бухты имеются фрагменты стен четырехугольной крепости, поглощенной морем. Лишь ее северо-западная стена сохранилась на берегу, внутри стены обнаружены остатки бани, водопровода, больших глиняных сосудов, врытых в землю, для пополнения запасов воды. К этому, так называемому «восточному укреплению», примыкало непосредственно «западное укрепление», которое было исследовано М. М. Трапшем в 1952 г.

Сделанные находки перед стенами крепости говорят о развитии местных ремёсел: гончарного, кузнечного, кожевенного, ювелирного, найдено много монет, по преимуществу римских, часть которых чеканилась в Трапезунде. Привозные амфоры (глиняная тара для вина), изящные столовые сосуды, покрытые красным лаком, стеклянная посуда говорят о широких торговых связях Себастополиса с Малой Азией, Грецией и Северным Причерноморьем.

¹ Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на Сухумском светильнике. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН ГССР, XXVIII, Сухуми, 1957.

² Шервашидзе Л. А. и Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса, СА, № 3, 1960.

³ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастопалиса. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН ГССР XXXIII–XXXIV, Сухуми, 1963.

⁴ Трапш М. М. Раскопки древнего Севастополиса в районе сухумской крепости в 1959 г. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН ССР, XXXIII–XXXIV. Сухуми, 1963.

В конце работ в районе Сухумской крепости была обнаружена и раскопана большая гончарная печь, уникальная для античных городов Северного и Восточного Причерноморья. Она имела в плане прямоугольную форму и была предназначена для обжига кирпича, черепицы и посуды. Печь датируется IV в. н. э.

В основании крепостных стен залегал мощный слой синевато-серых глин, в котором встречались, наряду с черенками чернолаковой посуды V–III в. до н. э., косточки винограда, скорлупа орехов и персиков.

Значительные фактические данные, полученные при исследовании в Сухумской крепости в 1958–1959 гг., вместе с другими находками позднеантичного времени, обнаруженными в предыдущее время как в этой крепости, так и в различных пунктах Сухуми, окончательно установили существование в районе современного Сухуми древнего Себастополиса, который, как сообщают античные авторы, был построен на развалинах Диоскурии. Город этот в основном, как и Диоскурия, находится на дне Сухумской бухты.

Исключительно ценные и интересные материалы позднеантичного времени дали раскопки, произведенные Абхазским институтом близ г. Цебельда Сухумского района, в урочище Мрамба. Здесь под руководством М. М. Трапша при участии М. Гунба, В. Б. Деопика, Г. К. Шамба, В. С. Орелкина, Ю. И. Воронова, исследовав ряд могильников, которые дают яркую характеристику культуры местного населения Абхазии II–V вв. до н. э. т. е. того же времени, к которому относится существование позднеантичного города Себастополиса. Найдено было много предметов вооружения: длинные мечи, топоры, наконечники копий и стрел, щиты. Иногда рядом с погребением воина клали труп коня с принадлежностями сбруи.

В женских погребениях было много предметов украшений частью местного изделия (фибулы, бусы из горного хрусталя, сердолика и гешира), частью привозные (стеклянная посуда, янтарные бусы, римские монеты и пр.). Встречались и отдельные золотые вещи (кулон, крестик), выполненные с высоким техническим мастерством. Сходство многих предметов инвентаря со случайными находками, сделанными в Южной Абхазии, и обрядов погребения с установленными для Сухумских некрополей того же времени,

позволяют сделать заключение, что эти могильники принадлежат абхазскому населению, по преимуществу из племен апсильов и абазгов. Культура цебельдинских могильников представляется весьма ярким своеобразным явлением. Все же при ближайшем изучении ее богатого инвентаря удалось найти ряд аналогий отдельным вещам на Северном Кавказе, прослежены общие черты предметов вооружения с так называемыми «сарматскими». В обряде погребения устанавливается несомненная связь с культурой полей погребений Северного Причерноморья Черняховского типа. Так же как и последнюю, Цебельдинскую культуру, следует отнести к типу культур, сложившихся на периферии Римской империи, под сильным греко-римским влиянием. Этим, по-видимому, и объясняется их некоторая общность, отражающая, несомненно, и исторические связи. Племена, создавшие эту культуру, несомненно, были также активными участниками событий времени ирано-византийских войн. Таким образом, уже сейчас можно говорить о большом историческом значении этих исследований, которые подытожены в подготовленной автором раскопок М. М. Трапшем монографии¹. Этим же автором подготовлена монография, прослеживающая богатую событиями историю города Сухуми. Она начинается с эпохи бронзового века, когда на Сухумской горе возникло первое укрепленное поселение, а на Гумистинском мысу (Красный Маяк) поселение солеваров со своим обширным могильником. Именно с этого времени было положено начало диоскурийскому соляному торгу. Появившиеся здесь в конце VI в. до н. э. выходцы из города Милета не были основателями Диоскурии, а лишь устроили при нем свою факторию и доставили широкую известность в древнем мире этому местному по населению и по имени городу.

Развернувшиеся в последнем десятилетии в Абхазии археологические работы, как мы только что имели возможность убедиться, показали, что эта территория богата археологическими

¹ Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960–1962. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН ССР, XXXIII–XXXIV. Сухуми, 1963. Шамба Г. К. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччарахва). Автореферат диссертации, Тбилиси, 1966.

памятниками античного времени. Раскопки этих лет свидетельствуют о возросшей в это время культуре местного населения, о перерастании некоторых местных поселений эпохи бронзового века в поселения городского типа с торговлей, ремеслами, с широкими связями, которые тянутся не только к берегам Черного моря, но и к Северному Причерноморью, и Северному Кавказу и вглубь страны, Колхиде и Иберии, некоторые из этих городов, упоминаемых древними авторами, удалось локализовать, для чего привлекались новые источники по топонимике Абхазии¹. По развитию городской жизни Абхазское побережье не уступало в то время более южным частям Колхиды. Экономический рост касался не только городов, но и сельских местностей. Как показали раскопки 1960 года в с. Цебельда, эти горные селения не были глухими уголками.

Совершенно закономерно развивалась духовная культура в соответствии с хозяйственными успехами. Довольно обычной находкой при раскопках Севастополиса были костяные палочки с острием, так называемые стили, употреблявшиеся для письма. Об этом же говорит интересный факт довольно широкого распространения христианства в позднеантичную эпоху. Погребения по христианскому обряду были установлены не только на территории города Сухуми, но и в большом количестве и в Цебельдинских некрополях. Там же найден золотой крестик второй половины IV в. н. э. и серебряный медальон с изображением Горгоны середины IV в. н. э. Медальон с христианской греческой надписью; перевод, сделанный Л. А. Ельницким, означает следующее: «Единый бог, помогающий приносящему». Одним из ранних центров распространения христианства на Кавказе оказался город Питиус, где еще в IV в. существовал большой христианский храм с мозаичным полом. Этим вносится поправка в принятый ранее взгляд, что распространение христианства в Абхазии относится к VI в.

Таким образом, раскопки памятников античного времени в 50-х и 60-х годах, в значительной мере пополнив запас наших сведений по материальной и духовной культуре, хозяйству и социальным отношениям, подводят нас к решению ряда историче-

¹ Меликсет Л. Л. По следам перипла Арриана. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН ГССР, XXX, 1959.

ских проблем, среди которых одна из интереснейших – выяснение особенностей материальной культуры местных племен, их этнических особенностей, характера греческой и последующей римской колонизации, взаимоотношений этого пришлого элемента с местным населением, и взаимного обогащения в области производственной деятельности, искусства, религиозных представлений. Наконец, мы можем получить некоторые данные и о причинах гибели их городов-колоний античности, уступивших место новым средневековым городам.

Средневековые памятники Абхазии, главным образом ее многочисленные храмы, привлекали внимание исследователей и в дореволюционное время, но систематическое их изучение началось лишь после Великой Октябрьской революции.

В 20-х годах среди монументальных памятников средневековья особенный интерес вызывали два выдающихся по своему масштабу крепостных сооружений, вернее, две системы обороны: развалины на Иверской горе близ Н. Афона и Великая Абхазская стена, начинавшаяся в устье р. Келасури, и далее охватывающая южную часть Абхазии со стороны гор. Последнему памятнику посвятил свое исследование в 1920 г. М. М. Иващенко¹. Изучение сведений старых авторов и топографических условий привели М. М. Иващенко к выводу, что стена была построена для своих целей Византийской империей во время царствования императора Юстиниана, т. е. в первой половине VI в. н. э., что, по мнению автора, соответствовало политической ситуации того времени.

А. С. Башкиров, исследовавший развалины крепости на Иверской горе в 1925 г., правильно приписал её Анакопии, не раз упоминаемой в исторических сведениях о твердыне Абхазии².

Тогда же А. С. Башкиров дал описание храмов в Пицунде и в Лыхнах, отнеся их к XI–XII вв., фрески Пицундского храма он датировал ориентировочно XIV веком.

В 30-х годах интересы следующей смены археологов снова и снова обращались к тем же памятникам. В 1937 и 1938 гг. одновре-

¹ Иващенко М.М. Великая Абхазская стена. Изв. АБНО. Вып. IV, Сухуми, 1926.

² Башкиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии летом. Изв. АБНО. Вып. IV, Сухуми, 1926.

менно они исследовались Л. Н. Соловьевым и директором Абхазского государственного музея краеведом И. Е. Адзинба.¹

Если до 1930 годов изучение средневековых памятников Абхазии не сопровождалось археологическими раскопками, то с 1950 года начались раскопки этого рода памятников. Значительные работы в этом направлении были сделаны в 1957–1958 гг.² по исследованию средневековой крепости Анакопии, расположенной на Иверской горе близ современного Н. Афона (Псырцха). Анакопийская экспедиция Абхазского института за два года расчистила и раскопала полностью башни №№ 3, 4, 5. 6. 7 второй линии обороны, остатки небольшого храма, печь для обжига извести, вскрыла человеческие погребения с христианским обрядом захоронения и исследовала ряд других объектов в районе второй линии обороны. Раскопки установили наличие в башнях и возле стен второй линии обороны следующих культурных наслоений: а) верхний слой, относящийся к X–XII вв.; б) второй слой, датируемый VIII IX вв. (в этот период в ряде башен происходит частичное разрушение и их восстановление); в) третий слой, являющийся основным строительным слоем башен и стен второй Анакопийской оборонительной линии, относится, по-видимому ко второй половине VI в. н. э. или в VII в.; г) строительству крепости предшествовал эллинистический слой с большим количеством чернолаковой посуды (IV–III вв. до н. э.; д) в основании культурных отложений существовал разрушенный позднейшим сползанием поздненеолитический или неолитический слой с каменными орудиями и грубой керамикой.

¹ Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии, Сухуми, 1958.

² Руководителем экспедиции 1957 г. был М.М. Трапш. В состав экспедиции 1958 г. входили старшие научные сотрудники Абхазского института: Ш.Д. Инал-ипа, Л.Н. Соловьев (заместитель начальника) М.М. Трапш (начальник экспедиции), Л.А. Шервашидзе, а также начальник отдела охраны памятников культуры Министерства культуры Абхазской АССР В. П. Пачулиа, старший научный сотрудник института Истории АН Груз. ССР О.Д. Лордкипонидзе, младший научный сотрудник Государственного музея Грузии В.А. Левкинадзе, младший научный сотрудник Государственного музея Абхазии В.В. Бжания и художник В.С. Орелкин. Отчет опубликован М.М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН ГССР, XXX, Сухуми, 1960.

Раскопки Анакопии имели большое значение для изучения истории Абхазии, поскольку Анакопийская крепость является одним из выдающихся фортификационных сооружений не только в Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа. В VII в. она служила центром и мощным опорным пунктом Западно-Абхазского княжества абазгов, а в конце VIII в. вокруг нее образовалось объединенное Абхазское царство, первоначальной столицей которого являлась, видимо, Анакопия.

Как было сказано вначале, в дореволюционное время изучались лишь памятники церковной архитектуры. Это были наиболее крупные и лучше сохранившиеся храмы Абхазии: Пицундский, Лыхненский, Моквинский и Бедийский. Но дальнейшие годы ничего не прибавили к их изучению. Так продолжалось до 60-х годов, когда к их изучению приступили научные сотрудники Абхазского института. Л. А. Шервашидзе в последние годы исследовал целый ряд новых памятников церковной архитектуры, как например: церковь в с. Акапа¹, храм: Цхелкари², Пшаури, комплекс памятников Царче (крепость и культовые сооружения) и заново обследовал Вороновскую церковь на холме близ с. Цебельда. Часть этих храмов содержала остатки настенных росписей, представляющих большую ценность. Так было доказано, что из XIV–XV вв. падает новый расцвет монументального храмового строительства, прекращенный затем установлением турецкого господства. А. К. Кация исследовал известные науке, но почти не описанные храмы Илорский³, Мармалбаа, Амзара и Бзыбский храм, а также обнаруженные В. П. Пачулиа и В. С. Орелкиным в окрестностях Н. Афона два храма, из которых особенно интересен купольный храм Мсыгхуа⁴.

Проведенные искусствоведами Абхазского института работы показывают, как далеко еще не исчерпаны художественно-архи-

¹ Шервашидзе Л. А. Церковь в сел. Акапа (Одиши) около Сухуми. Тр. Абхазского института ЯЛИ АН ГССР. XXX, Сухуми, 1959. Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1960.

² Шервашидзе Л. А. Цхелкари. Материалы по археологии Абхазский АССР, Тбилиси. 1957.

³ Кация А. К. Илори (памятник XI века), Сухуми, 1963.

⁴ Кация А. К. Средневековые архитектурные памятники долины Цкуара Материалы по археологии Абхазской АССР. Тбилиси. 1967.

тектурные сокровища Абхазии, как много они могут внести и понимание материальной и духовной культуры прошлого.

Следует еще упомянуть все возрастающее участие в работах по исследованию архитектурных памятников Абхазского Совета Грузинского общества по охране памятников культуры. Особенно надо отметить подготовку свода архитектурных памятников Средневековья Абхазии (В. П. Пачулиа, В. С. Орелкин).

Из приведенного материала видно, что за годы советской власти в области изучения археологии Абхазии достигнуты значительные успехи. Археологический материал стал полноценным источником, вырисовывающим непрерывную линию развития культуры с глубокой древности. Он является серьезным вкладом не только в изучение древней истории Абхазии, но и всего Кавказа, так как народы, жившие на этой обширной территории, были связаны культурно-исторически с древнейших времен.

Этим важно руководствоваться в дальнейшем при постановке новых проблем археологического исследования, которые помогут в более широком масштабе, используя колоссальный археологический материал, накопленный на Кавказе, разрешить также важные вопросы, как образование народов Закавказья и другие актуальные вопросы.

Под знаменем октября. Сухуми, 1968, С.159-179

20. ААЦСАРАК АГЭХЬАА ЗКЗАМ АИЛКААФ

**(Л.Н. Соловиов диижьтәи 70 шықәса атреи 45 шықәсатәи
инаукатә усуреи ирызкны)**

Диижьтәи 70 шықәса, насггы анаукатә усура даҕеуижьтәи 45 шықәса тит иаалукаазаша асовет рхеолог, Кавказ атцаафы Лев Николаи-ица Соловиов.

Лев Николаи-ица ибиография акрызҕутцааша акәны иҕоуп. Уи иаанарпшуеит абри ауаф ахьынтқар ихаан, иарбанзаалакгы материалтә цхыраарак имазамкәа ауадафара дукәа ихгауа, анаукатә дыррақәа рахь еышәала имфа шалихуаз. Абри атәы рхәауеит иара ипстазаара, атцара анитцоз, иусура рзы афактқәа жпакы.

Л.Н. Соловиов диит 1894 шықәса азы Курсктәи аобласт, Медвенка ақытан, жәлар рыртцафы итаацәарафы. 1913 шықәсазы уи далгеит Курсктәи аклассикатә гимназия, уаанза шықәсык аҕхьа, уи еицырдыруа археолог П.С. Рыков иекспедиция, Медвенка ақыта азааигәара аславиантә қалақь ацәынхақәа рытыцшаара мѡапызгауаз далахәын. Абас иалихит пхьақатәи изанаат Л.Н. Соловиов.

Л.Н. Соловиов агимназия даналга Москватәи ауниверситет атоу-рыхтә-афилологиатә факультет дтәлеит, аха иматериалтә тагылазаашьа ауадафара аҕнытә иаарласны Харьковка диасит, уаатәи ауниверситет аҕны атцара далагеит.

Иааигәахауаз ареволиуция иамеханакит Харьковтәи аунвирситет астудентцәаггы. Л.Н. Соловиов ахшыфзышьтра рацәаны иадитцауан амарксисттә кружокқәа рҕны атцара, иара убас Ацъар Кацшь мазалатәи аҕып аҕны аусура, ареволиуция амшқәа раан уи астудентцәа рдужина ҕеф далагыланы аполиция рабцъарқәа рхых-ра иеалаирхәан.

Л. Н. Соловиов ихатәгәацхарала Ар Кацшь рахь дцеит, аграждантә еибашьра далахәын. 1921 шықәсазы, арра аҕнытә данаурыжь, уи аусура далагауеит Харьковтәи археологиатә музеи аҕны, ашьтахь Севастополь ақалақь азааигәара ажәйтәзатәи Херсонтәи

амузеи акҕны, уи ашьтахь Курсктәи амузеи аҕны. Археологиатә усуразы агеологиатә дырра цәула шатахыз еилкааны, Л. Н. Соловиов Ленинград ақалақь аҕны далгауеит ашьхатә институт агеологиатә курс. 1927 шықәсазы уи дрылахән Воронежтәи аобласт Боршьчев ақыта азааигәара апалеолиттә нхарта тып аҕны атцшаарақәа асовет наукатә усзуф П. П. Ефименко напхгара ззиуаз.

1933 шықәсазы Л. Н. Соловиов Ацсныка даауеит, анаукатә усуралгы напы аиркуеит. Уи иааи-рпшуеит акыр анхарта тыпқәа ажәйтәзатәи апалеолит аепоха иатцанакуаз: Очамчыра ақалақь азааигәара, Аегәара, Лечкоп убас егыртгы ақытақәа рҕны, иара убас ипшаауеит Аҕәа азааигәара Аладатәи Иаштхәа ақыта аҕны ашельтәи абцъарқәа, уаанза хара хтәыла атерритория аҕны зызбахә уафы имахацыз. Ари зыбзоурахаз уи ауп, усқан Ацсны иааны иҕан акыр археологиатәи агеологиатәи експедицияқәа. Убарт аекспедицияқәа иерылархәны Л. Н. Соловиов иацитцеит арҕиамта «Ацсны аполеолит геология хасабла арыцхә ашьақаргылар азтаатәи иазкны».

1936 шықәсазы Л. Н. Соловиов аусура далагауеит Ацснитәи анаукатә-еилказратә институт аҕны. Археолог М. М. Ивашченко иареи рнапы ианыртцауеит Очамчыра ақалақь аҕны ажәйтәзатәи анхамѡа аилкаара. Аилкаара аматериалқәа рыла Л. Н. Соловиов «Ацсны Очамчыра ақалақь азааигәара аенеолигтә нхарта» хәа иѡфыз анаука иаланагалеит аенеолити уаанзатәи абронзатә аамтеи репоха аан ауаатәыѡса ркультура зеипшраз аилкаара, ашьтахь ишааиуаз уи Очамчыратәи акультура хәа ахьз иуит.

1937 шықәсазы Л. Н. Соловиов далахәын Аѡадатәи Ешыра ақытан адольментә хахәтә тоубыт дуззақәа рытыцшаара, ашьтахь, 1946 шықәсазы итицшаауан Каманатәи Михайловкатәи ахапқәа рҕны. Аилкаарақәа имѡапигази, егырт аилкаарақәа рыла изатцоу адырратарақәеи, иара убасгы аетнографиатә дырратарақәеи рыла Л. Н. Соловиов 1960 шықәсазы акыпхь ианитцеит иусумта:

«Адольментә культура аан анышәынтра». Уи ишьақәнаргылауан адольменқәа абицара коллективла ртоубыт абицара ачленцәа ипсуаз рыбафқәа еиѣшәшәауа ианыкалал итапсаны псыпк зхамлауа ахѡара ишазкыз. Уи итицшаауеит иара убас, абри ацсыжшьа иадхәалаз, анимистикагә еилкаарақәа рказшьа азтаатәи.

1947 шықәсазы Л. Н. Соловиов итижьуеит иусумта «Диоскурия – Себастополис – Цхом», атуристцәа рзы даара акыр иапцоу рцаганы

иҗалаз. Абри аусумта аҗны ишыақәиргылеит Аҗәа абағәазаҗы азы атҗаҗа ишыҗоу аҗәйтәзатәи абырзен қалаҗь Диоскуриа. 1950 шықәсазы тытцит Л. Н. Соловиов иусумта җыц «Амраташәарахьтәи Қырттәыла агаҗәкәа рҗны абасратәи акерамикатәи апромыслтә нхарта жәйтәзә», зыҗны уи 1936 шықәсеи 1938 шықәсеи раан агаҗәтәи анхартақәа рҗны аилкаарақәа иҗаитҗаз реихшьалақәа җатҗаз. Уи ииашатәҗьаны иааирҗшит убарт анхартақәа промыслтә нхартақәаны ишыҗаз, амшын зы аҗьыка шалырхуаз, җшь-куакьк змаз азыматәахәкәа шыҗартәуаз.

30-тәи ашықәсқәа аҗбатән рызбжазан җ-уск еилагзаны Аҗәа-тәи ахәынтқарратә музеи аҗны аус шиуаз, Л. Н. Соловиов еиҗикаауеиг археология аҗәша аҗны анаукатә експозиция җыц. Уи итихқәази иипшаақәази рытҗаара иалаирхәеит атҗаҗәа җараҗәа, атәылаҗәатҗаара атемала алекцияқәа дрыпхәуеит, акомҗареидгыла Аҗснытәи обком инапы изланнатҗаз ала иҗаитҗауеит атҗаҗәа аҗхынтәи рныҗәарақәа рзы амаршрут. Аҗынҗьтәылатә еибашьра аналгамтәзы Л. Н. Соловиов амузеи адиректорс дҗалауеит. 1942 шықәсазы уи еиҗикаауеит аҗәыргакәтҗа Аҗынҗьтәылатә еибашьра дузза иазкны, мызқәак рыла уаҗа инеины ирбеит 12 нызқьык ауаа. 1943 шықәсазы Аҗәатәи арратә комиссариат Л. Н. Соловиов мобилизация изнауеит аграждантә хыхьчара Аҗәатәи аистребительтә баталион аҗны аусуразы. Аахыт-Кавказтәи афронт аңьныртә архәтәкәа рыштаб априказ иҗанатҗаз ала, Л. Н. Соловиов абаталион ахьынтәи дааҗхьаны атәылахьчаратә җакы змоу агеологиятә усурақәа рымҗаҗгара дазнакуеит. Аҗснытәи АССР Иреихәзоу Асовет Апрезидиум Л. Н. Соловиов инаҗеит амедал: «Аҗьшҗьтәылатә еибашьра дузза аан хьзырхәагала аусуразы».

Ашьтахь Л. Н. Соловиов СССР анаукақәа Ракадемия Крымтәи афилиал Симферополь иҗоу аҗны, Адлер наукатә усзуҗыс аус иуан. 1954 шықәсазы уи Москватәи ахәынтқарратә университет адлертәи акарсттә-спелеологиятә стационар адиректорс дҗартәуеит. Л. Н. Соловиов еиҗикаауеит Адлер араион аҗны акыр аҗаҗқәа комплексла рытҗаара. Абарт аилкаарақәа рхадаратә пунктны иалырхуеит Воронцавтәи аҗаҗ ду, Краснаиа Полианаҗа иҗоу амҗа аҗны азиас Кудипҗста ахытхыртә ашьхақәа рҗны иҗоу. Абри аус хәшықәса имҗаҗгауа, Л. Н. Соловиов акыр агеологиятә проблемақәа рызбаразы археологиятә метод ахархәара шьаҗаиргәҗеит, иара абри иаҗьа-

зикит ашьтахьтәи иусумта «С. З. Кавказ акарст аҗәра атҗааразы археологиятә метод аҗакы» хәа, 1956 шықәсазы иҗытҗыз.

Л. Н. Соловиов Адлертәи астационар аҗны анаукатә усура ду имҗаҗгаз, Воронцовтәи аҗаҗ ду аҗны, убас еҗьыртҗы акыр анхартақәа рҗны иипшаақәаз, антропологиятәи атопонимикатәи дырратарақәа акыр ихы иаирхәаз рыла уи илшеит аҗоурыхтә концепция җыц аҗсуа-адыҗтә иипшрақәа акырза иаазырҗшуа аҗоурыхтә концепция җыц аҗаргылара. Ари аконцекция уи ишыақәиргәҗеит иусумта: «Аҗада-Амраташәарахьтәи Кавказ акультуратә еимадара абаҗа җыц – Воронцовтәи аҗаҗы, аҗәйтәзатәи аанҗасыртә тып» аҗны. Абри аусумта тытцит 1958 шықәсазы, иара убри ашықәс азы Л. Н. Соловиов абри атемала Москва СССР анаукақәа Ракадемия археология Аинститут аҗны ихьчеит адиссертация. Абри аусумтаҗы Л. Н. Соловиов дықәгылауеит археологк иахасаб ала маҗара акәымкәа, анеолити абронзен репоха аконкреттә җагылазашьа аҗазшьақәа еиташьақәзыргылаз, Кавказ Амшынеиқәатә агаҗа аҗәйтәзатәи аҗоурых аконцепция җыц җазҗаз җоурых тҗааҗык иахасабалажы.

1958 шықәсазы Л. Н. Соловиов Аҗсныҗа дхынхәуеит, җаҗхьа аусураҗы далагауеит Аҗснытәи анаукатә-еилкааратә институт аҗны. Уи иерылаирхәт Анакопиа тәи абаа, Рим тәи абаа Севастополис рҗны атҗхрақәа, Аҗәа агаҗа аҗны иаарҗшыз. Севастополис аилкаара аихшьалақәа аҗурнал «Асоветтә археология». 1950 шықәсазы ианын. Иара убри ашықәс азы иҗытцит Л. Н. Соловиов иусумта «Анхәа аҗсуа қыта аҗны аҗаҗы Аҗҗа аҗы аҗырақәеи асахьақәеи» хәа хыс измаз.

1960–1961 шықәсқәа раан Л. Н. Соловиов җабал араион аҗны Хәпын иҗшахәа аҗны атҗшаарақәа иеырзикуеит, аибашьра җалаанзаҗы уи амезолит аепоха аантәи анхарта ахыпшаахьаз. Аматериалқәа рыраҗәареи иҗоуиҗьтәи акраатҗреи рыла Хәпын иҗшахәа Кавказ аҗны абри акультура абаҗақәа рахьынтәи еиха иаарылукааша акәны иҗоуп. Л. Н. Соловиов абри абаҗазыхәан маҗьана аинфсрмациятә дырратара маҗароуп акьыпхь ианитдахьоу, уи Хәпын иҗшахәа азыхәан ирмазеиуеит җыдала амонография.

Уажәы Л. Н. Соловиов имҗаҗгауеит Гәдаутә азааигәара Кистриктәи знхарта амеолити, аенеолити, ашьтахьтәи абронзеи репоха иатҗанакуа зкнытә аҗшаарақәа.

Л. Н. Соловиов имоуп акьыпхь ианитдахьоу аусумхақәа 20 ина-реихьаны, убарт рахьынтәи реиххарак Аҗсны аҗоурых иазкыуп. Уи

иусумтәкәа ркны ахшыџ ду айтәуеит ажәйтәзатәи атехникеи апромыслқәеи рытцаара.

Л. Н. Соловиов атыхәтәаптәи иусумтәкәа ркны иаарцшуп Амшынеикәа агаґа акультура ажәйтәзатәи ацивилизация атәылақәа Аґхятәи Амрагылара, хәґакахьалагы Амрагыларахьтәи Аґгьылбжьаратә мшыни ишрымадаз, урт аґгьыл аґтәи амџақәа рыла адагы Дарданелыи Босфори ирыбжьгоу амшын мџақәа рылагы ишеитаниаиуаз. Убри аимадара убысқак еизааигәан, убысқак хкыла ирацәан, убри аамтә инаркны Аахытц-Кавказ Аґхятәи Амрагылара адунеитәи акультура иазааигәан хәа иупхьазартә еицш. Аахытц-Кавказ аґтәи ажәларқәагы дара рганахьала ароль ду рыманы иґкалеит абри акультуратә тынха Ихытц-Кавкази Аџадатәи Пнрчерномориеи рахь инагауа. Абри еицш алкаа хада дазкылсит анаукатә узсуџ, акыршықәсатәи иархеологиатә еилкаарақәа рыбзоурала.

Л. Н. Соловиов археологиатә материалқәа рацәазаны, еиуеицшымкәан еизигаз шыґас ирзыґкалеит хыпхьазара рацәалатәи иусумтәкәа. Уажәы уи акыпхьаразы ирмазеиуеит аилкаара ду «Аґсны атерриториакны ажәйтәзатәи ауаажәларреи урт ркультуратә еимадарақәеи» хәа.

Л. Н. Соловиов адырра ду змоу, цыхәаґцәара змам аенергия злоу, ааґсара ззымдырзо аилкааџ иакуны дыґоуп. Уи анаукатә интерес имоу даара ицаулоуп. Зенґаґам хара хсоветтә интеллигенция ахатарнакцәа иразәкыу, Л. Н. Соловиов ауаажәларратә усура ду мџаґиґауеит. Уи – акультура абакақәа рыхьчаразы Аґыпґ дачленуп. Аґоурыхи, археологиии, аетнографиии Рґыпґ дачленуп. Аґснытәи ахәынґқаратә музейи атуризм Аґснытәи анаукатә-еилкааратә институти рнаукатә Советқәа дрычленуп. Атәылаґацә аґоурыхи археологиатә цшаарақәа рылтшәақәеи рзы уи илекцияқәеи иажәахәқәеи еиуеицшым рзызырџцәа ркнытә ахәшьара харакы роуеит еснагыгы.

Уажәтәи аамґазы Лев Николаи-иґа, иқәра дыштысхьоугы, аґьарахәа, еенергия ґәґала аусура илшауаны дыґоуп, қәґиарала имџаґиґауеит анаукатә-еилкааратә усурақәа. Хара, иара изґаакьацәа, аус ицызуа, Лев Николаи-иґа идахныхәалоит диижьґеи 70-тәи ашықәсхытцра амш, иаґизеиґахьшауеит аґәабзиара ґәґәа, аґхьагылара змоу асовет наука арґиараґы арґиаратә қәґиара ґыц дукәа.

«Аґсны ґаґшь», 1964, № 236, 29 ноябрь

21. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В СЕЛЕ КУЛАНУРХВА ГУДАУТСКОГО РАЙОНА

20 сентября 1948 г. Институтом истории им. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР был направлен отряд для производства археологических раскопок в селе Куланурхва Гудаутского района. Село Куланурхва тянется к северо-востоку от гор. Гудаута и находится между двумя реками: с запада р. Гудоу, с востока – р. Дахуарта.

Село расположено на возвышенностях, с которых открывается вид на Черное море и гор. Гудаута. В центральной части этого села, в 5 км от Гудауты, находится поселок Абгаюра, где летом 1948 г. при производстве археологической разведки на северной окраине этого поселка много было вскрыто древнее погребение с колхидско-кобанским инвентарем.

Местность здесь представляет возвышенность с двумя скатами: на северо-запад и юго-восток. Северо-западный скат опускается в глубокий овраг Джимджика, юго-восточный постепенно понижается в направлении поселка Абгамара.

Раскопки были начаты 23 сентября на месте первой находки, и дали большой дополнительный материал. Было вскрыто еще 4 погребения: 3 человеческих и одно – конское. Из них два погребения также содержат предметы колхидско-кобанской культуры.

Археологические памятники, обнаруженные в поселке Абгаюра: – пять бронзовых топоров, один с полый бронзовой рукоятью, другой с фигурой собаки на обухе, бронзовая фигура леопарда в лежачем положении с петлей для подвески, бронзовое схематическое изображение летящей птицы с подвесками наподобие рыб, бронзовые браслеты, сердоликовые бусы, бронзовая пряжка с головкой какого-то животного и многие другие представляют большой научный интерес.

Хронологически найденные памятники до полного исследования можно датировать приблизительно первой половиной первого тысячелетия до н. э.

Исключительный интерес представляет собой также вскрытое в абгаюарском могильнике погребение воина с характерным инвентарем так называемого «скифского типа», например: бронзовые и железные наконечники стрел, железный кинжал, железные топоры и др.

На территории древней Колхиды такое погребение встречается впервые. Ему синхронично погребение боевого коня со сбруей скифского типа.

Факт обнаружения этого памятника конкретно указывает на реальные связи населения древней Колхиды со скифами.

По археологическим и историческим данным известно, что скифы начинают играть ведущую роль в исторической жизни с VII по III столетие до н. э. В свете этого данный материал можно датировать приблизительно VI–IV вв. до н. э.

Все эти памятники, открытые в Абгаюаре, и многочисленные бронзовые предметы, часто находимые колхозниками, свидетельствуют о том, что Абхазия представляет собой интереснейший музей древностей

«Советская Абхазия», 1948, № 253, 31 декабря

22. НОВЫЕ НАХОДКИ АРХЕОЛОГОВ

За последние два года в Абхазии оживились археологические изыскания. Ведутся раскопки ряда памятников материальной культуры, уже давшие исторические сведения, относящиеся к тому интересному периоду, когда Черноморское побережье Кавказа было вовлечено в широкие связи с греко-римским культурным миром. Особенный интерес представляют находки на территории Пицундского мыса.

Пицундский мыс с северо-востока прикрит Мюссерской возвышенностью, а с север-запада его омывает река Бзыбь. Хорошая внутренняя гавань в виде цепи озер Инкит и Анышхцара представляла большие удобства для развития торгового мореплавания. Еще в IV веке до нашей эры здесь был основан город Питиунт (Питиус), в котором в дальнейшем была сосредоточена значительная часть торговли эллинов с народами Кавказа.

О жизни этого древнего города, его постройках, богатстве дают представление следы деятельности его населения, открытые археологической экспедицией Академии наук Грузинской ССР под руководством кандидата исторических наук А. Апакидзе. Внутри городских стен, имевших мощные башни, обнаружены канализация, водохранилище, городская площадь с окружавшими ее жилыми зданиями. Выдающееся научное значение имеет открытие храма, относящегося к IV веку нашей эры. Пол храма покрыт мозаикой, выложенной из разноцветных камней местных горных пород.

Раскопками выявлено много ценных объективных данных для суждения о различных, зачастую спорных, вопросах древней истории Кавказского побережья Черного моря. В материальной культуре Питиуса, наряду с грекоримско-византийскими установлено также наличие местных элементов. Значительное большинство найденных здесь остатков хозяйственной керамики принадлежит местному производству. В сюжетах мозаики христианского

храма сказывается и языческая символика абхазских племен. А. Апакидзе считает вероятным, что этот храм сооружен местными мастерами. Среди пицундских находок обращает на себя внимание «вислая печать» (булла), которой обычно скреплялись официальные документы. Она относится к VII – VIII вв. и носит на себе имя местного владельца Константина Абхазского.

Все вновь обнаруженные данные находятся в соответствии с установленным фактом весьма раннего, относящегося к IV веку нашей эры распространения христианства на побережье Абхазии. Об этом же свидетельствуют существование в Пицунде храма и упоминание епископа пицундского Стратофила в числе участников Никейского вселенского собора в 925 г., а также некоторые другие факты. Все больше накапливается материалов, говорящих о том, что предки современных абхазов к началу эллинской колонизации Причерноморья уже имели значительную собственную культуру, а позже принимали деятельное участие в жизни и расцвете Пониуса.

Ценные материалы о дальнейшем развитии культуры местных абхазских племен и процессе их консолидации в более крупное государственное объединение дают раскопки экспедиции Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР. Эти раскопки начались в 1957 году и продолжают сейчас. Экспедиция ставила своей задачей исследование руин оборонительных сооружений, находящихся на Иверской горе близ курорта Новый Афон и представляющих собою остатки древней крепости Анакопии.

Анакопия впервые упоминается в V веке нашей эры. Тем интереснее было открытие здесь экспедицией следов многослойного и, стало быть, более раннего поселения. Оно возникло еще в эпоху позднего неолита, т. е. в третьем тысячелетии до нашей эры. Существовало оно и в эпоху бронзы.

В конце первого тысячелетия до нашей эры, в эллинскую эпоху на вершине горы и ее южном склоне, обращенном к морю, жизнь возобновляется. Исследованный здесь культурный слой дал большое количество обломков посуды местного производства. Наряду с этим встречались обломки привозной амфорной и чернолаковой керамики, указывающие на широкие торговые связи местного населения с Малой Азией и Элладой.

Первые каменные стены (цитадель) были воздвигнуты на самой вершине Иверской горы, по-видимому, в первые века нашей эры. Позже, предположительно в эпоху раннего Средневековья была построена вторая линия оборонительных стен общим протяжением полтора километра, опоясывавшая гору в средней части склона. Эта линия обороны и исследуется в настоящее время археологами. Здесь раскопан ряд башен круглой и четырехугольной формы. Установлено, что они временами использовались и для обитания, а иногда служили местом погребения.

Здесь найдены предметы хозяйственно-бытового назначения: каменные жернова и ступы, ткацкие пряслица, грузила, железные предметы – топоры-цалды, ножи, гвозди, наконечники стрел. В большом количестве встречаются орудия для метания – каменные шары разной величины, пращевые камни. Большое значение для выяснения времени строительства этого сооружения будут иметь найденные в башнях отдельные монеты и в особенности свинцовая «вислая печать» (булла) с греческой надписью, принадлежавшая, по-видимому, одному из местных владельцев.

При раскопках был выделен также верхний культурный слой, относящийся к эпохе развитого Средневековья X– XII вв. нашей эры. К этому времени относится найденный и раскопанный экспедицией небольшой храм на склоне горы.

До окончания раскопок трудно сказать о времени закладки крепостных стен Анакопии. Тем не менее установлена непрерывность в обитании Иверской горы и в развитии материальной культуры, несомненно, имеющей местный характер.

Раскопки этого памятника тесным образом связанного с возникновением и историей Абхазского царства VIII–X веков представляют большой интерес и будут продолжены в последующие годы.

Советская Абхазия», 1952, № 37, 22 февраля

23. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Под руководством Коммунистической партии трудящиеся нашей страны с огромным воодушевлением борются за осуществление грандиозных планов коммунистического строительства. В этой борьбе активное участие принимает советская интеллигенция.

Исходя из решений Коммунистической партии, дирекция и партийная организация Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР в 1954 году обратили особое внимание на приближение тематики института к изучению истории непосредственных производителей материальных благ, строителей коммунистического общества. Вопросы изменения тематики работ научных сотрудников института обсуждались на открытом собрании первичной партийной организации и заседании Ученого совета.

В тематический план института в текущем подуду включены такие темы: «История колхоза имени Ленина села Окуми Гальского района Абхазской АССР», «Реконструкция сельского хозяйства Абхазской АССР в свете сталинского учения об основном экономическом законе социализма», «Ликвидация противоположности между городом и деревней и проблема стирания существенного различия между ними», «Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века», «Крестьянство Абхазии в первой половине XIX века», «Русско-абхазский словарь» и другие.

Очень важным делом является включение в тематический план института на 1954 год составления русско-абхазского словаря, который представит значительный научный практический интерес.

Институтом в последние поды проводились и проводятся археологические раскопки в Сухуми и его окрестностях, давшие интересные материалы, позволяющие окончательно решить вопрос о местонахождении древней Диоскурии.

Научно-исследовательская работа в институте в будущем году будет направлена на осуществление таких исследований, как «Очерки по истории Абхазии», «Описательная грамматика абхазского языка», составление практических словарей и т. д.

Научными сотрудниками института проведена и проводится большая работа по подготовке, составлению и изданию учебников и учебных пособий для абхазских школ. Кроме того, сотрудниками отдела языка и литературы составлена программа по абхазскому языку и литературе для абхазского сектора Сухумского педагогического института им. А. М. Горького.

В 1954 году коллективом научных сотрудников института будут выпущены в свет два сборника, посвященные изучению края в историко-археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях. Издаются также монографические работы отдельных научных сотрудников института: «Восстание 1866 года в Абхазии» – Г. А. Дзидзария, «Абхазская народная поэзия» – Б. В. Шинкуба, «Культурно-исторические взаимоотношения Грузии и России в первой половине XIX века» – А. Д. Олонецкого, «Абхазско-грузинский словарь» – Б. П. Джанашиа. Уже вышла из печати монография Ш. Д. Инал-ипа «Очерки по истории брака и семьи у абхазов».

Научные работники института глубоко и творчески изучают теорию марксизма-ленинизма. Они широко применяют ее в своей научно-исследовательской работе.

С самого начала 1953–1954 учебного года все коммунисты и беспартийные товарищи приступили к самостоятельному изучению трудов классиков марксизма-ленинизма.

Партийная организация института в течение учебного года для оказания помощи самостоятельно работающим над повышением своего идейно-теоретического уровня, кроме квалифицированных консультаций и теоретических собеседований, провела ряд лекций по различным теоретическим вопросам, марше этого года была проведена теоретическая конференция на тему «Роль народных масс в истории».

Конференция прошла на высоком идейно-теоретическом уровне. Почти все научные сотрудники института приняли в ней активное участие.

Учебный год был завершён несколькими квалифицированными лекциями на темы:

«Об аграрной политике Коммунистической партии Советского Союза», о работе И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» и др.

В центре внимания партийной организации института стоит задача воспитания научных кадров в духе советского патриотизма, братской дружбы народов СССР и пролетарского, проведены лекции и доклады, посвященные вопросам: «Национальная политика Коммунистической партии Советского Союза», «Дружба народов СССР — основа основ многонационального Советского государства», «Исторические корни дружбы украинского и русского народов», «300-летие воссоединения Украины с Россией — великое торжество народов СССР», «Украина и Грузия» и другие.

Все коммунисты и беспартийные товарищи вовлечены в активную партийную и общественную работу. Значительная часть членов КПСС является внештатными лекторами Абхазского областного комитета партии и членами Общества по распространению политических и научных знаний. Научные сотрудники института выступают в местной печати с научно-популярными и теоретическими статьями по различным отраслям знаний.

Партийная организация института, готовясь в новом учебном году в системе партийного просвещения, примет все меры к тому, чтобы еще более усилить идеологическую работу среди научных сотрудников.

М. Трапш, секретарь парторганизации Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР

«Советская Абхазия», 1954, № 158, 11 августа

24. ПОВЫШАТЬ УРОВЕНЬ ИДЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Коммунистическая партия учит, чтобы каждый научный работник смело разрабатывал актуальные вопросы, был новатором, умел увязывать свою деятельность с конкретными задачами коммунистического строительства. В тесной связи с практическими задачами наука обретает огромную действенную, преобразующую силу.

На партийных собраниях нашего института часто обсуждаются конкретные научно-производственные вопросы.

При высокой активности коммунистов и беспартийных прошли у нас собрания по таким вопросам, как работа с молодыми научными сотрудниками, подготовка научных диссертаций и др.

В отделе языка и литературы, которым заведовал тов. Д. Манджаладзе, крайне слабо обстояло дело с научно-исследовательской работой. Здесь не разрабатывались важнейшие вопросы грамматики абхазского языка, никто не занимался составлением практических словарей, изучением фольклора и т. д. Дело в том, что люди, работавшие в этом отделе, не чувствовали должной ответственности за порученную работу. На одном из партийных собраний коммунисты поставили вопрос перед дирекцией института о необходимости укрепления этого отдела соответствующими кадрами. Директор института, член партии т. Х. Бгажба прислушался к голосу участников собрания.

Отдел языка и литературы был укреплен инициативными и энергичными работниками.

Наша партийная организация заботится о том, чтобы научные сотрудники и прежде всего коммунисты непрерывно повышали свою квалификацию, идейно-теоретический уровень. В течение ряда лет младшая научная сотрудница института коммунистка Т. Жгенти затягивала работу над диссертацией. Не выступала она с рефератами или докладами на заседаниях отдела, не принимала активного участия в работе научных сессий института. На партийном собрании был обсужден вопрос о беспечном отно-

шении к делу со стороны т. Жгенти. Критика товарищей помогла. Тов. Жгенти старательно взялась на дело. В скором времени она написала свою диссертационную работу на тему «История окупского колхоза имени В. И. Ленина», успешно защитила ее, получив ученую степень кандидата исторических наук.

В некоторых работах, опубликованных институтом и его научными сотрудниками, были допущены серьезные ошибки.

Это относится прежде всего к очерку «Сухуми и его окрестности», в котором, в частности, почти не был освещен ряд важных фактов из истории абхазского народа, не было показано развитие Сухуми в советский период.

Почему так получалось? В институте не была должным образом развернута критика и самокритика, не в почете были научные творческие дискуссии. Политико-воспитательная работа среди научных работников страдала рядом серьезных недостатков. Партийной организации пришлось по-настоящему взяться за улучшение воспитания научных кадров. Сейчас дело поставлено таким образом, что все работы научных сотрудников широко обсуждаются на заседаниях отделов и ученого совета, на научных сессиях. Это помогает выявлять недостатки, а порой и ошибки в работах отдельных наших научных сотрудников. Так, на заседании отдела истории и этнографии были подвергнуты справедливой критике «Очерки по истории Абхазии». Следствием коллективного обсуждения явились существенные изменения и поправки, внесенные в эту научную работу.

Продолжительное время в институте плохо обстояло дело с издательской работой, крайне редко выпускались сборники трудов института, почти не издавались монографические исследования отдельных научных сотрудников. Вопрос этот был обсужден на одном из наших партийных собраний, на котором выяснилась, например, такая деталь: директор и ряд заведующих отделами не имели точного представления о том, какие научные труды уже подготовлены к изданию. Руководство института, сделав соответствующие выводы, усилило издательскую работу. За последнее время выпущен ряд трудов института и отдельных научных сотрудников.

Непременным и важным условием улучшения деятельности института является постоянное повышение идейной закалки научных кадров. Партийная организация стала несколько лучше за-

ниматься вопросами политической учебы. Все научные сотрудники института — коммунисты и беспартийные — самостоятельно изучают марксистско-ленинскую теорию, применяя идейно-теоретические знания в своей научной работе.

Для оказания помощи самостоятельно работающим над повышением идейно-теоретического уровня парторганизация регулярно устраивает лекции и доклады по отдельным вопросам марксистско-ленинской науки. В нынешнем учебном году уже состоялись лекции на темы «Работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «О монополистическом капитализме», «X съезд партии и историческое значение его решений» и т. д. До конца учебного года будет проведен еще ряд лекций.

Было бы, однако, неправильным полагать, что в работе нашей партийной организации нет недостатков. Недостатки есть, и существенные. Так, например, партийная организация не подняла еще на должный уровень чувство ответственности коммунистов — научных работников за порученное дело. Нередко они с прохладцей относятся к своевременному выезду в научные командировки и экспедиции, что отрицательно сказывается на выполнении плана научно-исследовательской работы.

Не раз на партийных собраниях поднимался вопрос о недостатках в деятельности институтской библиотеки. Однако парторганизация до сих пор не добилась улучшения ее работы. Слабо борется партийная организация за укрепление трудовой дисциплины.

Нам следует больше уделять внимания вопросам марксистско-ленинского образования, организации научных дискуссий по отдельным конкретным вопросам, вытекающим из задач института. Это поможет научным работникам расширить идейно-политический уровень, глубже овладеть методом диалектического материализма, единственно правильным методом научного творчества. Мы будем добиваться всемерного приближения деятельности института к разрешению актуальных вопросов хозяйственного и культурного строительства.

М. ТРАПШ,
секретарь парторганизации Абхазского института языка, литературы
и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР
«Советская Абхазия», 1955, № 85, 30 апреля

25. НАШ ВКЛАД В НАУКУ

Коллектив научных работников Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, как и весь советский народ, с огромным удовлетворением воспринял проект Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

Вдохновляющие перспективы дальнейшего развития нашей страны зовут к упорной творческой работе на благо народа, во имя великой цели – построения коммунизма. Мы отдадим все наши силы для выполнения указаний нашей родной партии в области развития науки.

В 1956–1960 гг. коллектив научных работников нашего института будет продолжать заниматься проблемными вопросами абхазского языка, литературы и фольклора, истории, археологии и этнографии Абхазии.

Проблема изучения языка потребует составления нормативной грамматики абхазского литературного языка (морфологии и синтаксиса), которая послужит пособием для учителей наших школ, студентов абхазского сектора Сухумского государственного педагогического института имени Горького и учащихся Сухумского педучилища. К этой же проблеме будут относиться и работы по составлению словарей: абхазско-русского, абхазского терминологического и орфографического.

В качестве одной из проблем по дальнейшей разработке вопросов литературы и фольклора наш коллектив ставит своей задачей изучить абхазскую художественную литературу и создать ряд монографий о творчестве ведущих местных писателей. Будет изучаться также устное народное творчество и издан сводный текст нартского эпоса и другие сборники фольклора.

Наряду с этим коллектив научных работников института в 1956–1960 гг. будет проводить работу по изучению истории и эт-

нографии Абхазии. В 1956 году намечается окончить первую часть «Очерков по истории Абхазии с древнейших времен до 1917 года», а с 1957 года планируется создание «Очерков по истории Абхазии советского периода». В течение 1957–1960 годов будет вестись монографическое изучение отдельных вопросов истории Абхазии советского периода. В этих работах найдут отражение возникновение и развитие социалистической экономики, культуры и быта трудящихся Абхазской АССР.

Помимо этого будут продолжены начатые несколько лет тому назад на территории Сухуми и Сухумского района археологические изыскания, а также углубленное изучение древней и средневековой истории Абхазии. Будет подготовлена к печати отдельная монографическая работа «Археологические раскопки в Сухуми».

Научные сотрудники института приложат все силы к тому, чтобы выполнить поставленные перед ними задачи.

«Советская Абхазия», 1956, № 14, 20 января

26. ЦЕННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Замок Баграта давно привлекал внимание исследователей, занимавшихся изучением средневековой Абхазии. Однако те незначительные раскопочные работы, которые производились на его территории, не позволяли сказать ничего существенного ни о времени постройки, ни о назначении этого памятника.

Поэтому в план научных работ Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР еще в 1954 году в связи с подготовкой «Очерков по истории Абхазии» было внесено монографическое исследование памятника – полные его раскопки.

Замок Баграта – небольшое укрепление, которое находится в юго-восточной части города Сухуми, над турбазой. Он расположен на узкой площадке с крутым обрывом в сторону села Абжаква. С восточной стороны крепость имела входные ворота, облицованные тесным известняковым камнем. Ворота защищались небольшой четырехугольной башней, пристроенной в более позднее время изнутри. Такая же четырехугольная башня была сооружена и в западной части крепости. Башня имеет вылазное окно, которое расположено в четырех метрах от поверхности земли. Можно предполагать, что во время штурма, когда враги пытались подняться на стены крепости, из этого окна спускалась лестница, по которой сходили защитники крепости, чтобы ударить в тыл осаждающим.

В 1954 году были произведены рекогносцировочные работы в крепостном дворе замка Баграта. Археологи обнаружили глиняные кувшины, обломки поливной керамики, фрагменты грубой кухонной посуды, железные наконечники стрел и др.

В 1955 году экспедиция института вскрыла весь крепостной двор замка Баграта, а в июле 1956 года было закончено исследование наружной стороны крепостной стены.

Раскопки, произведенные в 1954–1956 гг., дали очень ценный в научном отношении археологический материал, который отчетливо характеризует культуру и быт местного населения в историческом прошлом. Этот материал разновременный и принадлежит к двум хронологическим периодам V–II вв. до н.э. и X–XIV вв. н.э.

К V–II вв. до н.э. относятся принадлежности конской сбруи: бронзовые жали, изящные колокольчиковидные подвески, бубенчики и др. К этому же периоду относятся найденные здесь керамические изделия из различных центров древней Греции: обломки чернолаковой посуды, родосские ручки чернолаковой посуды, фрагменты синопской черепицы и т.д. Эти находки свидетельствуют о том, что еще задолго до сооружения крепости там существовало древнее поселение.

К средневековому периоду, т.е. к X–XIV вв. относятся поливная керамика, грубая кухонная посуда, железные наконечники стрел, железные и костяные шилья, пряслицы для веретен, обломки жерновов, фрагменты каменных сковородок, большое количество костей различных животных и т.д.

К периоду X–XIV вв. относятся также обнаруженные в крепостном дворе замка Баграта три погребов с большими глиняными кувшинами, предназначенными для хранения продовольственных запасов, главным образом вина и воды, в чем особенно нуждалось население крепости во время ее осады. Один из погребов с 19 кувшинами был устроен вблизи стены у восточной башни. Другой погреб с 8 кувшинами находился у обрыва крепостного двора. Третий погреб с тремя кувшинами расположен и сейчас рядом со стеной у западной башни. Эти сосуды, в отличие от сосудов из других погребов, были залиты известняковым раствором и обложены сцементированными камнями.

Время сооружения замка Баграта по выявленным археологическим материалам можно отнести к началу X века, т.е. к периоду существования Абхазского царства. Крепость прекратила свое существование примерно в начале XV века.

На основании находок устанавливается также, что замок Баграта неоднократно подвергался нападениям противника. Об этом говорит значительное количество разновременных наконеч-

ников стрел, обнаруженных с наружной стороны крепости. Некоторые из них согнуты в результате удара о каменную стену.

Замок Баграта по своим размерам и месту расположения являлся крепостью-убежищем, где укрывалась привилегированная часть местного населения во время нападений на средневековый Сухуми. Среди остатков кухонной посуды большую долю составляет драгоценная для того времени поливная керамика, что подтверждает высказанную мысль. Отсутствию среди находок дорогих ювелирных вещей и монет объясняется тем, что в свое время на территории крепости орудовали кладоискатели, проводившие бессистемные раскопки и присваивали находки.

Нахождение в крепостном дворе фрагментов жернова, сковородок, мисок, кухонных сосудов для приготовления пищи, пряслиц для веретен, шильев, шлака говорит о том, что периоды осады крепости были длительными, жизнь в ней шла своим чередом. Женщины занимались домашним хозяйством пряли, готовили еду, мололи зерно. Мужчины ковали оружие и изготавливали другие предметы обихода. Население жило в легких деревянных строениях в непосредственной близости к крепостным стенам.

Большую роль в хозяйстве средневекового населения Сухуми, как показывает археологический материал из замка Баграта, играло скотоводство.

Результаты раскопок дают основание считать, что у средневековых жителей нынешнего Сухуми было хорошо развито гончарное ремесло. Глиняная посуда производилась как при помощи гончарного круга, так и лепным путем.

В районе средневекового Сухуми высоко было развито и ткацкое ремесло. Об этом свидетельствуют находки значительного количества пряслиц для веретен.

Материал раскопок, произведенных в замке Баграта, представляет значительную ценность и его дальнейший анализ даст ценные сведения для изучения истории средневековой Абхазии.

«Советская Абхазия», 1956, № 170, 28 августа

27. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕЛЕ КУЛАНУРХВА

В результате археологических исследований, проводимых Институтом истории имени И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР совместно с Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР на территории Абхазии выявляются новые замечательные памятники колхидской бронзы.

Вещественные памятники колхидской бронзы имеют широкое распространение в Абхазии. Об этом говорят как недавние находки на Сухумской горе, так и богатейшие материалы Куланурхвского древнего некрополя, археологическое исследование которого было начато автором этой статьи еще в 1948 году по поручению Института истории имени И. А. Джавахишвили. Эти материалы и аналогичные им многочисленные памятники материальной культуры из других пунктов Абхазии являются ценнейшим источником для всестороннего изучения исторического прошлого древней Колхиды.

В июле – августе 1951 года Абхазским институтом языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР было начато дальнейшее археологическое исследование Куланурхвского древнего могильника, находящегося в шести километрах к северо-востоку от города Гудаута.

Экспедиция института ставила своей задачей выявить дополнительный археологический материал к раскопкам 1948 года с тем, чтобы получить возможно более полную картину условий существования родовых коллективов, оставивших указанный древний могильник.

В результате произведенных исследований были обнаружены остатки семи разрушенных погребений и место производства гончарных изделий древнего типа.

В свете этих раскопок выясняется территория распространения ряда интересных древних памятников, а также становится воз-

можным проверить принадлежность многочисленных предметов. ранге найденных в других местах Западной Грузии, к тому или иному погребальному комплексу.

Материал раскопок в селении Куланурхва, состоящий из замечательных образцов колхидской бронзы, разновременен по происхождению.

К древнейшему культурному слою к куланурхвских находок относятся все семь погребений. Среди них шесть погребений с инвентарем колхидской бронзы, а одно погребение – с инвентарем скифского типа. Материал, добытый в этих погребениях, с достаточной о том, что эти памятники материальной культуры относятся к VII и началу VI веков до нашей эры – периоду, представляющему большой научный интерес для изучения истории древней Колхиды.

Культурный слой этого периода представлен бронзовыми наконечниками стрел, железным наконечником копий, железными ножами, бронзовыми браслетами, бронзовым пинцетом, сердоликовыми, стеклянными, янтарными бусами и другими предметами. Из этих вещей особо интересны широкие пластинчатые бронзовые браслеты цилиндрической формы с четырьмя прутowymi ребрами по поверхности. Их следует рассматривать не только как украшение, но и как оборонительное оружие, служившее для защиты рук от удара боевого коротко-черепкового топора.

К следующему культурному слою куланурхвских находок принадлежат гончарные изделия из траншеи № 23, относящиеся приблизительно к IV–III вв. до нашей эры. Обращают на себя внимание обнаруженные в этой траншее обломки бракованной посуды, керамического шлама и глиняные пряслицы, бесспорно свидетельствующие о существовании крупного гончарного производства, причем не домашнего, а профессионально-ремесленного, с выходом этих изделий за пределы существовавшего древнего поселения. Глиняные пряслицы, имеющие коническую форму, представляют собою приспособление для веретен при прядении нитей. Подобные же находки обнаружены в 1936 году в сел. Дабла-гоми Самтредского района.

Нахождение глиняных пряслиц древнего типа в Куланурхва и Дабла-гоми свидетельствует о том, что в древней Колхиде пря-

дение являлось важной отраслью производства. Этот вывод подтверждается и свидетельствами античных авторов о прекрасных качествах колхидского льняного полотна.

Все археологические памятники, обнаруженные в селе Куланурхва, находятся в настоящее время в Абхазском институте языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР, где производится дальнейшее тщательное изучение этих находок.

Предварительное изучение материалов раскопок в селе Куланурхва позволяет прийти к выводу, что они охватывают два хронологических периода: ранний период (VII и начало VI веков до нашей эры) и поздний (IV–III вв. до нашей эры). Эти материалы ярко свидетельствуют прежде всего об общности культуры древних племен Колхиды, а также о тесных культурно-экономических связях этих племен с древним населением Северного Кавказа и степей Северного Причерноморья.

Таков результат наших исследований в селе Куланурхва. Дальнейшее исследование этого района в более широком масштабе, несомненно, пополнит наши сведения новыми данными о богатой культуре древней Колхиды.

Советская Абхазия», 1958, № 195, 3 октября

28. В ГЛУБЬ ВЕКОВ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В РАЙОНЕ НОВОГО АФОНА

В Средние века на побережье Абхазии в районе современного Нового Афона существовали город и крепость Анакопия. Остатки крепости сохранились на Иверской горе.

Анакопийская крепость является одним из наиболее значительных фортификационных сооружений не только в Абхазии, но и на всем Черноморском побережье Кавказа. В VII в. н. э. она служила центром и мощным опорным пунктом Западно-абхазского княжества абазгов, а позднее, в конце VIII в., вокруг неё образовалось объединенное Абхазское царство, первоначальной столицей которого являлась, видимо, Анакопия.

Крепость занимала обширную территорию. Она состояла из двух основных линий обороны. Первая линия укрепления – цитадель с двумя башнями – располагается на вершине горы. Хотя сама цитадель и невелика, она представляла собою сильное укрепление. Ее мощные стены сложены из хорошо отесанных известняковых квадров на известковом растворе с песком и гравием, местами с толченым кирпичом. Такой раствор отличается большой прочностью.

Крепостные башни – восточная и западная – не связаны со стенами цитадели; очевидно, они возведены позже. Четырехугольная восточная башня – наиболее мощное и высокое сооружение. На ее внутренних стенах сохранились гнезда для балок потолочного перекрытия верхних этажей. Судя по гнездам, башня была четырехэтажная, снабженная бойницами и окнами.

Внутри крепости расположены осадный колодец с питьевой водой и храм зального типа.

Осадный колодец, примыкающий к храму, построен одновременно с цитаделью. Он выдолблен в скале и облицован известняковым камнем. Этот колодец до сих пор содержит прекрасную питьевую воду.

Вторая линия обороны, расположенная ниже цитадели и соединяющаяся с нею, состоит из трех крепостных стен; южной, западной и восточной. Самая мощная из них – южная стена с семью башнями; она начинается от обрыва ущелья р. Псырца и, пересекая наискось пологий склон горы, зигзагами спускается к большой юго-западной угловой башне.

Крепостные ворота расположены у юго-западной угловой башни, являющейся самой мощной из всех анакопийских башен; она надежно защищала вход в крепость. Древняя узкая дорога, подходившая к воротам, шла немного ниже угловой башни, огибая ее слева. Неприятель должен был пройти здесь над крутым откосом, находясь под ударами защитников крепости. Мало того, обогнув башню, противник попадал на узкую тесную площадку, искусственно созданную перед воротами. Но если бы врагам даже и удалось проникнуть через ворота, они попали бы не внутрь крепости, а в отдельный треугольный дворик, созданный позади главной башни; здесь враг встретил бы перед собой новую мощную стену с дополнительными воротами. Брать крепость с юга лобовым ударом было почти невозможно, так как на этом ответственном участке было семь башен.

Как видно, система анакопийских укреплений была разработана с глубоким знанием приемов строительства древних фортификационных сооружений применительно к горным условиям.

Неслучайно многочисленная арабская армия под командованием Мервана-ибн-Мхаммада потерпела поражение в битве за Анакопию в 737–738 гг. По сообщению грузинского историка Джуаншера, Мерван покорил весь Кавказ от Дербента до Абхазии, разорил большое количество городов и крепостей, разрушил, в частности, столицу Лазики Цихи-Годжу, Келасурскую стену и «город Абхазии и Аписилии» – Цхуми (Сухуми). Затем Мерван осадил Анакопию. Попытки овладеть крепостью окончились поражением Мервана. Арабы вынуждены были навсегда покинуть Абхазию.

В 1957 году отделом охраны памятников Министерства культуры Абхазской АССР под научным наблюдением Абхазского института языка, литературы и истории Академии Грузинской ССР была начата расчистка некоторых древних сооружений на Иверской горе.

Эти работы велись в районе южной стены второй линии обороны, в частности в башнях №№ 3, 4, 5 и на склонах крепости, где тогда же были обнаружены остатки небольшого храма.

Экспедиция Абхазского института, в которой участвовали археологи Академии наук Грузинской ССР, продолжала работы, начатые в 1957 году. Основной ее задачей являлось исследование южной оборонительной стены и организация разведок на склонах крепости. Экспедиция должна была установить общую стратиграфию культурных наслоений крепости, датировать каждый из культурных горизонтов, дать конкретно-историческую их характеристику, определить место и значение памятника среди других крепостных сооружений Абхазии.

Анакопийская археологическая экспедиция расчистила и раскопала полностью башни №№ 3, 4, 5, 6, 7, остатки небольшого храма зального типа, печь для обжига извести, вскрыла 11 человеческих погребений с атрибутами захоронения и исследовала ряд других объектов в районе второй линии обороны. Все исследованные башни южной оборонительной стены имеют в плане полукруглую или четырехугольную форму, выступают вперед из стен, давая возможность флангового обстрела наступающего неприятеля. Они имели по 3–4 этажа и являлись одновременно жилыми помещениями покрытыми, кровельной черепицей. Разрушенный храм, обнаруженный в 1957 году, относится к XI в. Печь для обжига извести, открытая в 1958 г., имеет в плане круглую форму с отверстием для топки на южной ее стороне. Она свидетельствует о том, что в период строительства или восстановления крепостных сооружений второй Анакопийской оборонительной линии известь изготавливалась на месте, так как на южном склоне Иверской горы имеются огромные запасы известняка.

Выявленный основной археологический материал при раскопках указанных памятников состоит из значительного количества обломков различной глиняной посуды, орудий хозяйственного назначения, оружия, монет и т. д. К орудиям хозяйственного назначения принадлежат железные долота, ножницы, проколки, серпы с зубцами. Найдены предметы хозяйственного обихода и из камня. Это – жернова ручной мельницы, ступа, пряслица от веретен, оселочки со сквозными отверстиями для подвешивания к поясу.

Железное оружие, представленное в Анакопийской крепости, состоит из гарпуновидных предметов с шипами, наконечников стрел и ножей.

В крепости найдено 15 монет – тринадцать медных и две серебряных. Одна из них – серебряная – местного происхождения, а остальные – византийские. Причем место чеканки медных монет пока не установлено; они относятся к началу XI в. На лицевой стороне имеется погрудное изображение Иисуса Христа, а на оборотной – греческая надпись: «Христос – царь царей».

На византийской серебряной монете, найденной в башне № 6, имеется греческая надпись с именем византийского императора Константина Мономаха (1042–1054 гг.). На территории Закавказья такая монета найдена впервые.

На лицевой стороне местной серебряной монеты, найденной в башне № 4, имеется погрудное изображение влахернской богоматери с воздетыми руками и нимбом вокруг головы. На оборотной стороне ее – круговая грузинская надпись шрифтом асомтаврული. Надпись гласит: «Христе! Возвеличь Георгия абхазцев и грузин царя и кесароса». Надпись расшифровал доктор исторических наук, профессор Давид Георгиевич Капанадзе. Монета относится к 90-м годам XI века. В результате археологических работ установлено, что еще в III тысячелетии до н. э. на южном склоне Иверской горы возникло поселение эпохи позднего неолита. Поселения здесь существовали и в последующие археологические эпохи. В IV–II вв. до н. э. местное население, как показывают материалы раскопок, имело торгово-экономические связи с древней Грецией. Об этом говорят обнаруженные в культурном слое крепости черепки привозной керамики – амфорной и чернолаковой посуды.

Добытый раскопками основной археологический материал, имеющий непосредственное отношение ко второй линии обороны, принадлежит к местному производству. Хронологически он определяется VII–XII вв. н. э.

На основании многочисленных фрагментов разнообразной глиняной посуды и многих других находок, являющихся по происхождению типично местными, можно полагать, что вторая оборонительная линия Анакопийской крепости была построена местным населением.

В VII–XII вв. на склонах крепости существовали жилые постройки, в основном, по-видимому, деревянные. Об этом свидетельствуют довольно значительное количество обломков строительного керамического материала (черепица и кирпич) тесаные камни и отдельные куски штукатурки.

Фактические данные, полученные в результате исследования башен, и других объектов крепости, позволяют полагать, что все в основном сооружения второй анакопийской оборонительной линии относятся к VII в. н. э.

Дальнейшее планомерное, систематическое изучение Анакопийской крепости и прилегающей к ней территории дает, несомненно, новые материалы по истории средневековой Абхазии.

Советская Абхазия», 1959, № 148, 29 июля

29. ИССЛЕДОВАНИЯ АБХАЗСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Коллектив научных сотрудников Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР разрабатывает ряд научных проблем, связанных с историей Абхазии. В частности, нам, археологам, предстоит продолжить начатые еще в 1957 году работы в Новом Афоне – на раскопках древней Анакопии и в районе поселка Маяк, где находится древнее поселение. Раскопки в Новом Афоне должны вооружить нас новыми данными о средневековой Абхазии. Мы уже располагаем доказательствами того, что крепость Анакопия построена местным населением. На это указывают многочисленные разнообразные керамические изделия типично местного происхождения.

В результате раскопок в районе поселка Маяк мы получили сведения о том, что в VIII–VII веках до нашей эры здесь уже существовало население, одним из занятий которого было солеварение.

Материалы, добытые раскопками, проливают свет на древнюю и средневековую историю Абхазии. Эти работы будут нами продолжены и в последующие годы.

«Советская Абхазия», 1959, № 53, 15 марта

30. В ТЕСНОЙ СВЯЗИ С НАУЧНОЙ РАБОТОЙ

Партийная организация Абхазского института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР уделяет серьезное внимание партийной учебе. Все коммунисты и беспартийные работники института самостоятельно изучают марксистско-ленинскую теорию в тесной связи со своей научной деятельностью.

В настоящее время в парторганизации института идет глубокое и всестороннее изучение доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959 – 1965 годы» и других документов съезда. В помощь самостоятельно занимающимся партийное бюро организует беседы и консультации по отдельным теоретическим проблемам, выдвинутым XXI съездом партии.

В ближайшее время намечено привести теоретическую конференцию на тему «Исторические решения XXI съезда КПСС и вопросы коммунистического строительства в СССР». Партийное бюро заранее разработало план проведения этой конференции. Кроме основного доклада на конференции будут сделаны также рефераты по отдельным теоретическим вопросам, в том числе «О двух фазах коммунистического общества», «О постепенном развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление», «Об общих закономерностях развития стран мировой социалистической системы и более или менее одновременном их переходе к коммунизму» и другие.

В институте регулярно проводятся беседы с административно-техническим персоналом по материалам XXI съезда партии, а также по вопросам внутреннего и международного положения Советского Союза.

Ряд коммунистов принимает активное участие в пропаганде решений XXI съезда партии, выступая в качестве внештатных лекторов Абхазского обкома и Сухумского горкома КП Грузии.

Наши коммунисты участвовали в работе недавно состоявшейся городской теоретической конференции, проведенной горкомом партии на тему «XXI съезд КПСС и некоторые вопросы теории».

В завершение учебного года решено провести теоретическую конференцию, посвященную работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Партийное бюро института заранее составило план проведения этой теоретической конференции, наметило основного докладчика и содокладчиков по отдельным вопросам.

«Советская Абхазия», 1959, № 61, 9 марта

31. ДРЕВНИЙ ЗАМОК

В юго-восточной части Сухуми над туристской базой возвышается замок Баграта. Это довольно значительное оборонительное сооружение Средневековья.

Полукруглые стены замка выложены из массивного валунного камня, скрепленного известковым раствором. С северной стороны в замок вел подземный ход. В военное время через него защитникам крепости доставлялось продовольствие, оружие и подходило подкрепление. Ворота, находящиеся с восточной стороны крепости, выложены известняковым камнем. Ворота эти защищались небольшой четырехугольной башней, пристроенной изнутри. Такая же четырехугольная башня была сооружена и в западной стене крепости. Вылазное окно башни, перекрытое плоскоокруглой аркой, расположено в 4-х метрах от поверхности земли. Можно предполагать, что в критический момент, когда враги пытались подняться на стены крепости, из этого окна спускалась лестница и делались вылазки.

Замок Баграта давно привлекал внимание многих исследователей, интересовавшихся историей средневековой Абхазии. Впервые о нем сделал сообщение русский археолог В. И. Сизов, производивший археологические разведки и раскопки в Сухуми в 1886 г. В 1909 г. короткие сведения об этом памятнике были сообщены Московскому археологическому обществу местными сухумскими краеведами В. И. Чернявским и М. И. Галашевским. В 1935 г. замок Баграта подробно описал А. С. Башкиров.

Однако все эти сведения не позволяли сказать ничего существенного ни о времени постройки, ни о назначении памятника.

В течение 1954–1956 гг. экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР вскрыла весь крепостной двор замка Баграта и исследовала наружную сторону памятника. Раскопками был добыт значи-

тельный археологический материал, дающий яркую характеристику культуры и быта населения Сухуми в V – II веках до нашей эры и X–XIV веков нашей эры.

В числе находок, относящихся к V–II векам до н. э., принадлежности конской сбруи. К этому времени относятся также найденные здесь керамические изделия, изготовленные в древней Греции.

Эти находки свидетельствуют о том, что на территории замка Баграта еще задолго до сооружения крепости существовало древнее поселение.

Время сооружения замка Баграта по выявленным археологическим материалам, можно отнести к X веку, т. е. к периоду существования Абхазского царства. Крепость прекратила свое существование примерно в XV веке.

По вещевым находкам устанавливается также, что замок Баграта, неоднократно подвергался нападениям противника. Об этом свидетельствует значительное количество наконечников стрел, обнаруженных с наружной стороны крепости. Некоторые из них согнуты в результате удара о каменную стену.

Нахождение в крепостном дворе жерновов от ручной мельницы, сковородок, кухонных сосудов для приготовления пищи, пряслиц для веретен, шильев, металлических шлаков говорит о том, что периоды осады крепости были длительны и жизнь в ней в это время шла своим чередом.

Результаты раскопок показывают, что в Средневековье в Сухуми хорошо были развиты различные отрасли производства: гончарное, ткацкое и другие.

Осмотрев замок Баграта, туристы могут расположиться и отдохнуть в тени кипарисов, полюбоваться природой, замечательными видами, открывающимися с холма на город, село Абжаква, горный хребет.

«Советская Абхазия», 1961, № 129, 1 июля

32. ТАЙНЫ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛИ

В живописной горной части Абхазии в среднем течении бассейна р. Кодора расположено село Цебельда, на территории и в окрестностях которого расположены многочисленные памятники древней истории. В I – VI вв. н. э. здесь находился один из крупных культурных очагов на территории исторической Апсилии (юго-восточная Абхазия). Об этом свидетельствует наличие в районе Цебельды значительного количества различных памятников: могильников, храмов, крепостных сооружений, в том числе знаменитой Цебельдинской крепости, упоминаемой византийским историком начала VI в. н. э. Прокопием. Это крепость апсильов – одного из древних абхазских племен.

Археологическими разведками и раскопками, произведенными Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР на территории селения Цебельда, открыты и исследованы пять некрополей, датируемых первой половиной I-го тысячелетия н. э. В руках ученых оказался огромный вещественный материал для изучения древней истории и культуры апсильо-абазгских племен, упоминаемых впервые античными авторами, в частности Плинием Секундой в I в. н. э., а вслед за ним Агриппой во II в. н. э. и еще позднее, в начале VI в. н. э., – Прокопием.

На основании скудных и отрывочных исторических сведений, содержащихся в письменных сообщениях античных авторов, а также по данным топонимики можно считать, что древним населением современной Абхазии являлись апсилы и абазги – предки абхазского народа.

Обнаруженные в Цебельде могильники, являющиеся родовыми, расположены на склонах холмов, на расстоянии приблизительно от 600 м до 1 км друг от друга. Этот факт указывает на то, что Цебельда в интересующее нас время являлась густонаселенным местом. Она лежала на древнем торговом пути, шедшем из

Севастополиса на Северный Кавказ через Клухорский перевал, т. е. по трассе современной так называемой Военно-Сухумской дороги.

Прохождение древнего торгового пути через Цебельду имело важное значение: во-первых, оно сыграло, несомненно, значительную роль в увеличении численности населения Цебельды и превращении ее в крупный населенный пункт, ставший в I–VI вв. н. э. одним из центральных мест расселения больших родовых коллективов абхазского племени апсильов: во-вторых, оно создало благоприятные условия к возникновению здесь высокой для того времени своеобразной местной культуры.

Археологическими раскопками вскрыто в Цебельде более 130 погребений, в том числе шесть конских, относящихся к I– началу VI в. н. э. Погребения по способу и обряду захоронения принадлежат к двум различным типам – «трупоположения» и «трупосожжения». Представляет интерес обряд трупосожжения, совершавшийся вместе с предметами украшения и одежды за пределами могильников. Прах сожженных покойников помещали в специальные красноглиняные урны, украшенные различными орнаментами. Урна сверху прикрывалась глиняной тарелкой или миской, а в отдельных случаях – кубкообразной вазой на высокой ножке.

Раскопанный погребальный инвентарь в цебельдинских некрополях состоит из посуды, оружия, украшений и одежды, раннехристианского нательного креста, медальончика с греческой надписью, монет и многих других вещей.

Посуда представлена глиняными и стеклянными сосудами. Глиняная посуда состоит преимущественно из оригинальных кувшинов с чашечкообразным венчиком, украшенным бараньими и козлиными головками, рельефными изображениями узоров. Кувшины эти по своим формам и чашечкообразному оформлению горловин не имеют аналогии с посудой, известной археологической литературе. Они являются пока характерными только для культуры цебельдинских некрополей.

Стеклянная посуда – импортная, восточно-средиземноморского происхождения. Она представлена флаконами, стаканами и кубками с синими глазками и характерна для позднеантичной эпохи III–IV вв. н. э.

Оружие, найденное в некрополях, состоит из мечей, кинжалов, своеобразных топоров, наконечников копий и стрел, умбонот от щитов (один – с позолотой). Последние на территории Абхазии найдены впервые.

Из перечисленных видов оружия характерными для культуры цебельдинских некрополей являются топоры с довольно длинной трубчатой проушиной, с лезвием в виде свисающей широкой бородаки. Они изготавливались в Абхазии в первые века нашей эры. Топоры эти значительно позднее становятся более легкими и применяются в качестве плотничьих орудий. Вызывает интерес тот факт, что такие топоры бытовали в Абхазии вплоть до XIX в.

Наличие большого количества оружия в Цебельде свидетельствует об исключительно воинственном характере древнего населения Абхазии, которое в III–V вв. н. э. вело постоянную борьбу с римскими захватчиками.

Предметы украшения и одежда составляют значительную часть погребального инвентаря. Они встречаются главным образом в женских погребениях. Украшения делались из бронзы, серебра, сердолика, горного хрусталя, янтаря, гешира, стекла, представляя собой шейные гривны, фибулы, браслеты, серьги, бусы, пряжки и т. д.

Из украшений особый интерес представляют серебряные круглопроволочные серьги II в. н. э. в виде колец овальной формы с петлей и крючковидной застежкой на концах. Они украшены разноцветными полудрагоценными камнями в оправках, снабжены изящно выполненными фигурными подвесками. Подобные изделия древних ювелиров являются пока характерными только для культуры цебельдинских некрополей.

К числу оригинальных украшений относится также кулон из тонкого листового золота с петлей для подвешивания на шею, со вставным стеклом синего цвета, витыми тонкопроволочными подвесками снабженными мелкими светлого цвета бусами шаровидной формы. Кулон этот украшен орнаментом, состоящим из виноградных гроздьев и мелкой зерни сферической формы; он относится к II в. н. э. и принадлежит к замечательным памятникам местного искусства.

Следует отметить, что наличие в цебельдинских погребениях большого количества разнообразных предметов украшений

и одежды говорит о высоком для того времени уровне развития культуры апсильов и абазгов.

Большой интерес представляет золотой нательный крест, найденный в женском погребении. Крест этот, с петлей для подвешивания на шею, со вставленным в него стеклом полупрозрачного цвета, является уникальной находкой. Он относится к IV в. н. э. и свидетельствует о раннем появлении христианства на территории Абхазии – примерно, в конце III – начале IV в. н. э. Это вполне допустимо, так как приблизительно во второй четверти IV в. н. э. на территории абазгов (северо-западная Абхазия) в Питиунте существовал большой христианский храм, обследованный археологической экспедицией Института истории им. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР (под руководством А. М. Апакидзе).

К числу замечательных и уникальных находок относится также литой серебряный медальончик середины IV в. н. э. На нем рельефное изображение женской головы. Изображение это воспроизводит одно из местных языческих божеств (связанное с культом плодородия). Медальончик снабжен греческой надписью, перевод, сделанный Л.А. Ельницким, означает следующее: «Единый бог, помогающий приносящему».

Монет в цебельдинских некрополях обнаружено немало. Все они серебряные, римские (провинциальные, малоазийского происхождения). Монеты эти принадлежат к различным периодам правления римских императоров: Нервы (98 г.), Траяна (98 – 99 гг., 112–118 гг.), Адриана (121 – 122 гг.), Антонина Пий (138 – 161 гг.), Юлия Домна (317 г.) и т. д. Весь этот монетный материал указывает на торгово-экономическую связь древнего населения Цебельды с определенными районами позднеантичного мира, а также уточняет датировку цебельдинских некрополей.

Материалы раскопок в Цебельде при их соответствующей научной классификации дают ряд своеобразных черт как материальной, так и духовной культуры, что позволяет ставить вопрос о выделении в Западном Закавказье особой археологической культуры, которую можно назвать цебельдинской.

Необходимо подчеркнуть, что цебельдинская культура не является изолированным культурно-историческим явлением. Она, как это устанавливается материалами раскопок, обнаруживает

преемственную связь с предшествовавшими ей двумя родственными культурами: колхидской (Западное Закавказье) и кобанской (центральная часть Северного Кавказа). Об этом свидетельствуют многие находки, обнаруженные в Цебельде. Так, разнотипные железные наконечники копий, круглопроволочные бронзовые фибулы, тонкопроволочные спирально-концентрические очкообразные привески, шейные гривны, определенная часть кухонной посуды, орнаментальные культуры, четко выделяющей ее из всего окружения и указывающей на самостоятельный характер, являются следующие предметы: оригинальные кувшины с чашечкообразным венчиком и своеобразным орнаментом; железные топоры с лезвием в виде свисающей широкой бородки; серебряные круглопроволочные сережки с петлей и крючководной застежкой на концах, украшенные разноцветными сердоликами, и другие.

Этническая принадлежность населения, оставившего цебельдинские некрополи, определенно увязывается с древнеабхазскими племенами – апсилами и абазгами, упомянутыми впервые позднеантичными авторами I–II вв. н. э. и размещавшимися на территории, включающей и Цебельду.

Можно заключить, что выявлены первые хорошо датированные и увязанные с письменными источниками археологические данные, позволяющие ставить на твердую научную основу вопросы формирования абхазского народа и его самобытной культуры.

Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего широкого исследования памятников цебельдинской культуры на всей территории Абхазии, что приблизит нас к решению ряда важных вопросов древней истории Кавказа, в том числе и Абхазии.

«Советская Абхазия», 1963, № 153, 28 декабря

33. ПЕРВАЯ ОБОБЩАЮЩАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ

За последнее время сделано немало по исследованию исторического прошлого абхазского народа. Одним из показателей этого является издание ряда статей, монографий и обобщающих очерков по истории Абхазской АССР с древнейших времен до наших дней. К их числу относятся работы проф. З. В. Анчабадзе, которому принадлежат значительные заслуги в изучении вопросов истории Абхазии феодального периода и этнического развития абхазского народа.

В своей книге «Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.)», вышедшей в Сухуми в 1959 году, автор, опровергая ошибочные взгляды П. Ингороква, убедительно показывает, что этническая индивидуальность средневековых абхазов не может быть подвергнута никакому сомнению. Вместе с тем он первым поставил и предложил свое обоснованное решение одной из главнейших задач истории средневековой Абхазии – вопроса о времени и условиях образования абхазской народности. Ему принадлежит широкое освещение неразрывного единства исторической судьбы и вековых уз братской дружбы и сотрудничества между абхазским и грузинским народами.

Новая работа «История и культура древней Абхазии», вышедшая недавно в издательстве «Наука» Академии наук СССР в Москве, посвящена одной из труднейших и все еще очень мало разработанных проблем. Автор поставил себе целью осветить основные вопросы истории и культуры Абхазии с древнейших времен до V века н. э., на основе новейших достижений советской исторической науки показать возникновение, расцвет и разложение первобытнообщинного строя и образование классового общества («рабовладельческой формации античного периода»)

на территории современной Абхазии, а также проследить происхождение и раннюю этническую историю абхазского народа.

Кавказское Причерноморье издавна имело широкие исторические связи, оставившие следы в материальной и духовной культуре местного населения. Это подтверждает ряд выдающихся археологических памятников, свидетельства древних авторов, богатство этнографического материала. Однако до сих пор не существовало сводного труда по древней истории края. Поэтому надо приветствовать попытку, предпринятую З. В. Анчабадзе, – дать очерк древней истории и культуры Абхазии. Выводы, полученные по этому наилучше изученному участку Черноморского побережья Кавказа, могут характеризовать многие черты исторического процесса, свойственные всему побережью.

Такое широкое значение может, несомненно, иметь часть работы, посвященная палеолиту и неолиту. Не будучи археологом, автор, естественно, ограничивается лишь изложением результатов экспедиций целого поколения местных и приезжих археологов. Все же эрудиция историка позволяет ему показать за перечнем найденных на стоянках каменных (и костяных) предметов, описанием пещер – самого производителя орудий, создавшего примитивнейшую человеческую организацию за 300 – 200 тысяч лет до нашей эры. Эволюцию хозяйственных и общественных форм автор прослеживает на конкретном материале, причем некоторые вопросы, как например, сложение матриархата, развитие религиозных представлений и другие иллюстрирует данными этнографии абхазского народа.

Врядли можно поставить в вину автору некоторые несоответствия отдельных его высказываний фактическим данным и новым представлениям, если последние выявились после написания книги и еще не опубликованы. Так, в существовании следов шельской стадии человеческой культуры в Абхазии в последнее время начинают сомневаться; в Амткельском гроте вместо предполагавшейся в начале исследования мустьерской культуры при дальнейших раскопках была выявлена стоянка эпохи начального верхнего палеолита (стр. 22); датировка зерен, найденных в гроте Хупынипшахуа, мезолитом не была подтверждена дальнейшими раскопками (стр. 38); свинцовые обоймицы и черно-лощеная по-

суда, обнаруженные в 40-х годах в селище Кистрик, как показали раскопки, относятся не к неолитическому слою, а к слою поздней бронзы (стр. 43). Автор сообщает также о находке в гроте Хупынипшахуа гарпунов азильского типа, но из контекста изложения можно подумать, что такие гарпуны были известны и в других частях территории Советского Союза (стр. 37).

Эти и другие неточности не помешали автору дать хотя и краткую, но выразительную характеристику древнейшего человеческого общества Абхазского Причерноморья.

Энеолит и эпоха ранней бронзы представлены в работе, в основном, очамчирским поселением и дольменами. Сведения об этих памятниках использованы автором для освещения различных сторон хозяйственной деятельности, общественного устройства и религиозных представлений местного населения. Но было бы лучше, если бы автор описал их в одной главе, начав ее с энеолита. Следовало бы, по нашему мнению, соединить вместе разделы поздней бронзы и раннего железа: ведь для Кавказского побережья Черного моря характерно весьма раннее проникновение сюда железных изделий, и их бытование почти совпадает с изделиями поздней бронзы.

Некоторые замечания вызывает также вопрос о распространении тех или иных земледельческих орудий; бронзовые серпы более характерны не для колхидской культуры, а для Северного Кавказа (стр. 84). В последние годы бронзовые мотыги стали находить и на территории Абхазии, чем отводится представление о сравнительно малой развитости земледелия в этом районе.

В остальном картина хозяйственной деятельности населения Абхазии эпохи бронзы и раннего железа нарисована в соответствии с современными научными данными. Интересно преподнесены и другие разделы темы, в частности, о социальных отношениях и развитии культуры.

Переходя к характеристике античной эпохи на Абхазском побережье, автор справедливо отмечает, что при образовании и развитии причерноморских городов Колхиды ведущую роль играло местное население, которое ко времени прихода греков прошло длительный путь общественного развития и вполне было подготовлено для городской жизни. (стр. 148). С одной стороны, он

высказывается против распространённой раньше идеализации и колониационного процесса, с другой – показывает несостоятельность примитивного подхода к нему только как к «агрессии». Он подчеркивает исключительно важное значение греческих колоний для социально-экономического и культурного развития Колхиды (стр. 155).

Далее З.В. Анчабадзе переходит к другой, естественно возникающей, но довольно запутанной проблеме – установлению отношения современного абхазского населения и его культуры к выявленным здесь археологическим памятникам разных эпох, а также к характеристике тех или иных племен и народностей, выступающих в исторических свидетельствах.

Трудность этой проблемы заключается, в частности, в том, что раньше, чем начались широкие археологические исследования в крае и появилась возможность обоснованных обобщений, она сделалась предметом различных, нередко априорных заключений. Территория древней Абхазии включалась механически (и притом иногда «извечно») в рамки более поздних политических и этнических единств, изображалась как периферия, отстававшая в своем развитии во все эпохи.

Рядом ученых было приложено немало усилий для распространения умозрительного взгляда, что абхазская народность не имеет исторических корней на занимаемой ею территории, что должен рано или поздно обнаружиться перерыв в эволюции форм материальной культуры (то ли в античную, то ли в средневековую эпоху).

Против таких искусственных построений выступает автор рецензируемой работы, поставивший своей задачей выяснить, какие же фактические основания имеются в археологических материалах, сведениях древних авторов и в этнографических признаках для утверждений о существовании перерыва в преемственности культуры, о том, что когда-то до абхазов на территории Абхазии жило картвело-мегрельское население. Это приводит автора к исследованию вопроса об этнической принадлежности племен Кавказского Причерноморья, упоминаемых древними авторами.

Вначале он дает критический обзор различных мнений о происхождении абхазов и отдает предпочтение протохеттской тео-

рии, по которой в образовании абхазского этноса в конце III тысячелетия до н.э. приняли участие протохеттские племена «кашка» (сопоставляются с «кашаги», «косоги», как именовали черкесов у соседей) и «абешла» (ср. апсилы, – южно-абхазское племя). Приведя ряд обоснований этой теории, автор заключает: «Результатом процесса консолидации пришлых и местных элементов и явился древнеабхазский этнос – непосредственный предок единой абхазской нации. В данном аспекте мы и рассматриваем процесс автохтонности в формировании древнеабхазского этноса, поскольку он не в готовом уже виде явился на территорию Абхазии откуда-то извне, а исторически сформировался именно на данной территории» (стр. 126).

Далее З. В. Анчабадзе устанавливает, опираясь на археологические и другие исследования, преемственность форм материальной культуры и погребального обряда от эпохи дольменов до колхидской позднебронзовой культуры и далее – к позднеантичной эпохе вплоть до XIX в., когда в пережиточных погребальных обрядах абхазов прослеживаются те же традиции древнейшего культа.

Обращаясь к анализу сведений древних авторов о племенах, населявших данную часть древней Колхиды, З. В. Анчабадзе отмечает двоякое значение терминов «Колхида» и «колхи» – одно более широкое, политико-географическое и другое – более узкое, собственно этническое. Анализ источников приводит его к утверждению, что вопреки представлениям некоторых ученых гениохи, саниги и др. не являются картвельскими (мегрело-чанскими или сванскими) племенами, а являются предками абхазов, в частности племени садзов (вопрос же о кораксах и колах автор оставляет открытым). При этом ему приходится отводить и взгляды таких ученых, как П. Ингорюк и некоторых других, считающих непосредственных предшественников современных абхазов – абазгов и апсилов относящимися к картвельским племенам.

Таким образом, автор убедительно показывает несостоятельность всех попыток оторвать современных абхазов от занимаемой ими издавна территории, утверждает их автохтонность, в частности, неоспоримое обитание их здесь в античную эпоху (стр. 180).

Большой фактический материал об Абхазии периода существования Колхидского царства, античного и позднеантичного

времени, хорошо систематизированный, сопровождаемый собственными выводами и солидной аргументацией, приведен в последних главах работы.

Вместе с тем трактовка автором некоторых вопросов исторической этнографии Абхазии является сомнительной, вызывает возражения. В частности, нет достаточных оснований для утверждений об этнической пестроте населения Абхазии в эпоху Колхидского царства, в состав которого она входила (частично или полностью). Вряд ли можно считать вполне доказанным высказываемое и другими исследователями отождествление многоплеменных генихов с одними только санигами. Трудно согласиться с тем, что садзы (джики), этнически не без основания сближаемые автором с санигами, являются этнической общностью, отличающейся как от черкесов, мегрелов и сванов, так и от самих абхазов (стр. 176), что садзский язык был самостоятельным языком абхазо-адыгской группы (стр. 173-172), а не одним из крупных племенных наречий или диалектов абхазского языка. Не обосновано автором и его мнение, что племя мисимиан, упоминаемое в VI в. в долине Верхнего Кодора, возможно было одним из сванских племен (стр. 18,2).

Если такой важный с этногенетической точки зрения обычай, как «воздушное» погребение, был известен колхам и абхазам и, как пишет Арк. Ламберти, нельзя больше его «найти ни у одного народа в мире», то не свидетельствует ли этот существенный факт об этническом родстве абхазов с теми колхами, которым приписывали античные авторы этот обычай, на что исследователи обращают недостаточно внимания.

Среди древнего населения, оставившего цебельдинские некрополи, вряд ли «христиане составляли подавляющее большинство» (стр. 229).

Одним из важных достоинств рецензируемой книги является широкое привлечение фольклорно-этнографического и языкового материала. Досадно, однако, то, что редкое из приводимых автором абхазских слов и выражений дано в правильном написании (по типографским условиям). Заметны не всегда оправданное дробление работы на мелкие главы и параграфы, повторения, порой увлечение описаниями археологических и прочих памятников. Научный аппарат книги следовало бы в ряде случаев уточнить.

В книге З. В. Анчабадзе затронуты многие вопросы, требующие дополнительного изучения, но наряду с этим в труде мы имеем наиболее полную и добросовестную сводку положительных, надежно апробированных сведений и мнений по истории древней Абхазии. Многие страницы книги посвящены обоснованию собственных взглядов автора на те или иные исторические вопросы. Благодаря большой требовательности автора к стилю и языку ему удалось достичь лаконичности изложения.

Рецензируемая работа, как отмечалось выше, написана с учетом достижений современной советской исторической науки. Ее значение состоит, прежде всего, в том, что она представляет собой, по существу, первую серьезную попытку исторического осмысления накопленных за последнее время ценнейших археологических и других имеющихся материалов по древней Абхазии. Разумеется, первая попытка обобщающего обзора столь многочисленных и разнообразных материалов не может быть исчерпывающей и удачной во всех отношениях. Однако автор, будучи эрудированным историком, сумел внести определенную ясность в понимание фактов, остающихся до сих пор разрозненными и мало связанными с жизнью местных жителей, осмыслить многовековой путь народа с точки зрения процесса прогрессивного общественного развития, набросать общую картину (пусть не во всем совершенную) развития хозяйства, социальных отношений и культуры населения древнейшей и античной Абхазии.

Археология и этнография занимались до сих пор больше изучением памятников культуры, чем историей народа. Исследователи прошлого Абхазии преодолевают эту узость, все более усиливая освещение исторического процесса. Положено хорошее начало для создания труда об истории племен, населявших древнюю Абхазию. Труд З. В. Анчабадзе, написанный на основе марксистско-ленинской методологии, является значительным шагом вперед в этом направлении.

«Советская Абхазия», 1965, № 118, 18 июня

34. АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК. КУЛАНУРХВИНСКИЙ ДРЕВНИЙ МОГИЛЬНИК

До установления советской власти в Абхазии исследователи-археологи (В. И. Сизов, А. А. Миллер и др.) полагали, что памятников культуры эпохи бронзы на её территории не имелось. Однако последующие изыскания и раскопки, проведенные советскими учеными, дали возможность ряду археологов (В. И. Стражев, М. М. Иващенко, А. Л. Лукин и др.) обнаружить здесь значительное количество памятников бронзового века.

Новым доказательством широкого распространения бронзовой культуры в Абхазии являются богатые материалы Куланурхвинского могильника, обнаруженного и раскопанного автором диссертации в 1948 году, по заданию Института истории имени акад. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР. Этот материал, подтвердив ещё раз существование древних грунтовых могильников в Абхазии, обогащает археологию Западной Грузии рядом погребальных комплексов эпохи поздней бронзы.

Представленная работа «Куланурхвинский древний могильник» состоит из введения и трёх глав. В первой главе даются общие данные об исследованной местности и описание вскрытых погребений. Во второй главе рассматриваются инвентарь могильника и синхроничные с ним находки. В последней главе, на основе анализа выявленного археологического материала, сделаны выводы результатов исследования. В текст работы включены рисунки и таблицы инвентаря, в конце даны список литературы и перечень иллюстраций.

В июле 1948 года автором диссертации была произведена археологическая разведка в посёлке Абгаюара селения Куланурхва Гудаутского района Абхазской АССР.

Выбранный для разведки объект – посёлок Абгаюара, находящийся на расстоянии 5 – 6 километров к северо-востоку от г. Гудаута, представляет возвышенность с тремя размытыми склонами: на юго-запад, северо-запад и юго-восток. Эта возвышенность, носящая местное название «Аджра», что в переводе с абхазского означает «Дубовая роща», была прежде покрыта густым дубовым лесом, вырубленным в начале XX столетия для использования местности под посевы. При обработке пахотной земли на юго-восточном склоне Аджра крестьяне часто находили разные бронзовые вещи: топоры колхидского («кобанского») типа, пластинчатые браслеты с завитками на концах, ножные кольца и т. п. Однако предметы, найденные в этой местности, не были известны в археологической литературе, и селение Куланурхва вообще в археологическом отношении до сих пор не изучалось.

Автор, собрав все сведения о ранних случайных находках в указанной местности, начал вести разведку в районе юго-восточного склона возвышенности Аджра и обнаружил грунтовое погребение с богатым инвентарем колхидской бронзы.

В инвентарь находки входят: пять топоров (из них один – с фигурой собаки на обухе, другой – на полый разрезной бронзовой рукояти); три браслета (один фигурный, остальные два широкие, цилиндрической формы) 18 пронизей конической формы (с кнопкообразной головкой – 16, с заостренным кончиком – 2); схематическое изображение летящей птицы с подвесками наподобие рыб; цепочки; поясная пряжка; бусы (сердоликовые – 140, стеклянные – 50, пастовые – 12) и другие предметы.

Эта находка дала толчок к дальнейшему исследованию возвышенности Аджра.

В сентябре того же, 1948 года, по указанию директора Института истории имени акад. И. А. Джавахишвили, действительного члена Академии наук Грузинской ССР проф. Н. А. Бердзенишвили и пользуясь советами проф. Г. К. Ниорадзе, автор произвел археологические раскопки в поселке Абгаюара.

Исследование велось закладками траншей. Траншеи разбивались на квадраты, стороны которых равнялись 1 м.

В результате произведенных раскопок было вскрыто ещё четыре погребения: три человеческих и одноконское. Из них два по-

гребения – второе и третье – также содержали инвентарь колхидской бронзы: браслеты, скульптурные фигуры животных, фибулы, бусы, крестообразную подвеску, гребень, поясную пряжку, цепочку с очкообразными привесками и другие предметы.

Остальные погребения – четвертое (конское) и пятое – содержали инвентарь скифского типа (напр., наконечники стрел, удила, псалии).

По устройству и обряду захоронения вскрытые могилы в сел. Куланурхва однотипны. Погребения состояли из простых грунтовых ям без каких-либо каменных или других сооружений. Могилы расположены на 20–30 см от поверхности земли. Скелеты (человеческие) лежали на спине в вытянутом положении с ориентацией головы на юго-запад, к морю.

Инвентарь могильника состоит: из керамики, металлических изделий и бус.

I. Глиняная посуда в Куланурхвинском могильнике представлена скудно, и то в обломках. Она местного производства. Черепки, состоящие из темновато-серой глины, со значительной примесью песка, имеют средний обжиг. По собранным обломкам можно судить, что здесь представлен один тип сосуда – горшки. Среди фрагментированной керамики имеются обломки с тремя определёнными видами орнамента (геометрической, ёлочной и ямочной).

II. Металлические изделия в Куланурхвском могильнике представлены в большом количестве. Они группируются следующим образом:

а) Бронзовые колхидские («кобанские») топоры, относящиеся по классификации П. С. Уваровой к типам «б» и «г». Их насчитывается пять экземпляров, найденных в первом погребении. Среди топоров – три украшены комбинированным орнаментом, состоящим из треугольников, крючков, сеточек, кружков и ёлочек.

Из этих изделий значительный интерес представляет легкий топор типа «б» со скульптурной фигурой собаки на обухе. Отметим, что среди значительного количества колхидских топоров, найденных на территории Грузии и в центральной части Северного Кавказа, имеется только несколько штук топоров, украшенных фигурами животных на обушных площадках. Таковы, например,

гудаутский топор на металлической рукояти с фигурами лошадей на обухе (собрание А. Л. Лукина, Гос. Эрмитаж) и топор с фигурой животного на обухе, фотоснимок которого имеется в работе Ф. Ганчара «К проблеме кавказского звериного стиля», 1936 г., (на нем. яз.). Скульптурное же изображение собаки на колхидских топорах до сих пор не было известно? и куланурхвинский экземпляр является единственным в своем роде. Несохранившуюся деревянную рукоять топора украшали полые оправы для концов рукояти и фрагменты опоясывавшей её трёхгранной спирали.

Заслуживает внимания вопрос об идеологической значимости рассматриваемого изделия. Совершенно несомненно, что данный топор не боевого назначения. Об этом говорят в первую очередь следующие особенности: неотточенность лезвия, легкий вес и сама фигура, украшающая топор. Для понимания интересного смысла изображения собаки в сочетании с топором следует привести одну деталь из области религиозных верований абхазов. Так, среди божеств абхазов, удержавшихся в культовых пережитках, главное место по общепризнанности и широте функций принадлежало семидольному Айтар. Одной из долей этого великого бога обновления природы, размножения и, особенно, скотоводства¹ является Алышкинтыр – божество собак. Это обстоятельство также наводит на мысль, что указанный топор, украшенный фигурой собаки, культового назначения, причем этот культ, очевидно, тотемистического происхождения.

Особый интерес представляет также орнаментированный топор типа «г» на полой разрезной бронзовой рукояти.

Подобные топоры с аналогичной формой сечения рукояти известны в Абхазии, но их рукояти, в отличие от рукояти куланурхвинского топора, – не полые. Вне Абхазии в других районах Западной Грузии аналогичные топоры хорошо известны, но без металлических рукоятей.

Куланурхвинские изящно орнаментированные топоры, входящие в состав богатого комплекса первого погребения, дают возможность полагать, что обладатель их был видным представителем родовой знати.

¹ Джанашия И. С. Религиозные верования абхазов. Христианский Восток. Т. IV. Вып. 1, II. 1915.

б) Два железных топора типа секиры-молотка обнаружены в пятом погребении. Эти изделия по некоторым характерным чертам (овальное насадочное отверстие, общий профиль) напоминают топоры колхидского типа. Привлекает внимание хорошая сохранность этих топоров, указывающая на качество металла, тщательность проковки и, возможно, особенности химического состава железа.

Подобные топоры типа секиры-молотка, относящиеся к раннескифскому времени, обнаружены: в Грузии, в Дванском некрополе (С. Макалатия, 1945 г.); на Северном Кавказе, в бывшей Терской области, в могильнике Пседахе (В. И. Долбежев, 1898 г.) и на территории Украинской ССР, в б. Роменском уезде, в кургане № 5 у сел. Аксютинцы и в кургане № 12 у сел. Волковцы (С. Л. Мазаракис, 1886 г.).

Приведенные данные о железных топорах указанного типа свидетельствуют о том, что в раннескифское время эти топоры использовались на широкой территории.

в) Втульчатые наконечники стрел с шипами и без шипов скифского типа найдены в пятом погребении. Из них 14 бронзовых и 5 железных, причем у некоторых во втулке сохранились утонченные концы древка.

Стрелы четырех разновидностей: трехгранные, двуперые ромбовидной и овальной формы и одна стрела со скрытой втулкой, имеющая форму современной винтовочной пули с четырехгранным острием.

Наконечники стрел скифского типа, соответствующие нашим разновидностям, встречаются на широкой территории (Кавказ, Юго-Восточная Европа и т. д.), но в Абхазии они обнаружены впервые.

г) Узкий железный кинжал с плоской рукояткой, снабженной по всему краю ободком для закрепления деревянных планок, найден вместе с наконечниками стрел в пятом погребении.

На Кавказе три аналогичных железных кинжала обнаружены только в Восточном Закавказье – два в сел. Мурзик Азербайджанской ССР (Розендорф, 1903 г.) и один в крепости Кармир-блуре Армянской ССР (Б. Б. Пиотровский, 1948 г.).

Следует отметить, что эти кинжалы, также как и куланурхвинский, по своей форме тождественны с бронзовыми кинжалами переднеазиатского типа (1500–800 гг. до н. э.).¹

Изучение железных кинжалов указанного типа в совокупности с предметами, найденными вместе с ними, приводит к выводу, что применение такого рода оружия в Закавказье относится к раннескифскому времени.

д) Два железных ножа, представленные в пятом погребении, принадлежат к двум различным типам.

К первому относится нож со слегка изогнутой спинкой. На рукоятке этого ножа, являющейся продолжением спинки, сохранились фрагменты костяных планок, прикреплённых двумя железными стерженьками.

Ко второму – нож с толстой прямой спинкой, суживающийся клиновидно к острию.

е) Бронзовые удила двухсоставные со стремянообразными концевыми ушками (в одном экземпляре) и две железные псалии с тремя петлями или отверстиями и слегка изогнутым верхним концом находились при останках коня в четвёртом погребении.

Удила и псалии этого типа, характерные для раннескифских курганов Кубани и Приднепровья, попадают впервые не только в Абхазию, но и на территории всего Закавказья.

ж) Бронзовые браслеты принадлежат к шести различным типам. К первому относятся три широких пластинчатых браслета цилиндрической формы с четырьмя круговыми рёбрами (погр. 1 и 2) Подобной формы браслет имеется только в одном экземпляре среди бронзовых предметов Эшерского могильника (Абхазия эпохи поздней бронзы).

Ко второму – относится браслет фигурный (погр. 1) с центральной двухлопастной пластинкой, в средней части которой отходят в противоположные стороны по два желобчатых ребра. Рёбра эти, сливаясь, образуют расширенные концы. Изделия данного типа не имеются в собраниях колхидско-кобанской бронзы.

К третьему и четвёртому типам относятся два браслета (погр. 2), сделанные из круглого прута: один массивный с глубокими наруж-

¹ Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди ил Кавказе. ГАИ.МК. Вып. 120, 1985. С. 162–163.

ными надрезами, другой с восемью наружными выступами Браслеты с наружными надрезами чаще всего встречаются в Восточном Закавказье главным образом на территории Азербайджанской ССР.

К пятому – относится браслет, состоящий также из круглого прута с широко разведёнными, овальными расплюснутыми концами (погр. 3). Изделия этой формы известны в Грузии и в центральной части Северного Кавказа.

К шестому типу относится браслет (случайная находка из того же Куланурхвинского могильника до раскопок 1948 г.) пластинчатый трёхребристый, с суженными и свернутыми в спираль концами. Сравнительный археологический материал показывает, что браслеты этого типа являются характерными как для центральной части Северного Кавказа, так и для территории исторической Колхиды.

з) Скульптурные фигуры животных. Три бронзовые: схематическое изображение летящей птицы с подвесками наподобие рыб (погр. 1); изображение фантастического хищника с петлей для подвешивания (погр. 2); фигура кабана или свиньи, у которой на спине схематическое изображение какой-то птицы (погр. 3). Четвёртая – обломок серебряной фигуры животного (погр. 5), украшенный гравированным орнаментом, состоящим из ломанных линий.

Среди этих изделий особый интерес представляет уже упомянутая скульптурная фигура фантастического животного, покрытая ёлочными и геометрическими украшениями. Эта фигура по своим некоторым характерным чертам (открытая пасть, голова с толстой мордой, длинный хвост, ноги и др.) имеет близкое сходство с образом фантастического животного, очень часто встречающегося в отчётливо выраженной форме в орнаменте и рисунках на вещевых памятниках колхидско-кобанской бронзы (топоры, пряжки и др.).

Мы полагаем, что данная фигура имела не чисто декоративное, а тотемическое значение.

В этой связи напомним, что в религиозной жизни абхазов и их фольклоре отдельные представители животного мира часто играют значительную роль. Например, в образе самого выдающегося героя абхазских нартских сказаний Сасрыквы мы замечаем некоторые черты, по-видимому, тотемического характера. Так, в день его смерти непрерывно стекались к нему многочисленные животные, причем между некоторыми из них и умирающим нартом

наблюдаются близкие отношения. Особенно теплыми были его отношения с волком. Далее, некоторые абхазские фамилии также носят на себе несомненные следы тотемического происхождения, например, Бганба, т. е. Волков, и мн. др.

Волк вообще часто выступает как родоначальник рода или племени. Так, у мегрелов эпонимный герой зовется Гёриа, где «Гери» – значит «волк», а суффикс а является мегрельским фамильным оформлением. Хевсуры на горе Ахиели показывают могилу своего предка Мгела, т. е. Волка: «У этой могилы, называемой барука, ежегодно справляется трапеза в честь этого предка, куда поднимаются жители всего Архотского ущелья».¹

и) Восемнадцать бронзовых пронизей конической формы с дугообразной петлей внутри обнаружены в первом погребении. Из них 16 с кнопкообразной головкой и две с заострённым кончиком. Такого же вида изделия, но по размеру значительно большие, чем куланурхвинские, были найдены в Абхазии в сел. Мугудзырхва Гудаутского района (1929 г.) и в сел. Эшеры Сухумского района (1930 г.) в погребениях колхидско-кобанской бронзы, одни с кнопкообразными головками, другие – с фигурными, в виде парных звериных головок или даже целых животных.

На Кавказе аналогичные бронзовые пронизы обнаружены только в могильнике у сел. Малакю на северо-западном склоне горы Арарат. В Абхазии, где их уже насчитывается большое количество, они имеют несомненно глубокую местную традицию.

к) Три фибулы с бронзовыми цепочками найдены в третьем погребении. Среди них две бронзовые пластинчатые с крутой дужкой, одна железная, обычной дугообразной формы.

Бронзовая фибула типа куланурхвинских была обнаружена в Абхазии ещё раньше (сел. Абгархук Гудаутский район, собрание Я.Л. Лукина).

л) Бронзовые цепочки (одна с очкообразными привесками), сделанные из кантованной проволоки, найдены в первом и третьем погребениях. Такие цепочки и очкообразные привески известны на территории распространения колхидской бронзы.

¹ Бардолелидзе В. В. Опыт социологического изучения хевсурских верований. Цит. по статье Инал-Ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях. Труды АБНИИ АП Груз. ССР. Т. XXIII, Сухуми, 1949. С. 117.

м) Две пары серебряных серег в виде колец из круглого отшлифованного прута, с утончёнными концами, слегка заходящими друг за друга, найдены в третьем погребении. Тожественные серебряные серьги обнаружены только в Нестеровском могильнике на Северном Кавказе (раскопки Е. И. Крупнова, 1938).

н) Две поясные бронзовые пряжки со звериной головкой на длинной крючкообразной шее от узкого лентовидного бронзового пояса, конец которого вставлялся в продольный тесный расщеп этой пряжки. Они найдены в первом и втором погребениях. Такие изделия характерны для абхазских погребений с инвентарем колхидского типа.

о) Гребень бронзовый с семью зубцами (погр. 2), сделанный из пластинки четырёхугольной формы. Сверху он имеет выступ с круглым отверстием. Он украшен двумя схематически изображёнными топориками. Бронзовые гребни такого типа известны по раскопкам в Кобани, Триалети и т. д., но они в отличие от куланурхвинского, имеют иные схематические изображения.

п) Литая бронзовая булава с н-образной головкой, помещённой на ромбовидно-расширенной верхней части иглы, обнаружена в третьем погребении. Подобная булава (случайная находка в сел. Куланурхва) имеется в одном экземпляре только в коллекции А. Л. Лукина.

III. Бусы в Куланурхвинском могильнике составляют наиболее многочисленную часть инвентаря. Наряду с прекрасно обработанными сердоликовыми имеются бусы из бронзы и из стекла, а также пастовые. Есть и несколько янтарных бус.

В диссертационной работе эти бусы подразделены на следующие отдельные группы:

а) Сердоликовые бусы шаровидной формы с двухсторонне-сверлённым цилиндрическим каналом (140 штук) найдены в первом погребении. Все они прекрасно полированы, с желтовато-белой расцветкой поверхности и синими прожилками на некоторых, вызванными, очевидно, химическими процессами в почве.

Среди этих бус имеются пять штук с надпилом у входного отверстия. Сердоликовые бусы с надпилом известны по всему Причерноморью от Ольвии до Керчи и Анапы и встречаются в Приднепровье, по Дону, Кубани, Риону. Вместе с ними обычно находят разнообразные стеклянные, цветные, золотистые и пр. бусы

эллинистической эпохи III–I вв. до нашей эры и отчасти римской – I–II вв. нашей эры. Но куланурхвинские бусы с надпилом не могут быть отнесены к этому периоду, так как они по тонкости полировки и форме отверстия тождественны с каменными бусами (сардиевые, сердоликовые и др.), встречающимися в погребальных комплексах более раннего времени.

В Эшерском могильнике в Абхазии, в погребении с инвентарем колхидской бронзы, найдено около ста штук сердоликовых бус (среди них отсутствуют бусы с надпилом), аналогичные с куланурхвинскими по величине, тщательности отточки, тонкости полировки и форме самого отверстия. Подобные бусы вместе с золотыми украшениями в Западной Грузии найдены в большом количестве в сёлах Парцханаканеви и Носири. Эти бусы, по мнению Б. А. Куфтина, датируются раннеахеменидской эпохой. Вне пределов Западной Грузии тождественные бусы найдены в Казбекском кладе; они подтверждают дату для ожерелий из Парцханаканеви и Носири. Интересные находки, имеющие аналогию с куланурхвинскими, были сделаны в крепости Кармир-блуре (раскопки Б. Б. Пиотровского, 1940–1941 гг.), где в одной из центральных комнат Западного здания были обнаружены в большом количестве сердоликовые бусы вместе с тремя столбчатыми печатями урартского типа.

б) Стеклянные бусы шаровидной формы из золотистого и чуть зеленоватого стекла (50 штук) найдены в первом погребении. В эпоху поздней бронзы на территории Грузии стеклянные бусы редко попадают в погребальный инвентарь колхидского типа.

В коллекции А. Л. Лукина имеются четыре бусины шаровидной формы из зеленоватого стекла, обнаруженные в окрестности города Гудаута. Тожественные бусы, вместе со столбчатой печатью урартского типа, известны по раскопкам в могильнике у сел. Малакю (В. Ф. Петров, 1914 г.).

в) Бусы янтарные в Куланурхвинском могильнике представлены в небольшом количестве и то в фрагментах (погр. 1), за исключением одной целой, имеющей форму четырёхгранной усечённой пирамиды.

Янтарь впервые появляется в эпоху Кобанского могильника, а в раннескифское же время достаточно широко распространён.

г) Бусы пастовые биконической формы, хрупкие, оставляющие следы на пальцах (12 штук) найдены в первом погребении.

д) Бронзовые бусы двух типов:

К первому относятся разрезные бусы биконической формы слегка сплюснутые (сто штук), найденные во втором погребении. Бусы эти сделаны из трёхгранного прута 5 мм ширины.

Ко второму типу относятся более двухсот штук разрезных бус в виде колечек, сделанные из узеньких пластинок.

Таков инвентарь Куланурхвинского могильника.

В итоге произведенных исследований Куланурхвинского могильника автор в своей диссертации счёл возможным наметить следующие выводы:

1. Изучение археологического материала, в частности, сравнительный анализ всего могильного инвентаря, позволяет отнести вскрытые колхидские и «скифские» погребения в селении Куланурхва к одной исторической эпохе, а именно к раннескифскому времени, т. е., приблизительно к VII–VI вв. до н. э.

Главными основаниями для этой датировки являются:

Во-первых, сердоликовые бусы из первого погребения, которые по размеру, технике сверления и форме тождественны с бусами из селений Парцханаканеви и Носири (Западная Грузия), относящимися к эпохе не позднее ахеменидской или, может быть, к еще более раннему времени¹.

Во-вторых, куланурхвинский пластинчатый браслет с суженными и свернутыми в спираль концами, типичный для кобанского варианта колхидской бронзы, имеет полное сходство с двумя такими же браслетами, происходящими из могильника у селения Заюково на реке Баксане (Северный Кавказ). Эти браслеты характерны для поздних могил Кобанского могильника (VII–VI вв. до н. э.)²

В-третьих, псалии с тремя петлями или отверстиями со слегка изогнутым верхним концом, и удила стремяновидной формы из Куланурхва аналогичны с подобным типом узды (VI века до н. э.)³,

¹ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, том 1. Тбилиси. С. 169–171.

² Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье. Труды отд. истории первобытной культуры. Гос. Эрмитаж, т. III. 1940. С. 89–90.

³ Либеров П. Д. Скифские курганы Киевщины. Кр. сообщения ИИМК, АН СССР. Вып. XXX, 1949. С. 100.

характерным для раннескифских курганов Приднепровья и Кубани (ст. Смела Келермес и др.).

В-четвертых, некоторые куланурхвинские бронзовые наконечники стрел (трёхгранные) похожи на правильно датированные наконечники, обнаруженные в большом количестве в позднихеттском городе Каркамыше, в слое, относящемся ко времени разрушения этого города Навуходоносором в 604 году до н. э.¹

В-пятых, железный наконечник ромбической формы из сел. Куланурхва тождественен с железным наконечником из могильного комплекса у Шукур-Лимана на Таманском полуострове (рубеж VII–VI вв. до н. э.)².

Факт принадлежности вскрытых могил в селе Куланурхва к одной исторической эпохе подтверждается, во-первых, однотипным обрядом захоронения покойников и, во-вторых, могильным инвентарем, обнаруженным в одном культурном слое.

Вопрос о синхроничности основной массы колхидско-кобанской бронзы со скифским временем подробно рассматривает Е. И. Крупнов в своей работе «К вопросу о хронологии кобанской культуры». Для подкрепления своей мысли он приводит большое количество комплексов металлических изделий кобанского типа (большие булавки, пластинчатые браслеты с завитками на концах и др.), среди которых отчетливо выделяется группа памятников, датировемых находимыми вместе с ними предметами скифской культуры (VII–IV вв. до нашей эры)³.

Б. А. Куфтин, исходя из ряда археологических данных (например, бронзовая ситулка-кружка из могильника у сел. Малакля, типичная для кобанского варианта Северной Осетии и Западной Грузии), расцвет бронзы колхидско-кобанского типа в Грузии также относит к VII веку до нашей эры.⁴

¹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1, Тбилиси, 1911. С. 43.

² Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. Изв. Ар. Ком. Вып. 63, 1917. С. 57.

³ Крупнов К. М. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Ученые записки Кабардинского научно-иссл. института, т. 1. Нальчик, 1946. С. 158.

⁴ Куфтин Б. А. Урартский. Колумбарии у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII – V, Тбилиси, 1944. С. 68.

Таким образом, все приведенные соображения позволяют датировать исследованный материал Куланурхвинского могильника VII–VI вв. до н. э.

2. Основная культура древнего населения, оставившего Куланурхвинский могильник, соответствует в основном культуре, распространённой по всей территории исторической Колхиды и в большинстве районов Центрального Кавказа, при наличии, однако, в ней местной особенности, известной по памятникам бронзы, найденным на территории Абхазии. Археологический материал (бронзовые топоры, пластинчатый браслет со спиральными завитками на концах, цепочка с очкообразными привесками, фибулы, крестообразная подвеска и др. вещи) указывает конкретно на тесные связи и на одинаковую ступень культуры древних племен на территории распространения колхидской бронзы.

3. Вскрытые погребения в сел. Куланурхва говорят о том, что в указанную эпоху среди древних жителей центральной части Абхазии уже происходит процесс выделения экономически господствующего слоя населения. Отдельные погребения (напр., погр. 1) отличаются богатством своего инвентаря, говорящим о той ступени общественного развития, когда в родовом строе уже давали о себе знать зародыши будущего социального неравенства (выделение родоплеменной знати). Об этом свидетельствуют главным образом изящные бронзовые орнаментированные топоры и ряд других уникальных вещей, которые, по всей вероятности, служили своего рода знаками отличия и символизировали власть вождя племени или авторитет жреца.

Возможно, что эти представители, так сказать, родовой «аристократии» погребались вместе со своими жёнами. Это предположение основывается на втором (женском?) погребении, обнаруженном рядом с первым, целостность которого, к сожалению, нарушена, что может вызывать сомнение по поводу высказанной догадки.

О процессе выделения экономически господствовавшего слоя населения также, по-видимому, говорит и Аагстинское погребение из того же Гудаутского района.

4. Древнее население, жившее на территории нынешней Абхазии в рассматриваемое время, имело реальную связь со скифами Приднепровья и Кубани. Ярким свидетельством факта этих

связей является инвентарь четвёртого и пятого погребений (удила, псалии, наконечники стрел, топоры и др.).

5. Захоронения покойников в вытянутом положении на спине с инвентарем колхидского и скифского типа в Абхазии впервые обнаружены в сел. Куланурхва. Принимая во внимание с другой стороны, способ захоронения в глиняных сосудах из селений Эшеры (Сухумского района) и Приморского (Гудаутского района), следует признать, что в Абхазии в эпоху Куланурхвинского могильника существовали два типа погребального обряда: через простую ингумацию покойников в вытянутом положении на спине и погребения в глиняных урнах.

Дальнейшие исследования Куланурхвинского могильника, несомненно, пополнят наши сведения о бронзовой культуре исторической Колхиды.

**Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. Наук.
Сухум, 1951, 1-16**

ОТЧЁТЫ

35. КРАТКИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ В СЕЛ. КУЛАНУРХВА ГУДАУТСКОГО РАЙОНА АБХАЗСКОЙ АССР

20 сентября 1948 года я был командирован Институтом истории им. Джавахишвили АН Груз. ССР для производства археологических раскопок в сел. Куланурхва Гудаутского р-на.

Сел. Куланурхва тянется к северо-востоку от гор. Гудауты и находится между двумя реками: с запада р. Гудоу, с востока р. Дахуарата.

Село расположено на возвышенностях, с которых открывается вид на Черное море и гор. Гудауты. В центральной части этого села, в 5 км от гор. Гудауты находится пос. Абгаюара, где летом нынешнего года во время каникул при производстве археологической разведки на северной окраине этого поселка было вскрыто мною древнее погребение с колхидско-кобанским инвентарем (погр. № 1).

Местность здесь представляет возвышенность с двумя скалами: на северо-запад и юго-восток. Северо-западный скат опускается в глубокий овраг Джанджике, юга-восточный, через который проходит грунтовая дорога, постепенно понижается в направлении пос. Абгаюара.

Раскопки были начаты 23 сентября на юго-восточном скате, в районе первой находки, где предполагался могильник.

Исследование велось закладками траншей. Глубина траншей от 70 см. до 1 метра. Обследованная площадь равна приблизительно 300 кв. метром.

На этой площади было вскрыт пять грунтовых погребений, из них четыре людских и одно погребение коня. Инвентарь могильника делится на два типа: а) колхидско-кобанский и б) скифский.

О погребениях с колхидско-кобанским инвентарем.

Погребение 1.

Оно расположено на скате посередине грунтовой дороги. Глубина его с южной стороны – 30 см, с северной – 40 см. Поэтому костяк с южной стороны ямы был ближе к поверхности земли. Ширина ямы – 80 см, при длине в 2 метра. Костяк лежал в вытянутом положении на спине головою на Ю.З., в слое желтой глины с примесью порошкообразной извести. Длина костяка около 175 см.

Погребальный инвентарь состоит из следующих предметов.

1. Топор бронзовый, литой совместно с украшающей его обухную часть скульптурной фигурой собаки. Лежал правее черепа лезвием к костяку.

По классификации Уваровой топор относится к типу «би» без орнамента. По бокам осадочного отверстия он имеет по три ребра, разделенных между собою двумя желобками. На обухе топора находит пластинка овальной формы. На этой пластинке поставлена скульптурная фигура собаки с раскрытой пастью. Топор вначале имел деревянную рукоятку, о чем говорят бронзовые спиральные обмотки, тянувшиеся прямо от насадочного отверстия параллельно костяку.

В нижнем части спиральных обмоток лежала бронзовая оправа с петлей для нижнего конца рукоятки. Такого же назначения бронзовая оправа лежала снаружи у насадочного отверстия для верхнего конца рукоятки.

Исходя из того, что топор легкий и состоит из литой тонкой бронзы, надо думать, что он не боевого назначения, а является, несомненно, ритуальным. И носитель этого изящного предмета был видным представителем родоплеменной знати.

Подобное изделие с фигурой собаки не имеет аналогии в бронзовых предметах Колхиды, но надо отметить, что бронзовые топоры со скульптурными фигурами других видов животных встречены в Абхазии и в Кобани. Поэтому описываемая находка из Абгаюары не может считаться неожиданностью, ибо она не чужда художественным традициям колхидско-кобанской бронзы.

2. Топор боевой, бронзовый, литой, с закругленной молоточной частью. Он находился правее черепа, рядом с предыдущим, чуть ниже, лезвием к костяку.

По классификации Уваровой топор относится к типу «би».

По бокам насадочного отверстия он имеет по пять ребер, разделенных между собой четырьмя желобками. Топор орнаментирован.

С одной стороны насадочного отверстия, ребра окантованы витым шнуром. Шейка топора украшена на перекрещивающийся штриховкой и елочным орнаментом.

Лезвия с обеих сторон украшены зубчатым узором, причем одна сторона кроме зубчатого узора имеет крючковой узор, и елочный орнамент.

3. Топор боевой бронзовый, литой, с закругленной молоточной частью. Предыдущего типа. Лежал левее нижней части левой плечевой кости, лезвием к костяку. По бокам насадочного отверстия он имеет по четыре ребра, разделенных между собой тремя желобками. Топор с обеих сторон лезвия и шейки орнаментирован кружковым узором, располагающимся зонально в пяти рядах, и между рядами елочный орнамент. Ребра по бокам насадочного отверстия окантованы витым шнуром.

4. Топор боевой бронзовый с полый усеченной бронзовой рукописью лежал около правой руки, лезвием к костяку.

По классификации Уваровой топор относится к типу «Г», т.е. к типу с острой ребровидной молоточной частью. Он орнаментирован. Рукоятка сломана выше средней части и на нижнем конце ее вставлен поперек железный стерженек. Она имеет в разрезе форму овала. Верхняя часть рукояти плотно подогнана под отверстие топора, затем она постепенно суживается к низу, но на нижнем конце снова расширяется. Эта вещь по своей форме имеет аналогию с рукояткой гудаутского топора из коллекции А.Л. Лукина и с эшерской М.М. Иващенко, но новизна Абгаюрской рукояти заключается в том, что она полная усеченная, длиннее, и нижний конец ее более расширен. Нет сомнения в том, что это бронзовое изделие, имеющее форму рукояти, является облицовкой деревянной ручки топора.

5. Топор боевой, бронзовый, литой, прекрасной работы и сохранности. Предыдущего типа. Находится левее нижней части левой плечевой кости, лезвием к костяку. Без орнамента.

Все вышеописанные типы топоров встречены в Западной Грузии, в Абхазии и в Кобани.

6. Ручной браслет боевого назначения, в виде разрезного цилиндра, с четырьмя сильно выдающимися круглыми ребрами. Был надет на правой руке.

7. Браслет того же типа. Был надет на левой руке. Этот тип браслета находит себе полную аналогию с эшерской находкой, опубликованной М.М. Иващенко. Подобные браслеты вне Абхазии на Южном и Северном Кавказе пока нигде не обнаружены.

8. Украшение бронзовое, состоящее из схематического изображения летящей птицы, с петлей. К нему подвешены на колечках три подвески на подобие рыб. Оно лежало под правой берцовой костью, ниже надколенника. Подобное украшение не имеет себе аналогии в известных собраниях колхидско-кобанской бронзы.

9. Украшение репы бронзовые конические, разной величины, с кнопкообразной головкой и петлей внутри, найдены 16 штук. Они были расположены на левой стороне груди и среди них были стеклянные бусы.

По месту расположения и по своим незначительным размерам, эти предметы, по-видимому, являются принадлежностями костюма, т.е. украшениями.

10. Стеклянные бусы шаровидной формы, из прозрачного чуть зеленоватого стекла в количестве 50 штук лежали под шеей и в области груди.

11. Наряду со стеклянными бусами под шеей и в области груди находились сердоликовые бусы разной величины, в количестве 140 штук, с желто-белой патиной по поверхности. Все они шаровидной формы и прекрасно отшлифованы.

12. Фрагменты глиняных сосудов лежали возле обеих рук и у левого плеча. Из них два черепка с врезным орнаментом в виде елки. Состав керамики – из темно-серой глины с примесью песка, плохо обожженной.

Погребение 2.

Это погребение разрушенное. Остатки человеческого костяка встречались в беспорядке на пространстве 3 метров. Первоначальное положение костяка было, возможно, нарушено еще раньше, при вспашке земли. Погребальный инвентарь встречался на

площади 1 кв. метра, глубиной 18 см, от поверхности земли. Он состоит из следующих характерных предметов:

1. Гребень бронзовый с семью зубцами. В верхней части имеет схематическое изображение, напоминающее форму полумесяца.

2. Пряжка поясная, бронзовая, со скульптурой головкой животного. Подобные предметы распространены по Абхазии.

3. Бусы бронзовые, 80 штук, с усеченной полуконической формой.

4. Скульптурная фигура животного в лежащем положении. Одна сторона ее плоская, с петлей в средней части, а другая сторона с рельефным изображением животного. Передние ноги лежат вплотную рядом, под прямым углом от тела, и над ними покоится голова с раскрытой пастью и высунутым языком. Хвост длинный и дает три изгиба. Поверхность фикуса орнаментирована. Данное изделие по хвосту и по своему общему сложению напоминает изображение леопарда.

5. Круглый массивный браслет. Наружная поверхность вся покрыта глубокими рубчиками.

6. Большое количество фрагментов листовой бронзы разной величины от пояса, а может быта и от посуды, встречались рассеянные на площади 1 кв. метра.

7. Керамика по орнаменту, по составу и по обжигу аналогичная с керамикой первого погребения.

Погребение 3.

В 7 метрах от первого погребения в юго-западном направлении была вскрыта третья могила. Глубина ее от поверхности земли с северной стороны 40 см, с южной 18 см. Ширина ямы 80 см при длине приблизительно в 2 метра. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, в слое желтой глины и головою ориентирован на юго - запад. Нижние конечности не сохранились. Скат от площади погребальной ямы на расстоянии 3 метров с севера на юг сходит на нет. Поэтому костяк с южной стороны могилы был ближе к поверхности земли.

Погребальный инвентарь состоит из следующих предметов:

1. Браслет бронзовый, с расплюснутыми овальными концами. Был надет на левой руке.

2. Подвеска крестообразная, литая состоящая из четырех перпендикулярных друг другу стерженьков, оканчивающихся коническими шляпками. Это изделие лежало правее костяка, на уровне талии. Полная аналогия – экземпляр из Кобани (М.А. К.)

3. Миниатюрная скульптурная фигура животного. На спинке ее схематическое изображение птицы. Голова животного с приподнятым носиком, маленькими глазками и стоячими ушами. Эта фигура по своим внешним характерным чертам головы, ушей и носа напоминает медвежонка или кабана. Она лежала под крестообразным вышеуказанным предметом.

4. Спираль бронзовая, имеющая восемь колец. Она была подвешена к шляпке стержня вышеописанного крестообразного предмета.

5. Булавка бронзовая, тонкая, с н-образной головкой. Своей перекалиной помещена на расплюсченной верхней части иглы. Под перекалиной имеется круглое отверстие. Концы продольных стерженьков головки, имеют вид конических утолщенных шляпок. Булавка лежала на верхнем суставе левой плечевой кости. Близкий экземпляр к этой булавке имеется в коллекциях А. Л. Лукина из Гудаутского района.

6. Фибула малая, с крутой дружкой и плоским брюшком. На ней висит тонкая бронзовая цепочка. Лежала на левой стороне груди. Игла сломана, без орнамента.

7. Фибула железная, дугообразная, миниатюрная с такой же бронзовой цепочкой. Игла сломана, лежала она на грудной кости.

8. Серьги круглой формы, из литой гладкой серебряной проволоки. Концы ее заострены и надвинуты друг на друга. Лежала у виска справа.

9. Серьга аналогичная у левого виска.

10. Бусы бронзовые, миниатюрные с усеченной колечкообразной формой. Располагались под шеей.

11. Керамика по составу и по обжигу аналогичная с керамикой предыдущих погребений, но без орнамента.

В заключении о погребениях с колхидо-кобанским инвентарем, нужно отметить, что Абгаюрский могильник имеет большой научный интерес для правильной датировки поздней колхидской бронзы.

Исходя из всего добытого материала и способа захоронения покойников в Абгаюаре в вытянутом положении на спине, можно сказать, что описываемый могильник относится приблизительно к первой половине I тыс. до н.э.

О погребениях со скифским инвентарем

Погребение 4 (конское).

Оно было расположено посередине грунтовой дороги, глубиной 20 см от поверхности земли. Остов коня лежал на правом боку, головой на ЮЗ, в слое желтой глины, чуть темноватого цвета с гравием.

Погребальный инвентарь состоит из следующих предметов:

1. Удила бронзовые литые, скифского типа, состоящие из двух звеньев, находились в зубах. Полная аналогия экземпляров из находок А. Бабринского близ ст. Смелы.

2. Псалия железная, скифского типа. Верхняя часть ее загнутая и заканчивается схематическим изображением головки дугообразных выступа с круглыми отверстиями.

3. Псалия того же типа. Часть истлела, а часть представлена фрагментами.

Погребение 5.

В 8 метрах к северу от погребения коня, посередине грунтовой дороги была вскрыта могила со скифским инвентарем. Глубина ее 15–20 см от поверхности земли. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ, в слое земли аналогичном предыдущей могилы.

Погребальный инвентарь состоит из следующих предметов:

1. Топор-молоток железный, лежал левее черепа. Молоточная часть длинная и с некоторым наклоном вперед.

2. Топор того же типа, тяжелее, лежал рядом с предыдущим.

3. Узкий железный кинжал с заостренным концом. Рукоятка составляет одно целое с лезвием.

4. Стрелы бронзовые, втульчатые, двуперые с боковыми шипами скифского типа – 6 штук.

5. Стрелы бронзовые, втульчатые, трехгранные. Одна из них с боковым шипом.

6. Стрела железная, втульчатая, двуперая, ромбовидной формы.

Все вышеуказанные стрелы лежали у нижнего сустава левой берцовой кости. Аналогия – экземпляры из Самтавро и находки близ Смелы.

Вещи, добытые в этих двух последних погребениях, являются типичными образцами подлинно со степной скифской культуры, указывающими на связь скифов с Закавказьем.

По археологическим и историческим данным известно, что скифы начинают играть ведущую роль в исторической жизни с VII по III столетие до нашей эры.

В свете этого данный материал можно датировать приблизительно VI–IV вв. до н.э.

Использованная литература

1. Ниорадзе Г.К. Вестник Государственного Музея Грузии XIII в., Тбилиси, 1944.
2. Куфтин Б.А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. Вестник Гос. Музея Грузии XIII в., Тбилиси, 1944.
3. Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Известия Н. – исследов. института Кавказоведения. Вып. 3, Тифлис, 1935.
4. Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Гос. Эрмитаж. Т. 1. Труды отдела истории первобытной культуры. Ленинград, 1941.
5. М.А.К. Вып. VIII, 1900.
6. Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье. Гос. Эрмитаж. Труды отдела Востока. Т. III. Ленинград, 1940.

36. ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ В РАЙОНЕ ПОСЕЛКА КРАСНЫЙ МАЯК В СУХУМИ В 1958 ГОДУ

В 1958 году Абхазский институт языка, литературы истории Академии наук Грузинской ССР производил дальнейшее исследование древнего могильника, открытого еще в 1956 году, в районе поселка Красный Маяк на западной окраине гор. Сухуми.

Поселок Красный Маяк расположен в пределах Сухумской низменности, образованной на месте отступавшего Черного моря и обязанной своим происхождением созидательной деятельности р. Гумиста. Мощные выносы р. Гумиста сыграли определенную роль в формировании рельефа местности и образования некоторых типов грунтов.

Вынося систематически огромное количество наносов и отлекая в своем устье, река тем самым создавало наращивание морского берега. Береговая полоса участок раскопок, созданная в результате совместной аккумулятивной деятельности реки Гумиста и моря, заметно приподнята; высота дневной поверхности почти повсюду достигает 2,5 – 3 метра.

Геолого-литологическое строение участка раскопок представляется в следующем виде:

Здесь от дневной поверхности до глубины приторно 2 метра залегает слой аллювиально-пролювиальных наносов-супесей и суглинков, перемежающихся с выносами морского приборя (окатанные обломки кирпича, гальки, м. валунов и т.д.)

Ниже залегают древнеморские пески дюнного происхождения, серого цвета, разнозернистого характера с включением гальки, м. валунов (хорошо скатанных, обычно имеющих плоскую форму).

Мощность древне-морских накоплений по данным разведочных работ прошлых лет доходит до 20–30 метров.

В радиусе 200–250 метров от места раскопок, наблюдается наличие глинистых прослоев, толщиной до 2 метров верхней зоне древне-морских накоплений.

Исследование красномаяцкого древнего могильника, как и в предыдущие годы, производились небольшими площадями. За период работ 1958 года было заложено и исследовано три раскопа, давшие ценные и обильные материалы.

Рассмотрим результаты работ каждого раскопа (нумерация раскопов и могил общая с 1956 г.).

Раскоп V

Раскоп V, размером 5х8,5 заложен юго-восточнее четвертого раскопа на расстоянии около 20 м, исследованного в 1957 году. Он состоит из квадратов «а» и «б». Верхний культурный слой толщиной 50 – 60 см, представляет суглинок. В нем встречались черепки амфорной посуды, фрагменты пифосов и черно-лаковых сосудов.

Нижний культурный слой представляет супесь. В нем на глубине 70–115 см от дневной поверхности стали появляться человеческие погребения. Всего в раскопе вскрыто 14 погребений. Из них 11 принадлежат к простым грунтовыми захоронениям, остальные являются урновыми.

Погребение 55 обнаружено в квадрате «б». Размеры могильной ямы: длина – 180 см, ширина – 80 см, глубина – 70 см. Дно могилы без галечного подстила. Костяк не сохранился. Могильная яма ориентирована с юга-востока на северо-запад.

Покойнику сопровождался ряд вещей. В юго-западной части ямы находились четыре серых глиняных кувшина. Первый кувшин с дугообразной ручкой овального сечения, широким раструбом, сильно вздутым корпусом. Орнаментирован желобчатыми поясками, волнообразными врезными линиями и наклепной пуговкой на ручке. Размеры кувшина: высота – 26 см, диаметр корпуса – 21 см, диаметр раструба – 11,5 см, диаметр дна – 9 см. Второй кувшин без ручки, вздутым шаровидным корпусом, широким раструбом. Орнаментирован узкими желобчатыми поясками и волнообразными линиями. Размеры сосуда: высота – 29 см, диаметр корпуса – 24 см, диаметр расруба – 13 см, диаметр плоского дна – 13 см. Третий кувшин с дугообразной ручкой овального сечения, с сильно взду-

тым корпусом, широким раструбом. Орнаментирован елочной дорожкой, волнообразными линиями и желобчатыми поясками. Размеры: высота – 23 см, диаметр корпуса – 19 см, диаметр раструба – 9 см, диаметр плоского дна – 11 см. Четвертый кувшин раздавлен тяжестью песка.

В средней части могильной ямы лежал железный топор-молоток с четырёхгранным обухом. Он имеет сходство с колхидско-кобанскими топорами типа «б» по уваровской классификации. Размеры: длина – 13,5 см, ширина лопасти – 6 см, насадочное отверстие для рукояти – 2,2х3 см, толщина у насадочного отверстия – 23 см.

Севернее, рядом с топором, лежали две круглопроволочных фибул (одна фрагментирована). Спряmlенная и утонченная часть дуги включена как поперечник в кружок, обсаженный в плоскости десятью шариками диаметром 4 мм. Эта ажурная розетка, составляющая площадку дуги, диаметром 2–2,2 см. Длине фибулы – 4 см, высота – 3 см.

Западнее около фибул находились две серебряных височных завитка с заходящими друг за друга расплюснутыми концами, украшенными поперечными надрезами. Размеры: наружное очертание овала – 10х16 мм, диаметр сечения в наиболее тонкой средней части – 2 мм.

Юго-восточнее височных завитков обнаружены три янтарных подвесок и одна янтарная бусина ромбовидной формы. Подвески изображают фигуры фантастических животных (по-видимому, скоробей). Размеры подвесок: длина – 13–18 мм, толщина – 5–10 мм, диаметр отверстия – 2 мм. Ромбовидная бусина длиной 6 мм, толщиной – 3 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

У северной стены ямы в средней её части находились два браслета из тонкой бронзовой ленточновидной пластинки шириной 1,5 см. Орнаментированы продольными полосками, заполненными косой штриховкой, образующей елочный узор, который местами прерывается поперечными зигзагами и елочными дорожками. Размеры первого браслета: 5,2х6 см, ширина прорези – 1,8 см. Размеры второго браслета: внутренний диаметр – 5 х 5,7 см, ширина прорези – 1,4 см.

Южнее браслета находился обломок железного ножичка со слегка загнутой спинкой.

Погребение 56 обнаружено в квадрате «б», под предыдущей могилой. Размеры ямы: длина – 160 см, ширина в средней части – 70 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелким морским гравием. Костяк в основном истлел; он лежал на правом боку в скорченном положении с ориентацией головы на запад.

Покойнику был положен ряд вещей. Вокруг шеи находились бусы круглой формы, сделанные из бронзовых пластинок со сходящимися посередине концами. Всего их семьдесят штук. Размеры: диаметр сечения в средней части – 4 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

Под подбородком покойника найден плоский сердоликовый предмет круглой формы цвета «пива», по-видимому, от перстня. Размеры: диаметр окружности – 6 мм. толщина – 3 мм.

Севернее, рядом с черепом покойника, лежала дужкой, одним витком у зарождения дуги, веслообразным пластинчатым приемником. Фибула орнаментирована косыми насечками. Размеры: высота – 3 см, длина – 4,7 см, наибольший диаметр сечения в средней части дуги – 4 мм. Игла обломана.

Восточнее вышеуказанных бронзовых бус на расстоянии 45 см находился раздавленный тяжестью песка сероглиняный горшочек со слегка отогнутым венчиком, среднего обжига. Черепки с черной прослойкой. Приблизительные размеры горшочка: высота – 14 см, толщина стенок – 5 мм, диаметр дна – 7 см.

Погребение 57 обнаруженное в квадрате «б», находилось юго-восточнее предыдущих могил на расстоянии 50 см. Размеры ямы: длина – см, ширина в средней части – 70 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился. Могильная яма ориентирована с юго-востока на северо-запад.

В могильной яме обнаружена выпуклая умбовидная бронзовая пряжка круглой формы, снабженная двумя петельками и крючком. Пряжка орнаментирована двумя параллельно расположенными треугольными вырезами и свастикой на выпуклой ее вершине, которые заполнены светловато-серой массой, закрепленной стерженьками. Размеры пряжки: диаметр округлости у основания – 8,2 см, у вершины – 3 см, высота – 4 см, толщина пластинки – 2,5 мм.

Погребение 58 вскрытое в квадрате «а», располагалось: южнее рядом с предыдущей могилой. Размеры ямы: длина – 170 см, ширина – 60 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелко, морской галькой. От костяка сохранились частично бедра, лежавшие параллельно друг другу по середине могильной ямы. Покойник находился, по-видимому, в вытянутом положении на спине с ориентацией головы на северо-запад.

Покойнику не было положено никаких вещей.

Погребение 59 обнаруженное в квадрате «а», располагалось южнее предыдущей могилы на расстоянии 120 см. Размеры ямы: длина – 170 см, ширина – 65 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. От костяка частично сохранилась нижняя челюсть, на сготившаяся у северо-западной стенки ямы. Остальные части костяка совершенно истлели. Однако по их следам удалось установить обряд захоронения покойника; он лежал не спине в вытянутом положении с ориентацией головы на северо-запад,

В могильной яме найдено значительное количество предметов. Вокруг шеи находились сердоликовые бусы цвета «пива» с хорошей полировкой поверхности, двухстороннесверленным коническим каналом; они принадлежат к двум различным группам. К первой группе относятся бусы, приближающиеся к шировидной форме. Всего их 26 штук. Размеры: диаметр – 8–12 мм, диаметр отверстий – 3 мм. Вторая группа бусин имеет плосковато-круглую форму. Всего их 15 штук, с диаметром сечения 6–8 мм, диаметр отверстий – 1–3 мм. В эту группу входит еще одна сердоликовая бусина более светлого цвета, с одностороннесверленным цилиндрическим каналом. Поверхность ее отполирована, но неровная, местами с ямками, диаметр сечения – 11 мм, диаметр отверстия со стороны сверления – 3 мм.

Вместе с сердликовыми бусинами находилось семь бронзовых бус. Из них две – круглой пряслицевидной формы со слегка приплюснутыми концами. Размеры: диаметр сечения в средней части – 2 см, диаметр отверстий – 4–6 мм. Третья бусина имеет биконическую форму. В отверстии ее сохранился кусочек льняного шнура. Размеры бусины: длина – 3,3 см, диаметр сечения в средней части – 2,5 см, диаметр отверстий – 3,5х5 мм. Остальные

четыре бусины – пронизы, сделанные из узеньких пластинок со сходящимися посередине концами, имеют биконическую форму. Размеры: длина – 8 мм, диаметр отверстий – 4–7 мм, диаметр сечения в средней части – 9–13 мм.

Юго-восточнее бусин, на расстоянии 50 см, находились два массивных бронзовых браслета, располагавшиеся параллельно на расстоянии 24 см друг от друга. Размеры первого браслета: внутренний диаметр – 5х5,5 см, ширина прорези – 1,7 см, диаметр круглого сечения – 1,2 см. Размеры второго браслета: внутренний диаметр – 4,7х4,9 см, ширина прорези – 1,3 см, диаметр круглого сечения – 1,2 см.

Посередине могильной ямы лежал пластинчатый пояс с пряжкой, украшенный звериной головкой на длинной крючковидной шее. Размеры пояса: длина 115 см, ширина – 5,2 см, толщина – 0,3 мм. Пряжка удлинённой четырехугольной формы размером 1,5х5,7 см.

Погребение 60 обнаруженное в квадрате «б», располагалось северо-восточнее 57 могилы, на расстоянии около трех метров. Размеры ямы: длина – 140 см, ширина – 70 см, глубина – 80 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Покойнику был положен ряд предметов. У северо-запада стенки ямы лежала плоская бронзовая пряжка полукруглой формы, с двумя петельками и крючком, железным инкрустированным орнаментом, состоящим из пяти изгибающихся змей. Размеры пряжки: ширина прямого основания – 8 см, толщина – 3 мм.

Юго-восточнее пряжки на расстоянии 35 см, находились два круглопрозрачных бронзовых височных завитка, с заходящими друг за друга концами. Размеры первого завитка: наружное очертание овала – 2х2,8 см, диаметр круглого сечения 6 мм. Размеры второго завитка: наружное очертание овала – 1,7х2,1 см, диаметр круглого сечения – 3 мм.

Северо-западнее завитков обнаружено 11 сердоликовых бусин цвета «пива», с полировкой поверхности. Из них девять бусин плосковато-круглой формы с одностороннесверленным цилиндрическим каналом, величиной 6–12 мм в диаметре, диаметр отверстий со стороны сверления – 2–3 мм. Десятая бусина имеет овальную форму с двухстороннесверленным коническим кана-

лом, длиной 12 мм, диаметр отверстия 2 мм, ширина в средней части – 3 мм, толщина 4 мм. Одиннадцатая бусина приближается к цилиндрической форме, с односторонним сверленным каналом длиной 10 мм, диаметр отверстия со стороны сверления 3 мм, диаметр поперечного сечения 12 мм.

Вместе с сердоликовыми бусинами находилась одна пластинчатая бронзовая бусина круглой формы со сходящимися посередине концами. Размеры: диаметр поперечного сечения – 1,5 см, диаметр отверстия – 9 мм.

Юго-восточнее бронзовых завитков на расстоянии 70 см находился бронзовый наконечник копья треугольной формы с разрезной втулкой, частично разрушенной. Размеры: длина сохранившейся части – 14 см, ширина лопасти в средней части – 3,1 см, у конца – 7 мм.

Погребение 61 вскрытое в квадрате «б», располагалось южнее, около предыдущей могилы. Погребальная яма имела округлую колодцообразную форму. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Размеры: диаметр ямы – 40 см, глубина – 80 см. От костяка сохранились отдельные части черепа и позвонка.

По середине ямы находилась глубокая глиняная миска доншком вверх. Сосуд этот пористый, плохого обжига, рассыпался при его препарации.

Погребение 62, обнаруженное в квадрате «б», располагалось юго-восточнее, рядом с 60-й могилой. Размеры ямы: длина – 140 см, ширина – 70 см, глубина – 118 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью перегнил.

Покойнику был положен ряд предметов. У северо-западной стенки ямы лезвием на юг лежал бронзовый острообушный колхидский топор типа «г» по уваровской классификации. Размеры: длина – 17,5 см, ширина лопасти – 6,5 см, отверстие топора для рукоятки – 2,2х4 см, толщина у насадочного отверстия – 3 см.

Юго-восточнее около топора находились четыре наконечника копья. Первый – бронзовый, имеет треугольную форму. Втулка частично разрушена. Размеры: длина – IV см, ширина лопасти у основания – 3,5 см, у конца – 7 мм, диаметр сохранившейся части втулки – 1,2 см. Второй наконечник – железный, предыдущей формы. На поверхности него сохранились куски тканевой материи,

пропитанные железной ржавчиной. Размеры наконечника: длина сохранившейся части – 17 см, ширина у основания – 0,1 см, у конца – 8 мм. Третий наконечник – бронзовый, имеет листообразную форму. Втулка частично разрушена, снабжена сквозным отверстием. Размеры наконечника: длина – 21 см, ширина у основания – 2,4 см, у конца – 7 мм, диаметр сохранившейся части втулки – 1,2 см. Четвертый наконечник копья – железный, предыдущей формы. Втулка частично разрушена, на ней сохранился кусочек тканевой материи, пропитанный вместе с песком железной ржавчиной. Размеры: длина – 26 см, ширина у основания – 2,8 см, у конца – 9 см, диаметр втулки – 1,6 см.

Юго-восточнее наконечников находился железный кинжал со срединным ребром, имеющим в разрезе ромбовидную форму. Треугольное черешковое основание кинжала снабжено стерженьком для прикрепления рукояти. На поверхности кинжала сохранились следы деревянных ножен. Размеры: длина сохранившейся части – 20 см, ширина у основания – 3,5 см, в средней части – 2,9 см.

Вместе с кинжалом лежал железный нож с прямой спинкой со слегка приподнятым вверх острием. На поверхности ножа сохранились следы деревянных ножен. Размеры ножа: длина сохранившейся части – 13,5 см, ширина в средней части – 2 см, у конца – 1,5 см.

Рядом с ножом находилось примитивно выполненная бронзовая человеческая фигура выше пояса со сложенными руками на груди. Размеры: высота – 2,8 см, толщина – 2 мм.

При дальнейшей разборке дна могилы, у северо-западной ее стенки, найден один круглопроволочный бронзовый височный завиток с заходящими друг за друга, со слегка утонченными концами. Размеры: наружное очертание овала – 2,2х2,9 см, диаметр круглого сечения – 6 мм.

Погребение 63 обнаруженное в квадрате «б», находилось под 50-й могилой. Размеры ямы: длина – 80 см, дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью перегнил.

Покойнику был положен ряд предметов. У северо-западной стенки ямы находились сердоликовые бусы цвета «пива» круглой формы с односторонне сверленным цилиндрическим каналом, величиной 8-14 мм в диаметре, диаметр отверстия – 2-3 мм.

Вместе с сердоликовыми бусами найдено несколько бронзовых бусин круглой формы. Из них одна целая, величиной 11 мм в диаметре, диаметр отверстия – 7 мм.

Юго-восточнее около бус лежала бронзовая булавка из слегка раскрученной тонкой проволоки длиной 5 см.

Рядом с булавкой обнаружены два бусовидных сероглиняных предмета шарообразной формы, с цилиндрическим отверстием величиной 2,5–2,7 см в диаметре, диаметр отверстия – 5–7 мм

Юго-восточнее, около бусовидных керамических предметов, лежала сероглиняная скульптурная фигурка фантастического животного, с двумя смотрящими в противоположные стороны звериными головками, с открытой пастью, на длинной крючковидной шее. Размеры: общая длина – 7,5 см, диаметр круглого сечения шеи – 12 мм, на одной стороне фигурки имеются волнообразные вырезы, заполненные белой пастовидной массой.

Южнее, рядом с двуглавой фигуркой животного, лежала плоская бронзовая поясная пряжка полукруглой формы. Лицевая сторона ее с железным инкрустированным орнаментом, состоящим из трех в один ряд идущих гусей или лебедей с вытянутыми вверх шеями. Прямое основание пряжки снабжено восьмью сквозными отверстиями для прикрепления пояса. Обратная сторона пряжки снабжена двумя петельками и крючком. Размеры: наружное очертание предмета – 7,5 x 10,5 см, толщина пластинки – 3 мм.

Погребение 64 обнаруженное в квадрате «б», располагалось южнее 2-й могилы. Размеры ямы: длина – 100 см, ширина – 50 см, глубина – 105 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

В могильной яме обнаружена одна плоская бронзовая поясная пряжка круглой формы. Обратная сторона ее снабжена двумя петельками и крючком. Размеры пряжки: диаметр окружности – 4,3 см, толщина – 2,5 мм.

Погребение 65, обнаруженное в квадрате «б», находилось южнее, рядом с предыдущей могилой. Размеры ямы: длина – 80 см, ширина – 50 см, глубина – 95 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

У юго-восточной стенки ямы, донником вверх, был поставлен сероглиняный баночковидный горшок с ручкой, со слегка отогну-

тым венчиком. Размеры: высота – 12 см, диаметр корпуса – 10,8 см, диаметр горловины – 10,2 см, диаметр дна – 6 см, толщина стенки – 5 мм. Сосуд орнаментирован одной рельефной пуговкой и врезными горизонтальными линиями, расположенными под венчиком.

Погребение 66 вскрытое в квадрате «б» располагалось северо-западнее около предыдущей могилы. Погребение – урновое. Сосуд красноглиняный, типа оссуария, с сильно вздутым корпусом, горизонтально отходящим венчиком, располагался донным концом вверх. Урна плохо обожжена, хрупкая, распалась на мелкие части при ее препарации. Глубина могильной ямы от дневной поверхности – 95 см. Размеры: высота сохранившейся части – 60 см, диаметр корпуса в средней части – 40 см, диаметр горловины – 12 см, толщина стенки – 5 мм. Корпус сосуда украшен вертикальными врезными черточками, а венчик с рельефным шнуровым орнаментом.

В урне находились некоторые части человеческого костяка, перегнившие в основном. Вместе с ними обнаружены следующие предметы:

1) Бронзовая поясная пряжка удлиненно-четырехугольной формы, величиной 2x5 см, с пятью отверстиями у основания для прикрепления пояса. Обратная сторона ее снабжена изогнутым крючком, а лицевая с гравированным орнаментом, состоящим из ломанных линий и косых насечек.

2) Бронзовые браслеты, сделанные из пластинок вытянутой треугольной формы, с гравированным орнаментом, состоящим из параллельно расположенных ломанных линейных полосок, заполненных мелкими точечками. Всего браслетов два экземпляра. Размеры: внутренний диаметр – 4–4,2 см, ширина прорези – 1,7–1,9 см, толщина – 2 мм.

3) Два круглопроволочных бронзовых височных завитка с заходящими друг за друга концами. Размеры: внутренний диаметр завитка – 1 см, диаметр круглого сечения – 5 мм.

4) Двенадцать бронзовых бусин. Одна из них биконической формы, длиной 2 см, диаметр сечения в средней части 1,8 см, у концов – 3 мм. Остальные бусы округлой формы слегка приплюснутые, сделанные из пластиночек, со сходящимися посередине концами. Размеры: диаметр сечения – 6–9 мм, диаметр отверстия – 2–3 мм.

5) Бронзовый гвоздеобразный предмет с кнопкообразной шляпкой. Размеры: длина – 7 мм, диаметр шляпки – 6 мм.

Погребение 67 обнаруженное в квадрате «б», располагалось севернее около 55-й могилы. Погребение – урновое. Сосуд красноглиняный, типа оссурия. Обжиг плохой, хрупкий, распался на мелкие части при его препарации. Глубина могилы от дневной поверхности – 95 см, диаметр ямы – 50 см.

В урне, за исключением нескольких почти сгнивших кусочков черепа, ключиц и позвонков, не оказалось ни одного предмета.

Погребение 68 располагавшееся в квадрате «а», обнаружено юго-восточнее около 58-й могилы. Погребение – урновое. Сосуд красноглиняный, типа оссурия, стоял горловиной вниз. Обжиг – плохой, хрупкий, рассыпался на мелкие части при его препарации. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

В урне, вместе с кусочками человеческого черепа, находились следующие предметы:

1) Одна круглопроволочная бронзовая фибула со слегка вздутой дужкой, одним витком у зарождения дуги, плоским веслообразным приемником. Фибула украшена продольными елочными дорожками. Размеры: высота – 5 см, длина – 0,5 см, наибольший диаметр сечения дуги – 6 мм.

2) Шесть бронзовых бусин. Одна них боченкообразной формы, длиной 8 мм, диаметр сечения в средней части 5 мм, диаметр отверстия 5 мм. Остальные бусы приближаются к биконической форме. Размеры: диаметр сечения в средней части – 1,7–2 см, у концов – 7–10 мм, диаметр отверстия – 4 мм.

Погребение 69 обнаружено в квадрате «а», рядом с предыдущей могилой. Размеры ямы: длина – 130, ширина – 50 см, глубина – 80 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме обнаружен ряд предметов.

Посередине ямы лежало бронзовое колечко круглой формы. Размеры: наружный диаметр – 1,3 см, внутренний диаметр – 7 мм.

Рядом с колечком находились фрагменты пластинчатой спирали со срединным продольным ребром. Размеры: общая длина двух сохранившихся фрагментов – 3,5 см, толщина пластинки без ребра – 1 мм, с ребром – 2 мм.

Юго-западнее спиральных фрагментов, на расстоянии 20 см, находился круглопроволочный бронзовый браслет. Размеры: внутренний диаметр – 3,5х3,5 см, ширина прорези – 7 мм, диаметр круглого сечения – 3 мм.

Погребение 70 обнаруженное в юго-восточной стенке квадрата «а», располагалось южнее предыдущей могилы на расстоянии 2 м. Размеры ямы: длина – 140 см, ширина – 60 см, глубина – 115 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном перегнил.

Посередине могильной ямы находилась пластинчатая бронзовая поясная пряжка удлиненной четырехугольной формы, размером 2х4 см, с четырьмя отверстиями у основания для прикрепления пояса. Обратная ее сторона снабжена крючком, а лицевая – с врезным орнаментом, состоящим из завитых спиралей и вытянутой четырехугольной полосы, заполненной сетчаткой.

Погребение 71 обнаруженное в юго-западной стенке квадрата «а», располагалась около предыдущей могилы. Размеры: длина – 130 см, ширина – 55 см, глубина – 80 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине ямы находились два железных наконечника копья с разрезными втулками, имеют листообразную форму. Размеры первого наконечника: длина – 33 см, ширина у основания – 2,3 см, в средней части – 3,5 см, у конца – 1,7 см. Наконечник со срединным продольным ребром. Размеры второго наконечника: длина – 29 см, ширина у основания – 2,5 см, в средней части – 2,5 см, у конца – 1,8 см.

Рядом со вторым наконечником копья найден фрагмент фибулообразного железного предмета.

Погребение 72 вскрыто юго-восточнее предыдущей могилы, за стенкой квадрата «а». Размеры ямы – длина – 140 см, ширина – 60 см, глубина – 100 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме не оказалось ни одного предмета.

Погребение 73 обнаруженное в юго-западной стенке квадрата «а», располагалось рядом с 71-й могилой. Размеры ямы: длина – 115 см, ширина – 60 см, глубина – 100 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки ямы лежала фрагментированная бронзовая шейная гривна, с изогнутыми в противоположные стороны концами. Диаметр сечения проволоки – 3 мм.

Юго-восточнее гривны на расстоянии 30 см находились фрагменты узкого ленточновидного бронзового предмета с закрученными в противоположные стороны концами. Размеры: ширина пластинки – 1,5 см, толщина – 0,5 мм.

У юго-западной стенки ямы лежал обломок четырехгранно бронзового предмета с острым лезвием. Размеры: длина сохранившейся части – 2 см, толщина – 3 мм.

Погребение 74 обнаруженное в северо-восточной стенке квадрата «б», располагалось около 60-й могилы. Погребальная яма имела круглую колодцообразную форму. Дно могилы вымощено мелким морским гравием. Размеры: диаметр ямы – 50 см, глубина – 100 см. От костяка сохранились сгнившие части черепа и ключицы.

Посередине могильной ямы находился сероглиняный сосуд раздавленный тяжестью песка.

Рядом с сосудом обнаружены следующие предметы:

1/ Бронзовые бусы в количестве трех экземпляров. Из них две круглой формы, пластинчатые, со сходящимися по середине концами. Размеры: диаметр сечения – 9 мм, диаметр отверстия – 3 мм. Третья бусина биконической формы. Размеры: длина – 1,3 см, диаметр сечения в средней части – 11 см, у концов – 5 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

2/ Бусы из голубовато-серой пасты в количестве двадцати штук, рубленные. Размеры: диаметр сечения – 2–3 мм, ямы метр отверстия – 0,5 – 1 мм.

3/ Умбовидная поясная бронзовая пряжка круглой формы. Обратная сторона ее снабжена двумя петельками и крючком. Лицевая сторона пряжки с пастовым инкрустированным орнаментом, состоящим из пяти извивающихся змей. Размеры пряжки: диаметр окружности – 7 см, толщина пластинки – 3 мм.

Раскоп VI

Раскоп VI размером 7х11 метров был заложен рядом с пятым раскопом. Он состоит из квадратов «а» и «б», верхний культурный

слой толщиной 50-60 см, такой же, как и в предыдущем раскопе. Встречены фрагменты черепицы, обломки пифосов, черепки амфорной посуды, донышко краснолакового сосуда и т. д. Этот материал разновременный, охватывает период, начиная с II–I вв. до н.э., по I–III вв. н.э.

Нижний культурный слой, как и в предыдущем раскопе, представляет супесь. В нем на глубине 70–135 см от дневной поверхности стали появляться человеческие погребения. Всего в раскопе вскрыто 21 погребение. Из них 20 принадлежит к простым грунтовыми захоронениям, одно является урновым с вторичным захоронением покойника.

Погребение 75 обнаружено у северо-западного угла квадрата «б». Яма имеет круглую колодцообразную форму. Размеры: диаметр – 50 см, глубина – 37 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. От костяка сохранились полуистлевшие части черепа.

Посередине могильной ямы лежал на боку сероглиняный горшочек, раздавленный тяжестью песка, плохого обжига, со слегка отогнутым венчиком.

Погребение 76 вскрытое в квадрате «б», располагалось юго-западнее рядом с предыдущей могилы. Яма имеет круглую колодцеобразную форму. Размеры: диаметр – 50 см, глубина – 75 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине ямы горлышком на север лежал сероглиняный горшочек со слегка отогнутым венчиком. Сосуд имеет баночкообразную форму, снабжен ручкой, украшенной у верхнего конца продольным рельефным валиком. Корпус горшка орнаментирован вертикально расположенными каннелюрами.

Погребение 77 обнаруженное в квадрате «б», располагалось на расстоянии пяти метров юго-восточнее предыдущей могилы. Размеры ямы: длина – 130 см, ширина – 50 см, глубина – 70 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В северо-западной части погребальной ямы лежал на боку сероглиняный горшочек баночкообразной формы со слегка отогнутым венчиком, с плоской языковидной ручкой. Размеры сосуда: высота – 10 см, диаметр раструба – 7,5 см, диаметр корпуса в средней части – 9 см, диаметр дна – 5 см, толщина стенки – 4–5 мм.

Горшочек орнаментирован вертикально расположенными коннелюрами и ломанными линиями.

Погребение 78 вскрытое в квадрате «б», располагалось юго-восточнее, рядом с предыдущей могилой. Размеры: длина – 120 см, ширина – 50 см, глубина – 75 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине погребальной ямы находился пластинчатый бронзовый браслет. Размеры: внутренний диаметр – 5,5х5,5 с ширины прорези – 2,5 см, толщина пластинки – 2 мм, при ее ширине – 6 мм.

Погребение 79 обнаружено между квадратами «а» и «б». Могильная яма имеет круглую колодецеобразную форму. Размеры: диаметр – 50 см, глубина – 85 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине могильной ямы находился черноглиняный горшок, раздавленный тяжестью песка, снабжен ручкой, украшенной двумя зверообразными ушами и косыми продольными валиками. Обжиг сосуда плохой, хрупкий.

Погребение 80, вскрытое в квадрате «б», располагалось на расстоянии трех метров юго-западнее 76-й могилы. Погребение урновое. Сосуд – хрупкий, красноглиняный, типа оссуария, с двумя пстлевидными ручками на вздутом его корпусе, находился доннышком вверх, сохранность плохая. Размеры сохранившейся части сосуда: высота – 34 см, диаметр корпуса в средней части – 60 см, диаметр горловины – 45 см, толщина стенки – 8–9 мм. Корпус урны местами с вертикально расположенными каннелюрами, отделенными друг от друга косыми врезными черточками. Ручка сосуда с продольными врезными линиями.

Погребение 81 обнаружено у северо-западного угла квадрата «а». Размеры: длина – 120 см, ширина – 70 см, глубина – 115 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме не оказалось никаких вещей.

Погребение 82 вскрытое в квадрате «а», располагалось юго-восточнее, рядом с предыдущей могилой. Размеры: длина – 150 см, ширина – 70 см, глубина – 135 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме не обнаружено ни одного предмета.

Погребение 83 вскрытое в квадрате «а», располагалось на расстоянии более 1 метра юго-восточнее предыдущей могилы. Размеры: длина – 80 см, ширина – 50 см, глубина – 70 см.

Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В погребальной яме не встречено никаких вещей.

Погребение 84 обнаруженное в квадрате «а», находилось на расстоянии полутора метра юго-восточнее 82-й могилы. Размеры: длина – 150 см, ширина – 70 см, глубина – 110 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине ямы острием на северо-восток лежал железный наконечник копья листообразной формы, с разрезной втулкой.

На поверхности наконечника в нескольких местах сохранились кусочки тканевой материи, пропитанные железной ржавчиной. Размеры наконечника: длина – 29 см, ширина у основания – 3 см, у конца – 15 см, диаметр втулки – 2 см.

У юго-западной стенки ямы острием на юго-восток находился бронзовый наконечник копья лавролистной формы; втулка без бокового разреза, снабжена сквозным отверстием для гвоздя. Наконечник со срединным полукруглым ребром. Размеры: длина – 15,5 см, ширина у основания – 3 см, у конца – 9 мм, диаметр втулки – 1,3х1,5 см. Поперечное сечение втулки приближается к ромбовидной форме.

Погребение 85 обнаруженное в квадрате «а», располагалось юго-западнее, около предыдущей могилы. Яма имеет круглую колодецеобразную форму. Размеры: диаметр – 50 см, глубина – 95 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой.

От костяка сохранились полуистлевшие части черепа.

В могильной яме не оказалось ни одного предмета.

Погребение 86 вскрытое в квадрате «а», располагалось юго-восточнее, рядом с предыдущей могилой. Размеры: длина – 140 см, ширина – 70 см, глубина – 115 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В погребальной яме обнаружена одна крестообразная бронзовая подвеска с четырьмя отходящими в противоположные стороны стерженьками, снабженными кнопкообразными шляпками. Подвеска с отверстием посередине, в котором сохранился ку-

сочек тканевого шнура. Размеры: общая длина подвески – 2 см, длина стерженьков – 6 мм, диаметр отверстия – 6 мм.

Погребение 87 обнаруженное в квадрате «а», располагалось северо-западнее, около 85-й могилы. Размеры: длина – 150 см, ширина – 70 см, глубина – 105 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк почти перегнил.

В средней части могильной ямы лежал пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее. Размеры пояса: длина сохранившейся части – 70 см, ширина – 3,7 см, толщина – 0,5 мм. Пряжка имеет удлиненную четырехугольную форму размером 1,5х3,5.

У северо-западной стенки ямы находились 60 бронзовых бусин со слегка приплюснутыми концами, сделаны из узеньких пластинок со сходящимися посередине концами. В них сохранилась нить. Размеры бус: диаметр сечения в средней части – 6 мм, у концов – 4 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

Юго-восточнее около бус лежал оригинальный литой бронзовый кинжальчик изящной работы, покрытый черной благородной патиной, с зеркальным блеском. Размеры: общая длина – 9,7 см, ширина у основания клинка – 2 см, у конца – 9 мм. На вершине рукояти, снабженной сквозным отверстием для подвешивания, поставлена скульптурная головка собачки с раскрытой пастью и стоячими ушами. Кинжальчик с гравированным орнаментом, состоящим из треугольников и крестиков, фантастического животного с раскрытой пастью рыбы или дельфина. Треугольники заполнены косыми насечками, а все остальные изображения с точечными ямками. Аналогичные изображения нередко встречаются на различных памятниках колхидско-кобанской бронзы.

Погребение 88 вскрытое в квадрате «а», располагалось на расстоянии более одного метра юго-восточнее 85-й могилы. Размеры: длина – 150 см, ширина – 50 см, глубина – 100 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильной яме не оказалось ни одной вещи.

Погребение 89 обнаруженное в квадрате «а», находилось южнее, около 86-й могилы. Размеры: длина – 150 см, ширина – 70 см, глубина – 80 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

По середине ямы располагался раздавленный тяжестью пса красноглиняный кувшин с чернолощенной поверхностью; орнаментирован каннелюрами и рельефными поясками с косыми врезными черточками. Толщина стенки 7 мм.

Северо-западнее около раздавленного кувшина, найдена одна сердоликовая бусина цвета «пива» круглой формы, с двухстороннесверленным цилиндрическим каналом. Размеры: диаметр сечения – 8 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

Около бусины находились две пластинчатых бронзовых спиралей с концами конической формы. Размеры: длина – 3-3,7 см, диаметр спирального кольца в средней части – 7 мм, у концов – 4 мм, ширина пластинки – 4 мм.

Погребение 90 вскрытое в квадрате «а», располагалось юго-западнее, рядом с 88-й могилкой. Размеры: длина – 160 см, ширина – 55 см, глубина – 100 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

Посередине могильной ямы лежала бронзовая пластинчатая поясная пряжка вытянутой четырехугольной формы, размером 4х8,0 см, с семью сквозными отверстиями у основания для прикрепления к поясу. Лицевая сторона ее с железным инкрустированным орнаментом, состоящим из трех параллельно расположенных ломанных линий в виде извивающихся змей. Обратная сторона пряжки снабжена крючком.

Погребение 91 обнаруженное в квадрате «а», располагалось между 88-й и 89-й могилами. Размеры: длина – 150 см, ширина 70 см, глубина – 110 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В юго-западной части погребальной ямы лежал на боку сероглиняный горшок баночной формы, со слегка отогнутым венчиком. Сосуд снабжен плоской дугообразной ручкой, орнаментированной продольными врезными линиями, косыми насечками и наклепной пуговкой. Размеры горшка: высота – 12 см, диаметр горловины – 10 см, диаметр корпуса в средней части – 10,8 см, диаметр доньшка – 7,5 см, толщина стенки – 5 мм.

Погребение 92 вскрыто в юго-западной стенке квадрата «а». Размеры: длина – 150 см, ширина – 80 см, глубина – 120 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой, костяк в основном

истлел. Он находился в скорченном положении на правом боку с ориентацией головы на северо-запад.

Покойнику был положен ряд вещей. В средней части ямы находился ленточновидный пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее. Размеры пояса: длина сохранившейся части – 94 см, ширина – 4 см, толщина – 0,5 см. Пряжка удлиненной четырехугольной формы, размером 1,7х4,5 см.

Северо-западнее, рядом с поясом, находились два массивных бронзовых браслета с круглым сечением. В них сохранились полуистлевшие руки покойника. Размеры первого браслета: внутренний диаметр овала – 4,8х7 см, ширина прорези – 3 см, диаметр круглого сечения – 1,8 см.

Под поясом лежала круглопроволочная бронзовая фибула с крутой вздутой дужкой, одним витком у зарождения дуг: иглой и лопатообразным приемником. Фибула орнаментирована елочными дорожками и рельефными утолщениями в двух местах. Размеры: высота – 4,8 см, длина – 7,5 см, диаметр сечения в средней части дуги – 9 мм, у концов – 5 мм.

Западнее, рядом с фибулой, находилась бронзовая спираль, сделанная из трехгранной узенькой пластинки. Размеры: длина 8,2 см, диаметр колец – 1 см, ширина пластинки – 4 мм, толщина на грани – 2 мм.

В квадрате «а», около юго-западного его угла, в одной общей могильной яме вскрыто два лежащих рядом погребения. Размеры ямы: длина – 170 см, ширина – 120 см, глубина – 130 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяки в основном перегнили. Погребения эти по числу 93 и 54.

Погребение 93 По середине ямы ближе к северо-западной ее стенке лежал бронзовый колхидско-кобанский топор типа «б» по уваровской классификации. На боковых полях овального отверстия имеется по три ребра, отделенные друг от друга желобками. Топор покрыт зеленой патиной, без орнамента. Размеры: длина – 17 см, ширина лопасти – 5,5 см, толщина топора у насадочного отверстия – 6,5 см, насадочное отверстие – 2,5х4 см.

Рядом с топором находился железный кинжал с язычком снабженный стерженьком для прикрепления рукояти. Размеры:

длина – 22 см, ширина у основания – 3,3 см, у конца – 1,5 см. Под кинжалом обнаружен железный нож с прямой спинкой. Ручка плоская, является продолжением спинки ножа. На ней сохранились фрагменты костяных планок с железными стерженьками. Размеры ножа: длина – 21 см, ширина лезвия – 2,5 см.

Рядом с кинжалом располагались три наконечника копий. Первый – бронзовый, треугольной формы, с разрезной втулкой, снабженной сквозным отверстием для прикрепления копия. Размеры: длина – 24 см, ширина лопасти у основания – 3,2 см, у конца – 1,2 см, диаметр втулки – 1,3 см. Второй наконечник копия листообразной формы. Размеры: длина – 3 см, ширина основания – 2,5 см, у конца – 1,3 см. Третий наконечник предыдущей формы. Размеры: длина – 23 см, ширина у основания 3,5 см, у конца – 1,3 см. Последние наконечники копий – железные; втулки их фрагментированы.

Погребение 94 у северо-западной стенки ямы лежала бронзовая фибула с винтообразно вырезанной дужкой, одним витком у зарождения дуги, веслообразным приемником. Виток, игла и приемник фабулы отломаны. Размеры: высота – 6 см, длина – 9 см, диаметр сечения дуги в средней части – 7 мм.

Посередине ямы находился бронзовый пластинчатый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной кривовидной шее. Размеры пояса: длина сохранившейся части – 40 см, ширина – 4 см, толщина – 0,5 мм. Пряжка вытянутой четырехугольной формы, размером 1,6х4 см.

Рядом с поясом располагались три бронзовых поясных пряжек. Первые две пластинчатые треугольной формы, украшены звериными головками на крючковидной шее. Третья пряжка – своеобразная, состоит из центрального полого стержня круглого сечения, с двумя отходящими в противоположные стороны плоскими стерженьками, оканчивающимися овальными шляпками. Она орнаментирована рельефными спиральными завитками.

Северо-западнее, около пряжек, лежал пластинчатый бронзовый пинцет с петельчатым основанием, уширенными концами. Размеры: длина – 11 см, толщина – 2 мм. Пинцет украшен елочными дорожками и крестиками.

Погребение 95 обнаружено юго-западнее рядом с предыдущей могилой. Размеры ямы: длина – 150 см, ширина – 60 см, глу-

бина – 130 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В средней части могильной ямы лежал пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее. Размеры пояса: длина сохранившейся части – 46 см, ширина – 4 см, толщина – 0,5 мм. Пряжка имеет вытянутую четырехугольную форму, величиной 1,5х4 см.

У северо-западного угла ямы находились бронзовые бусы шарообразной формы, сделанные из узеньких пластиночек со сходящимися посередине концами. Всего бус 28 штук. Размеры: диаметр поперечного сечения – 5–7 мм, диаметр отверстия – 2–3 мм.

Раскоп VII

Раскоп VII размером 4,80х8 метра был заложен юго-западнее рядом с четвертым раскопом, исследованным в 1957 году. Он ориентирован с юго-востока на северо-запад, состоит из квадратов «а» и «б». Верхний и нижний культурные слои такие же как в предыдущих раскопах. На глубине 70–120 см стали появляться человеческие погребения. Всего их в раскопе вскрыто семь.

Погребение 96 обнаружено в квадрате «а». Размеры ямы: длина – 130 см, ширина – 60 см, глубина – 90 см. Дно могил вымощено мелкой морской галькой, костяк не сохранился.

В погребальной яме не оказалось никаких вещей.

Погребение 97 вскрытое в квадрате «а», располагалось на расстоянии 80 см северо-западнее предыдущей могилы. Размеры: длина – 150 см, ширина – 70 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

У северо-западной стенки ямы лежал железный кинжальчик с плоским язычком, снабженным стерженьком для прикрепления рукояти. Клинок кинжала плавно суживается к концу, со срединным ребром. Размеры: длина – 19,3 см, ширина у основания 4 см, у конца – 2,5 см.

Погребение 98 обнаруженное в квадрате «а», располагалось северо-восточнее, около предыдущей могилы. Размеры ямы: длина – 140 см, ширина – 70 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В средней части могильной ямы находился один сероглиняный горшочек банкообразной формы, со слегка отогнутым венчиком, он орнаментирован косыми врезными черточками и ломанными врезными линиями. Размеры горшка: высота – 10,3 см, диаметр горловины – 9 см, диаметр корпуса в средней части 10 см, диаметр дна – 6 см.

Погребение 99 вскрытое в квадрате «а», располагалось восточнее предыдущей могилы на расстоянии 1 метр. Могильная яма имеет круглую колодцеобразную форму. Размеры: диаметр – 60 см, глубина – 80 см, от костяка сохранились почти перегнившие части черепа.

В могильной яме не оказалось ни одного предмета.

Погребение 100 вскрытое в квадрате «а», располагалось северо-восточнее около предыдущей могилы. Размеры ямы: длина – 150 см, ширина – 70 см, глубина – 60 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

По середине ямы находился бронзовый круглопроволочный предмет с вилчатыми концами. Размеры: длина – 24 см, диаметр круглого сечения – 4 мм.

На северном углу ямы стоял сероглиняный горшочек с отбитой верхней частью. Размеры сосуда: диаметр корпуса в средней части – 10 см, диаметр дна – 5,3 см, толщина стенки – 5 мм.

Около горшка лежала сероглиняная умбовидная крышка сосуда с кольцообразным выступом с внутренней стороны; вершина ее снабжена сосочковидным вертикальным выступом, с продольным сквозным отверстием для выхода пара из сосуда при приготовлении пищи.

Погребение 101 обнаруженное в квадрате «а», располагалось северо-западнее, около предыдущей могилы. Размеры ямы: длина – 140 см, ширина – 50 см, глубина – 120 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк полностью истлел.

У северо-западной стенки ямы находилась массивная бронзовая шейная гривна с закрученными в противоположные стороны пластинчатыми концами, орнаментирована елочными дорожками и косыми насечками. Размеры: внутренний диаметр – 10х11 см, диаметр круглого сечения – 1,4 см.

Вместе с гривной находились две бронзовые бусины биконической формы. Размеры: диаметр поперечного сечения в средней части – 5 мм, диаметр отверстия – 2 мм.

Южнее, рядом с гривной, располагался бронзовый наконечник копья с разрезной втулкой, снабженной сквозным отверстием для гвоздя. Размеры: длина – 17 см, ширина наконечника у основания – 3,3 см, у конца – 1 см, диаметр втулки – 1,3 см. Наконечник со срединным полукруглым ребром.

Погребение 102 обнаружено у юго-западной стенки квадрата «б». Размеры ямы: длина – 160 см, ширина – 80 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

В средней части ямы находился ленточновидный пластинчатый бронзовый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой, на длинной крючковидной шее. Размеры пояса: длина сохранившейся части – 104 см, ширина – 4 см, толщина – 0,5 мм. Пряжка имеет вытянутую четырехугольную форму величиной 1,8х4 см.

Около пояса находились фрагменты сероглиняного горшка – стенки и ручка с поперечными надрезами.

Погребения 103–105 обнаруженные в квадрате «б», располагались северо-восточнее предыдущей могилы. Размеры ям: длина – 140–150 см, ширина – 50–60 см, глубина – 80 см. Дно могил вымощено мелкой морской галькой. Костяк не сохранился.

В могильных ямах не оказалось никаких предметов.

Погребение 106 вскрытое в квадрате «б», располагалось северо-восточнее рядом с 105-й могилой. Размеры ямы: длина 130 см, ширина – 60 см, глубина – 90 см. Дно могилы вымощено мелкой морской галькой. Костяк в основном истлел.

Посередине могильной ямы лежал бронзовый ленточновидный пластинчатый пояс с пряжкой, украшенной звериной головкой на длинной крючковидной шее. Размеры пояса: длина сохранившейся части – 70 см, ширина – 4 см, толщина – 0,5 мм. Пряжка имеет вытянутую четырехугольную форму, величиной 1,5х4 см.

У северо-западной стенки ямы найдена бронзовая бусина биконической формы. Размеры: длина – 1,8 см, диаметр поперечного сечения в средней части – 1,5 см, у концов – 9 мм, диаметр отверстия – 4 мм.

Юго-западнее, около бусины, находился глиняный горшочек баночной формы, со слегка обугленным венчиком, раздавленный тяжестью песка. Поверхность сосуда гладкая, с черновато-серым цветом, орнаментирована каннелюрами. Черепок в изломе красный, обжиг средний. Размеры горшка: высота сохранившейся части – 10,5 см, диаметр горловины – 7,5 см, диаметр корпуса в средней части – 9 см, диаметр дна – 5,5 см.

Таковы в целом результаты раскопок Красномаяцкого древнего могильника в 1958 году.

Исследованная часть могильника составляет более 160 км. метров. На этой площади выявлены два одновременных культурных слоя. Верхний слой – толщиной 50–50 см, представляет суглинок, содержащий местами обломки плоских черепиц, черепки пифосов, горшков, кувшинов, фрагменты амфорной, чернолаковой и краснолаковой посуды. Этот материал охватывает период, начиная с III века до нашей эры, по I–III века нашей эры.

Нижний культурный слой представляет супесь. В нем во всех исследованных раскопах, вскрыто всего 42 погребения. Из них четыре (погр. 55–68, 80) урновые, остальные принадлежат к простым грунтовым могилам, имеющим в плане овальную или круглую колодцеобразную форму. Овальной формы могил насчитывается тридцать одна, колодцеобразной – семь (погр. 61, 74–75, 79, 85, 99).

Дно их, за исключением 55-й могилы, вымощено мелкой морской галькой.

Во всех погребениях Красномаяцкого древнего могильника почти или полностью перегнили костяки.

В могильных ямах овальной формы, по следам расположения перегнивших человеческих костей, удалось установить два типа захоронения: скорченное положение на боку и вытянутое на спине. Все покойники были ориентированы головой на северо-запад.

В могильных ямах колодцеобразной круглой формы совершалось вторичное захоронение покойников. Основанием для такого суждения является то, что в этих погребальных ямах встречались только отдельные части человеческого костяка.

Вторичное захоронение покойников совершалось также в урновых погребениях, в которых, как в колодцеобразных могильных ямах, встречались только определенные части человеческого костяка.

В раскопе VII обнаружено парное захоронение – мужское и женское. Этот факт говорит о том, что обычай первобытной патриархальной родовой общины умерщвлять жену в случае смерти мужа и хоронить вместе с ним, продолжал существовать длительный период времени.

Добытый раскопками погребальный инвентарь в Краснояком древнем могильнике в 1958 году является значительным. Он принадлежит к местной колхидской культуре. Этот материал состоит из глиняной посуды, бронзового и железного оружия, предметов украшений – бронзовые, серебряные, пастовые, сердоликовые, янтарные.

Глиняная посуда в могильнике представлена кувшинами и горшками, с различными видами орнаментации, состоящими из врезных волнообразных и ломанных линий, рельефных наlepных пуговок, каннелюр и т.д.

В состав оружий входят кинжалы, топоры колхидского типа, наконечники копий, ножи. Из предметов оружий обращает на себя внимание оригинальный литой бронзовый кинжальчик, украшенный изящно выполненной головкой собаки с раскрытой пастью. На нем имеются также гравированные изображения фантастического животного в виде собаки и рыбы с поплавами. Такие виды орнаментации нередко встречаются на различных памятниках колхидско-кобанской бронзы.

Рассматриваемое изделие, судя по его размеру и орнаментальным мотивам, имело, несомненно, ритуальное назначение.

Следует отметить, что в ряде погребений бронзовые топоры колхидского типа и наконечники копий из того же металла встречены с железным оружием, в частности с кинжалами, наконечниками копий и ножами. Это обстоятельство указывает на то, что бронзовые топоры колхидского типа и бронзовые наконечники копий бытовали еще в эпоху развитого железа.

К группе украшений относятся круглопроволочные и пластинчатые браслеты, фибулы, массивные шейные гривны, бусы, серьги, пластинчатые пояса, пряжки различных форм, часть пряжек украшена звериными головками, другая орнаментирована железной или пастовой инкрустацией, состоящей из извивающихся змей и птиц. На предметах бронзовых украшений встреча-

ются гравированные орнаменты: точки, ломанные линии, косые черточки, спиральные завитки и т.д. Эти виды орнаментации широко встречаются на многочисленных памятниках колхидско-кобанской бронзы.

Представляют интерес куски тканевой материи, обнаруженные в целом ряде погребений, говорящие о том, что в хозяйственной деятельности древнего населения современного поселка Красный Маяк значительное место занимало ткацкое ремесло.

Выявленный инвентарь могильника в целом, судя по стратиграфическим данным и погребальным комплексам, можно отнести предварительно к VIII–VI вв. до н.э.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Афон иаарцшыз археологиатә цхымтақәа рзы	6
2. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва	12
3. Бирцхский могильник.....	32
4. Грунтовые погребения с инвентарем колхидского типа в сел. Куланурхва	34
5. Новая археологическая находка в Абхазии	69
6. Краткий отчет о результатах археологических исследований в Сухуми в 1952 году.....	74
7. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951–1953 гг.	86
8. Итоги раскопок в сел. Куланурхва в 1951 году.....	106
9. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми	116
10. Первобытно-общинный строй.....	136
11. Предварительные итоги археологических раскопок в Сухуми в 1959 году.....	176
12. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг.	179
13. Раскопки памятников апсило-абазгской культуры в Цебельде в 1960 г.	199
14. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг.	202
15. Раскопки древнего Севастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.	218
16. Мраморный барельеф из Сухуми	234
17. Раскопки некрополя «Ахьацарахва» в сел. Цебельда Абхазской АССР	237

18. Раскопки в районе гор. Майкопа в 1964 г. в связи с находкой майкопской плиты.....	239
19. Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы советской власти.....	241
20. Ааҭсарак аҭәхьаа зкзам аилкааф.....	264
21. Археологические раскопки в селе Куланурхва Гудаутского района	269
22. Новые находки археологов	271
23. Идеологическое воспитание научных кадров	274
24. Повышать уровень идейного воспитания научных кадров	277
25. Наш вклад в науку	280
26. Ценные археологические находки	282
27. Археологические находки в селе Куланурхва	285
28. В глубь веков. Археологические раскопки в районе Нового Афона	288
29. Исследования абхазских археологов	293
30. В тесной связи с научной работой	294
31. Древний замок	296
32. Тайны древней земли.....	298
33. Первая обобщающая работа по истории древней Абхазии.....	303
34. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Куланурхвинский древний могильник	310
Отчёты	
35. Краткий предварительный отчет об археологическом исследовании в сел. Куланурхва Гудаутского района Абхазской АССР	324
36. Отчет о раскопках в районе поселка Красный Маяк в Сухуми в 1958 году.....	332

М. М. ТРАПШ

Т Р У Д Ы

•

В ПЯТИ ТОМАХ

Том V

Корректор **М.Д. Габуня**
Компьютерный набор **К.Е. Бутба**
Компьютерная верстка **Н.Г. Гунба**
Технический редактор **Н.Г. Гунба**

Формат 60х90 1/16. Тираж 300. Физ. печ. л. 22,5.
Заказ № 43.

Отпечатано в
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.